

П. М. МУРАДЯН

АРМЯНСКАЯ ЭПИГРАФИКА
ГРУЗИИ

ЖАРТАН
^И
КАХЕТИ

308

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Պ.Մ. ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ

ՎՐԱՍՏԱՆԻ ՀԱՅԵՐԵՆ
ԱՐՁԱՆԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

ՔԱՐԹԼԻ
ԿԱԽԵԹ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1985

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

П.М. МУРАДЯН

АРМЯНСКАЯ ЭПИГРАФИКА
ГРУЗИИ

КАРТЛИ
и
КАХЕТИ

10735

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1985

Печатается по решению ученого совета
Института востоковедения АН Армянской ССР

Ответственный редактор К. Н. ЮЗБАШЯН

Книгу рекомендовали к печати рецензенты: кандидаты исторических наук
А. Г. МАРГАРЯН, В. М. МАРТИРОСЯН

Мурадян П. М.

М910 Армянская эпиграфика Грузии (Картли и Кахети) /
Отв. ред.: К. Н. Юзбашян.—Ер.: Изд-во АН АрмССР,
1984.—227 с., ил. 26 л.

В книге расшифрованы и исследованы сохранившиеся на территории Восточной Грузии памятники армянской эпиграфики. Хронологически они охватывают VII—XIX вв. и содержат многочисленные важнейшие сведения о политической, экономической истории и культуре Грузии и Армении. В работе характеризуются и датируются десятки культовых памятников, освещены вопросы истоков армяно-грузинских историко-культурных общностей.

Книга является четвертым выпуском серии «Armeno-Georgica» и предназначается широкому кругу кавказоведов и востоковедов.

0503000000
М 703(02)—84 23—84

ББК 63·2
902·9

© Издательство АН Армянской ССР, 1984.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общее развитие кавказоведения, в частности его достижения в области исторической науки, ставит перед эпиграфикой ряд новых и усложненных задач: это, прежде всего, уяснение смысла надписей, их анализ с источниковедческой точки зрения, датировка текстов не только по данным палеографии, но и идентификацией упоминаемых в них лиц (определяя степень достоверности получаемой информации), сопоставление их сообщений с данными иных источников и сведений. Немаловажным представляется и выяснение взаимосвязанности той или иной надписи (или записи-граффити) и предмета, памятника, на котором она высечена, нанесена, сделана. И поскольку в эпиграфических памятниках фиксируются реалии из самых разных отраслей исторической действительности (политическая, социальная и экономическая, культурная и этническая история, административное деление, строительство и обновление памятников архитектуры, реалии частного характера и т. д.), то исследователь вынужден учитывать достижения, источники и методики почти всех исторических дисциплин, комментируя или оценивая каждое конкретное сообщение, определяя его значимость в системе имеющихся в данном разделе науки свидетельств и сведений. Одним прочтением текста надписи и ее датировкой может довольствоваться составитель свода-корпуса, от автора же монографического исследования требуется выяснение если не всех, то хотя бы основных вопросов, о которых говорилось выше.

В отечественном кавказоведении многое еще предстоит сделать по созданию сводов-корпусов разноязычных эпиграфических памятников, а это значит, что прежде чем приступить к монографическому исследованию интересующих проблем автор должен заняться прочтением-дешифровкой самого эпиграфического материала, составлением свода в том объеме, какой продиктован задачами его работы.

Разумеется, специалистами предыдущих поколений сделано немало, особенно если речь идет о выявлении и издании надписей отдельных регионов, административных единиц, городов, культовых памятников и архитектурных комплексов, но не следует забывать, что зачастую это делалось как предварительная работа, фиксация факта, рассмотрение частного вопроса и, наконец, точность и документированность предлагаемого чтения находились в прямой зависимости от уровня проработанности ряда исторических дисциплин, особенно вспомогательных, того периода. Эти немаловажные обстоятельства настоятельно требуют критического подхода к имеющимся изданиям, проверки каждой надписи на месте, учета особенностей письма и материала, места и назначения текста, степени осведомленности состави-

теля и резчика, уровень их профессиональности, манеры исполнения и т. д. Эти моменты если прежде и не считались «мелочами», то, во всяком случае, не всегда учитывались, а они весьма существенны как для точности воспроизведения текста любой надписи, так и для ее интерпретации¹.

Первые сведения о существовании армянских надписей на территории Грузии проникли в литературу лет двести тому назад: путешествовавший по Грузии доктор медицины, натуралист Иоанн-Антон Гюльденштедт (1745—1781) в ноябре 1771 г. прибыл в Тбилиси, где он оставался три месяца. Знакомясь с достопримечательностями города, путешественник интересовался и теми надписями, которые он находил на стенах посещаемых им культовых сооружений. То ли самостоятельно, то ли с помощью сопровождающих лиц Гюльденштедт скопировал некоторые из них и включил в свои дневниковые записи [68, I, II]. Из числа армянских памятников Тбилиси его внимание привлекли надписи церкви св. Георгия Мугни и Ванкского собора. Читал он, разумеется, не все и не всегда точно, но проявил к ним интерес как к источникам информации. Побывав в Кахети, Гюльденштедт посетил разоренную и разрушенную персами в начале XVII в. столицу царства Греми и констатировал, что на стенах здешних церквей имеются грузинские и армянские надписи. Он, в частности, переписал одну армянскую надпись на надмогильном крестном камне—хачкаре.

Более глубокий интерес к армянским надписям Грузии проявил Нерсэс Аштаракец—крупный политический и духовный деятель первой половины XIX в. В 1814 г. он стал епархиальным начальником армян Грузии и буквально с первых же дней приступил к сбору сведений о памятниках материальной культуры. Дополнительным толчком к этой работе послужило обращение французского армениста Ж. Сена-Мартена через французского консула в Тбилиси о необходимости составления сводов надписей. Отметим, что программа и методика сбора и составления свода надписей в армянской действительности были разработаны еще в конце XVII в. историком Закарией Канакерци [7, с. 245—246].

Нерсэс Аштаракец распорядился скопировать надписи нескольких церквей, находящихся в его епархии. Одновременно настоятелям армянских церквей Тбилиси было предложено собрать сведения по каждому памятнику в отдельности. Осуществить эту программу в полном объеме в те годы было почти невозможно: исполнители плохо разбирались в палеографии, не имели достаточных знаний по истории и филологии, даже знание древнеармянского было неудовлетворительным; зачастую они не столько воспроизводили надписи, сколько фиксировали их общее содержание. Но и в таком виде дошедшие до нас страницы их копий и записей (Agmd. 156; Ак., п. 29, д. 125) представляют определенный научный интерес, особенно в тех случаях, когда оригиналы надписей не сохранились.

¹ История исследований и публикаций армянских эпиграфических памятников представлена в следующих изданиях: [153; 213; 229]. Библиографию изданий до начала XX в. см. [54, с. XXVII—XXXI].

Опираясь на практику Закарии Канакерци, Нерсэс Аштаракец заново разработал методiku работы и дал соответствующие инструкции. Как бы примитивны они ни были с точки зрения современных требований к работам по эпиграфике, их применение привело к весьма положительным результатам: сделанные в те годы записи и описания дали возможность составить более или менее адекватное представление о содержании исчезнувших впоследствии надписей и граффити. Идея Н. Аштаракеци была поддержана и с успехом осуществлена его младшим современником и учеником-сослуживцем Саргисом Джалалянцем. Обладая достаточной по тому времени компетенцией, этот ученый-монах, движимый патриотизмом, совершил долгое путешествие по исторической Армении и в 50-е гг. XIX в. издал двухтомное описание армянских древностей [266]. Памятниками Внутренней Картли и Кахети он не занимался, но к надписям Нижней Картли (Гугарка-Сомхити) и самой столицы Грузии Тбилиси он проявил надлежащий интерес и переписал то, что ему показалось заслуживающим внимания. Конечно, точности и адекватности и тут нет (нередко он перелагал текст надписи либо вносил изменения, исходя из собственных представлений о нормах древнеармянского языка), но надписями он занимался специально, вполне сознавая их важность для историка-краеведа.

В отличие от С. Джалалянца и других путешественников, побывавший в Армении и Грузии в 50-е гг. того же века М. Броссе старался не только по возможности точно читать и копировать армянские и грузинские надписи, но и интерпретировать их в своих разысканиях по армяно-грузинской филологии, особенно же в своих комментариях к переводам древнеармянских и древнегрузинских первоисточников. Это был интерес представителя академической науки, одинаково разбиравшегося в нарративных и эпиграфических источниках на разных восточных языках. Армянские надписи Грузии занимали его наравне с грузинскими [386], и ныне благодаря его записям специалист может составить представление о недошедших до нас эпиграфических памятниках. Некоторая часть армянских и армяно-грузинских строительных надписей, включенных в настоящую монографию, извлечена из путевых записей М. Броссе.

Нельзя сказать, что публикации М. Броссе с текстологической точки зрения безупречны, однако не будь его дешифровок и переводов мы не знали бы содержания нескольких надписей из Тбилиси (Ванкский собор, Саакашен и т. д.).

В те же 50—60-е гг. прошлого века древностями Кахети (Телави и Греми) заинтересовался поручик русской армии Ростомбек Ерзынкянц [220]. Достоверно известно, к примеру, что в 1861 г. он специально отправился в Греми для изучения сохранившихся там армянских надписей, однако о результатах этой поездки мы судить не можем, ибо в периодике того времени и архивах найти его записи не удалось. В 1897 г. Ал. Ерицян издал некоторые надписи церкви Мугни [222а].

В исследовании и издании памятников армянской эпиграфики в Грузии весьма значительны заслуги Л. М. Меликсет-Бека. Он фактически приступил к составлению «Корпуса армянской эпиграфики Гру-

зии», опубликовав статью «Усыпальница кн. Бегтабеговых» [154], в которой представлены армянские и грузинские надписи с Вака. Спустя четыре года в работе «Пещерный город Квахрели» [150] ему удалось прочитать и опубликовать небольшие фрагменты из двух надписей на «хачкарах» пещерной церкви. В 1920 г. в составленную им «Древнеармянскую хрестоматию» были включены армянские надписи VII в. Атенского Сиона (они им же были переизданы в 1945 г. под заглавием «Армянские надписи VII века в Грузии (Атенский Сион)») [247], в следующем же 1921 г. он взялся за составление свода армянских надписей «Гаресджийского многогорья» (первая публикация собранных материалов была осуществлена в 1940 г. [339], а к оценке выявленной им тогда же уникальной тетралингвы от 1352 г. он возвращался неоднократно, воспроизводя ее текст в разных публикациях на армянском, грузинском и русском языках). Армянские надписи из сел Телети и Цавкиси прочитаны и вместе с грузинским их переводом изданы в статье Меликсет-Бека «Армянские древности в ближайших окрестностях Тбилиси. Шавнабад—Телети—Цавкиси» [346], в монографии же, посвященной изучению биографии Саят-Новы, приведены строительная надпись церкви Архангелов в Тбилиси и эпитафия внука поэта у Джиграшенской церкви [344]. В статье о романе Г. Агаяна «Аругюн и Манвел» Л. М. Меликсет-Бек издал две надписи из Самшвилде [244]. Публикации армянских надписей Грузии посвящены еще две работы ученого, обе изданные в 1954 г., — «Армянские надписи Дманиси» и «Некоторые памятники армянской эпиграфики на территории Турции (по материалам археологической экспедиции Е. С. Такайшвили 1907 г.)»² [342; 148].

В предисловии к первому тому «Грузинских источников об Армении и армянах» [246] автор отмечает, что в четвертом томе серии будет помещена «Летопись на камнях», т. е. указанный выше «Корпус...». В третьем томе той же серии [246, с. 271, 310] отмечается, что эта работа готова к печати и автор намерен сдать ее в производство «в ближайшем будущем». И действительно, в 1957 г. рукописный экземпляр работы был представлен в АН АрмССР для издания (ныне рукопись находится в архиве С. Г. Бархударяна в Институте археологии и этнографии АН АрмССР). Однако осуществить это издание не удалось по той причине, что подготовленный Л. М. Меликсет-Беком корпус лишен всякой документации (фотокопий или прорисей), а составлен он по принципу «Летописи на камнях» К. Костанянца, основательная критика которой дана ее редактором—акад. Н. Я. Марром [141]. Л. М. Меликсет-Бек к своим собственным публикациям текстов надписей (о которых шла речь выше) приложил издания С. Джалалянца, М. Броссе и других, расположил материал в хронологическом порядке и представил к печати; установление степени достоверности и точности, имеющих издания на основе сравнения с оригиналами,

² Мы назвали все работы Л. М. Меликсет-Бека по армянской эпиграфике Грузии, хотя к материалам нашей данной монографии непосредственное отношение имеет лишь одна часть, т. е. те публикации, в которых представлены надписи Шиды Картли и Кахети. Но мы сочли это нужным, чтобы представить работу ученого над составлением «Корпуса армянской эпиграфики Грузии».

какие-либо комментарии историко-филологического порядка или палеографическая характеристика не входили в его задачу. Следует также сказать, что вне поля зрения составителя осталось внушительное количество армянских надписей Грузии из разных районов (в том числе и Картли и Кахети), проверка же изданных им текстов по оригиналу выяснила, что в его дешифровке и чтении немало неточностей, пропусков, искажений и т. д.³ Словом, этот корпус составлен на уровне предварительного сбора материала по существующей литературе без учета тех требований, которые предъявляет к эпиграфике кавказоведение начиная с конца прошлого века [138].

Все это, однако, не значит, что труд одного из лучших представителей армяно-грузинской филологии мы считаем лишенным научного интереса и определенного достоинства. Следует учитывать, что в связи с реконструкцией отдельных кварталов г. Тбилиси некоторые памятники архитектуры были разобраны, Л. М. Меликсет-Бек же застал их в сохранности и скопировал-переписал из надписей то, что ему показалось интересным и нужным (церковь и кладбище Ходживанка, Ванкский собор). Знаменитая тетралингва из «Гаресджийского многогорья», оригинал которой нам не удалось разыскать на месте, стала достоянием науки и, если она действительно погибла; ее содержание спасено благодаря публикациям Л. М. Меликсет-Бека. То же самое нужно сказать о надписи одного хачкара и одной эпитафии из с. Вака. Эти немаловажные заслуги ученого должны быть учтены и оценены не только специалистами эпиграфики, но и кавказоведами-медиевистами вообще⁴.

В описание армянских древностей Грузии, изучение и издание отдельных надписей или групп таковых свою лепту внесли и грузинские ученые. В 1837 г. Игн. Иоселиани составил «Описание находящихся в Тифлисе церковей армянского вероисповедания, числом 22» [343]. При многочисленных фактических ошибках эта работа не утратила полностью своей ценности, ибо в ней зафиксированы устные сообщения старожиллов города, легенды и предания. Здесь собраны сведения, которые восходят к надписям, но получены они, по всей вероятности, из вторых и третьих рук. Однако сам факт составления «Описания» является свидетельством возросшего интереса местного грузинского общества к истории города и его окрестностей, к памятникам старины. Кстати, впоследствии историей Тбилиси и остальных городов Грузии занимался сын автора «Описания»—Пл. Иоселиани

³ Нередки случаи, когда им в качестве одной текстологической единицы представлены отрывки из разных надписей, порой же—одна цельная разделена на части-единицы. Для иллюстрации можно привести такой пример: из всех надписей Квахурели им прочитаны и приведены лишь традиционные формулировки из трех («Сей св. крест является ходатаем», «В сей могиле поконится прах», «Да помилует бог»), а затем они каким-то образом сведены. Фактически, надписи Квахурели остались недошифрованными и неизданными.

⁴ Познакомившись с рукописью «Летописи на камнях» Л. М. Меликсет-Бека, мы сочли возможным опубликовать предисловие автора, озаглавленное «Армяне в Грузии» [242, с. 167—179]. Из рукописного корпуса мы заимствовали пять надписей-эпитафий, и все они специально оговорены.

[129]. В частности, им были прочитаны и изданы надписи на грузинском языке в Ахалкалаки (Мепис-калаки), повествующие об основании этого города «для армян» и армянской церкви в нем.

В 1912 г. И. А. Джавахишвили опубликовал работу «К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене, по вновь обследованному эпиграфическому памятнику» [124], в которой воспроизведена и армянская строительная надпись Тодосака. Правда, некоторые лакуны в тексте остались непреодоленными, но публикация И. А. Джавахишвили выгодно отличается от предыдущих, передававших текст в основном в переводе (Дюбуа де Монперье, А. Муравьев, М. Броссе, П. В. Уварова). Следует также отметить, что П. А. Джавахишвили внес существенное уточнение в датировку как всего памятника, так и соответственно надписи Тодосака (он ее отнес к периоду ранее середины IX в.).

Во время своих археологических и археографических экспедиций Е. С. Такайшвили не оставлял вне поля зрения армянские надписи. Так, в 1907 г. он собрал материал по армянской эпиграфике из Панаскерта, Чангли и Ишхана, на основании которых Л. М. Меликсет-Бек опубликовал статью «Некоторые памятники армянской эпиграфики на территории Турции» [148]. Во время экспедиции 1917 г. ученый воспроизвел в прориси фрагментарную армянскую надпись на росписи алтарного свода храма в Ишхане [317, с. 24].

А. Г. Шанидзе и В. С. Путуридзе опубликовали трингву из Греми, снабдив армянский и персидский тексты грузинским переводом, а самую трингву комментариями историко-филологического характера [370, с. 1—11]. Все три редакции надписи содержат важные сведения как о строительстве и строителе, так и по вопросам экономической истории Кахетинского царства в конце XVI в. Изданный армянский текст нуждается в незначительных уточнениях (коррективы в грузинский текст внес Т. В. Барнавели).

Говоря о наличии армянского эпиграфического материала в исследованиях грузинских специалистов, следует воздать должное Л. В. Мухелишвили, в трудах которого [356; 357; 358] дешифрованы, переведены, а порой и прокомментированы армянские надписи на некоторых памятниках Южной Грузии. В 40-е гг., когда ими занимался Л. В. Мухелишвили, состояние сохранности отдельных надписей или их фрагментов было определено лучше, чем четыре десятилетия спустя, поэтому публикацию грузинского ученого непременно следует учитывать. Работу Л. В. Мухелишвили по выявлению и изданию памятников армянской эпиграфики из Южной Картли с успехом продолжал Д. Л. Мухелишвили. В процессе полевых работ историко-географической экспедиции в 1956—1958 гг. он собрал и издал свыше 20 армянских текстов из ущелий Поладаури, Шулавери и Бануш-чаи [354, с. 23—24, 46—61]. Это издание следует квалифицировать как предварительное, нуждающееся в коррективах и уточнениях, но выполненное оно с полным сознанием источниковедческого значения эпиграфического материала при обсуждении вопросов исторической географии и этнической истории края.

В последние годы, в связи с реставрационными работами, предметом монографического исследования стали армянские надписи

Атенского Сиона. Вопросам дат и интерпретации надписи Тодосака и помещенных на скульптурных изображениях в разных частях храма надписей и графем была посвящена пространная статья Г. Абрамишвили «Два строительных периода Атенского Сиона» [107]. Свод армянской эпиграфики Сиона (с интерпретацией их сведений и обсуждением ряда других вопросов историко-культурного характера) был составлен З. Н. Алексидзе [288]. Им опубликовано несколько новых записей-граффити X—XVIII вв., не замеченных предыдущими исследователями памятника. Это преимущественно записи пилигримов. Чтения З. Н. Алексидзе в отдельных случаях нуждаются в уточнениях.

Таким образом, армянской эпиграфикой Грузии занимались представители разных поколений, и за два столетия было осуществлено издание почти половины того материала, который можно включать в монографию под названием «Армянская эпиграфика Грузии». Но уже сам факт неизученности и неизданности другой половины свидетельствует о злободневности и настоятельной необходимости составления полного свода и его исследования исходя из нынешних задач арменистики и грузиноведения. Это продиктовано, прежде всего, желанием и обязанностью нашего поколения кавказоведов спасти тот эпиграфический материал, который в той или иной степени сохранности дошел до наших дней. С другой стороны, осуществленные издания лишь в очень малой степени соответствуют современным требованиям.

Составляя почти полный свод армянской эпиграфики Картли и Кахети⁵, сопоставляя сведения эпиграфических текстов с сообщениями армянских, грузинских, греческих, персидских, турецких, латинских и других нарративных источников, колофонов рукописей, средневековых документов, путевых записей и разнородных архивных материалов, мы сосредоточили свое внимание на решении следующих проблем:

1. Выяснение политических, экономических, этнокультурных обстоятельств переселения армян в Грузию, в частности в Картли и Кахети, внутримиграционные процессы, хронологии возникновения или образования армянских поселений в крае.

2. Степень и формы участия переселенцев-армян в жизни принявшей их страны. Их занятия, этнокультурная и конфессиональная самобытность, общение переселенцев с коренным грузинским населением. Формы землепользования.

3. Реакция армян на политические и торговые сношения грузинских царств и княжеств со странами Запада и Востока. Степень их участия и истоки заинтересованности.

4. Очаги древнеармянской книжности в поселениях Картли и Кахети. Культурная связь пришельцев с коренной Арменией. Культурные сооружения, культурные взаимоотношения грузин и армян.

5. Лингвистическая ситуация в поселениях и ее отражение в надписях (фиксация живой разговорной речи в эпиграфических памятниках, влияние грузинского языка. Двухязычие-трехязычие переселенцев-армян. Влияние новых потоков).

Местонахождение армянских культовых памятников и надписей, как правило, свидетельствует о существовании там общин переселен-

⁵ Памятники армянской эпиграфики г. Тбилиси будут опубликованы отдельно.

цев. Но следует оговориться, что количество этих памятников гораздо меньше, чем реально существовавших поселений армян. Армянский этнический элемент присутствовал в Рухи, Чхари, Чихори, Кутаиси, Тамарашени, Базари, в селах Сагоре, Гористави, Акура, Табахмела, Магаро, Нукриани, Насомхари, Паниани, Пховели, Бодбисхеви, Мачхаани, Тобаани, Мирзаани и т. д., но мы не располагаем памятниками армянской эпиграфики из этих мест.

Существуют факты и иного порядка: армянские надписи на стенах Атенского Сиона и пещер Гареджа являются свидетельством участия мастеров-армян в строительстве либо посещаемости этих памятников грузинской культовой архитектуры армянами-паллигримами, но никак не доказательством того, что в этих местах основаны были армянские поселения. В самих надписях иногда содержатся сведения о том, откуда прибывали авторы граффити. Чтобы внести ясность в вопросы подобного характера, мы сочли нужным исследовать и историю тех поселений, памятников или предметов, где или на которых сохранились изучаемые надписи. Именно указанное обстоятельство привело нас к тем грузинским надписям, которые содержат данные по этим вопросам, но составление свода или всесторонняя интерпретация грузинской эпиграфики не входили в нашу задачу. Мы не считали нужным специально исследовать грузиноязычные надписи, составленные проживающими в Грузии армянами; в основном мы ограничивались их упоминанием или цитированием нужных отрывков.

В тех случаях, когда письмо подлинника определяется как еркатагир (унциальное письмо), дешифровка выполнена заглавным шрифтом, в случаях с болоргиром—строчным. Если оригинал не сохранился, а в литературе нет сведений о виде письма, то такие тексты включены в ряд оригиналов со строчным письмом. Различия предыдущих изданий приводятся лишь в тех случаях, когда оригинал не сохранился и восстанавливать текст приходится на основании существующих публикаций или копий. Ошибки, искажения, недосмотры, лакуны и т. д. в прежних изданиях указываются в тех текстах, в окончательном и достоверном восстановлении которых у нас еще имеются сомнения, или если на основании этих чтений в свое время были сделаны какие-либо существенные выводы.

Все цельные и относительно пространные надписи воспроизведены с сохранением разбивки на строки, в остальных случаях границы строк отмечены знаком —|. Лакуны в текстах, отбитые слова и графемы, не поддающиеся прочтению отрывки отмечены отточием — ..., наши полные восстановления—квадратными скобками [], частичные—|], восстановления же предыдущих изданий—если они нами признаны правильными—угловыми скобками—< >. Наличие лишних графем отмечено скобками—| |.

В ссылках на рукописные и архивные материалы применены следующие обозначения:

1. Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР:

А—собрание Церковного музея.

Агт.—собрание армянских рукописей.

Н—собрание Этнографического общества.

S—собрание Общества распространения грамотности среди грузинского населения.

Q—новое собрание.

Ad; Armd.; Hd; Sd; Qd—фонды документов соответствующих собраний.

2. Матенадаран—Институт древних рукописей им. Маштоца при Совете Министров АрмССР:

M—собрание армянских рукописей.

Ак—Архив католиков (п.—папка, д.—документ).

*
* *

Автор считает своим приятным долгом горячо поблагодарить дирекцию Института востоковедения АН АрмССР и руководство Управления по охране и использованию памятников истории и культуры при Совете Министров АрмССР (нач. управления Г. О. Асратян), которые дали возможность дважды организовать эпиграфические экспедиции в Картли и Кахети для работы на месте. Мы искренне признательны Главному научно-производственному управлению по охране и использованию памятников истории, культуры и природы при Совете Министров ГССР (нач. управления проф. И. Н. Цицивили) за разрешение заниматься исследованием надписей на памятниках, снимать с них фотокопии и кальки. Мы благодарим также руководство и сотрудников тех музеев в Грузии, фондами которых нам приходилось пользоваться.

Во время экспедиционных поездок, поисков памятников армянской эпиграфики своим усердием и пониманием особенностей эпиграфических работ большую помощь оказали члены экспедиции С. Г. Дарчинян и Х. Е. Аршакуни, которым принадлежат все представленные в таблицах фотокопии надписей. К сожалению, с точки зрения четкости графем не все фотокопии оказались достаточно удачными. Это обстоятельство вынудило нас воздержаться от публикаций фотокопий отдельных, сравнительно поздних и не представляющих особый историко-этнографический интерес, надписей. Это прежде всего относится к записям паллигримов-армян.

МЦХЕТА

Как и в других крупных культовых, административных и устойчивых торгово-ремесленных центрах Закавказья и Передней Азии, население столицы древней Грузии Мцхета не отличалось этнической однородностью. Возобновлением археологических работ и созданием постоянно действующей экспедиции (с 1975 г.)¹, нужно надеяться, будет выявлен материал и по этнической истории города; по нарративным же источникам давно известно, что, помимо основной массы жителей—грузин, в рамках «Великой Мцхета» (вместе с «пригородами» Саркине, Цихедида, Занави и Уриат убани) присутствовали и инородные общины: греческая, иудейская, персидская и т. д.² По имеющимся археологическим, нарративным и эпиграфическим источникам нельзя быть уверенным, что в Мцхета существовала и армянская община. Лишь априори можно полагать, что династийные связи между правящими Арменией и Грузией домами, географическая близость и функционирование международного караванного пути Арташат—Мцхета, а также интенсивность местной торговли могли привести к образованию таковой в античную эпоху. Вероятность существования здесь армянской общины значительно увеличивается в период после принятия христианства странами Закавказья в первые декады IV в. В «Обращении Картли» рассказывается о прибытии Нино (по армянским источникам Нунэ) в столицу Грузии. Из Валаршапата она добирается до озера Паравна³ и встречает выходцев из Мцхета и ее окрестностей—Даба, Сапурцле, Кинджари и Рабат Мцхетский⁴. К сожалению, в основной редакции памятника (ред. А) эпизод беседы Нино с пастухом не сохранился, во второй же редакции из соответствующего пассажа неясно, на каком языке происходила беседа. Леонтий Мровели, имевший под рукой этот памятник и заимствовавший оттуда целые отрыв-

¹ О результатах археологических раскопок см. [359, I—V; ср. 111; 155, с. 47—71; 157; 374].

² Из грузинских источников в этом отношении особенно ценны «Обращение Картли» [103, с. 81—163] и «Мученичество Евстатия Мцхетского» [103, I, с. 30—45]. Об этническом составе погребенных в Мцхета см. [128].

³ Этот отрезок дороги, видимо, сводится к линии [Валаршапат]—Аштарак—Пока (Pogas) Таблиц Певтингера [134, с. 153—159].

⁴ [103, I, с. 116]. Разночтения топонимов у Леонтия Мровели и в древнеармянской редакции «Картлис цховреба» интересны, но не существенны для нашей задачи, поэтому мы не считаем нужным приводить их. Л. Меликсет-Бек идентифицирует «Рабат» с Армазихе [145, с. 58]. О локализации остальных топонимов см. [151, с. 200—203].

ки, счел нужным уточнить, что «Св. Нино немного знала армянский язык, поскольку сначала училась у ннафоры [Двицкой], и, найдя среди пастухов говорящего по-армянски, спросила у него...» [93, I, с. 85]. Не думается, чтобы историк располагал каким-то недошедшим до нас источником. Скорее всего из общего контекста «Жития Нино» (включенного в состав памятника «Обращение Картли») он сделал логичное заключение, что обращаться с представителями незнакомого народа она могла именно на данном языке⁵. Как бы то ни было, историк XI в. не видит ничего странного в том, что житель Мцхета или окрестных деревень мог «немного» владеть армянским⁶. Значительное количество древнейших грузинских переводов с армянского (и прежде всего—значительной части библейских книг), осуществленных прежде всего в Мцхета, рассказ Корюна о создании грузинского алфавита и переводческая деятельность Джалы, существование грузино-армянской двуязычной епархии в соседнем Гугарке и, наконец, проповедническая деятельность представителей армянской церкви «в северных странах»—явно указывают на то, что в грузинской среде, хотя бы «немного», знали армянский. Тот же грузинский памятник «Обращение Картли» сохранил некоторые сведения и о присутствии армян в духовном и административном центре Грузии.

Так, после Бакура царем становится его брат Тиридат, а архиепископом—«дьякон католикоса армян Нерсеса Иов» [103, I, с. 917], которого Леонтий Мровели (и вслед за ним Вахушти) именуют «Иовом армянином» [93, I, с. 132; IV, с. 95]⁸. По плохо проверяемой хронологии последовательности глав грузинской церкви IV в. архипастырство Иова падает на 375—390 гг. Такая датировка вполне согласуется с годами патриаршества Нерсеса Парфянина (353—373) [280, с. 174—176]. К сожалению, мы ничего не можем сказать об обстоятельствах, обусловивших появление Иова на этой должности, и тем более о том, владел ли он грузинским или окружающее его духовенство знало армянский язык, хотя, должно быть, богослужение все еще велось на греческом либо сирийском языках. Второй примечательный факт констатируется тем же источником: к заболевшей в Кхоети Нино спешат цари и царицы страны⁹ и вместе с царицей Саломэ Уджармийской к ней обращается и Перожавр Сюнийская [103, I, с. 105—106; ср. 368, 7—16]. Если даже предположить, что она туда прибыла из Сюника, что маловероятно, то опять-таки ее присутствие говорит в пользу тесных контактов представителей армянской знати с грузинским царским двором в Мцхета. Собственно, так было не только в IV в., но и в по-

⁵ Видимо, еврейский язык он исключил здесь и потому, что иудейская община не занималась скотоводством или рыболовством.

⁶ Отрывок никак нельзя считать поздней интерполяцией, ибо он представлен и в древнеармянском переводе «Картлис Цховреба» [94, с. 81; ср. 242, с. 167—168].

⁷ В редакции В архиепископом Грузии назван сам Нерсес, что, несомненно, говорит об искаженности текста.

⁸ Мровели называет царя периода архипастырства Иова Миридатом, являющимся предшественником Вараз-Бакара.

⁹ Упоминание множества царей и цариц вызвано желанием агиографа популяризовать просветительницу.

следующие десятилетия. Корюн, как известно, вкратце рассказывает о двукратном пребывании Маштоца в Грузии при грузинских царях Бакуре (второе десятилетие V в.) и Арчиле (третье десятилетие того же века), и как бы критически не оценивалась цель миссии, само пребывание Маштоца и его сподвижников в Мцхета не может быть поставлено под сомнение, ибо при этом называются реальные исторические лица (в том числе и духовный глава Грузии Моисей), с которыми он общался.

Из всего вышесказанного вытекает, что если не целая община, то отдельные армяне жили в Мцхета, и местные святые столь часто посещались выходцами из Армении, что этот факт упоминался неоднократно в полемике начала VII в. [26, с. 169, 171, 194]. Более того, в ответном письме Кириона Сумбату Багратиду, марзпану Гирканскому, есть недвусмысленное указание на существование если не общины, то опять-таки группы армян в Мцхета. «И теперь вы,—пишет он, обращаясь к марзпану,—поверили ему (т. е. Мовсэсу, епископу Цуртавскому.—П. М.) и, внимая его слову, отменили прибытие к нам на поклонение честному и животворящему кресту Мцхетскому, молением пред коим ты был подарен отцу и матери твоим; пред сим ты вырос и его предводительством достиг добра...» [26, с. 171; 73, с. 78—79]. Тут, как и во всех остальных посланиях, речь идет о самом «честном и животворящем кресте», а не о храме Креста (Джвари), к строительству которого в 608 г., когда было составлено письмо Кириона, лишь приступили [162, с. 63—65]. Но тут важно другое: Сумбат Багратид, согласно словам Кириона, родился, вырос (воспитывался) и сделался должностным лицом перед крестом Мцхетским, т. е. в городе Мцхета. Нет нужды напоминать о том, что представители высших слоев феодального общества жили (и тем более росли), окруженные немалым количеством людей разного социального происхождения, имевшими разные обязанности. Мы решительно ничего не знаем о том, когда, при каких обстоятельствах или с какой целью часть этой армянской княжеской семьи утвердилась в Мцхета. Раз Сумбат и родился там, то родители его (а также сопровождавшие их лица) должны были оказаться в этом городе в 70-х гг. VI в.¹⁰ К тому же, неизвестно, вырос ли Сумбат в самой Мцхета или в административном центре страны—Тбилиси, находящемся всего лишь в двух десятках километров от Мцхета.

Немногочисленность армян в Мцхета устанавливается еще и тем, что в «Мученичестве Евстатия Мцхетского» о них вовсе не упоминается, хотя и говорится о иудеях, персах и сирийцах. Здесь следует учесть и то обстоятельство, что в глазах единоверного с армянами автор-грузина армянская община ничем не отличалась от грузинской, поэтому и упоминать ее в агиографическом сочинении не было особой необходимостью. Сирийцы же названы лишь потому, что представителям общины пришлось выступить в защиту заключенного вместе с Евста-

¹⁰ Быть может, это связано с политическими событиями 70-х гг., когда армяне и грузины восстали против персов? Сведения Феофана Византийского по этому поводу см. [65, с. 156—158; ср. 201, с. 28—30].

тием Стефана и убедить картлийского марзпана Вежан Бузмира, что «мы знаем этого человека: он из нашего поселения, отец, мать, братья и сестры его являются христианами, и он тоже христианин» [103, I, с. 35]. Впрочем, может создаться впечатление, что и сам перс Евстатий—выходец из персидской Армении, ибо он дважды говорит: «Я был из Страны персидской, из хеви Аршакетского, города Гандзак». Но тут речь идет о Гандзаке Атропатенском, а не Арранском¹¹, выражение же ჰევი არშაკეთისა—«хеви Аршакетский» подразумевает не Аршакидскую Армению, а «Край Парфянский». В древнегрузинском переводе «Мученичества Рипсимьянок» географическое название Պարթևաց կողմն (Պարթևաց կողմանք—μέρη τῶν Πάρθων) [24, § 203] передано как არშაკთა [სოფელი]—«страна Аршак[ид]ов» [285, с. 176], следовательно, нельзя сказать, что в представлении грузинского агнографа «хеви Аршакетский» идентифицируется с Арменией.

Все сказанное приводит нас к выводу, что в Мцхета IV—VII вв. наряду с другими этническими общинами были представлены и армяне, хотя и не в большом количестве. До начала VII в., т. е. до церковного разрыва с грузинами, они не нуждались в отдельной церкви для службы, что же с ними стало позже—неизвестно. Можно предположить, что часть их перешла вместе с грузинами в лоно халкедонитской церкви (халкедонитов-армян немало было и в самой Армении), часть же постепенно переселялась в другие места (прежде всего в Тбилиси), те, что остались в Мцхета, но придерживались монофизитства, были до того малочисленны, что не могли предпринять строительства отдельного культового сооружения.

В 1938 г., при разборе позднейшей алтарной преграды храма Джвари, археологом А. Н. Каландадзе был выявлен «камень из плотного песчаника, четырехугольной формы с древнегрузинской надписью асомтаврули на одной из сторон его. Камень представлял из себя, по видимому, постамент креста» [см. 192, с. 43], о чем свидетельствует характерная специальная четырехугольная выемка на одном конце камня, в которую, по всей вероятности, вставлялся крест. Обстоятельное исследование как всего памятника, так и интересующего нас постамента с восстановленным текстом и переводом грузинской надписи даны Г. Н. Чубинашвили [192]. В его работе, насколько нам известно, впервые в научной литературе говорится о существовании армянской надписи на задней грани постамента мцхетского креста-реликвария: «На задней широкой грани вверху имеются три строки армянской надписи (?) или граффити, очень неясно резанной, а ниже одна крупная заглавная буква в 11 см высоты и 6,5 ширины. Высота постамента 74 см, а ширина грани с грузинской надписью 46 см» [192, с. 83; ср. табл. 31].

Изучение этой армянской надписи имеет определенное значение как для истории возведения храма, так и для истории армяно-грузин-

¹¹ О Гандзаке в Атропатене см. [49, с. 66, 124]. Арранский Гандзак, если и существовал до 859 г., то не был столь значительным, чтобы там могло жить семейство магов (Евстатий магамн называет как отца своего, так и братьев), ср. [158, с. 40].

ских отношений (не говоря уже о филологическом интересе к эпиграфическим памятникам в целом)¹².

Надпись плохой сохранности: отбита вся верхняя часть, вследствие чего исчезло начало, отбита также правая угловая часть. Таким образом, чтение связано с определенными трудностями, так как текст нуждается в восстановлении. Последнее становится возможным благодаря целостности основных и ориентирующих при чтении частей имеющихся в надписи слов. Первая строка представлена в виде нижних частей трех букв: Յ (или Յ) Ր и Ի. Вероятное восстановление фрагментов этих трех букв может быть дано только с учетом точного содержания следующего слова, связанного с первым в смысловом и грамматическом отношении. Им оказывается ՓՐԿՈՒԹԻ[...], продолжение которого, без всякого сомнения, могло быть только ԹԻ или ԹԵ, т. е. ՓՐԿՈՒԹԻԻՆ или ՓՐԿՈՒԹԵԱՆ. Выше мы заметили, что сохранившиеся части букв предыдущего слова могут быть восстановлены скорее всего как ՅՐԻ. В соответствующей части грузинской, основной, ктиторской надписи на узкой грани постамента сказано: «...სულთა და ჯორცთა მათთა მჯობად...», т. е. «в заступничество за их души и тела». Наличие в армянском тексте [...]ՅՐԻ ՓՐԿՈՒԹԻ позволяет думать, что и здесь должно было быть сходное по конструкции и содержанию выражение, но от какого именно слова сохранилось окончание род. падежа ед. числа, сказать трудно. После второго слова могли бы поместиться еще 2—3 буквы (возможность лигатуры или сокращения под титлом одного гласного не исключается); в те времена совершенно не считались с какими-либо правилами переноса, не заполняя текст имеющиеся на камне выемки или при окончании всего текста. Сохранившаяся часть первого слова второй строки позволяет восстановить буквы пострадавшей правой части надписи. Тут ясно читается ... ԱՏԿԻ, т. е. налицо вторая половина слова [ՅԻՇ]ԱՏ(Ա)ԿԻ. Это подсказано тем, что помимо сохранившегося ... ԱՏԿԻ и последующего слова ՀՈԳԻ образуется формула ՅԻՇԱՏԱԿԻ ՀՈԳԻՈՅ или ՅԻՇԱՏԱԿԻ ՀՈԳԻՈՅ в зависимости от числа лиц, о памяти (յիշատակ-е) которых тут говорится. Подтверждением второй предлагаемой формы служит первое слово третьей строки: здесь мы имеем ԱՐՆՈՅ, т. е. форму род. падежа мн. числа. Поэтому вторая строка читается как [...]ԱՏԿԻ ՀՈԳԻ[ՈՅ]. Других букв здесь быть не может, так как для них попросту не оставлено места; имея большее пространство, резчик значительно свободнее расположил текст второй строки, чем первой. Достаточно отметить, что пять знаков в слове ՓՐԿՈՒ занимают 13 см, тогда как четыре в слове ՀՈԳԻ—15,5 см, не говоря уже о свободе варьирования буквой Հ и т. д.

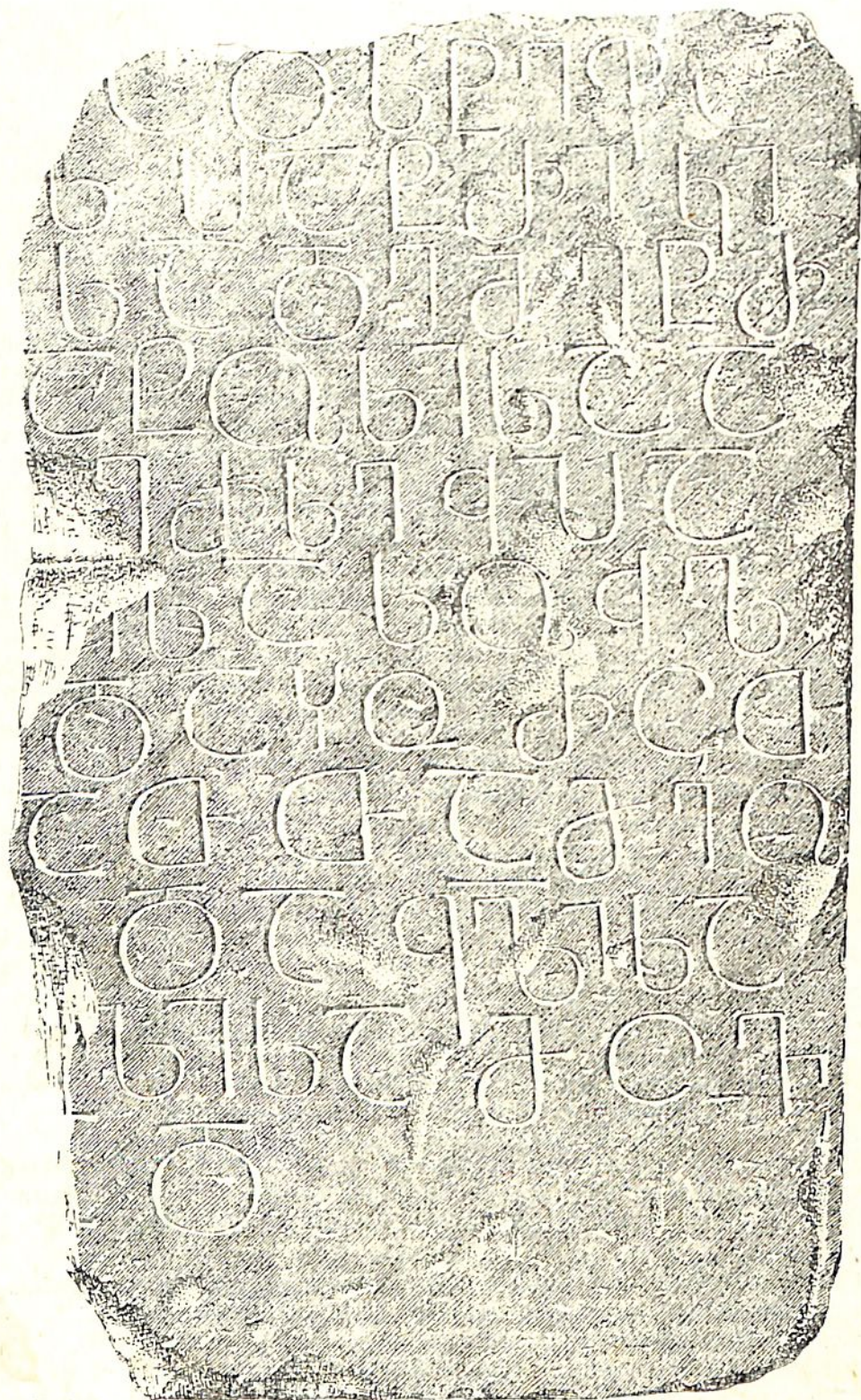
¹² Постамент креста в настоящее время находится в Государственном историческом музее Грузии (фонд каменных памятников, инв. № 154). Основная часть имеющихся лакун, как мы убедились при работе с оригиналом, предшествовала надписям, вследствие чего резчиком (или резчиками) армянского и грузинского текстов они по возможности обойдены или же буквы высечены в них. Постамент креста, возможно, стоял еще до строительства церкви; его не заменили по завершении строительных работ, снабдив грани, не предназначенные первоначально для надписи, текстами на двух языках.

В лучшей сохранности дошла третья строка надписи: первое слово, как мы уже отметили, читается ԱՐՆՈՅ, а за ним ԵԻՍ. Можно было бы усомниться в правильности чтения последней буквы Ս, ибо предыдущее ԵԻ может иметь и самостоятельное значение. Но контролирующим моментом является следующее: за словом ԱՐՆՈՅ ԵԻ могло последовать лишь ԱՄԵՆԵՅՈՒՆ или ԱՄԵՆԵԲԱՆ, однако слова эти под титлом пишутся как ՄՅՆ, ՄԲՆ или ԱՄՅՆ/ԱՄԵՅՆ, ԱՄԲՆ/ԱՄԵԲՆ. Предполагаемое слово, возможно, и могло бы поместиться, но тогда следует искать какие-либо следы правого выступа начального Ա или Մ, а их не видно¹³. Чтение ԵԻՍ оправдывается как самой конструкцией предложения, так и грузинским текстом: там имеем «და ყოვლისა სახლისა მკველად», т. е. речь идет о покровительстве всего княжеского рода, а не всех вообще. Таким образом, становится окончательно понятным значение первого слова третьей строки армянской надписи ԱՐՆՈՅ. Оно (им. пад. ед. числа արին) значит «род», «родство», «ближний по крови», что соответствует слову სახლი грузинской надписи (род, дом)¹⁴. Между прочим, слово ԱՐԻՆ как нельзя более точно выражает арханчное значение грузинского სახლი, замененного впоследствии в значении «рода» словами ვვარი, ნათესავი, ტომი/ტომი. В лингвистическом отношении форма ԱՐՆՈՅ любопытна следующим: слово это, как правило, принадлежит внутреннему склонению ա (արին—արին, արինց, կորին—կորին—կորինց), в нашей же надписи оно имеет падежное окончание—ՈՅ, т. е. налицо простое склонение на «(արնոյ—արնոց)¹⁵. Такое отклонение от общелитературной нормы вызвано тем, что склоняемое слово не совсем одинаково произносилось, и по сей день наряду с литературным արուն (в западноармянском с графической формой արին) в значительном большинстве диалектов фигурирует արուն или արին. Отметим при этом, что вторая форма больше характерна для северных областей Армении, включая тбилисский диалект армянского языка. Резчик надписи, несомненно, произносил это слово как արին (var. արուն) и соответственно просклонял его: ԱՐՆՈՅ—ԱՐՆՈՅ (ср. վերին—վերնոյ, կարին—կարնոյ, ասուն—ասնոյ и т. д.). Собственно, в этом нет ничего исключительного: в древнейших армянских надписях зафиксировано большое количество вульгаризмов, заставивших Н. Я. Марра и И. А. Орбели поставить под сомнение даже подлинность самих надписей [141, с. XVIII—XIX; 172, с. 372]. Но последние исследования специалистов по армянской эпиграфике показали, что в значительной части примеров сомнения Н. Я. Марра и И. А. Орбели не подтверждаются [252, с. 76—78; 257, с. 51]. Но если даже в отдельных случаях и имело место последующее копирование древнейшего текста надписи, то в отношении армянской надписи Джвари такая возможность полностью исключена, ибо речь

¹³ Впрочем, данное слово не имеет принципиального значения для понимания или трактовки текста надписи, ибо основное содержание всего выражения уже дано предыдущими словами.

¹⁴ О термине სახლი см. [122, с. 31—33, 51].

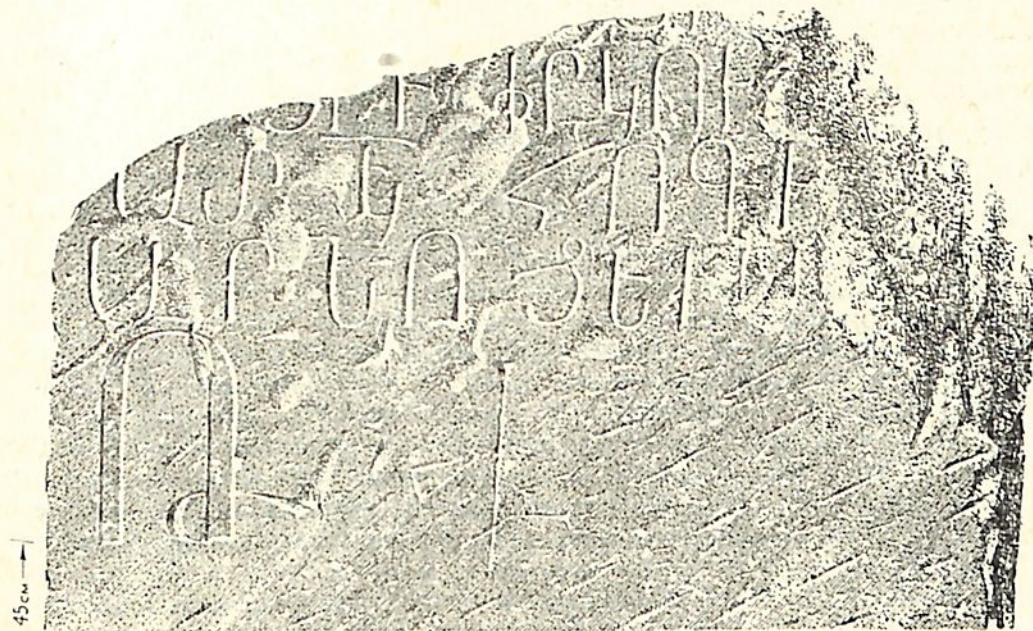
¹⁵ На յ после « не обращаем внимания, поскольку она могла и не фигурировать.

А. Сагаладзе 97

идет о реликвии-кресте с подлинной ктиторской грузинской надписью на одной грани. Таким образом, наличие *ԱՐՆՈՅ*-а вместо ожидаемого литературного *ԱՐԵՍՆՅ* объясняется исходной формой этого слова *արոն* или *արին*, а не *արին*.

Резюмируя вышесказанное, армянскую надпись Джвари следует читать (с раскрытием титлов и восстановлением) следующим образом:

А. Сагаладзе 97

.....
 [. .] ՅՐԻ ՓՐԿՈՒԹԵԱՆ, ՅԻՇ-]
 ԱՏ(Ա)ԿԻ ՀՈԳԻՈՅ]
 ԱՐՆՈՅ ԵԻՍ:

Табл. I, 1

Перевод: «...во спасение [...]а, а также в память рода».

Таким образом, совершенно очевидно, что сохранившаяся часть армянской надписи имеет сходное содержание с грузинской ктиторской надписью:

...]ად სტეფანოს პატრიკოსისა, დემეტრე ჯუპატოსისა, ადრნერსე ჯუპატოსისა. სულთა და ჯორცთა მათთა მეზობად და ყოვლისა სახლისა მცველად¹⁶.

...] ՅՐԻ ՓՐԿՈՒԹԵԱՆ, ՅԻՇԱՏԱ-ԿԻ ՀՈԳԻՈՅ ԱՐՆՈՅ ԵԻՍ:

О причинах, побудивших ктиторов вырезать свою надпись факти-

¹⁶ «[...в моле]ние за Степаноза патрикия, Деметре ипатия, Адрнерсе ипатия, в помощь их душам и телу и в покровительство всего рода». Восстановленный текст с русским переводом см. [192, с. 83—84]. Новейшую публикацию текста с некоторыми разночтениями и библиографию предыдущих изданий см. [78, с. 95—97].

чески на двух языках (на родном грузинском и соседнем армянском), будет сказано ниже. Интересно было бы выяснить, какой могла быть недостающая начальная часть армянской надписи—такой же, как в грузинской или в иной вариации? Выше было сказано, что армянская надпись высечена на широкой грани постамента, а грузинская ктиторская на узкой. Изучение обоих текстов показало: на каждой строке имеется 9—11 графем в грузинском и до 15 в армянском¹⁷. Если допустить, что в армянском тексте были воспроизведены все собственные имена с их титулатурой, то одних этих слов насчитывалось бы шесть. Как мы уже убедились, имелось и выражение, соответствующее грузинскому სულთა და ჯორცთა მათთა, значит, еще три слова. Надпись, условно, начиналась бы словами ՇՆՈՐՀԻՆ ԱՅ или ՀԱՃՈՅԻԻՔ ԱՅ (т. е. милостью или благоволением бога) и имела бы глагольную форму ՀԻՄՆ ԱՐԿԻ (или ԶԳԵՅԱԻ ՀԻՄՈՒՆՍ/ՇԻՆԵՅԱԻ/ԿԱՆԳՆԵՅԱԻ/ՇԻՆԵՅԻ и т. д. с многочисленными вариантами)¹⁸. То есть имелось бы по крайней мере еще 3—4 слова. Кроме того, здесь должен был бы быть упомянут и сам памятник, строительство (или водружение) которого вызвало эти надписи на двух языках; традиционно и логично мы должны были иметь ՄԲ ԽԱԶՍ или ՄԲ ԵԿԵԳԵՅԻՍ. Таким образом, при общем соответствии с грузинским текстом в недостающей части армянской надписи по меньшей мере должно было быть 15—16 слов, что совершенно исключается, ибо на это потребовалось бы не менее 4 строк (2,5—3 слова на каждой строке в соответствии с имеющимся). В связи с этим напрашивается вопрос: какие же из перечисленных слов—имен, титулов могли быть опущены в надписи. Думается, что сокращено было несколько слов, в том числе—имена двух ктиторов с их титулами¹⁹. Дело в том, что постамент креста был снабжен надписью по завершении строительных работ, а к этому времени, как мы убедимся ниже, здравствовал лишь один из ктиторов. Такое предположение находит реальное подтверждение в самом тексте армянской надписи. При наличии трех ктиторских имен мы бы имели не . . .]ՅՐԻ ՓՐԿՈՒԹԵԱՆ, а . . .]ՅՐԻՅ ՓՐԿՈՒԹԵԱՆ, что соответствовало бы ...სულთა და ჯორცთა, т. е. «душам и телам» (букв.), а не «души и тела». Эта «вольность» составителя армянского текста стала возможной, помимо всего прочего, потому, что о ктиторах в грузинском тексте говорится в третьем лице (მათთა). Последнее же обстоятельство обусловлено тем, что двоих из них уже не было в живых. Следовательно, ктитор, при котором было завершено строительство, должен был либо говорить от своего имени, с упоминанием

¹⁷ Такая разница вызвана не столько шрифтом, сколько размером грани.

¹⁸ Из-за отсутствия этой части в грузинском мы лишены возможности определенного выбора.

¹⁹ Мы воздерживаемся предложить свое восстановление недостающей части армянского текста, ибо неизвестно, действительно ли была одна строка, не применялась ли резчиком лигатура и т. д. Из всех вариантов для восстановления начала грузинского текста наиболее вероятным представляется предложение А. Г. Шанидзе—„შეწევნათა ღვთისათა აღზემბათა ჯოჯბო ესე“. Соответственно в армянском имели бы Շնորհիւն անտուծոյ կանգնեցաւ խաչս:

предыдущих, либо, как это имеет место в грузинской надписи, писать обо всех (в том числе и о себе) в третьем лице.

В первоначальности и подлинности армянского текста нельзя сомневаться хотя бы уже потому, что в нем воспроизведено содержание грузинской надписи. Последующим поколениям и в голову бы не пришло снабдить постамент креста дополнительной надписью, притом на армянском языке, частично с повторением того, что уже сказано на их родном языке. Не меньшее значение имеет и место, где высечена надпись: никто из последующих грузинских царей или католикосов никогда не позволил бы полигримам сделать запись на постаменте креста-реликвария всей Грузии, причем на его широкой грани. Она, эта армянская надпись, могла быть высечена только при завершении строительства и водружении креста в силу ряда обстоятельств, излагаемых ниже.

Г. Н. Чубинашвили предполагает, что грань с грузинской надписью была южной, «а западная, обращенная к входящим в ограду октогона, оказалась вся отбита. Вероятно, она была декоративно украшена» [192, с. 83]. Грань с армянской надписью была обращена к алтарю²⁰.

Сокращенность (тем самым и вольность составителя) армянской надписи можно объяснить, как нам представляется, одним обстоятельством: на боковой широкой грани, по завершении всего строительства, была высечена крупная заглавная буква *Թ* высотой 11 см и шириной 6,5 см, и переводчик должен был несколько сокращенно передать надпись ктитора, считаясь с фактом наличия графемы *Թ*. Такое предположение более оправдано, чем если допустить, что армянская надпись начиналась на узкой грани и кончалась на широкой. Грузинская надпись вполне поместилась на узкой южной грани, так же удачно вместились бы и армянская.

Резюмируя вышесказанное, можем заключить:

- а) на боковой грани постамента мцхетского креста налицо не граффити, а настоящая надпись;
- б) она является повторением грузинской надписи с сокращенной передачей ее в начальной части, отбитой ныне;
- в) эта надпись подлинна и первоначальна, высечена одновременно с грузинской²¹.

²⁰ Имеется общность в манере изложения надписи на двух языках—это больше всего относится к отсутствию связывающего и традиционного და-ბ. Его могли иметь при перечислении ктиторов в грузинском тексте и после *փրկութիւն*—в армянском. Нет строгого единообразия букв ни в грузинском, ни в армянском. Древнегрузинский «З» высечен двояко—с левым выступом и без него, сообразно с этим армянская буква одинаковой формы *Զ* также высечена без заметного левого выступа. Любопытна вносящая и нечто новое в армянскую палеографию *Ա*, высеченная без внутренней линии. Аналогичный факт был нами констатирован и в надписи Авана [256, с. 234—235].

²¹ После публикации нашей работы «Армянская надпись храма Джвари» [162, с. 55—80] с возражением по вопросам датировки и интерпретации этой надписи выступили И. В. Абуладзе [109, с. 171—189], М. Д. Лордкипанидзе [там же, с. 190—200], П. Закарана («ლიტ. საქართველო», 20, XII, 1968) и др. Наше отношение к этой

Теперь необходимо определить хронологические рамки появления армянской надписи, ее значение для истории Джвари и ряда других вопросов.

В упомянутом выше исследовании Г. Н. Чубинашвили подробно остановился на вопросе о возведении храма Креста мцхетского с обзором сообщений исторических хроник, эпиграфических и нумизматических данных, с привлечением выводов, полученных в результате архитектурно-художественного анализа [192, с. 18—25, 114—115, 154—155]. В специально отведенной этому вопросу главе, после установления годов царствования Гуарама, Степаноза I и Адрнерсе, относительно большой церкви делается заключение, что строительство ее началось при Степанозе I ($\approx 590—604/605$) и что «церковь, им построенная, представляла собой грандиозное предприятие, тянувшееся десятком с лишним лет, пока оно было закончено» [192, с. 25]. Говоря о процессе и завершении работы, Г. Н. Чубинашвили заключает: «...строительные работы велись в непрерывном цикле и были закончены в кратчайший срок, т. е. еще в правление инициатора постройки Степаноза I» [192, с. 155; ср. 117, с. 12, 32]. Эта датировка (604/5—terminus ad quem) теперь считается установленной²². Можно было бы этим и ограничиться для датировки армянской надписи, считая ее высеченной до 604/5 гг. (от 90-х гг. VI в.). Но существуют и другие мнения. Так, И. А. Джавахишвили относит строительство Джвари к периоду победы Ираклия [378, I, с. 266], а некоторые надписи на ктиторских изображениях—к 626—634 гг. и позже [375, с. 288—289]. Теми же годами датирует надпись Адрнерсе на изображении ктитора и К. С. Кекелидзе [236, с. 74].

Следующим образом датирует интересующий нас памятник М. А. Чиквадзе: Гуарам возвел памятник на высоту около 1 м за 585—590 гг., Степаноз I продолжал строительство и за период с 591 по 606 гг. «выстроил до подкупольного квадрата», Деметре и Адрнерсе в 606—634 гг. завершили сооружение; Степанозом II (634—середина VII в.) «были выстроены угловые комнаты в Джвари» и «Джвари в том виде, какой он имеет сейчас, нужно отнести к 40-м годам VII века» [197, с. 20]. Теми же годами датирует памятник и К. Туманов [394, с. 205]²³.

С. Н. Какабадзе, рецензируя еще в 1928 г. работу Г. Н. Чубинашвили «Несколько глав из истории грузинского искусства», относительно хронологии и последовательности Малого и Большого Джвари писал: «...в вопросе о датировке этих двух памятников автор, явно не разобравшись в наличных исторических материалах, допускает не-

критике дано в ответной работе [392, с. 393—411]. Возвращаться к имевшей место полемике не считаем уместным.

²² Она фигурирует не только в специальной литературе, но и в популярных справочниках-путеводителях. Датировка Г. Н. Чубинашвили принята и в академических «Очерках истории Грузии» [364, II, с. 275].

²³ А. Б. Еремян относит Джвари к числу тех памятников в Грузии, которые возведены после армяно-грузинского церковного разрыва, т. е. не раньше 608 г. [217, с. 153]. По мнению же С. С. Какабадзе, «видимо, во время строительства храма «Джвари» в первой трети VII в. не предполагалось соединить три части алтаря, и лишь позднее они были соединены расширением солей» [131, с. 39].

сколько основных ошибок, дезавуирующих высказываемое им предположение о постройке малого храма Креста между 546—586 годами при эриставе Грузии Гвараме, и большого храма Креста при Стефаносе I, правившим якобы между 586/7 или 590 и 604—605 годами. Навил Картлией около 624—630 гг., Стефанос I—ок. 637 г., а ок. 642 г. Креста была начата около 629 г. и закончена к 642 г. Малый же храм в VII же в. Конфигурация местности и проверка на месте плана обеих построек не оставляет в этом сомнений» [363, с. 101—102].

Все это заставляет нас для датировки армянской надписи вновь обратиться к первоисточникам.

1. По древнегрузинским источникам, строителями Джвари являются Гуарам, Степаноз I, Деметре, Адрнерсе, Степаноз II. Н. Акинян сомневался в историчности Гуарама [201, с. 29]²⁴, И. Джавахишвили в своей «Истории грузинского народа» (т. I) не знает Гуарама²⁵. Г. Чубинашвили же Гуарама идентифицирует с Гургеном, названным Феофаном Византийским и в монограммах монет [192, с. 25], считая его строителем Малой церкви. По ктиторским изображениям и надписи Джвари окончательно установлено: он, Гуарам, не является основателем Большого храма Джвари. «Предводитель грузин Гурген» Феофана²⁶ действительно может быть тем же Гуарамом, но начало его правления следует считать не с 545 г., как это говорится у Г. Н. Чубинашвили, а после 551 г., ибо мученичество Евстатия Мцхетского имело место не в 544—545 гг., как полагали И. Джавахишвили и А. Харнак, а не раньше 551 г., как было доказано К. С. Кекелидзе [328, с. 510—511]. Когда кончилось его правление—неизвестно²⁷. Он, Гурген-Гуарам, руководил восстанием грузин в 571 г.²⁸; Н. Акинян и Г. Чубинашвили terminus ad quem-ом его правления считают 586 г. [201, с. 28—30; 192, с. 22—25]. Эти же ученые датируют эрисмтаварство Степаноза I между 585/86—599/600 (Акинян) и 586/90—604/05 (Чубинашвили) годами²⁹. Эти датировки, разумеется, условны, ибо в промежутке между Гуарамом и Степанозом I «можно назвать несколько правителей по нумизматическим данным» [192, с. 25]³⁰. 604/4 г. ус-

²⁴ Этого мнения придерживаются также Н. Ю. Ломоурн [333, с. 139—140, 144] и Г. Ф. Дундуа [308, с. 108].

²⁵ Называет его при обсуждении мнения Броссе относительно времени прихода отцов сирийских [378, с. 351].

²⁶ Греческий текст с грузинским переводом см. [65, с. 257—258].

²⁷ Высказано предположение, согласно которому император Юстин II (565—578) пожаловал Гуараму должность куропалата и признал его верховным правителем Картли [364, II, с. 271—272].

²⁸ Происходило это в союзе с армянами, предводителем которых был Вардан Мамиконян (Кармир Вардан).

²⁹ К. С. Кекелидзе Гуарама считает скончавшимся в 590 или 591 г.

³⁰ На одной уникальной монете имеется монограмма Ϟ , которую одни читают «Джуаншер», другие «Джваро» или «Джонбери» и т. д. [308, с. 45—46]. Все эти чтения крайне условны. Имеются и анонимные монеты.

тановлен И. А. Джавахишвили на том основании, что в *ჭირქვე მღვინე* в 606/7 г. правителем Грузии называется уже Адрнерсе, а не Степаноз [375, с. 284, 288]. Для окончательного уточнения этих дат нужны дополнительные источники, каковых пока нет.

Уже говорилось, что Гуарам не имеет никакого отношения к большому храму Джвари. Но есть ли основания считать, что Джвари был построен именно в 586/7—605/6 гг. или между ними, т. е. именно в годы правления Степаноза I и им же?

Степаноз, по грузинским источникам, не отличался богочестивостью ни в первые два-три года своего эрисмтаварства при персах, ни спустя значительное время после 591 г. В первой половине своего правления он не только не строил церквей, но даже преследовал, как это засвидетельствовано католиком Василием [85, I, с. 59]. Его сведение можно считать достоверным, поскольку при описании «Восьмого чуда» Шио он имел под рукой письменные источники [328, с. 162]. «Неверным» (*უწმინდო*) и «безбоязненным перед богом» (*უშინო ღმრთისა*) характеризует Степаноза и Джуаншер [93, I, с. 222]³¹. Значит, его богоугодность относима только к последнему периоду правления. Если бы его «не служение богу» было лишь кратковременным явлением, то в источниках оно не нашло бы такого подчеркнутого выражения. В «Восьмом чуде» отмечается, что католиком Грузии, при котором Степаноз отнял у церкви ее угодья, был Варфоломей³². Варфоломея называют католиком при Степанозе и другие грузинские первоисточники (согласно «Обращению Картли», при Степанозе он *вторично* стал католиком (*წმინდო*), что И. А. Джавахишвили считает недоразумением [378, I, с. 347], по Сумбату же он был *вторым* католиком Варфоломеем). Его папство, начавшееся в 591 (?) г., продолжалось до 598/9 г., т. е. он был непосредственным предшественником Кириона. При нем, как мы отметили выше, Степаноз продолжал свои «небогоугодные деяния», был наказан и раскаялся. Лишь после всего этого Степаноз изменил свое отношение к церкви и к ее служителям и приступил к строительству Джвари, вернее, сделался ревностным соучастником этого нового предприятия [см. 85, I, с. 60]³³. Вот почему принятое им строительство в первую очередь заключалось в продолжении и завершении недостроенной его отцом (?) Гуарамом (?) Малой церкви (если она действительно строилась Гуарамом) и закладкой Большой церкви Джвари. Таким образом, мы не находим каких-либо

³¹ Однако все это вовсе не значит, что Степаноз был «язычником», как это было воспринято некоторыми рецензентами моей отмеченной работы.

³² Значительное время правитель отказывался выполнить требование католика вернуть захваченные земли. Лишь спустя некоторое время, когда он с женой и детьми лишился зрения и стал неистовствовать, вынужден был посетить могилу Шио, перестал преследовать церковь и подарил ей два царских поселения.

³³ Не вполне ясно, о какой церкви Креста идет тут речь: Ф. Жордания указывает, что Степаноз I построил и Арагвийскую церковь Креста (Джвари) на горе Креста (*კრისთის მთაზე*) недалеко от Коби (*კობის ახლო*). Пл. Иоселани видел этот памятник с надписью «*პატრიკი სტეფანოს*», т. е. «Патрикий Степаноз» (85, I, с. 61). Выражение Василия «*...აწმინდა ეკლესიისა ზედა ჯუარისა*» одинаково относимо и к той и к другой церкви Джвари.

оснований для утверждения, что храм Джвари заложен и завершён в 586/7—604/5 гг. Скорее всего, в 600—604/5 гг. это грандиозное предприятие только начиналось. Очевидно, сведение «Обращения Картли» *ამან დადვა საფუძველი პატრიკისა ჯუარისა*, т. е. «Он положил основание честного креста», повторенное дословно у Сумбата Давитисдзе [93, I, с. 374; 103, I, с. 95], связывает с Гуарамом то, что на самом деле было сделано Степанозом. Если бы Гуарам имел хоть малейшее отношение к Джвари, то он был бы упомянут среди ктиторов в надписи на постаменте креста, с изображением на восточном или южном фасаде³⁴. Видимо, источники путают не объекты строительства и не последовательность его выполнения, а лишь строителей. Ни в одном из источников не говорится, что Степаноз выстроил церковь, они единогласно отмечают, что эта церковь строилась при нем (*იქმონდა*, *აღმუენებდა*, *აწმინდებდა*), и это не случайно, так как строительство завершилось только при его преемнике-сыне Адрнерсе.

Ктиторовская надпись упоминает Адрнерсе-ипата, а на восточном фасаде храма имеется его изображение, также с надписью. Это вызвано тем обстоятельством, что строительство Джвари продолжалось в годы его правления, что хорошо известно и по первоисточникам: Джуаншер буквально говорит, что «Мтавар Картли Адрнерсе закончил церковь честного Креста и Тбилисский Сион» [93, I, с. 227]. С любопытным фактом имеем дело в «Обращении Картли»: здесь рассказывается о нашествии Ираклия, о его деяниях в Картли, имевших место, по многочисленным греческим и армянским источникам, в 626/27 г. И вот наш источник, правильно излагая события и их последовательность, опять путает эрисмтаваров, утверждая, что при всем этом «эриставствовал тот же Степаноз Великий» [103, I, с. 96]. Между тем достоверно известно, что Степаноза уже двадцать с лишним лет не было в живых и что с 605/6 г. Картли правил Адрнерсе. Значит, все, что сказано в источнике относительно Степаноза I в годы нашествия Ираклия, мы должны отнести к Адрнерсе. Нужно отметить, что это изложение дословно повторено и Сумбатов. Из «Обращения Картли» можно привести и другой пример контаминации: в интересующем нас отрывке, говоря о Бакуре, в середине VI в. автор упоминает питиаших Варскена и тут же сообщает о мученичестве Шушаник [103, I, с. 94]. Очевидно, автор знал, что Варскен был сыном Ашуши и что в 40—50-е гг. VI в. действительно был питиаших по имени Ашуша, хорошо известный по «Жизнеописанию» Евстатия Мцхетского [103, I, с. 34; ср. 200, с. 296—300; 378, I, с. 279], и это привело к тому, что были перепутаны два разновременных лица. Примечательно еще следующее: согласно источнику, Ираклий занял Багдад, столицу царя Хосрова II (590—628). На самом же деле Ираклий занял резиденцию Хосрова

³⁴ Во второй редакции «Обращения Картли» Гуарам именуется «*ესე იყო პირველი ერისთავი და მერმე კურაპალატადცა*» (103, I, 95), т. е. «Он был первым эриставом, а затем стал и куропалатом». Быть может, первоначально ители не *პირველი*, а *პირველი*, т. е. «Он был сначала эриставом, а затем стал и куропалатом». При всем этом, реальность личности Гуарама нуждается в доказательстве, тем более если стоит вопрос его идентификации с Гургеном.

Дастакерт и подступил к Ктесифону (627—628) [126, с. 318—319], город же Багдад в ту пору еще не был основан.

Итак, в «Обращении Картли» повествуется о событиях в годы Адрнерсе. При этом его автор совершенно определенно заявляет, что «до его (т. е. Ираклия) прихода Сион в Тбилиси был окончен жителями, а церковь Джвари еще не была докончена» [103, I, с. 96]. Это сообщение дословно повторено у хрониста Сумбата [93, I, с. 375]. Из всего сказанного следует, что в 626/27 г. церковь Джвари все еще находилась в процессе строительства и никаких ктиторовских надписей в эти годы быть там не могло. В связи с этим особого внимания заслуживает титул Адрнерсе в двух надписях Джвари. Он именуется здесь «ипатом». В 605/6 по 626 гг. Картли находилась под властью персов, а враждующий с Византией Иран не даровал византийских титулов, каким является «ипат». И, несомненно, прав И. А. Джавахишвили, заключая, что ипатство Адрнерсе получил от Ираклия, когда последний отнял у персов Восточную Грузию и Тбилиси, «т. е. около 626 года» [375, с. 28; 378, I, с. 266]. В 606—626 гг. Адрнерсе не был и еще не мог быть ипатом. В «Книге писем» сохранилось несколько посланий, в основном повторенных затем у Ухтанэса, в которых неоднократно фигурирует Адрнерсе [26, с. 133, 138, 168, 170, 174], где он называется не ипатом, а «ишханом» (князь, мтавар), притом всегда на первом месте при перечислении остальных (эти послания восходят к 607—608 гг.). После нашествия византийцев он стал обладателем трех чинов одновременно. Мовсэс Каланкатуаци так и называет его: «...многоуважаемый муж Адрнерсе, владетель страны, получивший тройной титул от царя греческого, пришел к нему...»³⁵.

Упомянутая историком встреча состоялась между 639 и 642 гг., скорее всего в 641³⁶. Предлагаемая И. А. Джавахишвили корректура «*ყაიღისი ხოფნი*» вместо «*ყაიღი ხოფნი*» [375, с. 286], т. е. перенос этой встречи на 634 г. не находит поддержки ни в одном из рукописных вариантов этих слов. Таким образом, Адрнерсе управлял страной с 605/6 по 641/42 гг. включительно³⁷. Впрочем, Феофан упоминает некоего Барсамуса (Варсамуса), взятого в плен императором Ираклием в 626 г. (точнее, в декабре 627 г.) как правителя подвластной Ирану Картли (...*ἐπιρατῆτι δὲ ζῶν Βαρσαμοῦσης ὁ ἀρῶν τῶν Ἰβήρων τῶν ὑπὸ Πέρσας*) [66, IV, I, с. 101]. Данное сведение привлекло внимание не-

³⁵ [43, с. 141; 8, с. 142]. И. Акинян называет непонятным выражение Каланкатуаци «*ბრძალე ჟანხრეციქონი*» [201, с. 35]. Но переводчиками совершенно точно определено значение данного выражения—«получивший тройной титул». Это становится ключом для понимания *ხსამბლო*, которым был Адрнерсе (отец Ашота) по «*მეტაბე ქართველთა*» [93, I, с. 251], истолкованного издателем *მესამედი* (т. е. «третья часть») под вопросом [с. 448]. Слово это имеет одинаковое с армянским *ბრძალე ჟანხრეციქონი* значение.

³⁶ И. Акинян ставит в 645 г. [201, с. 35]. Доусет считает возможным между 637—642 гг. [396, с. 114].

³⁷ Высказано предположение, согласно которому после 614 г. Адрнерсе вынужден был покинуть Картли и укрепиться в Кахети [364, II, с. 379]. Но у Джуаншера лица и события так перепутаны, что едва ли его сообщение об Адрнерсе можно считать заслуживающим доверия [93, I, с. 225].

скольких исследователей: М. Броссе констатировал факт по источнику [385, I, с. 226]. Ж. Маркварт предложил исправить *Baram <α>σάση*—*Waghm—Ašūša*, видя в нем Гугаркского бдешха [391, с. 401], что И. А. Джавахишвили считает возможным, но не обязательным [378, I, с. 226]. И. Акинян же идентифицирует Барсамусе с Бзмиhr-ом из армянской «Книги писем» [201, с. 32], считая его братом Адрнерсе³⁸. По нашему мнению, под этим именем скрываются два лица—Вахрам и Ашуша. Первый из них упоминается в «Книге писем» как соправитель Адрнерсе и даже называется его братом [26, с. 174]. Ашуша же был упомянут в одном из ответных посланий Кириона; несмотря на дефектность рукописи от этого имени сохранились буквы ... *շ* ... [26, с. 170]; в копии же послания у Ухтанэса имя его фигурирует как соправителя Адрнерсе (*Գուրնհրսեհէ եւ զԱշուշանէ եւ լամենայն լուաց աշխարհիս*) [59, с. 95]. Но независимо от идентификации личности Барсамусе нам известно, что императором Ираклием были пленены и лишены власти два правителя Картли, быть может, действительно братья Адрнерсе. То, что они не именуются грузинскими историческими сочинениями, весьма странно, зато совершенно понятно, почему о них нет ни слова в надписях Джвари. В 626/27—642 гг., когда завершилось строительство памятника, они уже были лишены власти как пособники персидского протектората. Именно данным обстоятельством и было вызвано награждение Адрнерсе тремя титулами, очевидно, за оказанную им поддержку греческим войскам. Следует думать, что переход Картли от Ирана к Византии происходил в весьма сложных обстоятельствах, хотя бы в силу разных ориентаций Адрнерсе и двух выше названных лиц³⁹.

Едва ли строительство Джвари могло продолжаться около 20—25 лет непрерывно. Если не по грузинским, то по армянским строительным надписям VII в. можно представить среднюю продолжительность строительства церквей. Так, например, Багаванский храм строился с 15 июля 631 по 9 июля 639 гг., т. е. в течение 9 лет, Багаранская церковь—7 лет (624—631). Даже если допустить, что в силу каких-то обстоятельств строительство Джвари и продолжалось еще несколько лет, оно не могло растянуться на 20—25 и больше лет. Поэтому вполне естественно предположить, что в годы персидского владычества (605/6—626 гг.) строительство было приостановлено по каким-то причинам⁴⁰, вследствие чего ктиторами оказались представители трех поколений:

³⁸ К. С. Кекелидзе цитирует слова Феофана, но формой имени не занимается [324, с. 150]. В. Гоиладзе повторяет точку зрения Ж. Маркарта и идентифицирует Варсамусе с Ашушой, питиашхом Гугарка (Квемо Картли) [304, с. 133—140].

³⁹ Джуаншер явно путает лица, когда говорит об убийстве Степаноза Ираклием [93, I, с. 224]. Существующее предположение относительно эрисмтаварства Степаноза I после 614 или 616 г. не имеет фактической основы. Г. Дундуа убедительно доказано, что обе монеты Степаноза I чеканены между 595—600 гг. и по ним нельзя предложить новую хронологию эрисмтаваров [308, с. 96—109].

⁴⁰ Кроме мотивов политического характера, некоторую роль могли играть и профессиональные соображения, продиктованные отношением персидского шаха к «имперскому вероисповеданию».

брatья Степаноз I и Деметре, сын Степаноза Адрнерсе и внук Степаноза I—Степаноз II—Кобул.

Это предположение подтверждается и характером каменотесных знаков: М. А. Чхиквадзе заметил, что «в ходе строительства одни каменотесные знаки заменяются другими. Наблюдается и другой признак: в нижних частях Джвари каменотесными знаками обозначено значительно меньше камней, чем в верхней части. Оба эти признака говорят о двух больших, не связанных между собой периодах строительства Джвари. И действительно, до окончания кладки сводов апсид встречаются каменотесные знаки одного вида, а в дальнейшем появляются другие знаки. Как видно, в середине строительства Джвари был довольно длительный перерыв, когда были уволены или рассчитаны одни мастера, а в дальнейшем при возобновлении строительства были набраны новые каменотесы...» [197, с. 11].

Относительно вклада Кобула в строительство Джвари имеется указание как в исторических сочинениях, так и на стенах самого храма, где сохранилось его изображение с надписью. В «Обращении Картли» говорится: «После него (т. е. Адрнерсе) правил (эриставствовал) Степанос, сын его. Он окончил церковь Креста и установил собор (собрание) у Креста на один месяц [как] праздник Креста» [103, I, 97]. Это сообщение повторено у Сумбата [93, I, с. 375]. У Джуаншера же приведено несколько иное сведение: «Он (т. е. Степаноз) пристроил ограды вокруг церкви честного Креста и построил палаты; определил собор в каждую пятницу...» [93, I, с. 228].

По существующим первоисточникам единственным наследником Адрнерсе был Степаноз, на правом же рельефе вместе с Адрнерсе изображен и его сын с надписью „ქობულ აღრნერსეს ძე“, т. е. «Кобул, сын Адрнерсе». Тот же Кобул изображен на рельефе южного фасада с надписью „წმინდაო სტეფანე, ქობულ სტი შეიწყალე“⁴¹, т. е. «Святой Стефан, помилуй Кобула *Сти*». Подчеркнутое нами слово под титулом ученые раскрывают по-разному («Себасти», «Стратиоти», «Стрателати»). И. А. Джавахишвили и Г. Н. Чубинашвили «*Сти*» рассматривают как сокращенную передачу имени «Степанози», считая «Кобул» языческим именем того же лица, т. е. Степаноза II [375, с. 289; ср. 192, с. 146, 195]. Несмотря на некоторую странность передачи, это представляется вполне вероятным. Значит, первоисточники верно сообщают об участии Степаноза II в строительстве Джвари. Как было указано выше, Степаноз мог стать правителем Картли лишь после смерти отца, т. е. не раньше 642 г. Продолжалось ли строительство Джвари и в годы его правления?

Г. Н. Чубинашвили устанавливает, что Степаноз II в рельефах южного и восточного фасадов изображен не как правитель-эриставар, а в качестве «одного из членов эриставарской семьи, одного из будущих претендентов на престол...» [192, с. 147]. Но из того факта, что один только он изображен вторично, исследователем делается заключение, что это «показывает значительность его вклада в постройку, ценность его» [192, с. 155]. В пользу такого вывода говорит и отсутствие какого-либо титула в надписях его изображений (если толь-

ко под «*Сти*» ничего подобного не скрывается). Дополнительным и веским доказательством может служить отсутствие его имени в ктиторской грузинской надписи на постаменте креста. Очевидно, он принимал в строительстве деятельное участие (источники не случайно упоминают его как правителя, известного своей богобоязненностью и церковным строительством), но это было в тот период, когда подлинным ктитором храма был и считался здравствующий его отец Адрнерсе. А этот период мог охватывать, как мы убедились выше, 626/27—641/42 гг., когда он являлся наследником.

Итак, строительство Джвари продолжалось и в годы, когда Степаноз был претендентом на власть. Оно окончилось между 626/27—641/42 гг. То обстоятельство, что братья или соправители Адрнерсе не упомянуты ни в одной из надписей Джвари и не изображены, может найти лишь единственное объяснение: к этому времени они уже были лишены власти Ираклием. Тем самым становится более понятным сведение из «Обращения Картли», где говорится о недостроенности Джвари в 626/27 г. при приходе Ираклия⁴².

Уже отмечалось, что в ктиторской грузинской надписи упоминаются трое строителей: патрикий Степаноз, ипаты Деметре и Адрнерсе. Формула „სულთა და ჯორცთა მათთა შეხად“ (т. е. «в помощь их душам и телу») не может служить доказательством того, что при выдушам и телу») не может служить доказательством того, что при выдущении этой надписи все трое были живы; как мы уже убедились, Адрнерсе в период завершения строительства был ипатом, стоящим у власти, и, естественно, о нем не могли сказать лишь „სულთა (resp. სულთა) შეხად“, но и нельзя было в одной надписи дать две разные формулировки—для усопших и здравствующих, когда все трое одинаково являлись ктиторами. Поэтому была найдена умело обобщенная формулировка, не позволяющая в то же время считать их правителями-современниками. Они не были таковыми, и сокращенность армянской надписи, как мы отметили, стала возможной именно благодаря этому обстоятельству.

А. Г. Шанидзе отметил, что *b* (ბჟუჳ) в надписи с изображением Деметре является объектным префиксом третьего лица [369, с. 277—278], а это явление более архаичное, чем *ჟუჳ* в надписи Адрнерсе. И. А. Джавахишвили, как известно, датирует надпись на изображении Деметре приблизительно 591—600 г., надпись же Адрнерсе—626—634 гг. [375, с. 282—291]. Теперь мы знаем, что эта хронология должна быть изменена, т. е. обе надписи восходят к 626—642 гг. За столь короткий срок (30—40 лет) в истории грузинского языка не могло

⁴² Высказано предположение (А. Б. Еремян), что церкви в Армении и Грузии с тремя окнами на восточных апсидах являются диофизитскими (против этого тезиса выступает З. Н. Алексидзе, но приводимые им доказательства неубедительны). Вопрос этот нуждается в спокойном и беспристрастном исследовании. Джвари, как известно, имеет три окна и, следовательно, в годы правления Степаноза I строительство памятника не было доведено до уровня окон, ибо грузинская церковь стала официально диофизитской после армяно-грузинского церковного разрыва в 608/9 г. Как видно, грузинские первоисточники достаточно достоверны, когда называют Степаноза строителем Джвари. Ими констатирован сам факт, а не подробности и размеры соучастия Степаноза.

⁴¹ Новое и отчасти дополненное издание этих надписей см. [78, с. 162, 165].

произойти такого достаточно существенного изменения—исчезновения объективного префикса третьего лица. Очевидно, эта тенденция всплыла под влиянием живой разговорной речи и нашла свое выражение в надписи Адрнерсе. Но традиционная—книжная—форма еще долго сохраняла свое существование, превращаясь в параллельную.

На основании всего вышеизложенного можно заключить:

а) Джвари был построен не в 586/7—604/5 гг., как это принято считать в литературе, а несколько позже. Памятник заложен в последние годы правления Степаноза I, не раньше первых пяти лет VII в., им и его братом Деметре. Строительство, недавно начатое, было приостановлено в годы персидского владычества и возобновлено после 626/27 г.

б) Завершение памятника имело место до 642 г., при правителе Адрнерсе.

в) Армянская надпись, как и ктиторская грузинская, на постаменте креста была высечена по завершении всего памятника, т. е. не раньше 30-х и не позже 40-х гг. VII в.

В переписке 607—608 гг., содержащейся в «Книге писем», неоднократно говорится о Мцхетском кресте, к которому обращались как грузины, так и армяне [26, с. 164—165, 169, 171, 178]. Это было до того значительным фактом, что католикос Абраам в своем циркулярном послании (608/9) считает необходимым специально предупредить паломников-армян не делать этого в дальнейшем [26, с. 194]. Однако наставления духовного отца не имели и не могли иметь решающего значения в подобных вопросах, ибо простые верующие мало разбирались в сложных догматических спорах, и что самое главное, были и армяне-диофизиты, для которых после армяно-грузинского церковного разрыва Мцхетская святыня становилась все больше и больше «своей» в конфессиональном отношении. Напрасно надеялся католикос, что его посланием будет положен конец всем армяно-грузинским отношениям, за исключением торгового обмена. Сношения эти, продиктованные повседневной необходимостью, продолжались во всех областях жизни. С церковным разрывом мало считались, а порой и вовсе его игнорировали влиятельные правители этих стран, хотя былой интенсивности и сплоченности уже не было. Поэтому не должно вызывать удивление наличие армянских надписей в духовных центрах соседней Грузии, так как разногласия определялись не на национальной, а на конфессиональной основе. Армянская надпись на постаменте креста, высеченная после церковного разрыва, является доказательством посещаемости этого места армянами, больше всего армянами-халкедонитами. Но надпись была вызвана не только «международностью» святыни. Ее посещение армянами не прекратилось бы и при отсутствии ктиторской надписи, точнее—ее краткой копии на армянском языке. Очевидно, была и другая причина, побудившая ктиторов снабдить постамент и армянской надписью.

Уже было отмечено, что буква *Թ* в конце армянского текста надписи в два раза крупнее букв самой надписи, высечена иным графическим принципом и совершенно отдельно стоит от всего текста. Это значит, что под этой графемой нельзя искать дату надписи (допустим, в виде [*ԹՈՒԻՆ*] или какое-либо недописанное слово, продолжающее

повествование надписи. Армянская надпись, как мы убедились выше, подобно грузинской, кончается полноценным выражением: даты же нет и в грузинской. Можно высказать предположение, что под буквой *Թ* скрывается имя человека, имеющего определенное отношение к строительству. По всему видно, что резчик намеревался назвать имя этого человека полностью и поэтому *Թ* расположил на самом краю грани. Теперь, конечно, трудно сказать, по каким обстоятельствам полное воспроизведение слова стало невозможным. Ясно одно—эта графема оказалась высеченной далеко не случайно. Любопытно, что рельеф на южной грани барабана, на котором, по единогласному утверждению специалистов, изображен архитектор Джвари, не снабжен надписью, хотя для таковой отведено специальное место⁴³.

Г. Н. Чубинашвили, говоря об изображении архитектора, заключает: «Очевидно, художник, желая также увековечить свое моление, не осмелился не только поместить изображение внизу и в крупном масштабе, но и изобразить перед собой какого-либо предстателя и выразить свое моление в словах надписи: он только придал фигуре молитвенную позу» [192, с. 148]. Фактически, отсутствие надписи на изображении архитектора при наличии места для таковой не находит себе объяснения при всех существующих ныне толкованиях. Невольно возникает вопрос: не вызвано ли отсутствие надписи у изображения архитектора и неполнота собственного имени на постаменте креста под армянской надписью одними и теми же причинами?

На стенах Джвари, как известно, сохранилось большое количество каменотесных знаков⁴⁴. В частности, буквенные знаки представляют имя того или другого мастера, вырезанное в некоторых случаях по трафарету-форме, но не всегда в одинаковой позиции. Относительно знаков, не представляющих алфавитных единиц, трудно сказать что-либо определенное, но естественно, что грузинскими буквами должны были пользоваться каменотесы-грузины, а армянскими—армяне. Рассмотрение каменотесных знаков Джвари в изложенном аспекте приводит нас к следующему заключению:

Ա Գ Գ Բ Բ Ն Ճ Ճ Ս Ս Լ Լ Լ (=ՍԻ?)

Պ Պ Ճ Ժ Ս Դ Կ Օ

⁴³ Данное М. А. Чхиквадзе объяснение будто надпись не сделана, так как «была бы все же настолько мелкой, что она не читалась бы снизу» [197, с. 17], нельзя считать удовлетворительным, ибо речь идет не об отдельной надписи, а о сопровождающей изображение. Хорошо ли читалась она снизу или плохо—факт не первостепенной важности; в ней должен был быть назван архитектор с соответствующим молитвенным обращением, сообразно с его молитвенной позой на изображении, как это налицо при изображении ктиторов. К тому же совершенно непонятно, по каким доводам надпись, обнаруженную «рядом с барельефом на соседней грани крупным угловатым алфавитом» (там же), М. А. Чхиквадзе относит к изображению архитектора? В лучшем случае, названный в надписи «Микаэл Тхели» (Тхотели?)

зинского церковного разрыва Мцхетская святыня для халкедонитов-армян все больше и больше становилась «своей» в конфессиональном отношении. Следует указать, что в период строительства и завершения Джвари число халкедонитов-армян в Грузии, вероятно, значительно увеличилось. После упразднения Аванского халкедонитского католикосата (605/7 г.) приверженцам этого толка было предъявлено определенное требование: либо отречься и вернуться в лоно монофизитской церкви, либо покинуть Армению. Помимо некоторых намеков на это в «Книге писем» [26, с. 151—152], мы располагаем и прямым указанием в «Narratio de rebus Armeniae» [388, с. 42]. Изгнанные епископы нашли приют в Тайке (Тао) и в стране ромеев⁴⁸, но, несомненно, они могли оказаться и в близлежащей Восточной Грузии. Это обстоятельство значительно повлияло на церковные отношения армян и грузин: общение теперь происходило преимущественно в конфессионально одинаково настроенных кругах. К тому же, начиная с 30-х гг. VII в., в десятилетний период патриаршества Езра (630—641) было достигнуто вероисповедное соглашение с императором Ираклием и духовными лицами Византии, что способствовало оживлению антимонафизитских настроений в армянской церкви. Криптографированная надпись Езра в Аване отчасти свидетельствует о наличии носителей данного настроения [237, с. 22—26]. Все это делало естественным явлением культурное и церковное общение армян и грузин, а имевшее место церковное отделение этих народов—в значительной степени формальным, если рассматривать вопросы в широком плане. Поэтому нельзя не согласиться с К. С. Кекелидзе, когда при обзоре первого периода истории древнегрузинской литературы он заключает: «С половины шестого века, под влиянием разных культурно-исторических обстоятельств, в Армении и Грузии начинается процесс национализации церковной жизни, который в начале седьмого века (609) кончается формальным разделением этих двух церквей. Однако формальным разделением церквей не прекращается общность литературных традиций. И после отделения в церкви Армении одно время халкедонитская фракция была сильной и до половины восьмого века или, точнее, до смерти католикоса Иоанна Философа (728) там мы встречаем целый ряд католикосов-халкедонитов, которые в своих паствах развивали старые традиции. На почве этих традиций продолжают культурно-литературная связь и взаимоотношение между грузинами и армянами» [328, с. 47—48]⁴⁹.

⁴⁸ Narratio относит это событие к двадцатому году Хосрова (590/91+20), спустя три года после того, как Абраам стал католикосом (607+3) и к пятому году императора Фоки (602+5). По Себеосу же это произошло после 609 г. (591+18), но раньше 612 г. (591+21). Следовательно, 610 Narratio можно считать приемлемым. В дате же по Фоке имеется ошибка переводчика на греческий язык: сообразно с остальной датировкой тут мы должны были иметь «в восьмом году» (602+8), что в древнеармянском оригинале должно было передаваться буквой *Ϸ*. Переводчик либо воспринял ее как графему *b*, либо же налицо фонетическая передача *Ϸ*—*E*.

⁴⁹ Заключение К. С. Кекелидзе имеет принципиальное значение, ибо автор при повторных изданиях своей книги не счел нужным пересмотреть его, хотя и имелось замечание И. А. Джавахишвили по этому поводу [378, I, с. 322 и прод.].

По сохранившимся в Армении эпиграфическим материалам VII в. известно, что приверженцы византийской ориентации в догматических вопросах при составлении своих надписей не раз прибегали к греческому языку, как бы символизируя этим свою конфессиональную солидарность с ними (имеются в виду надписи Авана и Звартноца). Рассматривая армянскую надпись Джвари в таком аспекте, можно заключить, что ее инициаторы намеревались самым фактом ее высечения выразить солидарность халкедонитов-армян, число которых к моменту высечения надписи (не раньше 30-х и не позже 40-х гг. VII в.), как уже отмечалось, значительно увеличилось не только в Грузии (точнее—в ее армянских поселениях), но и в самой Армении⁵⁰.

Положение армянской церкви в системе церковных организаций стран Закавказья до начала VII в. (*Primus inter pares*), приобщенность к культурным и литературным достижениям восточной церкви и ряд других обстоятельств (в том числе и наличие поселений армян в Восточной Грузии и Албании) значительно расширили ареал употребления армянского языка. Видимо, определенная часть духовенства названных стран понимала его: отсутствие многих документов «Книги писем» на грузинском и албанском языках, очевидно, вызвано не только тем, что они утрачены, но и отчасти отсутствием их грузинских и албанских вариантов. Армянскую надпись VII в. мы находим и в албанском храме в Мингечауре, в крупном духовном центре страны, и, опять-таки, наряду с текстом надписи на местном литературно-богослужбном языке, на этот раз албанском. Какого они были содержания—пока неизвестно⁵¹, но их «сосуществование» никак не является случайным фактом. Армянский язык, быть может, к тому времени ощутимо вытеснил албанский в рамках литературного и богослужбного его применения, чего никак нельзя сказать по отношению к грузинскому, но что он, армянский язык, был понятен многим служителям церкви и представителям знати Восточной Грузии—в этом едва ли можно сомневаться (по инициативе грузинского князя Нерсе в 678 г. с греческого на армянский было переведено «Житие Сильвестра» [391, с. 402; 198, с. 303; 168, с. 85]). Следовательно, армянская надпись храма Джвари могла функционировать на уровне ктиторских записей, будучи и понятной, и правомерной своим присутствием.

Наличие армянской надписи на постаменте Мцхетского креста в церкви Джвари никак не может служить доказательством существования армянской общины в Мцхета, ибо она по существу пересказывает содержание грузинской строительной надписи; участвующие же в строительстве Джвари каменотесы-армяне, пометки которых сохранились на стенах храма, необязательно были местными жителями. Как правило, группы мастеров по завершении одной работы переходили к другой, и чаще всего—в другом населенном пункте⁵².

⁵⁰ Речь идет о ктиторской надписи. Надписи иного содержания и типа не могли иметь подобное назначение, хотя и вовсе безразлично, на каком языке они высечены.

⁵¹ Имеющиеся в литературе попытки их дешифровки не внушают доверия.

⁵² Архитекторы-каменщики при выборе работы вовсе не считались с конфессиональной принадлежностью сооружаемой культовой обители. В силу этого обстоя-

В разноязычных источниках VIII—XVIII вв. нет сведений об армянах в Мцхета. Нужно полагать, что такое молчание вызвано действительным отсутствием общины, хотя отдельные семьи, возможно, здесь и были. Эта оговорка вызвана существованием армянских общин в некоторых селах в окрестностях Мцхета (Мухрани, Кавтисхеви, Дзегви, Цилкани, Канда и т. д.)⁵³, откуда они могли оказаться и в самой Мцхета. Во всяком случае для подобной догадки есть основание. На южной стене западного входа храма Светицховели сохранилось надгробие католикоса Доментия II (1660—1676), сына мухранбатона (владельца Мухрана) Кайхосро, со следующей эпитафией [ср. 386; с. 31]:

ბაგრატონთა ძე
ბატონი კ(ა)თ(ოლიკო)ზი დომენტი. მიცვალ-
ა სეკტენბერის კბ გასულსა,
ქ(რონი)კ(ო)ნსა ტნიდ. 1676.

Табл. I, 2

Перевод: «Багратионов сын владыка католикос Доментий. Преставился к концу 22 сентября, хроникона 364-го, 1125 (= 1676 г.)»⁵⁴.

Относительно даты, высеченной армянским унциальным письмом, М. Смбалянц полагает, что «будучи армянином, высекавший надпись мастер высек и эту дату» [273, с. 367—368]. В принципе такая интерпретация верна, но эпитафия католикоса составлялась не мастером, а компетентным священнослужителем, и мастер Асламаз Карашвили едва ли посмел приписать еще и армянскую дату. Видимо, происхождение католикоса из Мухрани, где проживало немало армян, его принадлежность к роду Багратиони (Багратидам), которых армяне считали носителями и своих национальных интересов, побудили составителя эпитафии приложить и армянскую дату. Как бы то ни было, наличие этой даты подразумевает и наличие армяноязычного читателя⁵⁵,

тельства мастеров-армян, участвовавших в строительстве Джвари или Атенского Сиона, необязательно нужно считать приверженцами халкедонитского толка. В сочинении Абусеридзе Тбели «Житие мастера (квитхуро) Васили» (XIII в.) рассказывается о том, как этот мастер-грузин отправился «в страну Сомхити, вблизи Тбилиси» и построил там «церковь чужих» (уцхота эклесий) [61, с. 4], т. е. монофизитов-армян. Собственно, такая взаимность допустима не только в рамках христианских толков, но и между приверженцами христианства и ислама.

⁵³ В грамоте католикоса Мелкиседека (20—30-е гг. XI в.) среди приобретенных и подаренных им храму Светицховели деревень две носят явно армянское название—/Во/оротан (в Коле) и Бердадзор (в Сакоети), но из одного названия нельзя делать заключения об этнической принадлежности населения и к тому же, если даже они и были населены армянами, то их контакт с католикосатом заключался лишь в исполнении своей экономической повинности, и переход их жителей в Мцхета едва ли был возможен по нормам феодального права.

⁵⁴ Ниже этой эпитафии, на той же грани надгробия, имеется поминальная надпись мастера: ფრიად ცოდვლს ასლამაზ ყარაშვილ ! ის დაბაწერია, ვინც წაიკითხოთ ლ(მერ)თ(ა)ბ...—«Написано весьма грешным Асламазом Карашвили, кто прочтёт—да господь...»

⁵⁵ На это указывает и то обстоятельство, что грузинские священники, сопровождающие М. Смбалянца в 1892 г., восприняли армянскую дату как орнамент (нахши).

сам же Асламаз Карашвили является представителем мцхетских армян.

Армянское население Мцхета заметно увеличилось во второй половине XVIII и в начале XIX вв.⁵⁶. Мы лишены возможности конкретизировать—из каких именно мест и в силу каких обстоятельств начался приток армян в этот город. По всей вероятности, кроме жителей картлийских деревень, здесь могли оказаться и переселенцы из Гандзака, Карабаха, Лори и даже Араратской долины, т. е. из тех местностей, откуда переселялись в Тбилиси в XVIII в., особенно в годы царствования Ираклия II и позже. Так, по сообщению Гурджизаде, в 30-е гг. XVIII в. Ибрагим паша переселил из Гянджи (Гандзака) в Тбилиси «3000 рая из рода армян» [69, с. 51]⁵⁷. В те годы Мцхета выглядела «дабой» (нечто среднее между деревней и городом), поэтому в «Демографической ведомости» от 1770 г. она не фигурирует. Ее оживление было связано с общим экономическим и культурным подъемом страны.

При Ираклии II наступили сравнительно мирные времена, и города Картли и Кахети становились многочисленными центрами ремесла и торговли. Умножение армян в Мцхета могло быть связано и с этим фактом (следует учитывать и благосклонность грузинского царя к армянам, воодушевленным идеей создания грузино-армянского царства во главе с Ираклием). Однако с нашествием Ага Мухаммад-хана и разорением города Тбилиси и его окрестностей (по словам очевидца, «Дома в Цхете также все были выжжены, и повсюду валялись множество убитых жителей; а монашествующие все разбежались» [6, с. 102]) обстановка круто изменилась, а с упразднением грузинского царства пришел конец последним таким попыткам.

В 1851 г. в Мцхета была построена армянская церковь св. Богородицы. Она не дошла до наших дней, но сохранилась ее двуязычная строительная надпись. В 1976 г. плиты с надписями находились во дворе храма Светицховели и были сфотографированы С. Дарчиняном, любезно предоставившим их в наше распоряжение (местонахождение этих плит ныне автору этих строк неизвестно):

ՅԱՄԻ Տ(ԵԱ)ՌԵ 1851:
ԿԱՄԱՐ ԵՒ ՈՂՈՐՄՈՒ(ԹԵԱՄ)Բ Ա(ՍՏՈՒ)Ծ(Ո)Յ ԵՄ
ՅՈՎԱԼՔ ՅՈՎԱԼՆԻՍԵ(Ա)Ն ԷԲԷՆ-
ԴԵԱՆՅՍ, ՇԻՆԵՑԻ ԶԱՅՍ ԵԿԵ-
ՂԵՑԻՍ ՅԱՆՈՒՆ Ս(Բ)Բ(Ո)Յ Ա(ՍՏՈՒԱ)ԾԱԾ—
ՆԱՅ Ի ՅԻՇԱՏԱԿ ՀՈԳԻՈՅ Ի-
ՄՈՅ ԵՒ ԿՈՂԱԿՅԻՆ ԻՄՈՅ ՆՈՒ-
ՆԷԻ ԵՒ ՀԱՄՕՐԷՆ ՆԵՋԵՅԵ-
ՀՈՅ ԻՄՈՅ ՎԱՍՆ ՀՈԳԵՈՐ
ՕԳՏԻ ՀԱՅԱԶԳԻ ԺՈՂՈ-
ՎԲԴԵԱՆ ՄՅԻԹԱՅ:

Табл. I, 3

⁵⁶ В сентябре 1848 г. в Мцхета побывал акад. М. Броссе, согласно сообщению которого в городе было 80 дымов грузин и 40 дымов армян [386, с. 21].

⁵⁷ О том, что происходило в те годы в Мцхета и как вероломно поступал католикос Доментий III, подробно рассказывает Абраам Ереванци [23, с. 3—8, 87—90].

წელსა 1851.

ნებითა და შეწევნითა ღუთისათა მე იოსებ ოპანეზას-ძე ეგენდიევიან აღვაშენე ეკლესია ესე ყ(ოვლა)დ წმინდა ღ(უთ)ისმ(ო)ბლისა მოსახსენებლად ჩემ და მეუღლისა ჩემისა ნინოსი და ჩვენთა წინაპართა გარდაცვალებულთა, ხოლო შესაწევნელად სომეხთა გვართა მცხეთისათა.

Табл. I, 4

Перевод⁵⁸: «В лето господне (—) 1851. Волею и милостью (помощью) бога я, Йовсен (Иосеб) Йоганнэсович (Оганезович) Экэндянц (Эйендиев) построил эту церковь во имя (—) святой (всесвятой) Богородицы в память души (—) моей и супруги моей Нунэ (Нино), а также всех (—) усопших моих (+ предшественников) ради духовной (—) пользы (помощи) армянского рода в Мцхета».

Проблемы так называемой малой миграции населения в рамках одной или нескольких сопредельных провинций в кавказоведческой литературе еще не стали предметом специального исследования, хотя для выяснения вопросов этнической, хозяйственной, политической и культурной истории региона они представляют несомненный интерес. Эпиграфические памятники констатируют наличие той или иной этнической группы в данном поселении, но почти не содержат данных по самому процессу (побуждений и путей) имевшей место миграции. По одной небольшой двуязычной надписи из с. Дзегви Мцхетского района можно заключить, что в 50-е гг. XIX в. в Шида-Картли переселились группы жителей из поселений Квемо-Картли. Надпись, разумеется, прямых свидетельств не содержит, но тем не менее дает основания для подобной интерпретации:

სომხის წმ(ილა) გიორგი.
Թխլքի ս(ուր)բ Գեորգ:
ჩუგე—სა.

Табл. I, 5

Перевод: «Армянская [церковь] св. Георгия. Телетский св. Георгий. [В лето] 1865»⁵⁹.

Церковь могла называться «Телетской» прежде всего потому, что

⁵⁸ Имеющиеся незначительные разночтения грузинской редакции даны в скобках. Отсутствие слова или добавления обозначены соответствующими знаками (—) и (+). Они относятся к тому слову, рядом с которым стоят.

⁵⁹ В Дзегви имеется и вторая армянская церковь, так называемая Кладбищенская, которая, однако, не снабжена надписью. Ее этноконфессиональная принадлежность известна по живой памяти местных жителей, а также наличием эпитафии священника местной армянской общины рядом с церковью: «ՆՆՐՄԵՆ ՇԻՈՅՆԱՆՑ—მღვდელი ნერსესა შიოთაძე. Ծն[նԱ.] 1840 թ., վԱնձ[ԱՆՆԱ.] 1875 թ. (табл. I, 6).

ее строили переселенцы из местечка Телети вблизи Тбилиси⁶⁰. Позволительно полагать, что из сел Квемо-Картли переселялись не только в Дзегви, но и в остальные деревни вокруг Мцхета, а также в самую Мцхету.

Армянские культовые сооружения сохранились во многих селах нынешнего Мцхетского района, но надписями на армянском или грузинском языках снабжены лишь некоторые из них. В частности, они имеются в следующих поселениях:

Ничбиси (точнее—Шуа Ничбиси, или Цихисубани). Над западным входом армянской церкви:

ჩუგე. ეკლესია ავაშენეთ
ჩვენა სომხისა საზოგადო-
ებამა ჩვენი საკუთარი შ[რ]ომ-
ითა.

Табл. I, 7

Перевод: «1867. Церковь построили мы—общество армян, своим собственным трудом».

Дигами (или Дигвами). Вправо от входа армянской кладбищенской (Квирацховели) церкви сохранился фрагмент надписи—одно слово под титлом:

Տ(է)Ր—Господь.

Табл. I, 8

Имеющиеся здесь эпитафии свидетельствуют о двуязычности местного армянского населения: встречаются эпитафии не только на армянском или грузинском языках, но и двуязычные—армяно-грузинские. Вот образец из последней группы:

ԱՍՏ ՀԱՆԳՉԻ ՄԱՐՄԻՆ
ԽԱՆՔԵՐԻ ԵՒ ԱՄՈՒՍԻՆ
ՍՈՒՈՄՈՆ ԹՈՓՉԵԱՆՅԻ:

აქ განსვენებს მეუღლე
სოლომან თოფჩიევისა.
გარდაიცვალა 1897 წ.
აპრილის 16. დამრჩა
2 ასული და 1 ძე. მხილვე-
ლნო, გთხოვთ თითო პირი
შენლობა მალისსოთ. 55 წ.

Табл. I, 9

Лиси. Напротив церкви св. Георгия сохранилось надгробие со следующей эпитафией:

⁶⁰ О с. Телети и имеющихся в нем древностях см. [346, с. 92—99]. Кстати, с конца XIX в. протонереем церкви в Телети был представитель рода Шноян Саргис—сын или внук похороненного в Дзегви Нерсеса [205].

ԼԻՍԵՅԻ ՊԵՏՐՈՍ ԻՅՈՎՀԱՆՆԻՍԵԱՆ ԻՅՈՎՀԱՆՆԻՍԵԱՆՅ, ՎԱԽՁ.
1885 Ս. Ի ՀԱՍՍԿԻ 89 Ս. Երգճր[ց] | Երգճր[ց] | Երգճր[ց] | Երգճր[ց].

Табл. I, 10.

Перевод: «Лисец Петрос Иованнэсович Иованнисянц. Скончался в 1885 г. в возрасте 89 лет. Петрэ сын Охана».

Клдани (Грдани или Джохтанисхеви). На северной стене армянской церкви св. Георгия имеются два примитивно исполненных хачкара. Видимо, на одном из них, в правой части обрамления, была высечена надпись, которая основательно выветрилась, и просматриваются лишь следы отдельных букв—*ՄՐ ԽԱՉՍ* (?)—«Сей св. крест (?)». (Табл. I, 11—12).

* *
*

Археологическое исследование древней и средневековой Мцхета продолжается. Нужно надеяться, что выявляемые новые материалы со временем будут сопоставлены с данными эпиграфических и нарративных источников и тем самым откроется возможность изучения этнической истории «града жидовского и многолюдного», как его характеризует Арсений Суханов [101, с. 66].

МУХРАНИ

По этимологии Вахушти, топоним *Мухрани* происходит от слова «мухани» [93, IV, с. 348], т. е. «мухари», что значит «дубрава, дубняк». Если так, то эта местность впервые упоминается в Челишской редакции «Обращения Карти» (в Шатбердской редакции лист утрачен) в связи с событиями IV в., которые привели к обращению в христианство царя Мириана [103, I, с. 135]. Близость к административно-духовному центру страны, выгодное географическое местоположение—защита горами и наличие плодородной долины—во многом предопределили значимость Мухрани в политической и хозяйственной жизни Картли. Существует предположение, высказанное Н. А. Бердзенишвили, согласно которому в систему агарков Великой Мцхета следует включить и Мухрани [296, I, с. 318, 413, 418], а главная центрально-картлийская (шидкартлийская) дорога проходила по линии Мухран—Дзалиса—Цилкани. Как бы то ни было, Мухран/Мухари часто упоминается в древнегрузинских источниках—как нарративных, так и документальных. Леонтий Мровели говорит о прибытии при Амазаспе Аршакиде осов (аланов) «с северных краев города, что есть Мухари» [93, I, с. 55]¹, а интерполятор текста Джуаншера помещает с. Цилкани в «страну Мухнарскую» [93, I, с. 212]. Из этих (и многих других) свидетельств видно, что населенный пункт Мухрани был общезвестен и примечателен во многих отношениях. Тут охотились грузинские цари (Мириан, Давид Строитель [93, I, с. 361], разбивали лагерь войска [93, I, с. 202; 98, II, с. 105], имелась «господская земля» («ху-дабун»-и), завещанная Давидом Строителем монастырю Симеона Чудотворца [98, II, с. 16] и т. д.).

До XIV в. включительно Мухрани и окрестности являлись частью царского домена [296, I, с. 412]², однако в 60-х гг. XV в. в жизни Грузии произошли события, в корне изменившие и статус Мухрани. В 1466 г. перестало существовать единое грузинское царство, и в стране возникло несколько новых административно-политических образований—царств и княжеств, со сложными и осложненными под влиянием внешнеполитических факторов отношениями. Наряду с Картлийским,

¹ В русском переводе Г. В. Цулая: «...явились овсы с севера к северной стороне города, который называется Мухари...» [16, с. 35]. Нам кажется, что у Мровели под «городом» подразумевается *Мцхета*, а Мухари указывает на локализацию «северных краев». «Город Мухари» фигурирует и в указателе I тома «Картлис цхо-вреба» [93, I, с. 413].

² Неудивительно поэтому, что Шиомгвимский монастырь был пожалован Зевдгинидзе—предку рода Амилахваров.

Кахетинским и Имеретинским царствами в полусамостоятельную единицу выделялись и некоторые княжества, в том числе «княжество Мухрана» — «Самухранбатано». Воспользовавшись трениями между правителями Картли и Кахети, младший брат царя Баграт в 1512 г. вынудил Давида X пойти на уступки, выделить ему из царского домена территорию и образовать княжество с центром в Мухрани [ср. 364, IV, с. 217—219]. Вскоре Баграт приступил к строительству крепости, которая защищала его резиденцию с юга, а это значит, что он преграждал путь прежде всего царям Картли и Кахети, хотя сам «мухранбатони» и являлся воеводой всего центральнокартлийского «садрошо», объединявшего армию ксанского и арагвайского эриставств³. В отличие от остальных удельных правителей Баграт и его преемники (даже когда они именовали себя царями) политически были связаны с Картли. Иногда они занимали нейтральную позицию в соперничестве и столкновениях царей Картли и Кахети, как это было, например, в 1520 г., когда Леван Кахетинский и владетельный князь Гурни (Гуриела) встретились в Мухрани, чтобы выступить против Давида, «стоявшего лагерем в сел. Ничбиси» [296, II, с. 100]. Все это, разумеется, было результатом политического и экономического распада страны, и немаловажную роль здесь играли внешнеполитические обстоятельства. Царь Картли неоднократно пытался задобрить иранского шаха, но тем самым вызывал гнев турецкого султана. Практически невозможно было одновременно бороться против внешнего неприятеля и обуздывать центробежные стремления крупных феодалов. «Политический распад феодальной Грузии,— писал Н. А. Бердзанишвили,— происходил в условиях окончательно победившего крепостничества и развившегося феодального иммунитета, вследствие экономического регресса и хозяйственной деградации, что в свою очередь явилось результатом весьма сложного переплета сословно-классовых и внешнеполитических отношений» [296, II, с. 86].

Привлечением новых поселенцев, в том числе и армян, была предпринята попытка противостоять экономическому распаду страны, в то же время увеличить до известной степени число лояльно настроенных крестьян. Во всяком случае, продолжительность, если не сказать регулярность, приема новых потоков переселенцев свидетельствует о злободневности проблемы и надежности тех, кого владельцы края заселяли в центральных областях страны. Этот вопрос заслуживает, на наш взгляд, специального исследования.

Сведений о начале поселения армян в Мухрани в имеющихся в нашем распоряжении источниках нет. Надо полагать, что это произошло одновременно с образованием армянской общины в близлежащей Канде, т. е. во второй половине XV в. Отсутствие армянской церкви, близкой по времени кандийской, говорит о сравнительной малочисленности армян в Мухрани, хотя не исключено, что она могла и не сохраниться до наших дней⁴.

³ Подробно об этом и списки «садрошо» см. [331, с. 121—128, 129—151].

⁴ У жителей Цихисдзири сохранилось предание, согласно которому мухранцы являются выходцами из их села, но на достоверность данного сообщения едва ли можно положиться.

На восточной апсиде церкви Григория Просветителя в Мухрани сохранился хачкар, вставленный при строительстве, но созданный в качестве отдельного мемориального памятника гораздо раньше. Наклон верхней части, следы каменного выступа внизу явно указывают на самостоятельное назначение хачкара. Орнамент крыльев креста, их удвоение в виде трехлепесткового цветка, манера переплетения линий с отметками в точке пересечения выявляют некоторую общность с крестом строительной надписи в Кавтисхеви, датированной, как убедимся ниже, 1595 г. Наблюдаемые различия (в изображении древа жизни, переплетенный и обрамленный орнамент с трех сторон) могли быть вызваны самим назначением хачкара.

Верхняя лицевая часть хачкара из Мухрани по традиции отведена на надписи, которая гласит:

Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱՉՍ ԱՒԳՆԱԿԱՆ ԿԵՆ-
ԱՅ ԽԷՉԱՅՏՈՒՐԻՆ ԵՒ ԿՈՂԱԿՑ-
ԻՆ ԹԷՐՈՅԻՆ: ԱՄԷՆ

Табл. II, 1

Перевод: «Сей святой крест да будет в помощь Хэчайтуру и супруге Тэто. Аминь».

Текст надписи подтверждает высказанное выше мнение относительно времени поселения армян в Мухрани. Как правило, хачкары водружались с формулой *բարեխառտ* (в заступничество) или *ի իշխանակ* (в память), тут же имеем *աղնական կենայ* (да будет в помощь), что сформулировано не без влияния грузинского языка (*աղնական* соответствует слову *აღწვება*, а *կენայ* — *ყოფა*). Автор надписи не прочь обратиться к литературным нормам родного языка, что видно по слову *աղնական* (произносил он его *агнական*), но ему непонятны *կղիցի* или *իցի*, поэтому он употребляет обиходное *կենայ/կენայ*. Видимо, супруга Хэчайтура родилась и выросла в грузинской среде, о чем свидетельствует ее имя *Թէթ* (Тэто)⁵. Чтобы так сродниться должны были оказывать средой, водружавший крест и его супруга до высечения надписи, что опять-таки указывает на конец XVI или начало XVII в.

Переселение армян в Картли происходило поэтапно и из разных областей, но, оказавшись в новой среде, армяне отдельных картлийских деревень контактировали между собой⁶. Контакт этот был продиктован и конфессиональной общностью, столь существенным моментом в средневековой действительности.

По сообщению мухранцев, следующий хачкар был вделан в стену армянской церкви на старом кладбище Шиосубани, однако наши поиски этого хачкара оказались безрезультатными; все три церкви

⁵ Это имя (с вариантами Тэти, Тэтуа) бытует в грузинской среде и поныне [см. 367, с. 183].

⁶ Разумеется, контакт с грузинской средой был более тесным, ибо жили они вместе, у одних и тех же землевладельцев, имели одинаковые заботы. Приверженность армян к своим культурным традициям никак не мешала общению с основной грузинской частью сельской общины. О литературной деятельности и культурной жизни в Мухрани см. [350, I, 1, с. 251—254].

ваемый «дом пилигрима», с армянской и грузинской надписями слева и справа от входа. Надписи датированы началом нашего века и, таким образом, не входят в хронологические рамки нашего исследования, но они достаточно уникальны по своему содержанию, почему и считаем возможным привести их:

ՍՆՆԱԿՍ ԱՅՍ ԿԱՐՈՒՅԻ ԱՆՆԱ ՂԱՐՂԱԶՆԱՅՍ Ի ՅԻՇԱՏԱԿ
ՀԱՆԳՈՒՅՆԼՈՅ ՀՈՐԸ ԵՒ ՄՕՐ ԻՄՈՅ ՅՈՎՍԷՓ ՅՈՎՍԷՓՆԱՆՅԻ ԵՒ
ԱՄՈՒՍՆՈՅ ԻՄՈՅ ԶԱՔԱՐԵԱ ՂԱՐՂԱԶՆԱՆԻ ՈՒՂՏԱԻՈՐՔ,
ՈՐՔ ԲՆԱԿԵՍՅԵՆ ՅԱՅՄՄ ՍՆՆԿԻՍ, ՈՂՈՐՄԻ ՏԱՅՅԵՆ
ՀԱՆԳՈՒՅՆԼՈՅ:

Ի ԺԱՄԱՆԱԿԻ ՏՈՆԻՍ ԵԿԵՂԵՅՎՈՅՍ ԵԹԷ ԼԻՆԻՅԻՆ
ՈՒՂՏԱԻՈՐՔ ԲԱԶՈՒՄՔ ԱՔՏՈՆՈՒԹԻՒՆ ՏԱՄ ԲՆԱԿԻԼ
ԶՔԱԻՈՐԱՅ ԵՒ ՈՉ ՀԱՐՍՏԱՅ:
ԿԱՐՈՒՅԱԻ 1904 ԹՎԻՆ:

На правой стороне входа:

ეს სახლი გავაკეთე ანნა ღარ-
ღადის მეუღლემ, იოსებ ოსეფ-
ოვის ასულმა, ჩემი დედამის
იოსებისა და ქალიას და ჩემი
ძმების გრიგოლისა, ვიორგისა
და ჭომარდისი ოსეფოვებისა
თა ზაქარია და ანნა ღარღადისა
მოსაგონებლათ 1907 წელსა.

Перевод, арм.: «Покой этот построила я, Анна Гаргадзянц, в память почивших родителей моих Йовсэпа Йовсэпянца и супруга моего Закария Гаргадзяна. Пребывающие в этом покое паломники да упокоят почивших. Если же в день праздника сей церкви будет множество паломников, то привилегию жить здесь даю бедным, а не богатым. Построена в 1904 году».

Груз.: «Дом этот в 1907 г. построила я, супруга Гаргадзе, дочь Иосеба Осепова Анна, в память родителей моих Иосеба и Калиа, братьев моих—Григола, Гиорги и Чомарда, а также Закария и Анны Гаргадзе».

Если в датах цифры 4 и 7 не перепутаны, то 1904 г. указывает на дату строительства, а 1907 г.—на высечение надписи.

Эпитафии на надгробиях и тут высечены преимущественно на двух языках—армянском и грузинском. С конца XIX в. преобладают грузинские тексты, что отражает процесс огрузинивания армян-мухранинцев. Двухязычные тексты интересны тем, что в них сохранены традиционные формы передачи собственных имен и фамилий. Так, *Յովաննէս Յովսէփեան Բիճեանց* в грузинской редакции эпитафии назван *იოსებე ოსეფის ძე ბიჭიანցილი*, *Արտեմ Գրիգորեան Զեկորեանց*—*არტემი გრიგოლის-ძე ჩეკურაშვილი* и т. д. В отдельных случаях в грузинских

текстах встречаются русифицированные фамилии типа *სეჩაარტეშ Յովսէփեան Գրիգորեանց*—*лоба осефовис ასული დობღოვე*¹¹.

Эпитафии мухранинских кладбищ могут быть полезны при исследовании армяно-грузинской ономастики, этнической истории поселения и истории ремесел. Указанными выше примерами мы хотели констатировать наличие соответствующего материала. Аналогичный материал имеется и в эпитафиях кладбища близлежащего села Вазнани (бывш. Дампало): *Սանգրո Ծղալորեան Զատեան* в грузинской редакции эпитафии назван *სანდრო წყალობას — ძე ჩატეაშვილი*, *Մովսէս Գարրիլեան*—*მოსე გაბრიელაშვილი* (1870 г.) и т. д. Доказательством наличия армянской общины в этом селе является купольная церковь, называемая у местных жителей «Зумбнани». Ее западная апсида была украшена тремя хачкарами, два из которых (расположенные влево и вправо от входа) основательно выветрились, а на третьем (над окном западного фасада) все еще читаются отдельные слова и сочетания букв:

ԹԻԻ ՌՃՂ:
ԶՀՈ[ԳԻՈՅ]...
ԿՈՂ[ԱԿԻՅ]...
ՀԱՐԻ...
ԿԵՂ...
Գ...
ԱՅ...
Բ...ՈՒԿԻՆ...
...ՍԻ...

Табл. II, 6

Перевод: «В лето 1190 (=1741). Душу..... супруги.....»

Надпись, по-видимому, поминального содержания, по ней можно датировать строительство самого культового сооружения, ибо вставлен хачкар в процессе строительства и, судя по его местонахождению, в надписи назывались лица, выступающие ктиторами.

Вправо от входа, на высоте 0,5 м от земли, высечен небольшой крест, на горизонтальном крыле которого помещена надпись:

Ս(ար)բ Գ(րիգ)ր—т. е. «Св. Григорий»

Табл. II, 7

Можно предположить, что пилигрим, высекший крест с надписью, называя св. Григория, исходил из посвящения самой церкви.

¹¹ Выше говорилось о том, что мухранинцы поддерживали связь с Тбилиси. Она заключалась не только в торгово-экономических сношениях, но и в культурных и бытовых контактах. Это выясняется и по имеющимся здесь эпитафиям. Так, например, мухранин Месроп Тэр-Хачатрян был церковным причетником обители св. Богородицы Вифлеема в Тбилиси (в Мухрани сохранилась его двухязычная эпитафия, датированная 1887 г.), а дочь Манувела Мартирузянца и супруга Закара Амирбеянца посетила Мухран и «скоропостижно скончалась» здесь в 1895 г.

КАНДА

По описанию Вахушти, «Северный склон горы Саркинети до дошвы Канда-цихе, суть [места] виноградных садов, плодоносные, травянистые и лесистые, а в Цихидзири стекает Ксани» [93, IV, с. 351]. Эти обстоятельства, разумеется, не могли остаться незамеченными, и поселение Канда (теперь, собственно, Дзвели Канда—Древняя Канда) с XII в. привлекло внимание, неоднократно упоминаясь в древнегрузинских документах. В «Завещании» Давида Строителя Канда не названа, но, по определению Н. А. Бердзенишвили в Канде находился царский коровник (сапурне) [296, VIII, с. 343]. Согласно грамоте Георгия III от 1170 г., преемник Давида Строителя царь Деметре (1125—1156) превратил Канду в «пристанище охотников» [98, II, с. 23]. Столетием позже, в 70-х гг. XIII в., Зосима Тахойсдзе приобрел у растца Мчедлисдзе обрабатываемую «за два дня» («ори дгис мица») землю под Кандой и подарил ее братии Шиомгвимского монастыря [98, III, с. 166—167]. Из текста «Доходов моурава города», составленного в предпоследнем десятилетии XVIII в., становится известно, что из Канды в Тбилиси на продажу привозили сушеную рыбу («хмели тевзи»), притом в довольно большом количестве, ибо податная доля моурава взимается по аробам (уреми) [98, II, с. 495]. В древности для орошения земель близлежащих сел из Канды брали воду, и следы канав, по словам Н. А. Бердзенишвили, «и теперь хорошо прослеживаются» [296, I, с. 415]¹.

Надо думать, что армяне в Канде оказались не случайно, а скорее всего по распоряжению властителей Грузии, привлекавших армян еще и потому, что они проявляли большое усердие в экономическом развитии края. К сожалению, в источниках нет сведений о начале постепенной инфильтрации или одновременном переселении армян в Канду. И если бы не приводимая ниже надпись, мы бы вовсе не знали о том, что они были там уже начиная с XV в. Надпись эта сохранилась в кладке северной станы армянской церкви св. Богородицы. В средней части плиты изображен крест, окруженный текстом надписи. Правая половина текста читается довольно хорошо, левее же креста имеются небольшие лакуны. Резчик был ограничен размерами плиты и нередко прибегает к лигатуре и вязи. Но унциальные буквы выведены достаточно крупно и отличаются четкостью. По всему видно, что резчик был хорошо знаком как с традицией распределения текста на площади, так и с каллиграфией.

¹ Собственно, на это указывает и само название деревни «Канда», восходящее к новоперсидскому کاند [166, с. 262—268].

+ Ի ԹՎԻՆ ՀԱՈՅ ՁԻ: ԵՄ՝ Տ(Է)Ր
Ա(ՍՏՈՒԱ)ՍԱՏՈՒՐՍ ԵՒ ՈՐԳԻՍ ԻՄ ԿԱԶ-
ԱՏՈՒՐ ԵՒ ԴԱԻԻԹ[Ս], ԵՒ ՀՈ-
ԳԷՈՐ ԱՌ Ս(ՈՒՐ)Բ Ա(ՍՏՈՒԱ)Ս
ԵՂՐԱՐՔՆ ԻՄ, ՈՐՍ Է ՍԱՐԳԻՍ-
Ն, ՍԱՐԿԱԻԱՔՆ ԵՒ ԱՄԻ... ԷՄ,
ՇԻՆԵՅԱՔ Ս(ՈՒՐ)Բ Ա(ՍՏՈՒԱ)ՍԱՍԻՆՍ
ՎԱՍՆ ՀՈԳՈՅ ՄԵՐՈ[Յ] ԵՒ
ՄՆՈՂԱՅՆ: ԱՄԷՆ:

Табл. III, 1

Перевод: «В лето армянское 920 (=1471). Я, священник Астуацатур, и сын мой Хачатур и Давид и духовные мои братья во Христе, коими являются Саргис, Саркаваг и Ами...эль, построили эту [церковь] св. Богородицы во имя [спасения] души нашей и родителей. Аминь».

С филологической точки зрения в надписи имеются интересные отклонения от норм книжного древнеармянского языка, а именно:

1. Слово հայրք представлено в форме հայք, что никак нельзя считать случайным пропуском графемы յ, ибо в армянской эпиграфике известно несколько аналогичных отклонений (Гарни, Норатук и т. д.) [ср. 209, табл.; 259, с. 247; ср. 267, с. 164].

2. Вместо литературного որք հն мы здесь имеем որս է, т. е. форму винительного падежа вместо именительного и единственное число вместо множественного (է—հն).

3. Превратившийся в собственное имя термин սարկաւաք составителем текста произносился Սարկաւաք, т. е. звонкая фонема перешла в глухую—դ—ք.

4. Вместо ожидаемого շինեցաք գտրք Աստուածածինս налицо форма без показателя винительного падежа, что, по-видимому, опять-таки обусловлено влиянием живой речи [см. 267, с. 175].

5. По той же причине слово հոգի в родительном падеже множественного числа представлено в виде հոգք (литературная форма—հոգւոց).

6. В надписи проявляется некоторая склонность к частому приращению показателя определенности—ն. Так, имена Ղաւիթս, Սարգիսն, Սարկաւաքն могли быть и без подчеркнутого показателя, а в слове ծնողացն этот показатель вовсе необязателен.

Отмеченные своеобразия не позволяют, однако, заключить, будто составитель текста не был достаточно сведущ в литературном армянском языке, ибо для XV в. отклонения подобного характера встречаются даже в надписях крупных монастырских центров коренной Армении, не говоря уже о рукописных разночтениях. Но, вместе с тем, следует заметить, что сильное влияние живой речи могло быть вызвано и оторванностью от армянской литературной среды².

² Но эта оторванность не была, по-видимому, длительной, ибо в противном случае следовало бы ожидать ощутимое влияние грузинского языка, чего в тексте нет. Частое обращение к показателю ն характерно для некоторых армянских диалектов, как например, баязетского, однако этого недостаточно, чтобы считать армян Канды

При решении вопроса о времени и причинах поселения армян в Канде следует учитывать данные, содержащиеся в дарственной грамоте ксанского эристава Шалвы Квенипневели от 1470 г. [98, II, с. 138—143]. Она примечательна тем, что составлена всего лишь за год до высечения нашей надписи и, что еще существеннее, относится к Ксанскому эриставству. Согласно сообщениям Шалвы, им за годы правления этой административной единицей возвращены к жизни или заселены несколько поселений—Ахалубани, Иврети, Ередай, Куртай и т. д. Одновременно он отмечает, что Ахалубани основан на необитаемом месте, Иврети лежал в развалинах после арабского правителя Мурвана в 30—40-х гг. VIII в., безлюдными были также Ередай, Куртай и другие [98, II, с. 140—141]. К тому же автор грамоты констатирует следующее: «Из нашей же вотчины мною не убавлен ни один глехи: всех людей привел я из других мест и тем возобновил пустые деревни» [98, II, с. 143]. Располагая таким прямым сведением, мы вправе предположить, что под «другими местами» подразумеваются и некоторые армянские провинции. Во всяком случае, армяне Канды, как это было отмечено при филологическом анализе текста, оказались у берегов реки Ксани незадолго до высечения рассматриваемой надписи. На это указывает еще одно обстоятельство: как правило, строительные надписи начинаются шаблонной фразой благословения, затем называются цари или правители страны, иногда духовные главы, после чего указывается дата строительства. Армянская же надпись Канды опускает всю ожидаемую традиционную часть и начинается датой. Не значит ли это, что будучи недавними переселенцами, строители-армяне еще не успели вписаться в местную политическую обстановку, еще не сориентировались в происходивших событиях, особенно если иметь в виду ту сложную борьбу, которая велась для захвата власти в стране? Как известно, в 1465/6 г. атабек Куаркуаре взял в плен царя Георгия, и царь Багрят VI, воспользовавшись создавшейся ситуацией, перешел из Западной Грузии в Картли и занял царство. В 1468 г. он именовал себя царем «абхазов, картлов, ранов, кахов и армян» [378, IV, с. 94; ср. 98, II, с. 137], спустя два года его называет царем и эристав Шалва [98, II, с. 140], но Багрят не мог быть уверен в своем безраздельном правлении, ибо слишком сильны были центробежные стремления. Самостоятельность царства Кахети, атабеков Самцхе, правителей Самегрело и приближение с юга (из северной Армении) полчищ Узун-Асана делали его титулатуру нереальной³.

В силу всего этого, армяне Канды могли и не знать, что творится в стране Картли и воздержаться от упоминания царей в надписи⁴.

выходцами именно из «Старого Баязета», т. е. из области, находящейся юго-западнее горы Арабат (области Масаецотн).

³ [378, IV, с. 110—111]. По сообщению так называемой «Парижской хроники», Узун-Асан в 1456 г. напал на Картли, «уничтожил и угнал в плен (զձՅԵ-յոժ) до [самого] Ташискар» [102, с. 39]. О событиях предшествующих десятилетий рассказывает Тома Мецопеци. О политической истории Картли интересующего нас периода см. [82, с. 82—85].

⁴ Тут возможна и другая интерпретация: спасенные от занявших Армению войск Узун-Асана и нашедшие приют в царстве Георгия армяне оставались признатель-

Строителями армянской церкви в Канде, по свидетельству надписи, являются, кроме Астуацатура, его сын (сыновья?) Хачатур, Давид, духовные братья Саргис, Саркаваг и Ами...эль, из коих четверо названы священнослужителями. Следовательно, можно заключить, что переселение осуществлялось организованно, всей сельской общиной.

Обосновавшиеся в Канде переселенцы поддерживали контакты с соотечественниками в других поселениях Картли. В частности, они могли интенсивно общаться с армянами в Мухрани, Цихисдзири, Ахалгори, Гори и т. д. В этом отношении примечателен следующий факт: предназначенное для обители Григория Просветителя в с. Бредза рукописное Евангелие (1469) спустя столетие стало дефектным⁵. Оно было вновь возвращено в Гори и по просьбе духовного главы армян Грузии архиепископа Хачатура дополнено и обновлено и отправлено в Канду (1584). Из записи писца Барсега видно, что сам архиепископ Хачатур был выходцем из Канды:

...Արդ, գրեցաւ զպակասութիւնս
ւր. Աւետարանիս ի դռնն և դժար
ժամանակիս, որ զարացան խաւրի-
թրեացիքն (!) և ելեալ մինչև ի
Դարբանդ բռնեցին: Եւ պարոն Սի-
մոն չկարացին հնազանդեցանել.
Խիստ շատ կոտորումն արար Հոռմի
հեծելին: Զ տարի է, որ պատերա-
զելիս (!) է, դեռ հնազանդել չէ:
Ի թղին ՌՂԳ, ի գիւղաքաղաքս, որ
կոչի Գարիի, ի դռնն տիրամար
Աստուածածնին, ի կաթողիկոսու-
թեան տեառն տէր Առաքելի, ի թա-
գաւթեանն Վրաստանա պարոն
Սիմոնի, ի խնորոյ տաշատուր սրբ-
բասէր և կուսակրան արհեսպիս-
կոպոսի՝ յիշատակ հոգոյ իւրոյ և
ծնաւզաց իւրոց՝ հարն Շաքարին և
մարն, և եղբարն Վարդանի և ալ
ամենայն յարեան մերձաւորաց, առ
հասարակ կենդանեաց և ննչեցելոց,

И вот, недостающие [страницы] сего св. Евангелия были написаны в печальное и трудное время, когда усилились хондкарцы и, добравшись, заняли территорию до Дербенда. [Но] парона Симеона не смогли покорить; он истребил огромное множество всадников ромеев (= турков). Шесть лет он воюет и еще не сдался. [Обновлено сие] в лето 1033 (= 1584), в селограде, называемом Горн, под сенью обители Богородицы, в патриаршество владыки Аракела, в царствование в Грузии парона Симеона, по просьбе богоугодного иерея, архиепископа Хачатура в память души своей, родителей своих—отца Шакара и матери, брата Вардана и всех родствен-

ными приверженцами взятого в плен царя, и поскольку в 1471 г. этого нельзя было выразить, то вообще отказались от трафаретного начала надписи.

⁵ Жители с. Бредза ныне армянской называют церковь св. Георгия, в которой похоронены представители рода Мухеловых (Мухелишвили). Если исключить возможность существования еще одной армянской обители, то нужно заключить, что со временем, в процессе огрузинения армян Бредза, св. Григорий был осмыслен (заменен?) как св. Георгий в силу исключительной популярности культа последнего в грузинской среде.

առ հասարակ մեծի և փոքու: Եւ ետ
անջինջ յիշատակ Մուխրան ի բնիկ
գաւառն իւր, որ կոչի Քանդայ՝ ի
վայելումն եղբար որդւոյն Կիրա-
կոս սարկաւաբզին (!), զոր և տէր
աստուած ի կարգ քահանայութիւն
(!) հասուցանէ և վայելել տացէ
մինչև ի խորին ծերութիւն: Ամէն:

Արդ, երեսանկեալ աղաչեմք
զձեզ, ով սուրբ քահանայք, որք
հանդիպիք սբ. Աւետերենիս կար-
գալով կամ տեսանելով՝ լի սրտիւ և
առատ բերանով ողորմի հրամայե-
ցէք պարոնտէր Խաչատուրին և
հոգևոր ծնաւդին՝ պարոնտէր Դաւ-
թին և մարմնաւոր ծնաւդացն՝ հարն
և մարն, քվերացն և եղբարացն (!)
առ հասարակ, ամէն:

...Եւ ես մեղաւք խաւարեալ
մականուն Բարսեղս աղաչեմք ան-
մեղադիր լերուք խոշորութեան գրոյս
և սխալանացս, զի կար մեր աշս
էր...

Ոհ, որ շար ժամանակի ենք դէմ
ելեալ. վասն մեղաց մերոց կու տա-
տանիմք որպէս զալիս ծովու և
մրրիկս հողմոց...

(M 219, лл. 141a—142a)⁶.

В этой примечательной во многих отношениях записи архиепископ Хачатур назван *паронтэром*, т. е. владельцем имения, постригшимся в монахи, родным краем (*բնիկ գաւառ*) которого является Мухрани, в частности Канда⁷. Этот монашествующий феодал и его предки, по-ви-

⁶ Записи того же писца имеются и на лл. 9а, 92б, 140б. Издание подлинного колофона рукописи см. [32, II, с. 191—192].

⁷ Термин *բնիկ* (исконный, коренной, природный, родной) встречается также в сочетании с *ժառանգութիւն* (т. е. *բնիկ ժառանգութիւն*). По мнению Н. Я. Марра, «Родовым наследием (*բնիկ ժառանգութիւն*) владели в армянской церкви священники и дети священников. Армянское духовенство в старину имело двоякого рода собственность, церковную и частную, унаследованную от предков (духовного же звания), т. е. родовую (*բնիկ* букв. коренную, природную, родную). Права духовных лиц

ников по крови, здравствующих и почивших, взрослых и малых вообще. И дал он [эту рукопись] на вечную память в свой родной край Мухран, в [деревню], называемую Кандой, на доброе пользование племяннику—дьякону Киракосу. Да удостоит господь его чина священника и да позволит обладать ею до глубокой старости. Аминь.

И смиренно умоляю вас, о святые иереи, которые увидите сие св. Евангелие, при чтении или встрече, с полным сердцем и щедрыми устами благословите паронтэра Хачатура и духовного родителя [его] паронтэра Давида, а также родителей во плоти отца и мать, сестер и братьев вообще. Аминь.

...Я же, помраченный грехом [писец], именуемый Барсегом, прошу снисходительности за грубость и погрешности; на столько был способен...

Ох, злые настали времена: из-за грехов наших колеблемся как волны морские и вихри бурь...

димому, давно утвердились в Канде, и Барсег называет его *բնիկ*-ом (коренным). В новом поселении социальная неоднородность переселенцев за сто с лишним лет еще больше углубилась. Став священнослужителями, паронтэры Хачатур и Давид освободили (частично?) свои имения от налогообложения. Видимо, не случайно племянник Хачатура Киракос, дьякон армянской церкви в Канде, также встал на путь паронтэрта. Кстати, архиепископ Хачатур, упомянутый в записи после армянского католикоса Аракела, в другом колофоне того же писца назван «патриархом и архиепископом Грузии»⁸, т. е. армян в Грузии, а следовательно, он был главой епархии Ахпата⁹.

Имеющиеся в записи писца Барсега свидетельства по политической истории Картли находят подтверждение в грузинских и других источниках [378, IV, с. 270—275]. Царь Симеон I (1556—1600) был в самом деле неутомимым борцом против иноземцев и, вернувшись из девятилетнего персидского плена, в 1578 г. вновь встал во главе освободительной борьбы грузин. Армянский писец из Гори восторгается его мужеством, которого занявшие страну неприятели «не смогли покорить; он истребил огромное множество всадников ромеев (=турков)»¹⁰. Говоря о «шестилетней борьбе», он имеет в виду энергичные действия Симеона в 1578—1584 гг. За эти годы он «взял крепость Гори, занял Картли, Сомхити и Лорэ», выставил фактически капитулировавшего перед турками Давида XI (Дауд-хана), превратил в союзника колебавшегося между турками и персами царя Кахети Александра II и т. д. Все это обнадеживало писца («не смогли покорить»), находившего свое утешение в копировании рукописи в «печальные и трудные времена», когда он, как и остальные картлийцы (и не только картлийцы) «тряслись как волны морские и вихри бурь». После сражения в Чылдыре «всадники хондкора» еще больше ожесточились, и сложилось такое положение, что Дауд-хан сам «сжег и покинул Тбилиси и отправился в Лорэ».

подлежали известным ограничениям и в родовой собственности, но последняя была, по-видимому, неотъемлема от правопреемствующего рода владельца» [143, I, с. 294—295, прим. 3]. В этом определении пересмотру подлежит положение о том, что владельцы «родовым наследием» непременно должны были быть священниками, «дети священников», иметь предков «духовного же звания» [206, с. 52]. Родители архиепископа Хачатура не имели «духовного звания», но он был «паронтэром». О термине «мкуидри» см. [380, II, I, с. 13—16, 49].

⁸ М 219, л. 9а.

⁹ В требующем дополнения списке епархальных начальников Ахпатского монастыря Хачатур не фигурирует [239, с. 276]. Но поскольку он упоминается в записи 1584 г., то значит он был непосредственным предшественником епископа Маттэоса.

¹⁰ Называя турков «ромееми», автор записи исходит из номенклатуры грузинской среды, где их зачастую называли լճլճ (рум)-ами (см., например, в приводимых И. Джавахишвили экцерптах из источников [378, IV, с. 272—273]). Влияние грузинской среды ощущается и в другой части записи: обращаясь к читателям своей рукописи, он просит *ողորմի հրամայեցէք* (букв. «прикажите»), что является калькой с грузинского—ծրծեցեք.

КАВТИСХЕВИ

Говоря о поселениях картлийской части правобережья Мткуари (Кура), Гюльденштедт отмечает, что этот край «поселен грузинами, местами (hiernächst)—армянами» [68, I, с. 272—273]. К тому же Гюльденштедт знает, что армяне жили вместе с подлинными хозяевами края—грузинами, поэтому выражение «местами жили армяне» не значит, что здесь были какие-то собственно армянские поселения. Как выясняется, в одной из указанных ученым-путешественником деревень, а именно в Кавтисхеви, как и в Ахалкалаки, Эзати и Дзегви, армяне действительно жили¹. В одном из кварталов Кавтисхеви (в старину этот квартал именовался с. Идлети), по сей день называемом «армянским», сохранились две армянские церкви: одна довольно большая и интересная в архитектурном отношении, с притвором, другая (несколько восточнее первой) малая—на территории старого кладбища. Первая дошла до нас в крайне плохой сохранности, фактически в виде развалин. На сохранившейся части стен нет надписи, но среди скатившихся вниз по склону южнее самого сооружения обломков уцелел примечательный хачкар с отбитой гранью, по-видимому, вделанный в стену церкви или притвора при строительстве. Следует отметить, что по своим художественным качествам, в частности резьбы и богатству орнаментальных мотивов, этот памятник является одним из лучших экземпляров среди однотипных армянских хачкаров Грузии, уступаая лишь хачкарам из Ахалкалаки (в Джавахети), Вака и Грени. К счастью, начальная часть надписи, а также помещенная между крыльями креста дата ее высечения сохранилась и читается достаточно четко:

ԹՎԻՆ ՌԻՆԻ:
 Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱԶՍ ԲԱՐԷԽԱՒՍ Է
 ԴԱԻԴԻՆ ՄՆԱ(ԻՂԱ)ՅՆ,
 ԶՈՒՆՆԻԱՐԻՆ ՀԱԻՐՆ Ս-

Табл. III, 2

¹ Л. М. Меликсет-Бек, описавший с. Кавтисхеви, также отмечал, что «жители селения [Кавтисхеви] (3949 душ по данным 1915 г.) преимущественно грузины и армяне» [152, с. 1]. Он полагает, что «свое название селение это получило от речки Кавтури, которая прорезывает его в направлении с юга на север» (там же). Мы же считаем, что именно река была названа Кавтури (букв. Кавтская) из-за наличия топонима Кавт, почему и название села стоит в генетиве—Кавтис-хеви (ущелье Кавта). Ср. топоним «Квабта-хеви» (ущелье пещер).

Перевод: «В лето 1042 (=1593). Сей святой крест является порушителем за родителей Давида, отца Чуениара С.....».

Возможно, хачкар помещался в стене притвора с юга (на что указывает его нынешнее местонахождение), и, поскольку сама церковь и оба притвора (судя по кладке) построены одновременно, в виде единого комплекса, то дата 1593 г. в равной мере относится и к церкви. Возможно, стены сооружения были украшены и другими подобными хачкарами, а где-то над южным или западным входом имелась и строительная надпись. Как бы то ни было, фигурирующая в надписи хачкара дата (1593) в известном смысле должна быть интерпретирована и как дата строительства.

Кто такие Давид и Чуениар, когда и в силу таких обстоятельств они оказались в Кавтисхеви, — по фрагментарной надписи установить невозможно. Ясно, однако, что они не избежали влияния живой разговорной речи (Դավիթ, ժամադար, Հանիարին հարն). Редким представляется имя Чуениар; можно высказать предположение, что оно возникло в грузинской среде (ср. груз. слово ჭუბობა). Если это так, то надо думать, что часть кавтисхевцев-армян сюда переселилась не непосредственно из самой Армении, а из других армянских поселений Грузии.

Как уже говорилось, восточнее большой церкви находится второе культовое сооружение кавтисхевских армян—кладбищенская церковь «Квирацховели», над входом которой имеется армянская надпись. Изображенный здесь крест не отличается особой декоративностью (концы изображенного в центре креста разветвляются сплетающимися линиями и образуют трехлепестковые орнаменты). Ожидаемого стилизованного древа жизни тут нет: оно заменено двумя розетками, расположенными по обеим сторонам нижней половины вертикального ствола креста, а в верхней части плоскости помещена дата. Крест с двух сторон обрамлен надписью, которая гласит:

ԹՎ. ՌԻՆԻ
 ՇԻՆ- ՀՈԳ[ՈՅ]
 ԵՅԱԻ ԻՄՈՅ,
 ԶԵԿԷ- ԴԱԻԹ-
 ՂԵՅ- ԻՆ, ԹԱ-
 ԻՍ ԵԻ ԲԴՈՒՄ
 ԿԱԿՆ- ԱՂԻՆ, ԱՍ-
 ԵՅԱԻ ԱՏՈՒՐԻՆ,
 ԶԽ- ԱՐԲԱՅԻՆ,
 ԱԶՍ ՄԱԹՈՅԻՆ,
 ԽԱԶԱՏ-
 ՈՒՐԻՆ:
 Յ(ԻՍՈՒՍ)²:

Табл. III, 3

² Имеющиеся в надписи орфографические и грамматические отклонения от норм книжного армянского языка характерны для многих регионов, поэтому не

Перевод: «В лето 1044 (=1595). Построена сия церковь и водружен сей крест [в память] души моей — Давида, Таргум-аги, Асатура, Аркай, Мато, Хачатура. Иисус».

В известных нам грузинских и армянских источниках нет сведений о перечисленных в надписи ктиторах, поэтому мы лишены возможности предложить какую-либо идентификацию. Возможно, инициатором строительства был Давид, который позаботился сначала сказать в память или во спасение души своей, а затем перечислить остальных членов киторской группы. Этот китор, вероятно, идентичен с Давидом предыдущего хачкара от 1593 г. Перечисленные лица, видимо, не священнослужители, ибо нет указания на духовный сан, к тому же некоторые из имен надписи не являются календарными (Таргум-ага, Аркай), традиционные же имена представлены в простонародном варианте (Асатур вместо Астуацатур, Мато вместо Маттеос). Не подлежит сомнению также и то, что это жители Кавтисхеви, обладающие материальной возможностью для строительства второй церкви, пусть небольшой, в которой они, члены местной армянской сельской общины, нуждались в силу требования ритуала сопровождения усопших, а также немалочисленности общины³.

Входящие в удельные владения (сахасо) сравнительно крупные поселения управлялись назначенным царем моуравом, которому подчинялись и местные мамасахлиси. В грамоте царя Ростомы от 1656 г. специально оговорено, что без ведома моурава в Гори не может быть ни судебного разбирательства, ни военного похода («лашкреба»), ни охоты и ни, тем более, приема пришельца [331, с. 129]. Видимо, последнему обстоятельству придавалось большое значение, ибо в период образования трех самостоятельных грузинских царств (картлийского, кахетинского и имеретинского) новые административные единицы нуждались в организации стабильного военного «садрошо», а частые переходы крестьян от одного землевладельца к другому служили лишь помехой. О присутствии моурава в Кавтисхеви мы узнаем из грамоты царя Симеона от 1581 г. [95, № 6], который в том же году освобож-

могут служить основанием для локализации. Следует лишь констатировать, что такие отклонения или своеобразия имеются, а именно: в армянской эпиграфической традиции слово *Բիւիւան* (*Բոււիւան*), как правило, сокращается в виде *Բիւ. ԲՈՒ. Բ.* тут же налицо *Բիւ.* (т. е. *Բիւ(ա)ի(ան)* или *Բիւ(ա)ի(անու)թիւն*). Вместо литературного *Կանգնեցաւ* в надписи имеем *Կակնեցաւ* т. е. *կ>կ* и *ն*—. Более примечательно другое — при глаголе *դնեցաւ*, *Կանգնեցաւ* объект должен быть без показателя винительного падежа, тут же налицо *դեկեղեցիս*, *դիւշս*, что, на наш взгляд, вызвано желанием составителя текста придерживаться «литературных норм» книжного языка, хотя они ему, по-видимому, не достаточно знакомы. То ли по невнимательности и резчика, то ли из-за отсутствия достаточного места, в надписи нет предшествующего слову *հոգոյ* ожидаемого пояснения — *վանն հոգոյ, ի վրիտաթիւնն հոգոյ, ի վրիտաթիւնն*. Вместо имеющегося *հոգոյ ինոյ* естественно было ожидать *հոգոյ մերոյ*.

³ Собственное имя Таргум-ага не дает основания судить о социальной принадлежности носителя, ибо «ага» часто выступает как неделимый компонент омонима, прилагаемый без учета его социального содержания.

дает кавтисхевцев от податей, за исключением «службы двору» и «сататро саури» [79, I, с. 116]. Наличие достаточно большого количества документов, относящихся к Кавтисхеви [79, I, с. 115—116], служит подтверждением того, что поселению придавалось важное значение. Это было вызвано, прежде всего, экономической, военно-политической и культурной значимостью Кавтисхеви. Надо учитывать, что деревня была кратчайшим путем связана с Нижней Картли, в частности с Манглиси [296, I, с. 32], находилась на полпути между Тбилиси и Гори, была окружена поселениями «сахасо» (напр. Хандаки), защищена крепостью и т. д. Не случайно, что в период нахождения царя Симеона в плену у персов царская семья пребывала в Кавтисхеви и, хотя она и была ограблена протурецки настроенными ренегатами, верность кавтисхевцев Симеону не была поколеблена, как об этом свидетельствует неоднократно пересказывающийся в грузинских источниках эпизод беседы царя с крестьянкой из этой деревни [93, II, с. 369, 378, 515, 534; IV, 409, 416—417].

В предшествующем появлению армянской надписи десятилетия «Царь Симеон повел энергичную войну против Турции. Уже в третьем году после возвращения он почти совершенно очистил картлийские города и крепости от турецких гарнизонов» [296, II, с. 108]. По образному выражению Н. Бердзенишвили, «крепости были заняты османцами, страна же — царем Симеоном» [296, VI, с. 200]⁴. Видимо, именно во время этой «мирной передышки» он проявил заботу об умножении населения картлийских деревень, столь пострадавших в годы войн.

Надежность армян в борьбе с турками не могла вызывать сомнений, ибо они-то и стали «пришельцами» из-за разорения их собственной страны теми же турками. Увеличение армянского этнического элемента в Картли, должно быть, способствовало противостоянию тем местным элементам, которые служили опорой Дауд-хану в его борьбе за власть в Картли. Одновременно следует учитывать и экономическую сторону вопроса. «Истребление масс во время нашествия Темур-Ленга, — писал акад. И. А. Джавахишвили, — затем внутренняя борьба, междоусобие и моровая язва, как было отмечено, значительно сократили население Грузии. В таких условиях Грузия больше не могла по-прежнему интенсивно обрабатывать свою землю, и многие опустошенные места опять-таки остались безлюдными. Поэтому в документах этого периода наряду с именами города, деревни, пудзе, дома и виноградника появляются и часто встречаются термины *накалакеви*, *насолари*, *напудзари*, *насахлари*, *навенахари*, *партахы* (т. е. место бывшего города, села, пудзе, поселения, виноградника, развалины. — П. М.) и другие подобные» [378, IV, с. 181—182]. Следовательно, привлечение новых поселенцев, их закрепление в деревнях царского домена, отражало политику грузинских царей и их стремление к налаживанию экономической жизни страны. В частности, в Кавтисхеви поселялись как выходцы из разных областей Грузии [79, с. 116], так и из северной Армении, доказательством чего является строительство армянских

⁴ Турецкий историк Мустафа Селяники, очевидец и участник этих событий, рассказывает об укреплении четырех крепостей — Тбилисской, Горийской, Дманисской, Лорийской (тур. текст и груз. перевод см. [92, с. 269—270]).

церквей, о надписях которых идет речь. В поисках новых поселенцев обращение к армянам южных областей Грузии и собственной Армении представлялось надежным шагом, ибо армяне обладали вековыми традициями обработки земли, искусны были в ремеслах и, лишённые своей государственности на родине, в свою очередь нуждались в поддержке грузинских правителей. Тут кстати вспомнить слова армянского историка XV в. Тома Мецопеци о том, что при поражениях грузин «мы умолкали перед неверными, ибо, постоянно надеясь на грузин, гордились [ими] среди неверных»⁵.

Из «Дастурламали» царя Вахтанга VI известно, что с. Кавтисхеви оставалось собственностью царского двора («сахасо») до первых десятилетий XVIII в. включительно [98, II, с. 260, 305].

Деревня была довольно многолюдной, ибо здесь одновременно назначалось несколько должностных лиц—моурав, мамасахлиси, хасадар, мествле, каждому из которых полагалась соответствующая подать от крестьян [98, II, с. 305]⁶.

К сожалению, армянские надписи Кавтисхеви, так же как и кандийская, не содержат информации ни об обстоятельствах заселения армянами, ни о том, какая форма землепользования позволила им накопить средства для строительства культового сооружения. Однако нетрудно догадаться, что, будучи «пришельцами», они не могли иметь никаких наследственных владений («мквидри»), приобретение же земли путем купли («наскидки») едва ли было им доступно. Как было сказано выше, в 1581 г. царь Симеон освободил кавтисхевцев от податей, а это значит, что земли у здешних армян не были «наскидки», ибо таковые податью не облагались. Скорее всего, земля была предоставлена им на временное пользование («чера», «рчома»), но на какой срок и на каких началах—установить невозможно⁷. В условиях, когда велась ожесточенная борьба то с персами, то с турками, а временами и с отдельными представителями самого царского рода, распад хозяйства был неминуем, и временное землепользование больше всего соответствовало интересам землевладельцев, в конкретной обстановке—самого царя.

Помимо Кавтисхеви, армяне жили, как было отмечено выше, и в других селах картлийского правобережья Куры—в Дзегви, Ахалкалаки, Эзати и т. д. По переписи 1915 г. в Дзегви было 2037 душ, «состоящих из грузин и армян, занимающихся хлебопашеством и садоводством», Ахалкалаки же—«большое селение со смешанным грузинским и армянским населением, численность которого в одних Ахалкалаках, не считая предместий, достигает 7484 душ» [152, с. 4—5].

В обоих этих селах, разумеется, существовали и функционировали культовые сооружения, но памятников армянской эпиграфики, на-

⁵ «Ան ուստի մեք հանապազ յոյս ի վրայսն ունելով պարծևար ի մէջ անօրինաց, յայնմանէ յուսահատեալ՝ առաջի անօրինացն արիւրերան եղաք» [74, с. 29].

⁶ На основании «Дастурламали», Ив. Сургуладзе сосчитал свыше 30 разновидностей и наименований податей, взимаемых у крестьян Кавтисхеви [365, с. 231—232].

⁷ Об особенностях временного землепользования в Грузии в XVII—XVIII вв. см. [337, с. 51—63].

сколько нам известно, не сохранилось. Но в двух грузинских надписях, изданных еще П. Иоселлиани, говорится как об основании «Мепис-калаки» (т. е. Ахалкалаки), так и армянской церкви в этом городе. Вот эти надписи в чтении и русском переводе издателя:

1. Надпись на стене храма:

მას ჟამსა, ოდეს იჯდა ერან-თურანსა ბედნიერი ყაენი ჯელჯიფე შაჰსეფი... ქ... სახელითა ცუთისათა ჩუცნ საქართველოს ჯელჯიფის შვილმან მეფეთ-მეფემან პატრონმან როსტომ და ანამეცხედრემან ჩუცნმან დედოფალთ-დედოფალმან პატრონმან მარიამ ჯელ-ვპყავით აღშენებად თეძამის პირსა ზედა ქალაქი, და აღვაშენეთ საყდარნი და მონასტერი... ქალაქისა ამის მკვიდრობისათჳს მეფის-ქალაქელთა სომეხთა ჩუცნთა სახასოთა ვაჟართა ქორონიკონს ტ... თოუცსა აპრილსა კლ.

В то время, когда царствовал в Иран-Туране счастливый шах, государь Шах-Сеф... во имя бога мы из роду царей грузинских властелин царь-царей Ростом и супруга наша царица-цариц Мария начали строить на берегу реки Тезами город и дали имя Мепис-калаки (Цареград) и построили церкви и монастырь по причине городосуществования здесь мепискалакских армян, наших казенных крестьян в год хроникона 3... апреля 24 [129, с. 27].

2. На стене армянской церкви:

გვაგონა და მოგუახსენა ქალაქისა და საყდრისა ამის აღშენება კარისა ჩუცნისა მდივანმან ყორღან-შვილმან მერაბ და ისი ვალვაწეთ აღმშენებლად საყდრისა ამისა. ვინც ჰსწირვიდეთ მოიხსენებდნენ მერაბს ყოველნივე.

Напомнил и доложил нам о построении города и церкви сей двора нашего секретарь Корганов Мераб и ему поручили построить церковь сию. Служащие в ней да поминают все Мераба [129, с. 28].

Основание города и упомянутых в надписях культовых сооружений имело место в 30—40-е гг. XVII в., когда количество армян-переселенцев в картлийские поселения ошутимо возросло, и царь Ростом (1632—1658) счел возможным прислушиваться к совету мдивана Мераба Корганишвили (Корганян, Корганов) «по причине городосуществования здесь мепискалакских армян, наших казенных крестьян» (дословно—«наших сахасо купцов»)⁸. Из одного армянского колофона от 1752 г. и надписи на окладе рукописи [255, с. 253—256] извест-

⁸ Высказано предположение, согласно которому, говоря о «всецело разрушенном Calî-sala», Шарден имеет в виду Мепис-калаки [84, с. 393]. Но у нас нет никаких оснований идентифицировать эти топонимы, к тому же Мепис-калаки продолжал функционировать.

ны имена и отчасти деятельность некоторых ахалкалакцев, позаботившихся об обновлении и сохранности армянской рукописи⁹.

В Эзати (старое название—Чивант убани) также нет армянских надписей, если таковой не считать двуязычную эпитафию Ницуцы, похороненной у восточной стены грузинской церкви¹⁰. Однако свод сообщений грузинских документов XV—XIX вв., колофонов рукописей в сопоставлении с многочисленными эпитафиями из Кавтисхеви, Дзегви, Ахалкалаки, Эзати и других сопредельных поселений позволяет проследить, пусть в самых общих чертах, этнокультурную историю армян этой части картлийского правобережья Куры¹¹.

⁹ В надписи говорится: «Сие св. Евангелие—в память об ахалкалакце причетнике Бежане, родителях [его]—Тамазе и Марех, дяде—Горги и братьях—Паремуже, Мураде, Овсепе, сестрах Дареджан, Тинатин, Ани, и сыновей—Горги, Саргиса, Габриэле и [дочери] Мариам. Кто прочтет—помяните нас. В лето 1752. Мисхалов 160. Принадлежит Дзамуевым. Хроникона 440 (=1752 г.)» (там же, с. 254; при издании оригинала вместо «хроникона 440» нами прочитано имя «Касум», но после чистки оклада выяснилось, что там написано ქს უმ, а не ქსუმ).

¹⁰ Надгробие наполовину ушло в землю. В обозримой части по бокам камня читается: «*Այս է գերեզման աղնուლის სხილეთაჲს, որ է დიდი დავანთის: გრესეა 27 ამავე სათაჲს ანთის ქიხისიქ დავერქს მკაჭანის... ქაქანისეა 1875 ამის 27-ს იქითისა*»—საფლავსა შინა მდებარე ვარ კეთილშობილი ნინუცა იოსებ ჯაჭანოვის ასული, აღესაბ მათეუზოვის მეუღლე...» (табл III, 4).

¹¹ Длительный процесс общения в рамках одной сельской общины, как и следовало ожидать, привел к этнокультурному слиянию ее членов. Со временем был преодолен как языковой, так и конфессиональный фактор разобщенности. Иллюстрацией данного процесса может служить строительство единого культового сооружения, надпись которого гласит:

ჩელთ წელს აღვაშენეთ ეკლესია ესე წ(მიდ)ა გიორგისა ჩვენ ზერტში მცხოვრებელთ ერთობით ქართველთა და სომეხთა სასაფლაოთ ჩვენის მუშაკობითა, შემწეობითა

Перевод: «В 1839 году мы—проживающие в Зерти грузины и армяне своим трудом совместно, с помощью... построили эту кладбищенскую церковь св. Георгия».

УПЛИСЦИХЕ

Об этом мощном и неприступном в античную эпоху городе-крепости, вырубленном в скале левобережья Куры на отроге горы Квернаки, нарративные источники VII—XI вв. сохранили ряд интересных сведений¹. Проведенные здесь регулярные археологические изыскания значительно пополнили имеющиеся свидетельства и дали возможность проследить историю Уплисцихе от античности до зрелого средневековья².

После христианизации страны в Уплисцихе поэтапно строятся и культовые сооружения: «Сперва вырубается в скале маленькая церковь, а затем строится базилика, включившая в себя и церковку в виде крещальни... Согласно остаткам, базилика имела три нефа с троечастными пролетами. Возведением этой базилики во второй половине VI в. место богослужения сближается с жилищем господаря и главной улицей» [155, с. 30]. Следующий этап строительства связан с постом значения крепости в политической истории Грузии в IX—X вв. Этим периодом датируются базилика из кирпича, несколько часовен, вырубленные «в скале со звездообразными сводами» [155, с. 31]. С XII—XIII вв. стратегическое и политическое значение города-крепости ослабевает, что было вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, в период могущества централизованного грузинского государства военные действия происходили вдали от центральных областей Грузии, зачастую за ее историческими пределами. Во-вторых, основанием новых городов, в частности Гори и Начармагевн рядом с Уплисцихе, создавались новые центры торговли и ремесел, а это приводило к упадку старых, тем более что самостоятельность местных феодальных владетелей была сломлена еще Багратом IV и Давидом Строителем. Наконец, в-третьих, видимо, сама местность, где был расположен Уплисцихе, не позволяла приспособиться к новым требованиям города и городской жизни³. Но в отличие от многих стольных городов и стратегических центров Закавказья, Уплисцихе продолжал

¹ Прежде всего речь идет о двух древнегрузинских памятниках—«Обращение Картли» и «Летопись Картли» («*მოქცევაჲ ქართლისაჲ*» и «*მატიანე ქართლისაჲ*»).

² Из новейших работ об Уплисцихе см. [384; 155, с. 16—36; 289, с. 99—104]. В этих же исследованиях представлена библиография предмета.

³ Крепость Уплисцихе теснейшим образом была связана с городом Каспи, упадок которого должен был отразиться и в жизнедеятельности его укрепления. По мнению Вахушти, Уплисцихе оставался городом до Чингиз-хана [93, IV, с. 366; ср. 157, с. 51].

свое существование и не перестал быть населенным пунктом. Судя по армянской надписи XVI в., здесь, по старой традиции, вырубались в скале новые культовые сооружения, частично связанные с армянским этническим элементом и его конфессией.

К. Н. Мелитаури правильно заметил, что «Величие и расцвет Уплисцихе падают в особенности на доэллинистическую и эллинистическую эпохи; своим местоположением, характером сооружения, включая и внутрикрепостную территорию, она как нельзя лучше отражала (отвечала.—П. М.) всем положительным качествам, необходимым в жизненных условиях того времени», но по ряду обстоятельств в эпоху феодализма она отошла в число «посредственных крепостей» [155, с. 35—36]. Такая характеристика, на наш взгляд, оправдывается и отсутствием сведений об этой крепости в раннесредневековых источниках. Так, автор Армянской географии VII века, говоря о городах и областях Картли, в этой части левобережья Куры называет Косх (т. е. Каспи), а не Уплисцихе [219, с. 104]. Казалось бы Иоанн Драсханакертци непременно должен был назвать крепость, ибо им описаны события начала X в., происходившие именно в Уплисцихе, но при всей подробности и достоверности самих событий интересующая нас крепость не названа. Следовательно, как в VII, так и в IX—X вв. (точнее, до второй половины X в.) Уплисцихе особой известностью не пользовался. Но это не значит, что он перестал привлекать внимание правителей или царей Грузии и сопредельных стран. Как уже говорилось, у Иоанна Драсханакертци рассказывается о событиях начала X в., когда на крепость Уплисцихе и ее окружение предъявлял претензии царь Сумбат Багратид. Вопреки призывам к сдержанности «картлийского царя» Адарнасе (в действительности правителя Тао-Кларджети), «царь Абхазии» (т. е. Западной Грузии) Константин в первой декаде X в. (904 г.—?) занял именно ту часть Картли, которая была подвластна Сумбату. В союзе с Адарнасе армянский царь повел свои войска на Константина, вынудив его «повернуть вспять и укрыться в укрепленном месте, прося у него (т. е. Сумбата) перемирия» [45, с. 201; 75, с. 110]. В значении «укрыться» Драсханакертци употребляет слово *արսիւնի* (войти в логово, пещеру, нору), древнегрузинский же источник («Летопись Картли») уточняет, что Сумбат Тезеракал (!, должно быть Хостованол—Исповедник) «подступил к Уплисцихе, и, доставив вьючные седла, добрались до верхней части и взяли крепость [таким] способом. Сумбат и Константин породнились в добре, и вернул Уплисцихе и всю Картли» [93, I, с. 262]. Из приведенных слов трудно определить, кто вернул—Сумбат или Константин? М. Д. Лордкипанидзе полагает, что «Сумбат царю абхазов» [14, с. 32, 73—74]⁴. Но с одинаковым основанием можно утверждать, что Константин вернул, тем более что в древнеармянском переводе памятника совершенно определенно сказано «Сумбат..., сражаясь с царем абхазов Константином, взял Картли и Уплисцихе; и опять помирились,—стали свойственниками» [94, с. 215]. Из «Истории» же Драсханакертци известно, что по повелению Адарнасе армянские на-

⁴ Текст так интерпретировал и Вахушти [93, IV, с. 132].

харары взяли Константина в плен и четыре месяца держали его в крепости Ани, а Сумбат к тому времени «захватил многие крепости в крае Гурии (в оригинале Вурии.—П. М.), определил туда краедержцев» [45, с. 201; 75, с. 110]. Если это так (а сомневаться в этом не приходится, ибо историк в те годы был католикосом Армении и отлично был информирован о происходящих событиях), то едва ли правомерно говорить о «возвращении всей Картли и Уплисцихе» Сумбатом. Такое могло иметь место позже, когда сын Константина Георгий женился на дочери Сумбата⁵. Во всяком случае, Драсханакертци свидетельствует, что на «отцовскую заботу Сумбата» Константин ответил «покорностью и согласным служением», и так продолжалось до нашествия Абул-Касима Саджидида, который, «опустошив всю Армению» вступил в Картли и «разорил ее», а находившиеся в Уплисцихе сами «до его вступления разрушили крепостные стены Уплисцихе, дабы враг не смог укрепиться» [14, с. 32].

По мнению И. А. Джавахишвили, до 904 г. Картли находилась в руках местных азнауров [378, II, с. 104]. Нужно полагать, что положение не изменилось и после событий в Уплисцихе, но контроль ширакского царя осуществлялся, должно быть, назначенным им «краедержцами». На это указывает как факт назначения таковых в Гурии тем же Сумбатом I, так и служба в Самшвилде братьев Гитунн, являющихся «хранителями крепости и надзирателями той области» [75, с. 224—225]. Поэтому и в Картли, в том числе и в Уплисцихе, должны были присутствовать представители армянской родовой знати, отправленные туда Сумбатом, а это обстоятельство, несомненно, способствовало инфильтрации армянского элемента в стратегически важные центры Картли. И действительно, автор армянской надписи X в. из Атени Герджиум сын Ерасана нашел нужным датировать свое посещение взятием Уплисцихе Багратом III [251, с. 219—221]. Стилистические и грамматические особенности этой поминальной надписи указывают на то, что ее автор давно находится в картлийской среде, и поскольку хорошо осведомлен в событиях, связанных с названной крепостью, то допустимо полагать, что он является жителем Уплисцихе.

Как бы то ни было, имеющиеся источники свидетельствуют о наличии армянской общины хотя бы с XIV в. Покойным Л. С. Хачикяном отмечено, что сын Иване Буртеяна сюнийский князь Сумбат в качестве союзника вместе с султаном Ахмедом выступил против Кара-Юсуфа, но в августе 1410 г. потерпел поражение и, лишившись своих владений, нашел убежище в Грузии [226, с. 180—181].

В колофоне армянской рукописи от 1412 г. сообщается, что «написана сия в стране Грузинской, в царствование Константина (Констандила), в селограде Уплисцихе (Афлисцихе), под сенью св. Богородицы, когда владели сим местом парон Сумбат и сын его парон Бэшкен, из-за [насилия] зла изгнанных из вотчины своей...» [32, I, с. 133;

⁵ Фресковые изображения этих лиц сохранились на северной стене западного крыла храма в Атени. Ш. Амранашвили их датирует 904—906 гг. [289, с. 193—194], новейшие же исследования относят их к XI в. Развивая гипотезу Р. Шмерлинг, Г. Абрамишвили считает изображенного в Атени Сумбата «местным правителем» [281, с. 96—97], хотя грузинские источники его вовсе не знают.

89, с. 33]. Видимо, вместе с Сумбатом и его сыном из Сюника в Уплисцихе перебрались не только члены семьи владельца, но и остальные духовнослужители, книжки. Так, сам писец уплисцихской рукописи Меликседек был учеником архимандрита Маттеоса Джугасеци, крупного деятеля из Татевского монастыря [см. 225, с. 57—84]; выходцем из Сюника был и получатель рукописи иеромонах Тэрунакан, который известен и по другим колофонам [32, I, с. 303, 607—608]. Спустя два-три года Сумбат скончался в Уплисцихе, а Бэшкен и остальные члены семьи, как и, должно быть, часть сопровождавших их лиц, вернулись на родину. В данном случае не так важно, сколько вернулись, а сколько из них остались в Уплисцихе, главным для нас является то, что в этом «селограде» к 1412 г. имелась обитель св. Богородицы, где нашло пристанище эмигрировавшее духовенство⁶. Разумеется, она была основана раньше, чем в ней оказались писец Мелкиседек и получатель Тэрунакан (за два года не успели бы построить церковь и скопировать в ней рукопись). Из этого факта можно заключить, что с XIV в. в Уплисцихе функционировала армянская церковь. Ее следует идентифицировать с церковью, ныне называемую местными армянами «Астусамен». Как убедимся ниже, не случайно, что в надписи от 1582 г. речь идет о строительстве часовни, а не самой церкви Богородицы, которая была частично вырублена, частично пристроена задолго до этого, во всяком случае не позже конца XIV в.

В колофоне от 1412 г. не упоминается церковь св. Ншана, построенная, несомненно, позже этой даты, но до 1582 г. ибо в надписи Мкртыча она названа. Церковь св. Ншана в Уплисцихе застал и описал М. Броссе [386, с. 161—162]⁷.

Строительная надпись св. Ншана, по описанию М. Броссе, была высечена на стене восточной апсиды, под крестом; от нее в те годы сохранились лишь следы отдельных букв и буквосочетаний, а также последняя часть глагола [շին]եցին либо [նորոշ]եցին («построили» или «обновили»). Фрагмент этого хачкара уцелел и ныне находится в одной из ниш верхнего яруса городища Уплисцихе. На нем четко прослеживается буквосочетание *ԿԵՅ* или *ԿԵՅ* (табл. IV, 1). Художественный декор хачкара и палеографические особенности сохранившихся графем вполне могут быть отнесены к XIV в.

От второй надписи, находящейся на фронте колокольни, М. Броссе удалось прочесть следующее:

Ք ...Ս ԱԿԱՏԻՄ ՈՐԴԻՆ ԹԻՆԷԻ.

Перевод: «Х[ристов] ... Я (?) Акатим (?) сын Тинэя».

Сомнению не подлежит только конец строки—«Сын Тинэя», и еще то, что надпись начиналась обращением *Քրիստոս աստուած*. Имя «Акатим», если таковое вообще могло быть, несколько напоминает

⁶ Следует считать недоразумением идентификацию Уплисцихе (Афлисцихе) с Ахалцихе, предлагаемую Г. Григоряном.

⁷ Церковь эта была разрушена землетрясением 1920 г. На том месте теперь построена небольшая часовня, также называемая местными жителями «Шуб-Ншаном», т. е. *սր Նշան*-ом.

греческий антропоним «Агафон», проникший в армянскую и грузинскую среду в разнородных вариациях: *ճճօտօն*, *ճճօտօնօց*, *Ագաթա/Ակատա*, *Ագաթոն/Ագատոն* и т. д.⁸. Имя *Թինէ* (Тинэ) также неизвестно по другим источникам, но его можно считать разновидностью „Тинан“.

М. Броссе переписал и опубликовал армянские надписи на двух изображениях, помещенных в церкви и не имеющих рамок. Местонахождение этих картин (если они уцелели) автору этих строк неизвестно. Надписи приводятся в том виде, как их читал М. Броссе:

*Յիշատակ է պատկերս մահտեսի Ելիզարին ծնողաց՝ Պապանին, Թինէթինին, Քէթօնին, որդոցն՝ Կէօրկիին, եղբօր՝ Բատկանին և կողակցին՝ Խանուամին և զիս՝ Տանուտէրին և զգտերն Մարիամին և ամենայն զարդուցն՝ ի դուռն Իբլաւիղէ զսրպատս****
(*) սր Աստուածածնին: Թվին ՌՄԻԲ:

Перевод: «Сия икона в память о родителях махтеси Элизара—Папана, Тинэтин, Кэтэон, сына—Кеорки, брата—Баткан и [его] супруги Ханум и меня—Танутэра, дочери моей Мариам и всех родичей под сенью заступницы св. Богородицы. В лето 1222 (=1773)».

Из текста следует, что икона была изготовлена для церкви Богородицы, а не св. Ншана, где она находилась в те годы. М. Броссе слово *տանուտէր* воспринял и перевел как титул, но очень возможно, что оно в тексте надписи фигурирует в качестве собственного имени—*Տանուտէր*. В кавказоведении немало примеров, когда титулы превращаются в имя (ср. Шахиншах—Шанше, Атабаг—Атабег и т. д.). Любопытно имя Баткан: оно является грузинской калькой армянского *Գառնիկ* (хотя в грузинской среде также встречаются Паткани, Баткина, Баткуа и т. д.)⁹.

В надписи второй иконы упоминаются те же лица, но здесь имеются некоторые отклонения:

Յիշատակ է պատկերս մահտեսի Ելիզարին ծնողացն՝ Պապանին, Թինէթինին, որդոցն Կէօրկիին, եղբօր՝ Պատիին և կողակցոն Խանուամին, և զիս՝ Տանուտէրին, զգտերին Մարիամին և ամենայն զարդուցն: Ուփլիսծեխէ սր Նշանու եկեղեցին: Թվին ՌՄՄԹ:

Перевод: «Сия икона в память о родителях махтеси Элизара—Папунэ, Тинэтин, сыновей Кэорки, брата Пати и супруги Ханум и меня—Танутэра, дочери Мариам и всех родичей [пред] св. Ншаном Уплисцихе. В лето 1259 (=1810)».

Составитель текста второй надписи несомненно знаком с первой, поэтому повторяет некоторые ее грамматические несуразности (например, наличие показателя винительного падежа *զ*), но собственные

⁸ В армянском есть и *Ավաթէ*, по словам Р. Ачаряна, «имя непривычное и неизвестного происхождения» [203, I, с. 87].

* Видимо, *որդին*.—П. М.

** Видимо, *զարմուցն*.—П. М.

*** Видимо, *զորանպատս*.—П. М.

⁹ Имя Паткани (?) встречается в надписи из Квемо Тбетти [319, с. 133].

имена приводит в новом варианте, фиксируя их видоизменения за 38 лет (Папон—Папунэ, Баткан—Пати). Трудно сказать, выражение **ի դուռն** (под сенью, при) упущено было автором или издателем текста. Вряд ли изображения (иконы) были написаны местным мастером: он должен был бы знать, как звучит топоним Уплисцихе. Второй вариант менее искажен.

Перед прибытием М. Броссе в Уплисцихе в стену внутри церкви была вставлена мраморная плита с грузинской надписью [386, с. 162]. Плита сохранилась и ныне находится в новопостроенной часовне:

წმინდა სუფიანის ეკლესია. ქვა ესე მარმარილოსი შემოვსწირეთ და ეკლესიაც გავლესეთ იაკობ და ზაქარ წატოკოვთა მოსახსენებლად ჩვენდა. ჩემ¹⁰.

Табл. IV, 2

Перевод: «Церковь св. Сурпнишана, этот мраморный камень преднесли, а также церковь отштукатурили (навели лоск) [мы]—Иаков и Захар Цатиковы—в нашу память. 1847».

Местные жители говорили М. Броссе, что мраморная плита привезена из Иерусалима. Мои собеседники-уплисцихийцы об этом не помнили.

Армянская церковь св. Богородицы (местные грузиноязычные армяне ныне ее называют „სტუწამენ“, что, вероятно, восходит к *Աստուծամեր* либо *սուրբ Աստուծածին* — «всесвятая Богородица»), как уже говорилось, вырублена в скале на западной ее стороне и своим входом обращена к селу Уплисцихе¹¹, восточнее «Сурпнишана». Строительная надпись ее высечена на северной стене самой церкви (но не притворе) и издана трижды—М. Броссе, В. Габинянцем и Я. Назарянцем [386, с. 161; 216, с. 300; 259а, № 64, с. 2]¹², с незначительными отклонениями от подлинного текста (в частности, М. Броссе сомневался в наличии даты, хотя читал ее *ՌԷԳ* вм. *ՌԷԴ*, *սրբափայլ* вм. *Մաքրափայլ* и т. д.). Публикация В. Габинянца отличается относительно большей точностью („**Յ**“—*hoe/oh* в начале даты он воспринял как букву **Յ**, упустил букву **Ս** в конце слова *աղաթս*, высеченное вязью **ՍԲ** читал **Ք**, т. е. *ՌԷՔ* вм. *ՌԷ ՍԲ* и т. д.). Еще ближе к подлиннику текст Я. Назарянца. Надпись читается:

Յ ՌԷԴ:

ԵՍ՝ ՄԿՐՏԻԶ ՄԱՀԴԱՍԻ,

ԵԿԻ Ի ԴՈՒՌՍ Ս(ՌԻՐ)Բ ՆՇԱՆԻՍ,

ՇԻՆՆՅԻ ԿՈՐԱՆՍ: ՌԷ Ս(ՌԻՐ)Բ ՊԱՏԱՐԱԳՈՂՔ, ՅԻՇՆՅԷՔ

Ի ՄԱՔՐԱՓԱՅԼ ԱՂԱԹՍ ԶԵՐ:

Табл. IV, 3

¹⁰ В чтении М. Броссе имеются несущественные отхождения: *სუფიანის*, *შემოვსწირეთ*. *იაკობა*.

¹¹ Село перенесено на правый берег Куры и фактически слилось с Квахурели. В старом Уплисцихе остались лишь отдельные «старожилы».

¹² В. Габинянец был по происхождению уплисцихийцем, род Габинянец—Габинашвили и ныне продолжается.

Перевод: «[В лето] 1034 (=1585). Я—махтеси Мкртыч, явился перед св. Ншаном, построил эту часовню. О, святые служители обедни, помните в пречистых молитвах ваших».

«Махтесами» назывались лица, посетившие храм Воскресения в Иерусалиме¹³. Мкртыч в Уплисцихе прибыл из другого какого-то поселения, но не как обыкновенный пилигрим, а в качестве ктитора пещерного культового сооружения. При наличии св. Ншана едва ли была повседневная необходимость в новой армянской церкви. Очевидно, на этот способ сооружения ктитора побудили существующие здесь грузинские аналоги, сформировалась местная строительная традиция. Не случайно, что армянская надпись начинается с *hoe*—последней буквы грузинского алфавита: уплисцихские армяне за долгий период жизни в грузинской среде общались с местной традицией и придерживались некоторых их культурных норм, хотя следует заметить, что грузинская традиция текста вместо буквы **Յ** применяла «канцлии». Однако дата дана по «армянской эре», и предположения В. Габинянца относительно применения «ромейской системы летосчисления» не оправданы. Как и все остальные армяне в поселениях Картли, уплисцихские также пользовались «армянским летосчислением», независимо от того, называли они его «армянским» или нет в высекаемых текстах¹⁴.

К юго-западу от кирпичной базилики комплекса Уплисцихе расположена пещера больших размеров, именуемая «залом царицы Тамар». На ее стенах и двух столбах имеются разноязычные граффити, процарапанные разновременными посетителями. В частности, на восточной грани правого столба сохранились записи и на армянском языке. Выполнены они в основном угловатым письмом в несколько строк, и разными лицами. Из двух граффити читаются лишь отдельные слова или буквосочетания («*վերադիր*», «*կա*» и т. д.), но вот текст одной записи, фактически первой, дешифровке поддается почти целиком:

Տ(Է)Ր ԴԱՎԻԹՍ ԳՐԵՅԻ. Ի ԹՎԻՆ ՌՃԱ.

ԱՆԿԱԻ ՄԱՀ Ի ԳԵՂՍ ԱՍ—

Տ ԿՈՏՈՐԵՅԱԻ,

Ա(՞)Ի ՈՐ ՏԵՍԱՅ

Перевод: «Написал я—священник Давид; в 1101 (=1652) году тут в селе распространилась смерть, [и] погибло [население]. Страшно, что увидел (пережил)...».

Из этой записи следует, что ее автор является клириком из с. Уплисцихе, очевидцем гибели жителей в результате какой-то эпидемии. В синхронных источниках не удалось найти сведений о фиксируемом Давидом факте, но тут речь идет о бедствии, причиненном именно рас-

¹³ В мусульманском мире они именовались «хаджи», что часто встречается и в армянской среде.

¹⁴ По словам М. Броссе, в этом пещерном сооружении имелась и вторая армянская надпись (на ступеньках ведущей к алтарю лестницы), но сохранившиеся буквы не слагались в содержательную единицу.

пространением болезни, на что указывает форма выражения «*սնկաւ լաճի դեղս*». Указываемая в записи дата (1652) одинаково относима как к «истреблению», так и самой записи. Сводное изучение имеющихся здесь разноязычных граффити, возможно, выявит новые свидетельства по истории как самого памятника, так и с. Уплисцихе.

Если попытаться обобщить приведенный материал, то можно заключить, что присутствие армян в Уплисцихе прослеживается с начала X в., когда край и крепость были подвластны Сумбату I. Но это были в основном лица, назначенные на службу. Возможно, число жителей-армян несколько увеличилось при реализации политики Давида Строителя по созданию новых поселений. Поток переселенцев усилился в XV—XVI вв., когда и в Уплисцихе была построена (собственно, вырублена в скале) вторая армянская церковь, строительная надпись которой сохранилась. Проследить последующие этапы истории Уплисцихе и новых поселенцев трудно. Известно, например, что монастырь и крепость Уплисцихе в XIV—XV вв. принадлежали храму Светицховели в Мцхета (Hd-8712), Константин II же в 1467 г. вместе с Квахурели и Каралети подарил Уплисцихе в качестве наследственной вотчины Зазе Панаскертели [322, с. 30]. При Вахтанге V владельцем Уплисцихе стал Худала Ходжашвили (Sd-2913). В том же XVII в. в царской армии («сахасо») состояли 20 уплисцихейцев. Значит ли это, что поселение вновь было включено в царский домен?

КВАХУРЕЛИ

В «Летописи Картли» Квахурели упоминается в двух пассажах: по предложению картлийского эристава Иоанна Марушидзе куропалат Давид прибывает в Картли и поступает к Квахурели. Получив у встретившего его эристава Уплисцихе, Давид передает крепость Баграту и его отцу Гургену [93, I, с. 272]. Дата этого события в источнике не указывается, но по иным свидетельствам И. А. Джавахишвили установил, что Баграт III и его отец этой частью Картли овладели в 974—975 гг. [378, II, с. 125]. Второй пассаж относится к 1064 г. При первом вторжении в Грузию Алп-Арслан решил жениться на дочери сестры Баграта IV и «брата царя армян Кюрике» [93, I, с. 307]. Дабы вынудить Кюрике и его братьев дать на это согласие, Баграт, исходя из определенных политических соображений [о них см. 371, с. 226—228], отправляет к ним эристава Вараз-Бакура Гамрекели с «большим посольством». Направлявшихся в Самшвилде царя армян Кюрике и его брата Сумбата захватили в Квешис Чала и сообщили об этом Баграту. Узнав об этом, грузинский царь «немедленно направился из Квахурели, и захваченных привели к нему под Клде-карни»¹.

Прежде всего следует обратить внимание на форму топонима: в грузинском оригинале имеем ქვახურელთა и ქვაჭურელთათ, т. е. топоним представлен с показателем множественного числа в косвенных падежах—თა, следовательно, для именительно мы должны восстановить форму ქვაჭურელნი—Квахурелни—Квахурелни². Этимология прозрачна: композит состоит из ქვა (камень) и ჭურელნი (норы, пещеры)³. Такое название вполне уместно, ибо поселение находится в непосредственной близости от пещерного города—Уплисцихе, только на противоположной стороне (расположен на правом берегу Куры). Этимология важна для локализации столкновения армянского царя Сумбата с Константином в начале X в., о котором сообщает Драсханакертци, употребляя при этом, как было отмечено, термин *սրճանալ*, что, видимо, является переводом второй части топонима Квахурелни. Если это так,

¹ Древнеармянский перевод памятника об этих событиях рассказывает в значительно сокращенном варианте.

² Это обстоятельство не учтено в русском переводе грузинского оригинала [см. 114, с. 38, 54, 77]. В указателе собственных имен «Картлис цховреба» первое упоминание топонима не отражено, но второй пассаж указан в правильно восстановленной форме [93, с. 427].

³ В армянской топонимике имеем аналогию в виде *Մակրի*.

то первое упоминание занимаемого нас поселения относится не к последней четверти X в., а к первой декаде⁴.

Из вышеприведенных свидетельств вытекает, что поселение Квахурелни считалось важным пунктом в Внутренней Картли прежде всего в стратегическом и административном отношении. Не случайно ведь, что куропалат Давид расположился именно на подступах Квахурелни, дабы получить Уплисцихе, а Баграт IV в период переговоров с Алп-Арсланом и Кюрикэ находился в Квахурелни, откуда он следил за развитием событий как в самой Картли, так и в сопредельных краях. Хотя в источниках X—XI вв. Уплисцихе и Квахурелни выступают в качестве близлежащих, но разных по существу географических пунктов, однако создается впечатление, что в них фактически речь идет об одном и том же «пещерном граде» или, точнее, о двух крыльях одного оборонительного комплекса. Сказанное, однако, несколько не значит, что мы склонны всецело идентифицировать Уплисцихе с Квахурелни. Как населенные пункты, они самостоятельны, разделены Курой и могли принадлежать разным феодалам. В 1467 г. картлийский царь Константин II (сын Деметре) в качестве наследственной собственности передал Квахурели, Уплисцихе и Каралети Зазе Панаскертели, освободив эти поселения от всех видов налогообложения [322, с. 30—51]⁵.

Присутствие армян в Каралети и Квахурелни подтверждается не только живой памятью жителей этих сел в наши дни, но и памятниками материальной культуры. В Каралети (собственно, в бывшем Начармагеви) сохранились развалины двух церквей (на территории сельского кладбища), одна из которых, находящаяся у дороги, была армянской церковью Богородицы. На надгробиях вокруг церкви имеется множество эпитафий на грузинском языке, что свидетельствует о многочисленности каралетцев-армян. Церковь Богородицы, вероятно, построена в XVI—XVII вв., что позволяет допустить существование более древней армянской обители в этом некогда знаменитом поселении. Следует учитывать, что небольшие по размерам церкви на кладбищах предназначены были для определенного ритуала при похоронах, повседневное же богослужение велось в церквах в самом населенном пункте. По эпитафиям нельзя судить о времени образования общины, ибо сохранились, в основном, тексты XVII—XIX вв. Сравнительно древняя эпитафия из Каралети, например, датирована 1793 г.—“*ესე საფლავო*

⁴ Эти свидетельства не были учтены Л. М. Меликсет-Бек, почему он и писал, что «Квахурели вообще неизвестен не только в грузинских летописях «Картлис Цховреба» или иных грузинских же исторических хрониках, но даже в «Географии Грузии» царевича Вахушта» [150, с. 209].

⁵ Едва ли резонно полагать, что существует какая-то связь между актом этой передачи и тем, что вскоре в названных трех селах возникли общины переселенцев-армян. Во-первых, эти общины могли существовать еще до 1467 г. (в Уплисцихе армяне присутствовали уже с X в., а церковь Сурп-Ншан была построена никак не позже указанной даты), во-вторых, при пожаловании или купле-продаже средневековых поселений учитывалась их экономическая значимость, географическое месторасположение, но не этнический состав населения, ибо социальные и классовые интересы не ставились в зависимость от национальной принадлежности.

ხარობეგეშვილი არუთინას ასუ[ლისა]. ვინც წაიკითხოდ შენდობა ბრძანეთ. ქ(რონი)კ(ონ)ს უპა» [338, с. 243]—«Это могила дочери Арутина Харибегшвили. Кто прочтет—благословите. Хроникона 481 (=1793 г.)». Но сам факт грузиноязычности текста эпитафии является доказательством значительной древности образования общины. Быть может, это относится к эпохе Давида Строителя, построившего «город армян в стране грузинской, создав множество церквей и монастырей» (Начармагеви-Каралети, одна из летних резиденций грузинских Багратидов, расположен на небольшом расстоянии от Гори).

Как было отмечено, история Квахурелни—Квахурели теснейшим образом сопряжена с Уплисцихе. Если бы не проблема ежедневного перехода на другой берег Куры, то армяне Квахурели при отправлении культа могли обойтись тем же «Сурп-Ншаном» Уплисцихе. Обстоятельства заставили квахурельцев вырубить в скале собственный Сурп-Ншан, состоящий из нескольких помещений разного назначения. В архитектурном отношении базиликальная пещерная церковь Сурп-Ншан доведена до уровня однотипных надземных сооружений в реализации идеи создания комплекса: кроме притвора с куполом-колокольной церковью снабжена западной галереей с отдельными углублениями хозяйственного назначения, южным приделом-часовней в длину зальной части церкви и т. д.⁶ Вся восточная стена галерей покрыта вырубленными хачкарами в один, а местами и в два ряда (табл. V, 1). Сама идея создания пещерной церкви-комплекса возникла, несомненно, под влиянием таковых в Уплисцихе, т. е. сказалась местная традиция, но, видимо, архитектор учитывал и имеющиеся в Армении образцы, в частности комплекс Айриванка (Гегард). Последнее предположение продиктовано местонахождением хачкаров: ими украшена и восточная стена галерей в Айриванке.

Почти во всех хачкарах, за исключением тех, которые предназначены для «наличника» входа в церковь, нижняя часть отведена помпильному тексту, хотя таковыми снабжены далеко не все. Очевидно, хачкары вырублены по замыслу архитектора по завершении основных работ под землей, в единой манере, надписи же высекались тогда, когда находился соответствующий вкладчик. Некоторые хачкары остались без надписи именно по той причине, что не нашлось «патронов» (вкладчиков), другие же не смогли внести ожидаемую лепту, были лишены возможности продолжать начатую ими надпись. Иначе трудно объяснить тот факт, что на отдельных экземплярах высечены лишь первые буквы собственного имени в сочетании с *ka*—я⁷.

⁶ Подробное описание и обмеры пещерного комплекса см. [176, с. 32—33; ср. 150, с. 208—218].

⁷ Иной точки зрения придерживается Л. М. Меликсет-Бек: «Достоин внимания обстоятельство, что надписи начертаны не под всеми изображениями креста. Из этого, очевидно, должно сделать то заключение, что первоначально под означенными изображениями вообще не было никаких надписей и таковые надписи под некоторыми из них появились лишь со временем и, во всяком случае, не ранее XVIII столетия. Вообще же подобное явление, несомненно, должно быть поставлено в связь с какою-то армянскою иммиграцией, имевшею место в этом районе не ранее

Квахурельские хачкары и их надписи еще не стали предметом исследования. Принадлежащая перу Л. М. Меликсет-Бека небольшая работа о Квахурели скорее является предварительным сообщением и справкой общего характера, чем исследованием интересующих нас вопросов. Прделанная им по части эпиграфики работа сводится к следующему: «Интересны армянские надписи, начертанные под некоторыми изображениями креста, как-то № I, VI, VIII и IX. Впрочем, надписи эти, относящиеся, судя по всем данным, к сравнительно поздней эпохе (XVIII—XIX вв.), исторической ценности не представляют, так как они являются шаблонными надгробными надписями. Например, в одной из надписей читаем—*սորբ խաչու է բարէխօսութիւն (ալս անուն)*—*св. Крест—ходатай за* (имя рек), в другой—*ալս է տապան ճանգառեան (ալս անուն)*—*здесь могила упокоения* (имя рек), в третьей—*աստած որորմի իրանց եկեղեցի (?)... Господь да милует их церковь* (?) ... и т. д. К тому же, надписи эти, будучи дефектны, не сопровождаются указанием даты» [150, с. 216]. В пересмотре нуждаются почти все характеристики ученого, за исключением того, что имеющиеся надписи действительно «трудно разбираемы»^{7а}.

Ниже мы приводим тексты надписей в той последовательности, в которой они высечены начиная от притвора.

1. Хачкар притвора находится у входа в галерею на восточной стене. Значительная часть орнамента и самого текста надписи отбиты или выветрилась. Сохранившиеся фрагменты текста расположены справа, слева и ниже изображения креста. Выполнены они одновременно, но несколько отличающимся письмом.

Вправо от креста, вертикально:

[Յ]ԱՆՈՒՆ Ա.(ՍՏՈՒԾՈ)Յ—*„Во имя Бога“.*

В средней части, специально отведенной под надпись:

...ԱՒԱՆԷՍՍ, ՄԿՐՏԻԶՍ—*„[Мы] Аванэс, Мкртыч...“*

На правом обрамлении (иной рукой):

Ա.(ՍՏՈՒԱ)Ս Ո-
ՂՈՐՄ-

XVIII века» [150, с. 216]. Такое заключение не может быть оправдано хотя бы по той простой причине, что автору не удалось разобраться ни в одной из этих надписей, а при их датировке он исходил из положения, согласно которому «обстановка пещер носит печать христианства, со следами язычества» [150, с. 217].

^{7а} Еще в 1884 г. надписями Квахурели попытался заниматься Я. Назарянц, но прочитать ему удалось лишь несколько фрагментарных слов и то с искажениями: «Կանգնեաց սորբ խաչու է բարէխօսութիւն (ի ճաննին) և իւր կողմէն... որտեղ...». Однако заслуживает внимания фиксация существующего народного предания об обстоятельствах строительства церкви: «Строитель, имя которого я не смог найти, похоронен в построенной перед входом в церковь звоннице. Говорят строителем является грузинская богосклонная царица Тамар, мастером-архитектором же—некий армянин» (259а, № 62, с. 3).

Ի ԻՐԱՆՅ

ՉԵԿԷ—

ՂԵՑԻ...

Табл. V, 2

Перевод: «*Да помилует их бог—[построивших?] церковь*».

Аванэс и Мкртыч являются либо ктиторами сооружения, либо строителями. Такое заключение вытекает из разных обстоятельств: место хачкара, изящество креста, орнамента и самих графем надписи. Высекавший надпись (точнее граффити) на обрамлении, видимо, читал основной текст надписи Аванэса и Мкртыча и таким образом определил, что «они» имели непосредственное отношение к церкви, почему и слово «*եկեղեցի*» стоит в винительном падеже, т. е. является объектом, к которому относится выражаемое глаголом действие.

2. Галерея, начало ряда хачкаров, на квадратах между крыльями:

ԵՍ ՄԱՆՈՒԷԼ (?)—*„Я, Мануэл“.*

ՕԱՆ—*„Оан“*

ՀԷ...ՕՀԱՆՍ—*„... я, Охан“.*

Թ(ՈՒՒՆ) ՌԿԵ—*„В лето 1065(1616)“.*

Ниже креста:

[Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱ]ԶՍ Ի ԲԱՐԷԽՈՍՈՒԹ(ԻՒ)Ն

ՄԵՐԶՈՐԱՅՆ (°) ՀՈԳՈՅՆ ԵՒ

ԲԱՐԷԽՈՍ ԱՌ Ք(ՐԻՍՏՈ)Ս:

Табл. V, 3

Перевод: «*Сей св. крест во имя ходатайства за душу близких (?) и [является] заступником перед Христом*».

Сомнение вызывает первая часть слова «*Բրաժորացն*», выраженная идеограммой ∞, которая может быть воспринята и как «*աշխարհ*»—«мир», т. е. «миряне», но такая интерпретация представляется менее вероятной.

3. Четвертый по порядку хачкар:

Տ(Է)Ր Ա.(ՍՏՈՒԱ)Ս—*„Господи боже,*

Յ(ԻՍՈՒ)Ս Ք(ՐԻՍՏՈ)Ս—Иисус Христос“.

4. Пятый хачкар:

ԵՍ Կ—*„Я, К...“.*

Надпись начата, но высечение тут же прервано.

5. Шестой хачкар:

ԵՍ—*„Я...“*

⁸ Графемы между крыльями, казалось бы, читаются неплохо, но как-то не поддается установлению очередность буквосочетаний, поэтому предлагаемое чтение отдельных собственных имен несколько условно.

Как и в предыдущем, текст прерван.

6. Седьмой хачкар:

ԿԱՆԳԵՆՅՅՈՒ Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱԶ.
Ս Ի ԲԱՐԷԽՈՍՈՒԹԻԹԻ(ԻՆ) ՀՈԳՈՅՆ Է-
ԶԷԻՆ, ԱՅՆԱԲԻՆ, ԶԱՀԱՆԳՈՒԽՏ-
ԻՆ, ՍԱՐԳԻՍԻՆ, ԷՍԵՆ, ԱՄ(ԵՆԱՅՆ) ԱՐԵԱ-
ՆԱՄԵՐԶՈՐԱՅ:

Табл. V, 4

Перевод: «Водружен сей святой крест в ходатайство за душу Эзэль, Айнат, Джаһандухт, Саргиса, Эсана, всех близких по крови».

7. Одиннадцатый хачкар (хачкары № 8 и 9 находятся во втором ряду, № 10—рядом с одиннадцатым. Все три без надписи):

ԿԱԳԵՆՅՅՈՒ Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱԶՍ Ի ԲԱՐԷԽՈՍՈՒԹԻԹԻ(ԻՆ) ՀՈԳ-
ՈՅՆ ՍԻՄՈՆԻՆ, ՇԱՀ-ՄԷԼԻԿԻՆ, ՈՒՄԻՍԻՆ (?),
ՀՈՆԳՈՒՆԻՆ, ԱՄ(ԵՆԱՅՆ) ԱՐԵԱՆ ՄԵՐԶՈՐԱՅ:

Табл. V, 5

Перевод: «Водружен сей святой крест в ходатайство за душу Симона, Шах-Мелика, Умис (?), һОнгун, всех близких по крови»⁹.

8. Очередной 14-й хачкар:

ԿԱՆԳԵՆՅՅՈՒ Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱԶՍ Ի ԲԱՐԷԽՈՍՈՒԹԻԹԻ(ԻՆ)
ԲԵԳԱՆԻՆ ԵՒ ԿՈԳԱՅԻՆ ԻԻՐՈՅ ՀԱՄԱ-
ՍԻՆ, ՄԵՐԶՈՐԱՐԷՆԱՐԵՅՆ, ՅԻՇԵՅԷՔ Ի Ք(ՐԻՍՏՈ)Ս:

Табл. V, 6

Перевод: «Водружен сей святой крест в ходатайство за Бегана и супруги его Амас, близких. Помяните во Христе».

Большая часть этих надписей составлена по единому принципу, с применением одних и тех же терминов и орфографии (*հոգոցն, մերձօրաց* или *ամենայն արեան մերձօրաց, կանգնեցո/կաղնեցո*).

Разумеется, такая общность может быть и результатом одного стереотипа, но палеографические данные говорят в пользу синхронности текстов, их высечения одной и той же рукой. Мастер знаком с закономерностью перехода древнеармянского дифтонга *աւ* в *օ*, но не будучи достаточно просвещенным относительно рамок действия данного перехода, он, как и некоторые переписчики рукописных кодексов, *աւ* заменяет буквой *օ* повсеместно, хотя сам он, должно быть, произносил не *կանգնեցո*, а *կանգնեցաւ*, не *մերձօրաց*, а *մերձաւորաց*.

Дополнительной общностью надписей (за одним исключением) является отсутствие даты. Если бы тексты высекались в разное время, то они наверняка снабжались бы датой, столь характерной для поминальных текстов хачкаров. Но тут в этом не было необходимости, ибо пришлось бы повторить одну и ту же дату.

⁹ В имени *ՈՒՐԻՍ* сомнение вызывает буква *ւ*: она может быть воспринята и как *ա* (*ՈՒՐԻՍ* ?).

Квахурельские надписи интересны также с точки зрения ономастики. Наряду с традиционными именами *Մկրтыч, Мануэл, Саргис, Аванэс, Օһан* (варианты Иоанна) в них мы встречаем нечастые женские имена *Эзэль, Айнат, Умис, һОнгун*. Мужские имена *Эсан* и *Беган* являются вариантами встречающихся в грузинских источниках имен *Эсав-и, Эса, Бегина, Бегниа*. Странительство культового комплекса было предпринято по инициативе армянской общины Квахурели, а проживающие в грузинской среде его представители, кроме традиционных для армянской действительности имен, могли носить и местные, проникшие к ним в процессе повседневного общения¹⁰.

Итак, на основании вышеназванного можно заключить, что квахурельские армянские надписи восходят ко второй декаде XVII в. Фигурирующую во второй надписи дату (1616 г.) можно рассматривать как *terminus a quo* и для остальных текстов, но, вместе с тем, названная дата служит *terminus ad quem* для завершения строительных работ церковного комплекса Квахурели. Объем проделанной тут работы до того велик, что какое бы ни проявили усердие ктитория, за одно десятилетие едва ли удалось бы вырубить все части комплекса. Допустимо полагать, что строительные работы начались в конце 90-х гг. XVI в. и были завершены к 1616 г., когда можно было позаботиться о декорировке галерей¹¹. Это, однако, вовсе не значит, что мы отрицаем возможность существования здесь, в какой-то части пещерного комплекса, более древнего культового сооружения, «со следами язычества». Но и нет основания полагать, будто храм давно существовал и переселенцы-армяне всего лишь снабдили его своими надписями. Галерея украшена хачкарами именно в процессе строительства комплекса, а следовательно, и упоминаемые в надписях лица своим вкладом сделали участниками строительства. Сам Л. М. Меликсет-Бек, говоря о «какой-то армянской иммиграции» в XVIII—XIX вв., к концу своей статьи отказался от собственного положения: «Когда и при каких обстоятельствах появились армяне в районе селений Уплисцихе».

¹⁰ При исследовании ономастики в армянских поселениях Грузии, как и вообще всюду, надежным источником могут служить имеющиеся эпитафии. Их немало и в Квахурели, в основном на грузинском языке, но встречаются и двуязычные. Так, к примеру, на надгробиях северо-западнее церкви читаем:

«Աստ հանգչի զմարմին (!) հանգուցելոյն Գրիգոր Միրոյիանցի, կողակցոյ Սատախայի. ի ծննդ[նէ] ընթացքին ընդ 18 $\frac{8}{7}$ 92»:

«Այս է տապան Գէորգ Տէր-Գրիգորեան Տէր-Աբրահամեանի. վախճան/ուցաւ 10-ն նոյեմբերի 1907 ամի, 110 տարե[կան]»:

¹¹ «Сурп-Нишан» («Квирацховели») был популярен также среди грузинского населения и считался монастырем. На это указывает строительная надпись Мариам, дочери владельца крепости (Уплис-цихе?) от 1716 г., в которой сказано: «Волею и помощью бога и сего святого монастыря, я, прегрешная дочь владельца крепости Мариа, нянька Манин—супруги сына сардара-гофмейстера Бабы, Утрута, построила сию св. церковь...» [150, с. 211].

и Квахрели, ныне населенных исключительно этими именно армянами и не насчитывающих в составе своих жителей ни одного грузина? Не являются ли эти армяне отдельными потомками тех армян-воинов, которые под предводительством армянского царя Сумбата Исповедника ...в IX столетии, судя по данным этих же летописей, занимали твердыни Уплисцихе?... Во всяком случае, как бы все эти вопросы не были разрешены, очевидно лишь одно: что в современных жителях селений Квахрели и Уплисцихе мы должны видеть ...природных армян, являющихся отдаленными потомками тех армян, выходцев из Армении, которые когда-то (при *terminus ante quem* поп—IX в. и *terminus post quem* поп—XVIII в.) обосновались в районе искони грузинских селений Квахрели—Уплисцихе и с течением времени огрузинели» [150, с. 217—218]¹².

¹² Двойное название сооружения («Сурп-Нишан» и «Квирацховели»), на наш взгляд, обусловлен тем обстоятельством, что Сурп-Нишан (т. е. церковь св. Креста, или св. Знамения) постепенно был превращен в так называемую кладбищенскую церковь, каковые в большинстве случаев именуются «Квирацховели» (т. е. церковь «Красного воскресения», или «Красной горки»).

ГОРИ

О времени образования армянского поселения в центре Внутренней Картли, в Гори, историки располагают редким по конкретности свидетельством: современник Давида Строителя Маттеос Эдесский, рассказывая об успешных военных походах грузинского царя против «персов» (т. е. мусульманских государственных образований Закавказья) в первые два десятилетия XII в., когда им были отвоеваны Тбилиси, Дманиси, Ширван, Шаки, Шамкор и другие города и области, отмечает благосклонное отношение царя к армянам (и армян к деяниям самого Давида Строителя): «И был Давид царем святым и доброжелательным, наряженным всем благочестием да доброй праведностью; и он оказался приемлющим и любящим род армянский. Вокруг него собрались оставшиеся армянские войска, он же построил город армян в стране Грузинской, создав множество церквей и монастырей, и дал имя городу Гора. И поддерживал он весь род армянский с великой радостью и ликованием» [41, с. 356]¹. Строительство «города армян в стране Грузинской» Гора (Гори) не означает, что здесь был основан новый населенный пункт², а скорее—что таковой был превращен в город. И действительно, находящийся в 8 км западнее Уплисцихе город известен множеством археологических находок как парфянского, так и последующих периодов, и обнаруженные здесь, в частности парфянские драхмы, египетская монета с изображением Клеопатры, колхидские и другие монеты первых столетий новой эры указывают на длительную и оживленную торговлю со многими странами, а следовательно, и на существование поселения большой экономической значимости. Этому немало способствовало и само местонахождение Гори (у слияния рек, на перекрестке путей сообщения, недалеко от Уплисцихе)³. Видимо, в период арабского владыче-

¹ Грузинский перевод сведений см. [307, с. 242—252]. Последнее предложение приводимой нами цитаты *«... და იმნიერ ძეგლი იერაქონიქხადრ და გუბიქხადრ ეამს-ნიანი აყენ ჯაქიყ»* в грузинском передано как *«დადის სიხარულით და აღფრთოვანებით ემეტოდა მას მთელი სომეხი ხალხი»* [с. 248], т. е. «С великой радостью и ликованием относился к нему весь армянский народ», что является результатом неправильного понимания армянского оригинала. То же самое нужно сказать и о другом грузинском переводе в «Очерках...» [364, II, с. 100].

² О термине *ქინელი* в значении «превращать, обратить, сделать» см. [255, с. 199—200].

³ По истории г. Гори см. [302; 157; 155; 374]. Сохранилось огромное количество древнегрузинских документов, относящихся к Гори. Их перечень см. [79, I, с. 58—63].

ства крепость Гори постепенно теряла свое значение и вследствие упадка превратилась в обыкновенное село. Во всяком случае, говоря о войне Сумбата I (в действительности же Сумбата II) с царем Абхазии Татосом (т. е. Феодосием, 977—990 гг.), армянский повествователь называет Гори селом: «Расположились они вокруг оледенелого поля. Не имея возможности овладеть селом Гори, царь Сумбат находился в нерешительности» [9, с. 188—189]. Мы вполне согласны с М. О. Дарбинян-Меликян в том, что тут речь идет о месте сражения Сумбата I с царем Константином в Уплисхихе [9, с. 29—30], но датировать «последнюю новеллу» второй половиной XII в. нет достаточного основания, ибо армянские источники уже с 1123—1125 гг. знали о существовании *города* Гори, называть же селом они его могли не позже указанной даты⁴.

Основание новых городов было вызвано заинтересованностью объединенного государства в экономическом развитии страны, тем более, что в большинстве своем они входили в царский домен и служили опорой при подчинении стремившихся к самостоятельности крупных феодалов типа Абулетисдзе. Именно поэтому создавались города как в центральных, так и в окраинных областях страны. В XI—XII вв. кроме Гори возникли города Атени, Жинвани, Баралети, Сурами, Али, Зоврети [ср. 364, II, с. 101]. Примечательно, что во многих из этих городов (Атени, Баралети, Сурами, Али), если не со дня основания, как это было с Гори, то вскоре оказались армяне—«калакис эри». Этот факт находит объяснение в самом характере и назначении вновь основанного города, население которого «состояло в основном из купцов и ремесленников» и не являлось «однородным ни экономически, ни социально» [364 (II, с. 112)].

Освобожденные от тюрков-сельджуков Давидом Строителем и его преемниками армянские купцы и ремесленники охотно шли навстречу предложению грузинских царей, ибо тем самым обеспечивали себя надежной государственной защитой, в чем они нуждались после падения династии армянских Багратидов, и—что не менее важно—получали новое поприще для деятельности, в частности—для реализации производимого ими товара (прежде всего речь идет о ремесленниках). Их политическая ориентация вполне совпадала с курсом грузинского государства, ставшего во главе освободительной борьбы народов Закавказья⁵. Не случайно, что в сочинениях армянских книжников, столь осуждающих политику Византии и Ирана и сетовавших на судьбу своего народа, многие из которых становились «пандухтами» (скитальцами, чужестранцами), нет намека на то, что Грузия—чужбина. Да и в грузинских источниках нет отзвуков возможного недовольства местного общества притоком армян⁶. Все это значит, что но-

⁴ Термины *գիւղ*, *գիւղաք*, *քաղաք* не равнозначны, и армянский источник не случайно называет Гори селом. Это значит, что текст записан до переселения армян и строительства города.

⁵ Мы говорим об основных побуждениях и ориентации, легших в основу переселения армян в соседнюю Грузию.

⁶ Иное дело, что не прекращались догматические споры или что на этой почве возникали даже конфликты [149]. Нужно полагать, что, называя восстание 1176—

вые граждане Грузии жили одинаковыми с местным населением стремлениями и заботами и одинаковым социальным составом. На это последнее обстоятельство следует обратить особое внимание, ибо в отдельных кавказоведческих исследованиях и по сей день появляются неверные трактовки социального состава городского населения. Так, в комментариях к грузинскому переводу приведенного нами выше отрывка относительно основания г. Гори говорится, что «по повелению Давида Строителя в Гори вселили торговцев-армян» [307, с. 252]⁷. Во-первых, в первоисточнике речь идет только об этнической принадлежности переселенцев, которые, разумеется, не были однородны социально. Едва ли Давиду Строителю удалось бы собрать такое количество торговцев, которые бы нуждались не в одной церкви, а в *церквях* и *монастырях*. К тому же духовенство не входило в сословие купечества. Во-вторых, новооснованный город нуждался не столько в торговцах, сколько в производителях-ремесленниках, а всех их считать торговцами нельзя. Торговцы в свою очередь делились на разные слои—крупные (дидвачарни), свободные, но экономически несостоятельные торговцы или ремесленники, несвободные и т. д. [264, II, с. 112—113]. Средневековый город теснейшим образом был связан с обработкой земли, а таковая осуществлялась не торговцами. Если оставить все сказанное в стороне, то присутствие армян в селах Картли, в том числе и в окружении Гори (Гориджвари, Уплисхихе, Каралети, Бредза, Дирби, Хелтубани, Набахтеви, Квахурели и т. д.) свидетельствует о социальной неоднородности переселенцев⁸. Армянам суждено было часто переселяться, и в разные страны, но, как правило, общинами, поэтому нет основания полагать, что в Гори могли оказаться лишь торговцы. На это указывают также материалы по истории населения Гори и в последующие века, о чем будет сказано ниже⁹.

Нами уже отмечалось, что строительство культового сооружения несколькими духовнослужителями является доказательством того, что в то или другое поселение Грузии армяне переселялись в составе всей сельской общины. Из числа нарративных источников, содержащих свидетельство об этом, своей конкретностью и достоверностью выделяются донесения турецких должностных лиц от 1516 и 1521 гг. Вот эти сообщения: «Проживающие в Авнике (поселение и крепость вблизи Басена.—П. М.) армяне разбросались и отправились в сторону Грузии, две семьи же пришли в Баберд» [74а, с. 28, 48]. В другом

1177 гг. против Георгия III «злоумышленным», Давид Кобайреци исходил не только из морального представления о царской власти своей эпохи, но и из желания своего и своих современников видеть Грузию могущественной и единой.

⁷ Этот неверный тезис присутствует и в монографии Д. Гвритшвили [302, с. 98].

⁸ Неоднородность социального состава жителей Гори, в том числе и армян, со всей определенностью зафиксирована в «Описи» первых десятилетий XVIII в. г. Гори (издание см. [376, с. 256—265]). По свидетельству Райнегса, «Жители Гори—преимущественно армяне-католики, которые живут торговлей, земледелием и скотоводством» [392а, с. 75].

⁹ Выказано предположение об идентичности Гори (Гора) М. Урхаеци (Эдесского) с Ахалгори [336, с. 94—96], однако данные армянских колофонов и армянские древности в Гори не дают основания для этого [ср. 89, с. 153].

донесении сказано: «Дело дошло до того, что большинство крестьян (реая) Са'д Чухура (т. е. большинство коренного армянского населения Араратской долины.—П. М.) для спасения своих семей куском хлеба отправилось в Грузию, сипахи же (т. е. феодалы.—П. М.) ушли в Тебриз» [74а, с. 52]. Доведенные кызылбашами и турецкими поработителями до крайней нищеты и вынужденные покинуть свою родину армянские крестьяне, разумеется, не могли быть торговцами. И вовсе не случайно, что во имя куска хлеба они отправлялись именно в Грузию; помимо приюта и гостеприимства, они тут находили и возможность организованной борьбы против общего неприятеля. У «сипахи» же были совершенно иные классовые интересы, которые их приводили в Тебриз.

Как мы убедились, у М. Урхаеци (Эдесского) говорится о «множестве церквей и монастырей», основанных Давидом Строителем для армян. Разумеется, в этих словах содержится определенное преувеличение, ибо за 2—3 года (Давид IV скончался в 1125 г.) он не успел бы построить такого количества культовых сооружений, да и необходимости в этом в начальный период не было. Историк, следовательно, либо подразумевает строительство церквей и в близлежащих поселениях, либо, говоря о «множестве», желает подчеркнуть толерантность и благосклонность грузинского царя к армянам. Мы склонны считать вероятным второй вариант, тем более, что указывающее на это свидетельство сохранилось и в армянской редакции «Картлис Цховреба», переведенной кем-то из младших современников Урхаеци («Сам же он (т. е. Давид Строитель.—П. М.) любил род армянский, [его] церкви и некоего ритора архимандрита из Ахпата по имени Саркаваг» [94, с. 255]).

В существующих документальных источниках и колофонах рукописей упоминаются две армянские церкви в Гори—св. Богородицы и св. Стефана¹⁰. Обе они принадлежали епархии Ахпата, а первая из них, возможно, являлась и резиденцией ахпатского «горцакала», ибо в грамоте царя Ростомы от 1640 г. на имя «горцакала Тэр-Григория» отмечается и наличие брaтии (Ак, п. 252, л. 2). В докладной записке католического миссионера Дон Пьетро Авитабиле от 1 октября 1633 г. относительно положения гордийских церквей после взятия города персами сообщается, что «за исключением нашей и малой августинской церкви, ни одна из остальных многочисленных церквей не была открытой. Находящиеся в крепости грузинские церкви были превращены в мечети: армянская же церковь еще хуже—была использована в качестве конюшни» [72, с. 57, 99]. Тут, должно быть, речь идет о той церкви, которая находилась на склоне горы, у крепостных стен, и была изображена сполвижником Авитабиле Дон Христофором Де Кастелли [71, табл. 436]. Сомневаться в этой идентификации не приходится, ибо изображение снабжено несколькими записями и рядом с ним сделана пометка «Ecclesia Armena»—«Армянская церковь» [71, с. 170, 389]¹¹. Судя по альбому, Кастелли был искусным художником—

¹⁰ Издание колофонов см. [32, II, с. 291—292]. Циркуляры католикосов Иакоба и Егиазара см. Armd.—74; Ак, п. 242, д. 68.

¹¹ В грузинском переводе пропущено слово grecis [с: 170].

графиком, умело передававшим характерные черты изображенных сцен, предметов и портретов, поэтому по его работе можно составить представление о внешнем архитектурном облике этой не дошедшей до нас церкви¹²: в плане—это крестообразная церковь, завершающаяся высоким куполом, несколько напоминающим купол св. Марины в Аштараке. Трудно сказать, какая из двух армянских церквей представлена на картине итальянского миссионера—св. Богородицы или св. Стефана? Мы склонны думать—св. Богородицы, ибо в приводимом ниже синодике церкви св. Стефана говорится, что к ней был пристроен притвор, которого нет на рисунке Кастелли. Церковь св. Стефана сохранилась до 1920 г. и была разрушена землетрясением. Одна из надписей церкви Богородицы, высеченная на наличнике входа, сохранилась¹³, другая же (из обители св. Стефана) в свое время была переписана Л. М. Меликсет-Бекон¹⁴.

Ի Թ(ՈՒԻՆ) ՌՃԺ: Ի ԹԱԳ(Ա.Ի)Ո[Ր]ՈՒ(ԹԵԱՆ) ՊԱՐՄ.
ԻՅ ՇԱՀ ԱՊԱՍԻՆ, ԻՇԻԱՆՆՈՒԻ(ԹԵԱՆ) ԲԱԳՐԱՅ.
ՏՕՆԱՅ ՇԱՀՆՎԱԶ Խ(Ա)ՆԻ, Հ(ԱՅՐԱ)Պ(ԵՏ)ՈՒ(ԹԵԱՆ) Տ(ԵԱՌ)Ն
ՅԱԿ(Ո)ԲԻՆ, Յ(Ա)Ռ(Ա)Զ-
Ն(Ո)ՐԳՈԳՈՒԻ(ԹԵԱՆ) ԲԱՐՍԵԳ []

Табл. VI, 1

Перевод: «В лето 1110 (=1661). В царствование Шах-Аббаса персидского, во властвование Шахнаваз-хана Багратида, в патриаршество владыки Иакоба [и] архиерейство Барсега...».

О чем должна была идти речь в основной части надписи, которая оказалась не высеченной,—неизвестно. Как правило, так начинаются тексты строительных надписей или дарственных грамот. Церковь была построена задолго до указанной в надписи даты, поэтому в ней должно было сообщаться о чем-то другом. Шахнаваз-хан, он же Вахтанг V—царь Картли в 1658—1676 гг., а патриарх Иакоб—католикос армян Иакоб IV Джугаеци (1655—1680). Последний проявлял интерес к церковной жизни армян Гори и всей Картли. Из одного его послания становится известным, что он побывал в Гори (это имело место после высечения нашей надписи, но до 1677 г.), познакомился как с местной обстановкой, так и с представителями общества. Католикос обращается к своему «духовному сыну» Эстате, отец которого Хосите обратил в

¹² По сообщению Авитабиле, «Патер Дон Христофоро отлично изобразил вид крепости и преподнес генералу, который принял с таким восторгом, что трудно описать. На следующий день он его (т. е. изображение.—П. М.) отправил своему владыке—шаху персидскому» [72, с. 56].

¹³ Г. Григорян любезно предоставил нам фотокопию надписи и свои дневниковые записи от 19.III. 1970 г.

¹⁴ В 1961 г., когда автор этих строк работал над темой «Армяно-грузинские литературные взаимоотношения в XVIII веке» (книга издана в 1966 г.), проф. Л. М. Меликсет-Бек любезно предоставил в его распоряжение ряд оттисков своих работ по XVIII в. и позволил переписать эту вторую надпись, также относящуюся к XVIII в.

вакфную собственность церкви Богородицы в Гори сад, находящийся в Хелтубани, и вновь утверждает этот акт (Armd. 74). Что касается архиерея Барсега, то он известен по надписи 1655 г. из Ахпата [239, с. 224—225]. Его упоминание еще раз подтверждает факт принадлежности армян Картли к Ахпатской епархии. Высеченная часть надписи не содержит сколько-либо важной информации, но само ее существование является доказательством функционирования обители и ее тесной связи как с местной средой, так и с духовными центрами Северной Армении.

В филологическом аспекте здесь немало интересного. Термины *իշխանութիւն*, *առաջնորդութիւն* автором надписи произносились и фиксированы как *իշխանութիւն*, *առաջնորդութիւն*, родовое название *Բագրատունի*—*Բագրատունի* или *Բագրատունի* (это, возможно, под воздействием грузинского *ბაგრატიონი*). Вследствие перехода *բ > ყ* имеем *Աყառ*; *վ* вместо *ւ* в слове *Շահնվաղ* говорит о давно начавшихся нарушениях древней орфографии. Об этом же свидетельствует и форма родительного падежа имени *Յակոբ* (по литературным нормам должны были иметь *Յակովրայ* или *Յակորայ*)¹⁵. Формы косвенных падежей (*Աყառին*, *Յակորին*) наводят на мысль, что часть утвердившихся в Гори армян была выходцами из той географической среды, где возникли и оформились армянские диалекты ветви *կր* (т. е., быть может, из Ширака или Высокой Армении). Для более конкретной локализации нет оснований.

О церкви св. Стефана Первомученика некоторые данные приводятся в памятной записи и приписках армянской рукописи от 1602 г. [М 6633; ср. 36, I, с. 53—54]. Переписана она была в самом Гори по заказу местного священника Рстакэса и рукою писца Газара под сенью церкви св. Богородицы, переплетена же на средства Кокила. Заказчиком рукопись подарена церкви св. Стефана «в патриаршество епископа Киракоса, в царствование в Грузии Г[е]оргия» (речь идет с Георгии X (1600—1606) и настоятеле Ахпатского монастыря епископе Киракосе, скончавшемся в 1629 г.) [239, с. 235, 276]. Вторая часть записи фактически является синодиком обители. Автор записи Рстакэс (написано *Իրстагэс*) благославляет строителя церкви («*Աստուածողորմի կկեղեցու շինողին. Բ խաչ կթող՝ սբ Գևորգ, սբ Յովանէս, աստուածողորմի*»)¹⁶, но не называет его, ибо строительство имело место за-

¹⁵ Отсутствие показателя местного падежа *ի* перед словом *իշխանութիւն* следует объяснить не пропуском, а наличием той же графемы в начале слова, т. е. *ի* следует считать и показателем падежа, и начальной буквой.

¹⁶ М 6633, л. 265б. Издателями записи по недосмотру пропущена вторая половина приведенной цитаты. Рукопись богато иллюстрирована, но имя художника не упомянуто. Можно проследить некоторую иконографическую общность с иллюстрациями рук. М 7634, принадлежащей художнику Аракелу из с. Двандж (близ Карина). Рукою то ли художника, то ли писца на разворотах евангелий в руках двух евангелистов (лл. 276 и 158б) сделаны традиционные записи письмом «нухури»—

долго до него, при нем же церковь была обновлена («*Նորոգեցինք սբ կկեղեցին. աստուածողորմի*»), и стараниями некоей Довлатхатун возведен притвор («*ժամայտուն*»). Их соотечественники-горийцы подарили церкви, кроме самого Евангелия: Мамкан—занавес, Султанзат—Требник, Шахвели—Святцы, Пахри и Закар—гимнарий («Шаракноц»), Амбар-хатун—молитвенник, парон Бек же—ручной колокол и т. д.¹⁷. Из этого перечисления следует, что в начале XVII в. в обители было по меньшей мере пять армянских рукописей литургического назначения. Само название обители—св. Стефана Первомученика—ввело в заблуждение издателей колофона, сделавших заключение, что речь идет об обители св. Стефана в г. Джуге.

При обители св. Стефана в Гори существовали как мастерская по переплетению рукописей, так и школа, и на «радость учащимся» парон Алахшул преподнес ей рукопись, по всей вероятности, Синаксарь (1607)¹⁸.

Текст армянской надписи из Гори, высеченной на стене обители св. Стефана, как было отмечено, сохранился в копии Л. М. Меликсет-Бека:

Յ(Ի)Շ(Ա)Տ(Ա)Կ Է Ս(ՈՒՐ)Բ ՍՏԵՓԱՆՈՍ ԵԿԵՂԵՑԻՍ ԳՈՐ(ԵՅ)Ի ԳՈՐԳԻ
 ԽԱՆԻ, ԽՁԱԴ ԱՆԴԱՄ (?) Մ(Ա)Մ(Ա)Ջ(Ա)Ն <Ի> ՈՐԳԻ ԲԷԺԱՆ
 ԲԷԿ<Ի> ԵՒ ԻՒՐ
 ԿՈՂԱԿԻՅ ՏԱՄԷՋԱՆԻ: ՆՈՐ ՇԻՆԵՑԱԻ Ս(ՈՒՐ)Բ ՏԱՃԱՐՍ.
 ՕՎ ՈՔ ԱՅՍ ԳՐԵ(Ա)Ն ԸՆԹԵՐԻՒ ԿԱՄԻՔ ԱՍԵԼ Ա(ՍՏՈՒԱ)Ս
 ՈՂՈՐՄԻ:
 Ի Թ(ՈՒՐ)Ն ՌՃՄԷ:

Перевод: «Сия церковь св. Стефана—в память о Горги-хане горийце, сыне хзад-члена (?) Мамаджана Бежан-беке и его супруге Тамеджан. Св. обитель вновь была построена. Кто прочтет, что тут написано,—благovolите сказать «да помилует бог». В лето 1157 (= 1708)».

Горги-хан и Бежан-бек (представители местной знати) сообщают об обновлении церкви. Первый из них может быть идентифицирован (?) с сыном Гиви Амилахора Георгием, который за год до этого водрузил крест перед иконостасом церкви в Гориджвари [316, с. 385]. Титулатура отца Бежан-бека *խղաղ անդամ* сомнительна по своей форме, поэтому без дополнительного источника трудно предложить интерпретацию.

Следовало полагать, что во втором, после Тбилиси, по величине и административно-экономическому значению в Картли городе, каким яв-

¹⁷ «*წიგნო Յ(ո)ծոնս օ(ց)ն յ(հօնօց)ն*». Взято ли это из образца или писец Газар (Лазарь) хотел удостоверить свою искусственность и в грузинском—трудно сказать.

¹⁸ На л. 266 а-б перечисление продолжается. Некоторых лиц, фигурирующих в Синодикке, можно идентифицировать с теми, имена которых зафиксированы в «Описи» Гори [см. 376, с. 256—265].

¹⁹ Издание фрагмента колофона см. [36, I, с. 24].

ляется Гори, должно было быть большее количество культовых сооружений и эпиграфических памятников. Но город этот на протяжении нескольких столетий подвергался неоднократному разорению и разрушению. Еще в конце XIII в., в сговоре с монголами, его заняли осы и отсюда совершали набеги на картлийские поселения, причиняя им большие бедствия [93, II, с. 315—318; ср. 364, III, с. 612, 626]. В начале XV в. сюда добрались отряды Тамерлана, которые «сожгли и разрушили ... всю Внутреннюю Картли» [93, II, с. 453], в том числе и, разумеется, Гори. В памятной записи горийца инока Григория, переписавшего рукопись в Татеве, с горечью отмечается, что его брат Мкртыч был угнан в плен «чагатайцем» и проживавшим в Гори его родным оставлена «печаль горести» [32, I, с. 58]¹⁹. То же самое повторилось при нашествии Узун-Асана: по словам армянского хрониста-поэта, ворвавшиеся в Гори полчища «разрушили крепость, истребили находящихся там 400 мужей, а женщин и детей угнали в плен» [32, II, с. 394—395]. Этим городом овладевали то османы, то персы, которые разоряли и сжигали его, истребляли население [93, II, с. 521; IV, с. 367]. Одних свидетельств католических миссионеров XVII в. достаточно, чтобы представить трагическую участь жителей Картли и самого города Гори. По свидетельству Вахушти, «насилием османов, леков, кызылбашев уменьшился и город [Гори]», в котором имелись «8 благовидных церквей, но одну армянскую разрушили османы» [93, IV, с. 376]²⁰. Так продолжалось до 30-х гг. XVIII в.²¹, но население города—грузины и армяне, даже в таких условиях, в передышках между нашествиями неприятеля, опять-таки занимались строительством, развитием хозяйства, умножением национальных духовных ценностей. Осенью 1672 г. в Гори побывал Жан Шарден, по характеристике которого «построенный у подножия крепости город невелик. Дома, как и крытые рынки, построены из кирпича. Жители занимаются торговлей и являются достаточно имущими. Тут в изобилии и дешево можно найти все, что необходимо для существования» [84, с. 295—296]. Но ведь за сорок лет до этого описания, согласно письму Авитабиле, «деревня (т. е. Гори.—Л. М.) так была разорена, что невозможно было найти даже ростки травы» [72, с. 57], а новый царь Ростом для отправки к шаху Ирана «из каждых тридцати семей требует одного хорошо сложенного отрока, на что армяне ответили отказом. Они против введения новых порядков и вместо молодых людей предпочитают дать деньги. О решении грузин пока ничего не знаю, однако, как было

¹⁹ Грузинский перевод записи см. [89, с. 30—31]. В комментариях издатель не воздержался от соблазна объявить угнанного в плен брата писца «ремесленником либо торговцем» [с. 133], хотя о возрасте и занятиях последнего неизвестно ничего.

²⁰ О существовании «нескольких каменных церквей армян-католиков» говорит Райнегс [392а, с. 74].

²¹ Турецкая оккупация Картли продолжалась 12 лет (1723—1735). За это время «Османы успели произвести сельскохозяйственную опись страны и составить «Пространный реестр» (Defteri mufassal-i vilayet-i Tiflis), который хранится в архиве Совета Министров в Стамбуле (№ 897/418, 1140/1727)» [125, с. 142]. Издание этого источника дало бы нам множество важных сведений и по истории армянских поселений в Картли.

отмечено, в народе открыто говорят о воззвании Теймураза; боятся, чтобы эта дань не стала бы ежегодной» [72, с. 59]²². Очевидец всего этого, да и еще частых междоусобиц, армянский священник из Ахалгори не смог воздержаться и сделал такую запись: «Ох и ах, горе мне, какие бессовестные деяния я увидел в этой стране: друг друга уничтожили вельможи (*შეშორებულნი*) Грузин» [36, II, с. 415].

Нет сомнений, что значительная часть грузинских и армянских надписей, высеченных на стенах культовых и гражданских сооружений, так же как и созданных в книжных очагах Гори кодексов, была уничтожена, но, все-таки, культурная деятельность жителей Гори и его окрестностей продолжалась, доказательством чего служат дошедшие до нас надписи, созданные здесь рукописи и само творчество поэтов и писателей—выходцев из этого города.

В колофонах армянских рукописей XV—XVIII вв., переписанных в Гори, большей частью в церкви св. Богородицы, содержится немало сведений по политической и культурной истории города и его окрестностей. Сам факт копирования кодексов, независимо от их содержания, свидетельствует об интенсивной культурной деятельности армян в Гори, что в свою очередь явилось результатом продолжающейся связи недавних переселенцев с культурными центрами Армении, в частности, с ее скрипториями. Изучая одну армянскую рукопись из Гладзора, мы высказали предположение, что «молодые искатели мудрости» отправлялись в культурные центры Армении и из армянских поселений Картли [164, с. 96—97]. Это положение находит новое подтверждение: инок Григорий (Григор) Гореци оказался в Татеве и в 1406 г. скопировал там уже упомянутую нами рукопись (М 4072), называя Гори «селоградом» (*სელოგრადი*). Из этой записи видно, что общение с грузинским населением города сказалось и в ономастике горийских армян: сестра этого Григория носит имя «Дета-хатун» (от груз. დედა), а вот мать получателя другой рукописи, протоиерея Григория из Гори, названа «Турпай» (от груз. ტურპაი)²³. Из колофона же рукописи третьего горийца Григория от 1469 г. (М 219) становится известно, что в армянском скриптории Гори писались рукописи и для других поселений в Картли. В нем, в частности, речь идет о церкви Григория Просветителя в с. Бредза, где, видимо, обосновались новые переселенцы и рукопись была отправлена туда «рукою неромонаха Иоаннэса и священников Вардана и Иезеклия» [32, II, с. 291—292]²⁴.

²² В беседе с русскими посланцами царь Теймураз I говорил: «Писали де ко мне ис Картален и ис Тефлиза всяких чинов люди, что им тефлиской Рустом-хан чинит многие насильства и грабеж и детей у них сильно отымает» [19, с. 151].

²³ Рукопись находилась в собрании Варагского монастыря (№ 100). Издание колофона см. [32, II, с. 170].

²⁴ Эта рукопись пострадала и вновь была возвращена в Гори. В 1584 г. священник Барсег по поручению архиепископа Хачатура дополнил недостающие страницы и отправил в Канду (см. лл. 9а, 92а, 140б, 141а—142б). В 1599 г. рукопись находилась «в плену», и некий Амирджан выкупил ее вместе с двумя пленными и вернул в церковь (кандийскую?). Но превратности судьбы продолжались, и рукопись оказалась в Тбилиси, где ее кто-то приобрел и отдал в вакфную собственность обители Богородицы (см. л. 142б).

Богатством разнородных сведений отличается колофон еще одной армянской рукописи, переписанной в том же 1469 г. «под сенью соборной (католикэ) церкви св. Богородицы» в Гори писцом иноком Григорием, сыном Чаркаса и Вардетикин [59а, с. 317—319]. Само культовое сооружение в нем характеризуется термином «гмбетард» (т. е. купольная церковь), что говорит в пользу предлагаемой нами идентификации обители Богородицы с изображением таковой у Кастелли. Примечательно, что писец Григорий называет церковь «Туманенц», т. е. Тумановых, из чего можно заключить, что ее строителями были представители рода Туманянов (ср. «церковь Оненца» из Ани)—предки хорошо известного по поздним грузинским и отчасти армянским источникам рода горийских Туманишвили—Туманянов. Кроме «парона Закария», который и является подлинным получателем-дарителем рукописи, в колофоне названы свыше десяти армянских священнослужителей «селограда» Гори и Ахпатской епархии в Картли. Кстати, инок Григорий побывал в Ахпате и удостоился внимания архиепископа Гукаса (брата паронов Мурада, Закария и Карим-шаха). Это—еще одно свидетельство интенсивности общения картлийских армян с культурными очагами Северной Армении.

Эти и другие факты подобного рода говорят об исключительной толерантности местного грузинского населения, а также о сильной культурной и вероисповедной приверженности армян к собственным традициям. Но эта «традиционность» не приводила к социально-политической или культурной изолированности. Как было сказано выше, они первыми отказались от отправки юношей в Иран²⁵. Армяне отказываются принять католичество, на что откровенно жалуются миссионеры [72, с. 62]. В 30-х гг. XVII в. деятельность миссионеров особенно активизировалась в Гори, где обосновались представители двух-трех орденов. Они имели своих поборников в лице армянина Дон Минаса [71, с. 67] и грузина Н. Чолокашвили [72, с. 65—66], но местное население в целом, по их признанию, «ненавидело их» [72, с. 60, 64]. Примечательно, что армяне и грузины и в этом проявляли полное единодушие, усматривая общую опасность, а миссионеры считали и тех и других еретиками, неполноценно обращенными в христианство.

За два столетия миссионерской деятельности в католичество перешли многие из жителей Картли, Кахети и Имеретии, и отношения между обращенными и приверженцами «отечественного вероисповедания» крайне обострились. Царь Ираклий принял энергичные меры против католиков-армян и католиков-грузин²⁶.

Представители картлийских армян играли заметную роль в управлении государством, в его дипломатических сношениях. По свидетельству Кристофоро де Кастелли, цари Грузии, Ирана и сопредельных стран привлекали многих армян, часто в качестве посланников царей колхидских и персидских [71, с. 195, 412]. В частности, такая

²⁵ По словам Авитабиле, грузинские дидебули в качестве дани или для торговли ежегодно вывозили из страны не менее четырех тысяч юношей и девушек [72, с. 34].

²⁶ Подборку документов по этому вопросу см. [5, с. 232—269].

миссия выпала на долю горийца Парсадана Горгиджанидзе²⁷, который в 1656 г. был отправлен в Иран в качестве представителя картлийского царя Ростома. Свыше сорока лет Горгиджанидзе находился на государственной службе, но одновременно занимался и интенсивной литературно-культурной деятельностью: им составлены «История Грузии», многоязычный словарь, переведены трактаты с персидского и т. д. Будучи выходцем из Гори и знатоком нескольких восточных языков (в том числе и, разумеется, армянского) Парсадан Горгиджанидзе не только хорошо разбирался в событиях политического характера, но и в разнородных исторических источниках, к которым он обращался при составлении «Истории Грузии» [330; 229]. Именно исходя из его «проармянских тенденций», М. Броссе и И. Джавахишвили пришли к заключению, что он происходит из армян Гори [385, II, 1, с. 284—285].

Современник и соотечественник Парсадана Пешанг «Ондрева сын арменин» Хитаров (Хитаришвили) состоял на службе царей Имерети в качестве «мдивана» (царского секретаря) и принимал участие в переговорах с представителями России (биография, государственная и литературная деятельность выходца из Гори Пешанга обстоятельно исследованы Г. Леонидзе) [332, с. 5—64]. Его историческая повесть «Шахнавазиани» посвящена восхвалению Вахтанга V—Шахнаэма «Шахнавазиани» посвящена восхвалению Вахтанга V—Шахнаэма и его сына Арчила и представляет несомненный литературный интерес, хотя по определению Арчила, «მე ვაჟივყოფე, მამამე ვერა სიტყვა მარტობა»—«Писать-то заставлял я, но он не смог написать со вкусом». Выяснено, что Пешанг происходил из рода Амирашвили—Хитаровых, представители которого в XVII в. занимались торговлей, а также становились «мамасахлисами» Гори (часть этого рода впоследствии именовалась Гаспаровыми—Гаспарашвили) [332, с. 15—16]²⁸. Армяне-танутэры («мамасахлисы») Гори 80-х гг. XVII в. поименно названы в послании католикоса Егназара от 1682 г. (Давид, Мехраб, Тахмаз, Рамаз, Саак, Автандил, Пешо) [Ак. п. 242, д. 68; ср. 33, с. 162—163]. Есть ли что-то общее между этим Пешо и поэтом, мдиваном Пешангом—трудно сказать, но «мамасахлис» Давид именуется в документах Пешангишвили, и Г. Леонидзе не исключает возможности, что он мог быть сыном нашего «думного дьяка», как Пешанга называют русские послы [332, с. 22, 28]. Эту же фамилию носил и поэт конца XVIII—начала XIX вв. Степан Пешангишвили, выходец из Гори, описавший трагические события 1795 г. при нашествии Ага Мухаммад-хана [290, с. 204—211].

С конца XVII в. часть армянской общины Гори становится грузиноязычной. Как бы тесно ни были они связаны с культурными очагами Армении, вековая оторванность от родины и постоянное общение с коренными жителями Картли неизбежно должны были привести к грузиноязычности, а затем и этнической денационализации. Во всяком случае, в первой половине XVIII в. возникает необходимость перевода ряда сочинений армянских авторов на грузинский язык именно для ар-

²⁷ О литературном наследии Парсадана Горгиджанидзе см. [381, с. 284—298; 350, I, 1 с. 255—256; 330; 246, II, с. 82—117; 246, III, с. 297—305].

²⁸ В «Описи г. Гори» упоминается и некий Пешанг Такинашвили [376, с. 261].

мян, уже не владевших родным языком. В этом смысле особенно примечательным представляется творчество Георга (Гиорги) Горийца, бывшего монахом в сане архимандрита в обители Вараг (в Васпуракане). Сборник его стихов, философско-догматических компиляций, а также переводов [Н-2809; ср. 340, с. 89—122; 246, III, с. 93—94] предназначен для проживающих в Грузии армян с целью сохранить их национально-конфессиональную принадлежность²⁹. Видимо, даже вдали от Гори, в памяти Георга запечатлелась та борьба, которую вели картлийские армяне против католических миссионеров: именно это обстоятельство заставило его обратиться к соответствующим трактатам Григория Татеваци и Лазаря Джахкеци, дабы держать своих соотечественников—картлийцев-армян в «догматическом всеоружии».

Итак, город Гори был одним из средневековых многолюдных пристанищ армян во Внутренней Картли. В течение нескольких столетий (XII—XVIII) армяне продолжали свою национально-культурную деятельность—строили культовые сооружения, переписывали рукописи, высекали надписи. Как и в других поселениях, они не остались лишь «пришельцами» и, вписавшись в местную среду, принимали деятельное участие в политической, экономической и культурной жизни страны.

²⁹ Явно не разобравшись в подлинном назначении армянских трактатов и сочинений в грузинской транскрипции и попытавшись развить положение З. Чичинадзе о существовании так называемой этнокультурной общности «грузин григорянского вероисповедания», Г. Як. Майсурадзе крайне упростил свою задачу, заявив, что «армянская церковная литература, в грузинской транскрипции несомненно, должна была быть составлена для грузин армянского вероисповедания, большинство которых, естественно, не знало армянскую грамоту» [335, с. 315]. Но, прежде чем говорить о назначении этой литературы и опровергать интерпретации И. Гришашвили и П. Мурадяна, каким-то образом нужно доказать само существование «общности грузин-григорян». Это понятие было придумано в начале нашего столетия под воздействием определенных настроений в грузинском буржуазном обществе.

ГОРИДЖВАРИ

Расположенная вблизи Гори (к юго-западу от древней части города, на правом берегу Куры) деревня Гориджвари теснейшим образом была связана со стольным городом Шида Картли, входя в орбиту так называемых пригородных укреплений. В грузинских нарративных источниках она упоминается в связи с борьбой Симеона I в конце XVI в. [93, II, с. 378, 535; IV, с. 417], в документах же XVI—XVIII вв. находим разнородные сведения о духовенстве и землевладельцах Гориджвари, об имениях, крепостных, церквях [85, III, с. 45; 79, с. 63; 91, с. 125; 98, IV, с. 522—523]. Из существовавших здесь памятников культуры особенно значительна церковь св. Георгия, где, по преданию находилась голова святого [93, IV, с. 344]. Древностям Гориджвари посвящено несколько описаний и исследований, из коих наиболее обстоятельны статьи Е. С. Такайшвили [316, с. 383—389] и И. В. Мерелидзе [338, с. 237—242]. В частности, занимающая нас армянская надпись выявлена и опубликована И. В. Мерелидзе, побывавшем в Гориджвари в июле 1954 г. Дошедшая до нас в развалинах армянская церковь расположена в южной части деревни, и местные жители ее именуют «Чалабандис сакдари» — церковь Чалабанда, что, как замечает издатель текста армянской надписи, связано с именем ее основателя—Джалапа (Джалапант—Чалабанд+ис.). Надпись высечена на северной стене, точнее—в восточной части этой стены, в пять строк.

ՁԽ ԹՎԻ:

ԵՄ՝ ՋԱԼԱՊԻՍ ՇԴԻՆԵՅԻ
ՉԵԿԵՂԵՅԻՍ ՅԻՇԱՏԱԿ ՀՈ-
ԳՈՅ ԻՄՈՅ ԵՒ ՄԵԱԻՂԱՅՆ
ԵՒ ԵՂԲԱՐՅՆ ԻՄ:

Табл. VI, 2

Перевод: «В лето 940 (=1491). Я, Джалапи, построил эту церковь в память души своей и моих родителей и братьев»¹.

В источниковедческом отношении надпись примечательна тем, что датирована концом XV в., т. е. на целое столетие раньше, чем Гориджвари упоминается в дарственной грамоте Симеона от 1590 г. (Qd-430), и почти на столько же опережает грузинскую надпись креста церкви св. Георгия, составленную царем Кахети Александром II (1574—1605). Однако из этого факта нельзя заключить, будто строительство армянской церкви по времени совпадает с основанием деревни. Из многочисленных фактов истории армянских поселений в Картли видно, что переселенцы основывались в уже существующих грузинских

¹ И. В. Мерелидзе опубликовал текст в дешифровке и переводе Л. М. Меликсет-Бека [338, с. 239]. Наши коррективы незначительны.

населенных пунктах, вместе с местными жителями образуя единую сельскую общину. Очень даже возможно, что некоторые из сохранившихся здесь древностей, в том числе и церковь св. Георгия, существовали задолго до «Чалабандис сакдари». Строительство армянской церкви вызвано, прежде всего, фактом заселения Гориджвари переселенцами-армянами, которые нуждались в отправлении культа по нормам их конфессии. Когда именно армяне поселились в Гориджвари, трудно сказать, но строительство церкви в 1491 г. может быть доказательством, что они тут оказались до ее возведения и публикации надписи, т. е. во второй половине XV в. (на это указывает грузинская форма имени строителя Джалапи). Полагать, что они переселились в деревню из Гори, нет основания: ремесленники или торговцы не нашли бы здесь соответствующего поприща для деятельности, пусть даже находясь в достаточной близости от города². Поэтому поселение армян в Гориджвари нужно связывать с новым исходом населения из коренной Армении. И действительно, армянская надпись Канды, датированная 1471 г., своей общей формулировкой и некоторыми стилистическими особенностями находит аналогию в надписи Гориджвари: Джалапи проявляет такую же склонность к частому применению показателя определенности, как и авторы кандийской надписи — *ճիւղապետ, Կորթրցի*. На общность указывает форма родительного падежа слова *հոգի* (*հոգու* и *հոգոց* вм. лит. *հոգու* и *հոգոց*). Конечно, этого недостаточно, чтобы их считать выходцами из одной и той же области, тем более, что имеются и стилистические расхождения (напр., в сочетании винительного падежа с предлогом *չ*). Но едва ли можно сомневаться, что в поселениях Картли, в том числе и в Канде и Гориджвари, осели переселенцы из единого потока, продвигавшиеся, по всей вероятности, из восточной части Картли к центральной.

К сожалению, о Джалапи—ктиторе церкви в Гориджвари, в грузинских и армянских источниках сведений найти не удалось. И. В. Мегрелидзе склонен полагать, что он мог быть потомком одного из ктиторов храма Ванк в Тбилиси, также именуемого Джалапом (между 1319—1352 гг.) [338, с. 239], либо представителем потомков тех армян, которых поселил в Гори Давид Строитель. Оба эти варианта нам кажутся маловероятными, ибо каким бы редким именем он ни назывался, нет гарантий, что оно было исключительно родовым³. Вместе с тем, выше мы попытались объяснить, почему он не имел отношения к переселенцам при Давиде⁴.

² Говоря об этом, мы исходим из того факта, что в XV в. так называемое «хизанство» еще не имело широкого распространения, когда даже «мокалаки» могли искать убежище в отдаленных селах, краях. К тому же, «хизани» едва ли могли располагать материальными возможностями для строительства культовых сооружений «в память души своей».

³ Относительно степени достоверности основания собора Ванка в Тбилиси Джалапом см. следующий выпуск данной серии.

⁴ Кстати, у западного входа церкви св. Якова в селе Доеси (Горийский район) сохранилась армянская строительная надпись 1910 г., сама церковь же построена гораздо раньше. Можно полагать, что армяне в Доеси утвердились одновременно с Гориджвари.

АТЕНИ

По богатству эпиграфического материала храм в Аteni, именуемый Сионом, занимает исключительное место среди памятников раннефеодальной грузинской архитектуры. На его фасадах и в интерьере сохранилось несколько десятков надписей, восходящих к разным эпохам и повествующих о самых различных событиях и фактах. В совокупности своей эти надписи могли бы составить своеобразный синодик храма, фиксирующий историю памятника начиная от его строительства в VII в. и вплоть до позднего средневековья—т. е. на протяжении свыше одного тысячелетия. С точки зрения политической, административной и экономической истории края—Картли в географическом и этнополитическом понимании—надписи Сиона вполне достойны называться исторической хроникой, составленной представителями десятков поколений.

Источниковедческое значение имеющихся эпиграфических текстов еще больше возрастает в связи с тем, что специалисты по истории архитектуры ищут в них сведения о времени и обстоятельствах строительства и о последующих реставрационных работах одного из древнейших крестово-купольных культовых сооружений в Грузии, искусствоведы—данные по фресковой живописи и скульптурным рельефам, столь щедро представленным в Атенском храме.

Надписи Аteni—преимущественно на грузинском языке, но здесь имеется эпиграфика и на других языках—греческом, арабском, сирийском и армянском. По количеству следующее место после грузинских надписей занимают армянские¹. Если исходить из содержания текстов последних и из их назначения, то памятники армянской эпиграфики на стенах Сиона можно сгруппировать следующим образом:

1. Строительная надпись Тодосака.
2. Надписи, сопровождающие скульптурные рельефы, имена мастеров, пометки и отдельные графемы.
3. Надписи пилигримов.

Надпись Тодосака издавалась неоднократно начиная с 40-х гг. XIX в.² В чтениях или переводах Дюбуа де Монперье, М. Броссе, А. Н. Муравьева, П. С. Уваровой и И. А. Джавахишвили имеются неточности. Окончательно точное чтение дано Л. М. Меликсет-Беком [247, с. 4]. В последующих изданиях текст надписи в основном приводится по этой публикации. Три новейших издания следуют непосредственно за ней:

¹ Издание свода грузинских надписей Атенского Сиона см. [64]. Армянские надписи сведены и изучены З. Н. Алексидзе [288].

² Библиографию изданий см. [192, с. 116; 162, с. 76; 288, с. 9].

ственно оригиналу [162, с. 75—77; 107, с. 32—36; ср. 108, с. 1—3; 288, с. 8—34], но армянский текст надписи Тодосака остался таким же как в публикации Л. М. Меликсет-Бека (о единственной коррективе, предлагаемой З. Н. Алексидзе в последнем слове надписи, будет сказано ниже). Надпись, как неоднократно отмечалось в специальной литературе, крайне плохой сохранности, и если все еще поддается чтению, то в основном благодаря крупным размерам букв (высота—11,5—12 см, ширина—4—5 и 8—9 см) и их красной окраске, следы которой частично сохранились. Помещена она в восточной нише южного фасада, на пяти плитах, в третьем ряду снизу. Первая строка надписи фактически совпадает с шириной ниши (215 см), вторую строку составляет окончание последнего слова текста.

+ԵՄ ԹՈՂՈՍԱԿ ՇԻՆՈՂ ՍՐՐՈՅ ԵԿԵՂԵ-
<ՅԻ>[ՈՅ] <Ս>.

Табл. VII, 1

Перевод: Я, Тодосак, строитель этой святой церкви».

Надпись не имеет даты, нет в ней также и имен лиц, известных по другим источникам, что могло бы помочь установить ее хронологические рамки. Однако до последнего времени никто из исследователей не сомневался в том, что в ней речь идет о подлинном строительстве храма, и, поскольку историки архитектуры относят памятник к VII в. (исходя при этом из самого типа сооружения), то правомерным было заключение, что надпись Тодосака также относится к этому периоду. Палеографические данные позволяют полностью согласиться с историками архитектуры и считать Тодосака архитектором VII в. В частности, акад. И. А. Орбели, специально изучавший армянскую эпиграфику VII в., говорит о надписи Тодосака в трех разных местах, сравнивая ее с другими образцами эпиграфики изучаемого периода.

1. Анализируя Багаванскую надпись 639 г., И. А. Орбели замечает: «Детальный разбор форм каждой буквы в отдельности при скудости имеющегося пока у нас сравнительного материала не имеет смысла. Ограничусь поэтому указанием на большую правильность и изящество и на несколько большую ширину букв Багаванской надписи по сравнению с буквами других надписей VII в., из которых ближе всего к нашей надписи подходит Аламанская. Атенская и Нахчанская» [173, с. 374].

2. При палеографической характеристике второй надписи-из Багавана исследователь констатирует, что «Помимо надписи о построении, в Багаване имеется еще одна надпись, которую по палеографическим данным следовало бы отнести к тому же времени, что надпись о построении... По характеру букв эта надпись примыкает к главной Багаванской надписи, но все же наблюдаются некоторые отличия, несколько меньшая симметричность и выдержанность букв, большая их вытянутость в высоту (что, следовательно, приближает их к буквам Атенской и Аламанской надписей)... В общем буквы этой надписи произвели на меня впечатление менее тщательно вырезанных, чем буквы главной надписи. Но, на первый взгляд, все же трудно сказать, что это две различные надписи» [173, с. 387].

3. Последний раз о надписи Тодосака И. А. Орбели упоминает в библиографии к «Указателю слов и имен к 13 армянским надписям VII века», а именно: «Ат.=надпись строителя Атенского храма (по И. А. Джавахову, стр. 295)» [173, с. 425].

Относительно принадлежности некоторых надписей к числу эпиграфических памятников VII в. у И. А. Орбели были сомнения. Так, например, наличие лигатуры и вязи, отклонение от норм литературного языка в синтаксисе и в лексике текстов надписей, а также наличие даты по «Армянской эре» он считал достаточным основанием для датировки того или иного памятника более поздним временем. Но эти сомнения явились следствием «скудости имеющегося пока у нас сравнительного материала». Дешифровка и интерпретация армянских надписей Авана, Одзуна, Елварда, Джвари, Кармрабора, Двина, Андзава и т. д. твердо установили, что на основании отмеченных реалий нельзя ставить под сомнение подлинность надписей, ибо в той или иной степени они были свойственны многим образцам и имели широкое применение [252, с. 76—78; 253, с. 38—39]. Так, к примеру, при «почти полном тождестве формы букв двух багаванских надписей» вторую из них (именно ту, вытянутость букв которой «приближает их к буквам Атенской и Аламанской надписей») И. А. Орбели датирует VIII или началом IX вв., ибо «сравнительно позднее появление первых датировок по великой армянской эре, совпадающее (если не идущее вслед за) с несомненным поворотом литературных течений в сторону национального церковного обособления не позволяет относить нашу дату (88 г. по арм. эре=639 г.—П. М.), т. е. момент, в который она была составлена, ко времени ранее VIII, даже начала IX в.» [173, с. 387]. Между тем впоследствии выяснилось, что эта система летосчисления на самом деле имела в VII в. довольно широкое применение как в эпиграфике, так и в нарративных памятниках, и, следовательно, заключения И. А. Орбели о данном вопросе (как и в вопросах графических и лексических особенностей памятников эпиграфики VII в.) лишены фактической основы [168, II, с. 51—63]. Тем не менее З. Алексидзе не только соглашается с заключениями И. А. Орбели, но и неоправданно преувеличивает их значение и относит к надписи Тодосака то, что не имеет к ней прямого отношения [288, с. 11—13]. Атенская армянская надпись совершенно свободна от всех тех атрибутов, на основании которых И. А. Орбели исключал ту или иную надпись из числа памятников VII в. В ней нет ни лигатур, ни даты по армянской эре, ни малейшего отклонения от норм литературного языка. Строительная надпись Тодосака крайне лаконична, четка по строю предложения и вырезана с исключительной тщательностью. Вытянутость графем этого текста сопоставима не только со второй датированной 639 г. надписью Багавана, но также и с тридцатиметровой строительной надписью Елварда от 660 г.

Помимо ссылок на сомнения И. А. Орбели, З. Н. Алексидзе пытается обосновать позднюю датировку интересующей нас надписи предлагаемой им корректурой в последнем слове текста Тодосака: по его мнению, между буквами Յ и Ո в слове ԵԿԵՂԵՅԻՈՅՍ не оставалось бы места для графемы Ի следовательно, в надписи мы должны иметь редуцированную форму—ԵԿԵՂԵՅՈՅՍ, и поскольку, за-

ключает исследователь, памятники, содержащие такую форму, датируются периодом не раньше конца X в. то этим периодом следует датировать и армянскую надпись Атенского Сиона [288, с. 15—18]. Эта точка зрения не может быть принята по следующим причинам:

1. Перенесенная на вторую строку часть слова *ԵԿԵՆԵՅԻՈՅՍ* почти не дошла до нас, и здесь прослеживаются лишь незначительные куски верхнего полукруга графем *Ո* и *Յ*. Следовательно, редуцированную форму слова можно предположить только умозрительно.

2. Нет ни малейшего основания для предположения, будто графемы перенесенного окончания—*ՅԻՈՅՍ* могли быть помещены не с начала строки под крестом, а несколько глубже. Сам крест несколько не выделен, помещен между теми же двумя горизонтальными линиями, что и надпись, а следовательно, резчик рассматривал их как единое целое. В эпиграфической практике Армении и Грузии немало примеров, когда резчик вписывает крест в самый текст надписи³.

3. Если бы даже мы имели предполагаемую З. Н. Алексидзе форму слова, то и тогда это еще не может служить доказательством поздней датировки. Наличие *ԱՄՈՅԷ* в м. *ԱՄԻՈՅԷ* в Багаранской надписи от 631 г. [173, с. 393], *ՈՐԴՈ* в м. *ՈՐԴԻՈՅ* в эпитафии Давида Гнтуни и *ԳԷԹՈՒԷՈՅԷ* в м. *ԳԷԹՈՒԷԻՈՅԷ* в эпитафии Врена Гнтуни от V—VI вв. [238, с. 245; 249, с. 50; 209, с. 128; 265, с. 304—305] с достаточной убедительностью доказывает возможность редуцированной формы в родительном падеже в памятниках эпиграфики раннего средневековья⁴.

Из всего сказанного явствует, что корректив З. Н. Алексидзе не имеет под собой основы.

Собственно, З. Н. Алексидзе попытался этой коррективой подкрепить хронологию, предлагаемую Г. Абрамишвили, суть же выдвинутых Г. Абрамишвили доводов заключалась в следующем: над первой строкой надписи Тодосака, во всю ее длину, высечена грузинская надпись, выполненная «довольно мелкими буквами «нухури» (строчное письмо), которые почти незаметны рядом с окрашенными в красный цвет громадными армянскими буквами» [107, с. 35; 108, с. 3]. По мнению исследователя, «естественнее всего предположить, что

³ См., напр., надпись мампала Аршуши из Абастумани или строительную надпись мамасахлиса из Армази и т. д.

⁴ Надгробие Давида обнаружено не в Двине, как о том говорит З. Алексидзе [288, с. 18], а в с. Зовуни, недалеко от Апарана, где находилось родовое имение Гнтуни и их усыпальница [223, с. 128; ср. 269, с. 28]. В эпитафии Давид именуется «владыкой Гтунидов», а областью Ниг (т. е. нынешним Апаранским районом) они владели в IV—VII вв. [181; 110, с. 303; 268, с. 113; 264, с. 46—48]. После арабских нашествий представители рода Гнтуни лишились своих наследственных владений. Братьев Васака и Ашота Гнтуни, восставших против Ашота II Багратуни (это имело место в 20-е гг. X в., см. [45, с. 296]), нельзя было лишить их вотчины, ибо они ее не имели. Помимо всего этого, сама форма двускатного характера именно в раннее средневековье [238, с. 244]. Не разобравшись в этих историко-археологических вопросах, З. Алексидзе ограничился заявлением о «гораздо более позднем происхождении» приведенных памятников эпиграфики.

мастер-каллиграф, высекавший армянскую надпись, с целью разбивки площади, предварительно отметил грузинскими буквами место для каждой армянской буквы, так как очевидно, что армянскую надпись столь крупных размеров мастер не смог бы высечь в один день. Вне всякого сомнения, грузинская надпись является транслитерацией армянской» [там же]. Это действительно, примечательный факт, и он заслуживает более обстоятельного исследования, чем то, которое имеется в работах Г. Абрамишвили и З. Алексидзе, тем более что, по их мнению, грузинская транслитерация «дает terminus post quem по армянской надписи» [107, с. 36; 288, с. 20]. Функциональное назначение грузинской транслитерации, по мнению Г. Абрамишвили, не имеет решающего значения для датировки надписи Тодосака⁵. На основании же палеографической характеристики грузинских графем делается заключение, что «верхний хронологический рубеж исполнения надписи Тодосака—конец X века» [107, с. 39; 108, с. 5], нижний же—«конец IX и начало X века, ранее которого армянская надпись Тодосака не могла быть вырезана, так как она повредила уже существующие на этом месте грузинские пилигримные надписи IX—X века».

Относительно выявления самого факта наличия грузинской транслитерации нами уже отмечено, что «Г. Абрамишвили сделал ряд интересных наблюдений по эпиграфике Атенского Сиона», но тут же было констатировано и то, что он, «к сожалению, при датировке строительной надписи допустил необоснованную палеографическую вольность» [127, с. 93]. Конкретные наши возражения были опубликованы несколько позже и сводились к следующему [ср. 250, с. 35—36].

1. В армянской эпиграфике V—X вв. имеется множество строительных надписей, порой с еще более крупными буквами и длиной в несколько метров, но ни одна из них не знает практики разбивки площади предварительным высечением графем текста мелкими буквами над подлинной строкой. Нет основания полагать, что такое могло иметь место в Аteni.

2. Как правило, в средневековой практике любая разбивка площади делалась мелом или древесным углем, а не высечением какого-либо текста, тем более его транслитерацией.

3. Строительная надпись Тодосака состоит всего лишь из пяти слов, а вот тексты надписей из Одзуна, Авана, Елварда, Аламана, Аштарака (Кармравор), Багарана, Талина содержат несколько десятков слов, но и они не знают графемной разбивки. Что могло помешать искусному каллиграфу, каким был архитектор Тодосак, правильно расположить всего пять слов?!

4. Если бы он, этот мастер, прибежал к предварительной разбивке площади по графемам, то текст непременно поместился бы в нише в одной строке, тут же окончание последнего слова перенесено на вторую строку. Нужно учитывать, что высеченные в одну строку надписи, особенно закрашенные красной краской, несли и художественно-декоративную нагрузку, они как бы опоясывали сооружение. Можно

⁵ З. Н. Алексидзе соглашается с этими соображениями Г. Абрамишвили «с определенным вероятием».

решительно сказать, что мастер Атенской надписи в процессе высечения догадался, что в одной строке поместятся не все буквы, почему и к концу строки он несколько сузил графемы и расстояние между ними (ср. буквы слов *ԵՄ ՔՈՂՈՍՍԿ* и *ԵԿԵՂԵՅ*—)⁶, но и это не помогло, и он вынужден был окончание—*ՅԻՈՅՍ* перенести на другую строку. Все это не имело бы места, если бы графемы надписи Тодосака предварительно были бы отмечены разбивкой. Достаточно было бы высечь буквы на один-два сантиметра меньше, и они бы вполне поместились.

5. Если бы высекавший армянскую надпись мастер действительно применил графемную разбивку, он скорее всего обратился бы к алфавиту самой строительной надписи, а не транскрибировал бы его, допустив при этом ряд несуразностей (о которых будет сказано ниже).

Эти факты и соображения не позволяют согласиться с мнением Г. Абрамишвили относительно причин появления грузинской транслитерации и тем самым с его концепцией в вопросе датировки надписи Тодосака на основании палеографических особенностей ее грузинской транслитерации. Эти тексты высечены разновременно, и их хронологическая взаимосвязанность исключается.

Г. Абрамишвили констатирует, что между надписью Тодосака и ее транслитерацией наблюдаются расхождения в передаче трех букв: графеме *Ղ* армянского текста в грузинском соответствует *ჰ* (*ՇԻՆՈՂ, ԵԿԵՂԵՅԻՈՅՍ*), а против *Յ* (*ՍՐԲՈՅ*) имеем *օ* (*ՆՆՁՕՕ*). В поисках лингвистического объяснения различия между армянским *Ղ*(1) и грузинским *ჰ*(h) *Յ*. Алексидзе допускает возможность существования такого диалекта армянского языка, в котором сонант *l* передавался заднефарингальным *h* [288, с. 22 и 112]. Однако история армянского языка не знает закономерного перехода *l* в *h*, как и не знают его существующие диалекты. Следовательно, лингвистическое объяснение тут не к стати. Прежде чем приступить к выяснению причин расхождения, нужно твердо установить—каким шрифтом пользуется автор транслитерации: Г. Абрамишвили его называет «довольно мелкими буквами «нусхури» (строчное письмо) [107, с. 35; 108, с. 3], З. Алексидзе же— «асомтаврულным» (унциальное) письмом [288, с. 19]. Это—два разных вида грузинского письма, и игнорировать их различие нельзя. В грузинских средневековых рукописях и надписях немало случаев, когда правый полукруг графемы *ლ* не доведен до вертикального стержня. Так, к примеру, в знаменитой «Папирусно-пергаментной Минее» на почве графики возникли десятки искажений передаваемых слов и даже собственных имен, в которых перепутаны буквы *ლ-გ, ჰ-ლ, օ-ლ* и т. д. [105, с. 225—226]. Из этого, однако, не следует, что и в устной речи писца, а следовательно, в каком-то грузинском диалекте *ჰ, ჰ, օ* и *ლ* взаимозаменяемы! Поэтому, если в грузинской транслитерации надписи Тодосака действительно налицо *ჰ* вм. *ლ*, то это можно объяснить только ошибкой на графической почве. Что же касается *օ* вм. *ჰ* в передаче слова *ՍՐԲՈՅ*, то и тут ни к чему придумывать столь слож-

ՇԻՆՈՂՍՐԲՈՅԵԿԵԼԵ

⁶ См. прорись Л. А. Садомяна в нашей работе «Армянская надпись храма Джвари», помещенную между страницами 76 и 77.

A. Libanov 1970

+ ԵՍՌՈՂՈՍԱ ՇԻՆՈՂՍՐԲՈՅԵԼԷ

ную ситуацию, будто кто-то неправильно читал текст, кто-то записывал его так, как ему слышалось, и т. д. Нужно лишь вспомнить о том, что Атени находится в центральной части Картли, а для отдельных говоров картлийского диалекта характерно произношение *o* после гласных *o* и *o* (например, *გოვო*, *ბოლოლაი*) [303, с. 301]. И тогда все объясняется очень просто: автор транслитерации записал слово так, как он его реально произносил—*სბბო*⁷.

Итак, ошибки и расхождения в транслитерации надписи Тодосака никоим образом не могут служить фонетическим подспорьем для датировки армянского текста.

Палеография надписи Тодосака не содержит данных, на основании которых ее можно было бы датировать не VII или VIII, а X или XI вв. Г. Абрамшвили указывает на позднее начертание графемы *4* «которая дважды встречается в атенской надписи и оба раза высечена с вертикальными чертами равной длины. В армянской эпиграфике VII в. нижняя вертикальная черта этой буквы, как правило, гораздо короче верхней, чем и отличается от буквы *4* из надписи Атенского Сиона» [107, с. 35; 108, с. 2]. Этому же мнению придерживается и З. Алексидзе [288, с. 14—15]. Но в данной характеристике не учтены следующие обстоятельства: прежде всего нельзя ожидать полной унификации и идентичности отдельных графем не только в различных эпиграфических памятниках в рамках целого столетия, но даже в пределах одной и той же надписи. И действительно, в грузинской строительной надписи Джвари (в сохранившейся части) буква *o* встречается четырежды (*ჯბატოსისა*, *სოვლოა*, *ჯობტა*, *მეობად*), но она различается по начертанию правого выступа. Разнятся и другие графемы—*ა*, *ბ*, *ც* и т. д., но ведь никто не станет предполагать, что они высечены разновременными и разными резчиками. VIII в. датированы грузинские поминальные надписи, имена и пометки из Кавтисхеви и Усанетис-гора [78, с. 119—130], в которых буква *კ* встречается восемь раз в пяти разновидностях. Следовательно, при датировке по палеографическим данным отдельных букв нужно помнить о разнохарактерности материала, на который наносится надпись, о местных традициях и разновидностях письма, о назначении текстов, об умении и манере резчика и т. д. К тому же, специалист по палеографии не располагает на сегодняшний день *полным сводом* имеющихся памятников, чтобы безошибочно определить тенденцию развития того или иного письма. Определяя хронологические рамки графемы *4* из надписи Тодосака, грузинские специалисты не учли данные всех армянских эпиграфических памятников. В упомянутой 30-метровой надписи из Елварда, четырежды датированной 660 г., буква *4* встречается 3 раза, и «нижняя вертикальная черта этой буквы» несколько не короче верхней (такова она и в фресковой надписи VII в. из Аруча). Та же графема дважды фигурирует в других коротких приписках к большой строительной надписи, причем один раз—в самой дате (*14872* = 660 г.) и опять-таки с «равной нижней вертикальной чертой», но нельзя же переделать са-

⁷ С подобным примером мы встречаемся в «Шатбердской рукописи», в которой армянское слово *սարր* записано как *սարբ*, т. е. так, как его произносил писец Иоанн Беран [см. 140, с. XVIII—XX; 164, с. 82].

му дату и привести в соответствие с нашими представлениями о палеографии графемы.

Таким образом, при определении хронологических рамок надписи Тодосака следует исходить из самого содержания текста, в котором сказано: «Я, Тодосак, *строитель* этой святой церкви».

В специальной литературе давно и неоднократно отмечено, что термины *շինիկ*—*շինող* и *აღმშენებელი*—*აღმშენებელი* в надписях употребляются не только в исконном значении слова—*строить, соорудить, строитель*, но и *отстраивать, возобновлять*, когда речь идет о существенном, большом возобновлении или обновлении [173, с. 419]. Г. Абрамишвили и З. Н. Алексидзе убеждены, что в надписи Тодосака термин *շինող* (строитель) употреблен именно в последнем значении и «не может служить достаточным основанием для безоговорочного заключения, что Тодосак является зодчим собора» [107, с. 34—35; 288, с. 23—24].

Действительно, в армянской и грузинской эпиграфике немало фактов, когда обновление, «реставрация» культового сооружения выражается термином *շինილი*—*აღმშენებელი*, но следует уточнить—в памятниках какого периода встречается этот термин в подобном значении? Заключение И. А. Орбели основано на надписи Абисалома, датированной X—XI вв.; не принадлежат к более раннему периоду и те памятники, о которых говорят Н. А. Бердзенишвили (древнейший из них—надпись Теодора из Урбниси—X в.) и З. Н. Алексидзе (надпись XIII в.). В памятниках предшествующего периода, V—IX вв., термин *շինილი*—*აღმშენებელი* однозначен—*построить, соорудить*. Не случайно, что применяя термин *აღმშენებელი*—*აშენებელი* в значении обновления, возобновления, инициаторы строительства определяют свою деятельность как «*შეკრძელებელი*», «*ახლად აშენებელი*»—*построить вновь, вторично*. Мы специально занимались исследованием термина *շինილი*—*շինող* по раннесредневековым эпиграфическим и нарративным источникам и выяснили, что до VII в. *շინող*-ами назывались исключительно архитекторы, зодчие, а с 30-х гг. того же века постепенно ими стали называться и ктиторы, и нам не удалось найти ни одного примера, когда этим термином пользовался бы обновитель, возобновитель, реставратор [167, с. 132—133]. Следовательно, последнее значение термина вошло в употребление начиная с X—XI вв., и в лице Тодосака мы имеем не обновителя Атенского Сиона, а скорее всего—строителя, если полагать, что ктиторами являлись представители местной знати.

В настоящее время в специальной литературе о периоде строительства Атенского Сиона имеется три заключения:

1. Храм построен в VII в. по образцу Джвари архитектором Тодосаком и его помощником Григорием Дапсом. Скульптурные изображения и их надписи первоначальны и восходят к периоду строительства (Г. Н. Чубинашвили).

2. Храм построен в «тридцатых годах VII столетия, как это неопровержимо доказано в специальной литературе. Достоверность такой датировки подтвердили материалы, недавно обнаруженные в Атенском Сионе» [107, с. 45]. Но «фасады и барабан неоднократно ремонтировались. Самый значительный ремонт носил организованный характер. Сначала (в 945 г.) храм был окружен оборонительной стеной,

потом починили отдельные участки фасадов и барабан купола» и «только малая часть рельефов, синхронных строительству Атенского Сиона, ...сохранились до наших дней» [107, с. 54—55]. Несколько позже «неопровержимость» и «доказанность» были обойдены молчанием, а строительство храма датировано годами эриставства Нерсе I Великого (682/86—689) и его сына Степаноза Мампала (711—739), являющимися ктиторами своей родовой усыпальницы—Атенского Сиона (Г. Вл. Абрамишвили) [289, с. 42, 64, 66].

3. Третье мнение представляется попыткой «согласования правильных заключений этих двух исследователей», т. е. Г. Н. Чубинашвили и Г. Вл. Абрамишвили: древнейшими из атенских надписей являются те, которые сообщают о строительстве (надписи мастеров, одна из которых датирована 835 г., пометка на изображении ктитора Нерсе-Степаноза). Все они палеографически вполне соответствуют IX в. «Видимо, этому же времени принадлежит и надпись архитектора Тодосака и Григория Дапса». Во фресковой надписи Степаноза Мампала допущена ошибка: должно было быть не 739 г., а 839 г. (839 г.). Таким образом, храм построен в 30—40-х гг. IX в. (Н. Ф. Шошнашвили) [78, с. 40—44].

Детальный анализ и источниковедческий разбор всех основных доводов и соображений авторов вышеприведенных заключений не представляется возможным в рамках нашего исследования (это—тема для отдельной монографии), но для датировки армянской надписи Тодосака следует учитывать хотя бы наиболее веские доказательства:

1. В IX в. имело место какое-то обновление или достройка храма, в процессе которого работающие мастера могли делать свои «нужные» записи. Нет оснований ставить под сомнение дату фресковой надписи Степаноза Мампала—739 г. В этой надписи она подкреплена и конкретным упоминанием дня, месяца и недели. К 739 г. храм был построен, и в его алтарной апсиде была нанесена фресковая надпись Степаноза Мампала.
2. Если бы Степаноз имел хоть малейшее отношение к самому строительству Сиона, то это обстоятельство непременно нашло бы свое отражение в тексте надписи, столь подробно описывающей занимаемое им положение, срок княжения и дату кончины (включая час). Видимо, Степаноз был потомком ктитора и, следовательно, мог быть похоронен в родовой усыпальнице—в Атенском Сионе. Если Степаноз Мампал не является ктитором, то дату основания Сиона мы должны отнести к периоду до его княжения «над эриставт-эристами картвелов и мегрелов», т. е. до 711 г., ибо в 739 г., в час кончины Степаноза «минуло 29 лет его княжения».
3. Поскольку Атенский Сион построен, вне всякого сомнения (и это доказано Г. Н. Чубинашвили), по образцу Джвари, а завершение строительства последнего нами (и не только нами) датируется 40-ми годами VII в., то храм в Аteni мог быть построен во второй половине VII в. или не позже первого десятилетия VIII в.

Таким образом, надпись Тодосака должна быть датирована второй половиной VII в. или самым началом VIII в. (до 711 г.).

В интерпретации надписи Степаноза Мампала, представленной в работе Г. Вл. Абрамишвили, много гипотетичного⁸, но предположение о ктиторстве Нерсе I при строительстве Атенского Сиона представляется нам вполне возможным. В коррективах нуждаются лишь отдельные детали. В частности, эрисмтаварство Нерсе I он датирует 682/6—689 гг. [283, с. 26, 41]. Первая дата (682) вычитана на основании одной интерполяции в сочинении историка второй половины XI в. Джуаншера и сделано заключение, что до 681 г. включительно эрисмтавром Картли был Степаноз II. Но, на наш взгляд, предпочтительнее следовало отдать сообщениям более ранних источников, каковыми являются колофон перевода «Жития Сильвестра» и «История Армении» Драсханакертци. Писец Тома, копируя «Церковную историю» Сократа Схоластика и «Житие Сильвестра» в одном из кодексов сопоставил даты и данные имеющихся колофонов и резюмировал: «За восемнадцать лет до перевода Филоном книги этой—Церковной истории Сократа—святонравным Григорием Дзоропореци по повелению поминаемого со славными грузинского князя Нерсеа, зятя Камсараканов, была переведена эта книга—История жизни святого Сильвестра, епископа Ромейского» [51, с. XVII; 25, с. 50]. Давно установлено, что «Церковная история» Сократа была переведена в 696 г.⁹, а это значит, что по поручению «грузинского князя Нерсеа» «Житие Сильвестра» переведено в 678 г. (696—18). До этого, в годы патриаршества Исраэла (667—677) «грузинский князь Нерсеа» изгнал и обратил в бегство ворвавшегося в Армению и Картли арабского полководца по имени Бараба, о чем упоминает Драсханакертци [45, с. 93]. Не следует ли заключить, что эрисмтавром Картли Нерсе стал не с 682/6 г., а десятилетием раньше¹⁰?

Нерсе (Нерсеа) не мог быть «эрисмтавром и Армении» [289, с. 45, 56, 59] по той простой причине, что до 60-х гг. наместником и ишханом Армении был Амазасп Мамиконян, а после его смерти—Григорий Мамиконян, хорошо известный по многим первоисточникам, включая и Аручскую надпись. Он был убит хазарами (685 г.), а ишханом стал Ашот Багратуни (685—689)¹¹. Видимо, Г. Абрамишвили неправильно интерпретировал спорное выражение Джуаншера „*հռմեղօս Բաբայ Բաբո*“¹². Не случайно, что и приведенные выше армянские источники называют его «князем грузинским (*Իշխան Կրայ*)», а не «князем Армении и Грузии». В сообщении Джуаншера привлекает внимание и другое обстоятельство: Адарнасе Багратид (сын Нерсе Великого) прибывает из Армении в Картли при царе Арчиле и получает от него наря-

⁸ Таковой является, прежде всего, генеалогическая таблица, куда вписаны Степаноз Мампал и его отец Нерсе I Великий.

⁹ Литературу по предмету см. [168, с. 82—87].

¹⁰ Странно, что Г. Абрамишвили датирует изгнание Барабы грузинским эрисмтавром 686 г. [289, с. 25, 45].

¹¹ Обзор источников и литературы см. [173, с. 401—404; 188, с. 48—51].

¹² [98, I, с. 243]. В древнеармянском переводе сочинения Джуаншера данное выражение вовсе не представлено. В нем со всей определенностью сказано, что «в Армении побывал» сам обратившийся к Арчилу Адарнасе, племянник Адарнасе Слепого [94, с. 198—199].

ду с другими поселениями, согласно армянскому переводу Джуаншера, и Атоне (*Ատուշիկ*), который Г. Абрамишвили идентифицирует с Атени. Если в этом сообщении есть отзвук исторической реальности, то Нерсе не мог быть владельцем Атени, ибо маловероятно, чтобы, отняв Атени у Нерсе, Арчил затем передал это поселение его сыну, тем более, что Арчил и Нерсе не были современниками. Пересмотру подлежит либо локализация Атоне, либо хронология и генеалогия владельцев Атени.

Как бы то ни было, появление зодчего Тодосака и его строительной надписи в Атени никак нельзя считать фактом случайным или малозначительным. Сам Нерсе Великий был крупным деятелем на политическом поприще не только Картли, но отчасти и Армении, а также и меценатом. Выше говорилось, что в 678 г. по его поручению Григорий Дзоропореци перевел с греческого на армянский язык «Житие Сильвестра». Немаловажным представляется и сообщение колофона рукописи о том, что Нерсе был зятем князей Камсараканов, знаменитых как своей политической деятельностью, так и строительством нескольких храмов¹³, переводами литературных памятников¹⁴.

Итак, если Нерсе Великий в самом деле был ктитором храма в Атени, то приглашенный им зодчий Тодосак спокойно мог высечь свою строительную надпись на родном армянском языке, понятном как самому эриставу и его жене, так и, должно быть, остальным членам его семьи (Адарнасе, сын Нерсе Великого, как было показано выше, одно время пребывал в Армении). Строительная деятельность Тодосака и его группы в Атени примечательна еще и тем, что все это произошло после армяно-грузинского церковного разрыва. Данный факт может служить дополнительным доказательством живучести и продолжительности традиций культурного общения армян и грузин. Несомненно, правы были Н. Я. Марр и К. С. Кекелидзе, утверждавшие, что, несмотря на категоричность требования церковных предводителей, формальным разделом церквей не прекращается общность культурных традиций¹⁵.

Теперь, как нам представляется, нет необходимости доказывать, что ктитор совершенно не нуждался в транслитерации армянской надписи Тодосака, ибо при желании он мог снабдить свое сооружение, свою родовую усыпальницу столь же торжественной грузинской строительной надписью, как и тодосакова. Когда же и в силу каких обстоятельств возникла необходимость в грузинской транслитерации? Г. Вл. Абрамишвили и вслед за ним З. Н. Алексидзе датируют ее концом X в. на том основании, что «выступ в правой части буквы *ճ* (р) сильно опущен книзу, выступ буквы *ո* (т^с) находится довольно высоко, изогнут и своим концом достигает основания буквы» и т. д. После характеристики палеографии букв *ջ* (е) и *ձ* (h) Г. Вл. Абрами-

¹³ Об их строительных надписях VII в. см. [173, с. 430—439].

¹⁴ О жене Нерсе Великого из рода Камсараканов ничего не известно, вполне вероятно, что в сношениях эрисмтавара Картли с деятелями армянской культуры она могла играть определенную положительную роль.

¹⁵ См. страницы настоящей работы о надписи Джвари.

швили включает: «Угловатое начертание букв ო (т^с), შ (ш), ჯ (к) и ო (р) проявляет большую близость к примерам грузинского письма «нусахуцури» второй половины X века, а в одном случае, начала XI века, что дает основание датировать атенскую надпись (т. е. транслитерацию надписи Тодосака.—П. М.) концом X века» [107, с. 36—37]. Мы не намерены оспаривать само это заключение, ибо на основании 29 графем, из коих 9 вовсе не сохранились, а 4 прослеживаются лишь частично, невозможно провести детальный палеографический анализ и определить реальную хронологию, тем более, что высечены они «довольно мелкими буквами». Нам непонятна та уверенность, с которой Г. Вл. Абрамишвили относит их к концу X в.; если брать за основу угловатость графем и близость к примерам «нусахуцури» (правильнее этот вид письма называть «нусхури»), то как же тогда быть с теми выявленными самим Г. Вл. Абрамишвили «нусхурными» надписями мастеров, одна из которых по двум системам датирована 835 г.?! [284, с. 170—171; 78, с. 42, 205]. Надпись из того же храма, состоящую из двух имен—«Нерсе—Степаноз», Г. Н. Чубинашвили, Т. Барнавели и Н. Шошиашвили относят к периоду строительства Сиона, а исполнена она письмом, указывающим на переход от «мргловани» и «нусахури», но это несколько не помешало Т. В. Барнавели, одному из лучших грузинских эпиграфистов, датировать ее VII в. [64, с. 40—41]¹⁶. Видимо, настало время пересмотреть некоторые наши представления о периодизации и тенденциях развития грузинского письма и привести их в соответствие с имеющимися фактами.

Относительно причин появления грузинской транслитерации армянской надписи Тодосака могут быть высказаны разные предположения. Мы, в частности, склонны думать, что она была вызвана определенным интересом и естественным любопытством пилигримов как к самому храму, так и к непонятной по графике и языку, но весьма заметной уже в силу своего расположения, размеров букв и закрашенности надписи Тодосака. Транслитерация если и не передавала содержание надписи, то хотя бы помогала узнать имя строителя храма.

Атенский храм посещали не только грузины, но и армяне, о чем недвусмысленно свидетельствуют армянские надписи пилигримов X—XVIII вв., здесь существовала армянская община (по словам Вахушти «Атени населяют грузины, армяне, иудеи» [93, IV, с. 343]), возникшая если не во времена безымянной Камсаракан, жены Нерсе Великого, то во всяком случае в период «союза королевской власти и городов Грузии» [157, с. 72] в XI—XIII вв. Как и жители остальных поселений Картли, атенские армяне постепенно становились грузиноязычными. Как известно, в подобной среде создавались богослужебные книги в грузинской транслитерации и по этим же соображениям могла возникнуть надобность в транслитерации и ранней надписи?! Отсутствие аналогов в эпиграфической практике Грузии и Армении периода возникновения атенской транслитерации не позволяет исследователям выявить более конкретные историко-культурные предпосылки ее появления.

¹⁶ Н. Шошиашвили относит ее к IX в. [78, с. 203—204].

Вторую группу армянских надписей Атенского Сиона составляют те, которые сопровождают скульптурные рельефы либо являются пометками или автографами мастеров. Все они синхронны и датируются тем же периодом, что и надпись Тодосака (в этом, в основном, исследователи солидарны, если не считать гипотезу Л. Азаряна [199, с. 81—82] о том, что изображение сцены ангела и Амбакума принадлежит к более древнему периоду, чем само строительство сохранившегося храма. Из существующих изданий полнотой охвата материала отличаются работы Л. М. Меликсет-Бека [247, с. 4—6] и З. Н. Алексидзе [288, с. 35—49].

1. ՔԻՊԱՍՍ. —Тодоса (на северном фасаде, у восточной ниши, у левой кромки рельефа с расположением графем сверху вниз под головой лани, затем вправо и вверх). Над спиной лани имеются еще две буквы, читаемые большинством специалистов как ՍՍ (СА) и интерпретируемые как начальные буквы антропонима ՍՍ[ՄԱՆՆ]. Исходя из содержания второй части изображения (борьба Самсона со львом), исследователи воспринимают его как имя библейского персонажа (один только С. Г. Бархударян толковал его как имя мастера-соратника Тодосака [214, с. 30]). Идентифицировать этого скульптора со строителем Тодосаком только на том основании, что они работали одновременно, трудно, скорее всего даже это неверно, тем более, что надписи эти исполнены не одним и тем же каллиграфом (прослеживается четкое стилистическое отличие всех графем). Сам Тодосак, надо думать, знал, чем отличается «Тодосак» от «Тодоса» или «Тодосан»-а и кого из своих коллег как зовут (табл. VII, 2).

2. ՍՍ—ՏԱ, ՍՍ—ԱՄ—(в северном углу западного фасада, на изображении борьбы Самсона со львом и портрета Амбакума). Считается, что эти буквосочетания передают имена изображенных библейских лиц—ՍՍ[ՄԱՆՆ] (Самсон) и ՍՍ[ԲԱԿՈՒՄ] (Амбакум) [247, с. 5; 192, с. 171; 288, с. 41—42]. Видимо, так оно и есть, ибо каждое из этих сочетаний расположено рядом с соответствующим изображением (табл. VII, 3).

3. ԳՐԻԳՈՐ ԳՍՊՍ—Григор Дапс (на барабане купола, над головой и рядом с лицом, изображенным в коленопреклоненной позе возле святого). Издатели текста и исследователи рельефа уверены, что здесь изображен один из мастеров-строителей первого (Г. Чубинашвили, Л. Меликсет-Бек, С. Бархударян) или второго (Г. Абрамишвили) возведения храма. Были предложены и более конкретные версии: это—помощник Тодосака, стропильщик купола; у З. Н. Алексидзе он назван «светским лицом», «деятелем второго этапа строительства» Сиона [288, с. 44, 46]. Термин «деятель» тут весьма кстати, ибо в такой позе мог быть изображен не только мастер—участник строительства, но и другое лицо (к примеру ктитор), имеющее отношение к строительству храма. К тому же кажется странным, чтобы при наличии мастера-помощника на стенах Сиона нет изображения самого строителя—Тодосака. Это обстоятельство заставляет усомниться в правильности толкования, навешанного, по всей вероятности, аналогичным изображением на барабане Джвари. Остается загадочной вторая часть имени изображенного—Дапс. Это, должно быть, прозвище, поскольку он именовался Григор-ом (Григорием). Не восходит ли оно к

греческому $\tau\acute{\alpha}\pi\iota\varsigma$ ($\tau\acute{\alpha}\pi\iota\varsigma$), употребленному не в прямом значении — ковер, а в переносном — *изобразитель?* (табл. VII, 4).

4. ԱԶԱՐՈՆ — Ахарон (на восточном крыле южного интерьера). Ахарон — несомненно, член группы строителей-мастеров Тодосака.

5. ԳԻՈՐԳ — Гиорг (там же). Также имя мастера-каменщика. Имя Гиорг ($\text{Գեորգ} > \text{Գորգ}$) мы считали и считаем диалектной формой литературного Գեորգ -а (География)¹⁷ (табл. VII, 5).

Последние два антропонима высечены на одной плите в одно и то же время, но разной графикой: Ахарон — округлым унциальным письмом, Гиорг — прямоугольным. Этот факт может служить еще одним доказательством того, что разные виды письма спокойно сосуществовали и что на основании имеющейся разницы нельзя их датировать разным временем.

6. ԱԱ — АА, ԲԲ — ББ, ԳԳ — ГГ, ԴԴ — ДД (на скульптурных изображениях храма, состоящих из двух плит). Одно время считалось, что эти графемы являются инициалами — пометками мастеров, но Г. Вл. Абрамишвили убедительно доказал [107, с. 46—47; ср. 288, с. 46—49], что ими пронумерованы плиты с рельефами, маркированы части изображений (табл. VII, 6—8).

7. Ա — А, Գ — Г, Զ — З, Ո — О, Վ — В (на плитах разных частей интерьера; отдельные графемы встречаются по нескольку раз: буква Զ фигурирует и на восточном фасаде снаружи) [288, с. 65—67]. Это каменотесные знаки, пометки мастеров, нанесенные в процессе строительства. В их синхронности нет сомнения, но они также исполнены разным письмом: округлым унциалом (Ա), прямоугольным унциалом (Գ, Ո) и минускулом (Վ, Վ). В отличие от соответствующей графемы в интерьере графема Զ восточной апсиды снаружи похожа на округлый унциал.

Выше говорилось, что все исследователи солидарны в одном: надписи эти, хоть они и разнятся по письму, назначению и содержанию, синхронны и восходят к периоду строительной деятельности Тодосака. Если это так, то члены группы мастеров Тодосака участвовали в строительстве апсид, купола, интерьера и т. д.¹⁸

Третью группу армянских надписей составляют те, которые оставлены пилигримами. Основная их часть выявлена, прочитана и издана З. Н. Алексидзе [288, с. 50—61, 68—74, 107—108]. Они важны и

¹⁷ Л. М. Меликсет-Бек считал его выходцем из грузинской среды [247, с. 4—5]. Варианты литературного *Геогра* являются Գորգ , Գերգ , Գորրգ .

¹⁸ По наблюдению Г. Абрамишвили, «интерьер храма сохранился до наших дней в первоначальном состоянии. Незначительные следы ремонтов заметны только в своде купола. Всюду, где повреждена роспись, под ней проглядывает первоначальная кладка горизонтальными рядами» [107, с. 46]. Если исходить из этого заключения автора и принять его датировку армянских надписей Атенского Сиона, то получается, что часть мастеров группы Тодосака работала в VII в. (те, которые оставили имена и пометки в интерьере), другие же — где-то в конце X в. (сам Тодосак, авторы рельефов и т. д.).

Думается, что есть единственный выход из этой путаницы — признать первоначальными все перечисленные выше армянские надписи и датировать их периодом строительства Атенского Сиона [ср. 78, с. 43].

интересны как своим конкретным содержанием, так и данными по истории армянского языка и палеографическими особенностями.

1. Надпись Герджиума сына Ерхасана на центральном выступе западного фасада. Как нами уже отмечено [251, с. 214—223], в чтении З. Н. Алексидзе были допущены существенные неточности, которые привели к выводам, не вытекающим из самой надписи. Подлинный ее текст гласит:

+ Զալս ես՝ Գերջիում
 Երհասանի որդի: Որ
 զալս կարգալ ալն յար-
 ին, որ Բարգրաա: Կփխազա-
 ց թագաւորն տիկինի Վրաց
 ետ արաւլ եւ գալ [ա]մ Ուփ-
 լիցիւէ կալաւ, որ...

Табл. VII, 9

Перевод: «Сие [написал] я — Герджиум сын Ерхасана. Кто прочтет это, в то лето, когда царь абхазов Баграт заставил царицу грузинскую отстать [от сговора], а в следующий год занял Уплисцихе, дабы...».

Упоминание царя абхазов Баграта, царицы грузин (Гурандухт, матери Баграта III) и взятие Уплисцихе позволяет датировать надпись 90-ми гг. X в. По сведению «Летописи Картли», царь абхазов (Западной Грузии) Баграт III, коронованный в 978 г., «...по прошествии после этого двух лет начал он править и радеть об исполнении дел, подобно деду своему, великому царю Георгию... Вслед за этим пришел он в Картли с целью поправить дела расстроенные картлийские. Вступил в Тигву. Но в ту пору правили делами картлийскими, хотя не желали прихода его, ибо розно правили делами картлийскими, хотя и пребывали в повиновении у Гурандухт. Выставили они главарем Кавтара Тбели, отважились на борьбу и расположились у подступов к Могриси. Видя это, царь абхазов Баграт бросил клич своим воинам, и противники сошлись. Бежали картлийцы: одних перебили, других схватили живыми, прочие спаслись бегством и рассеялись. Вступил [Баграт] в Уплисцихе, отобрал крепость [Уплисцихе] у матери своей, пробыл [здесь немного] дней, несколько поправил дела картлийские; забрал свою мать и ушел в страну Абхазскую» [12, с. 58; 93, 1, с. 275—276]. Все это имело место после 980 г. (начало военных действий Баграта), но до 988 г., ибо в тот год, как об этом свидетельствует Асограт, но до 988 г., ибо в тот год, как об этом свидетельствует Асограт, ему удастся наладить дела с организованной против него коалицией Давида Куропалата, армянских царей, сунийских и албанских князей и выступить уже против эристава Рата, которому принадлежало поселение Атени¹⁹. В надписи Герджиума говорится о взятии Уплисцихе у Гурандухт, но о борьбе Баграта с эриставом Ратом он не знает. Следовательно, она была и высечена до 988 г., именно — между 982—986 гг. [288, с. 54—56; 251, с. 220—221]. По тексту видно, что Герджиум был современником и очевидцем упо-

¹⁹ Подробно об этих событиях см. [378, II, с. 125—127; ср. 218, с. 113—115].

минаемых в надписи событий. Благодаря этой надписи не только подтверждаются сообщения «Летописи Картли», но и становятся известны некоторые подробности имевшей место борьбы. Так, выражение «*արկինի Կրաց եւ արալ*» («заставил царицу грузинскую отстать») недвусмысленно указывает на то, что Баграта и его мать находились в разных, противоположных лагерях; мать поддерживала азнауров Картли, выступавших против Баграта в его политике создания объединенного грузинского царства. По «Летописи Картли», царь абхазов оставался в Уплисцихе «несколько дней», в надписи же указывается на то, что Баграта сначала справился с выступившими против его политики азнаурами и матерью, а затем, «в следующем году занял Уплисцихе», т. е. картлийские дела заняли у него не «несколько дней», а целый год. Это, несомненно, говорит об организованности и многочисленности участников сопротивления.

Основываясь на ошибочном словоразделе, ее первый издатель заключил, что Герджиум был «божьем скульптором», т. е. автором хотя бы одной части рельефов на храме с армянскими надписями, следовательно, эта надпись «документально подтверждает» мнение Г. Вл. Абрамишвили о втором периоде строительства [288, с. 60—61]. На самом же деле Герджиум сын Ерхасана не имел никакого отношения к памятнику: он не был ни «божьем скульптором», ни священнослужителем²⁰. Это был обыкновенный пилигрим, посетивший храм в Атени и оставивший там свою запись, составленную вне всякого трафарета и без литературной обработки: антропонимы и топонимы зафиксированы в ней в том виде, как он их произносил—*Բարգրաւ* (Барграт вм. Баграта), *Ոփլիցիսէ* (Оплисцихе вм. Уплисцихе). Вместо ожидаемого аккузатива слова *արկին* в виде *գարկին* он употребляет диалектную форму родительного—*արկինի* (в древнеармянском литературном—*արկինոյ*). Впервые в древнеармянских источниках в надписи Герджиума сына Ерхасана встречаются выражения «*եւ արալ*» (отправил обратно, заставил отстать от чего-то), «*գալ ամ*» (следующем году), столь частые в новоармянском, особенно в его диалектах, но не употреблявшиеся в древних текстах. Это значит, что в живой разговорной речи армян в Атени или Уплисцихе с X в. данные обороты бытовали и что Герджиум писал так, как говорил.

Надпись Герджиума вносит значительные дополнения в наши представления о датировке, ареале и тенденциях развития среднеармянского языка. В этом отношении она находит аналогии в армянских записях грузинских рукописей X в., созданных, разумеется, опять-таки в грузинской среде²¹, а также в переводах арабских повестей, исполненных по поручению Давида Куропалата. То ли из-за малограмотности автора надписи, то ли вследствие реального фонетического состояния в разговорной речи Герджиум сын Ерхасана в одном и том же

²⁰ Источником этого недоразумения является чтение *ա(ստուծոյ) Դ Կարկիս* вм. *ս Կի արկին*—, в то лето²¹.

²¹ Речь идет о «Сборнике гимнов Микаеля Модрекили (S-425) и «Шатбердском сборнике» (S-1141). Сводное издание этих записей и библиографию по ним см. [164, с. 82—84].

тексте пишет как *Երհասանա* (т. е. без конечной буквы *լ*), так и *Կարգալ*, как *արալ*, так и *Կալալ*, то обращается к показателю аккузатива *դ* (*գալս*), то—нет (*արկինի, Ոփլիցիսէ*). Недостаточная искусность в письменном изложении наглядно видна и в синтаксисе текста, в котором то нет сказуемого (*գրեմ, գրեցի*), то неясен адресат (*որ գալս Կարգալ*), то из-за частого обращения к союзу *և* примитивен стиль.

Все эти обстоятельства с учетом того, что автор надписи является носителем так называемого некалендарного имени *Герджиум* (производное, вероятно, от имени Георгиум?), могут служить доказательством того, что автор надписи был мирянином, свободным как от выработанных в кругу книжников и веками повторяемых формул и шаблонов, так и от традиционной орфографии в рамках литературного языка. Сказанное относится и к выбору письма надписи: армянские эпиграфические памятники не только до X в., но и гораздо позже, писались, как правило, унциальным письмом, наиболее соответствующим основному письменному материалу—камню, и лишь отдельные незначительные фрагменты поминальных текстов дошли до нас в виде эпиграфического строчного «болоргира» [240]. И в этом отношении надпись Герджиума уникальна: она высечена строчным письмом, и лишь в передаче отдельных графем прослеживаются следы переходного состояния от унциала к строчному (*լ, ա, ց*).

2. Две надписи некоего пилигрима Тодороса в юго-восточной камере храма:

а) *ԵՄ ԹՈՂՈՐՈՍ Ծ-*

<Ա>ՌԱՅ Ա(ՍՏՈՒԾՈ)Յ:

Перевод: «Я, Тодорос, раб божий».

б) *ԵՄ ԹՈՂՈՐՈՍ ԾԱՅ-*

ՌԱՅ Ա(ՍՏՈՒԾՈ)Յ: ՈՐ ԿԱՐԴԱՅԷՅ[Բ]

ՉԱԱ՝ ՅԱՂՈՒ-

Յ ՀԻՇԵՅԷԲ:

Перевод: «Я, Тодорос, раб божий. Кто прочтет сие—помяните в молитвах».

Хотя тексты ощутимо отличаются друг от друга как выбором письма, так и орфографией (*ժառալ—ժառա*), издатель правильно отметил, что манера письма одна и та же, а следовательно, надписи могут принадлежать одному и тому же Тодоросу. Можно согласиться с З. Н. Алексидзе и в определении хронологических рамок этих граффити—не раньше X в. и не позже XIV, но, скорее всего, в первой половине этого промежутка, ибо налицо переход от унциала к строчному письму [288, с. 68—71].

Во второй надписи любопытна глагольная форма *Կարդացէլ*. Видимо, автор намеревался написать *Կարդալցէ* (хотя уверенности в том, что в слове налицо именно *ց*, а не *լ*, нет). Геометрический знак между *լ* и *ալ* (т. е. *լալալ*), что отмечено З. Н. Алексидзе) едва

храма принимали участие их соотечественники. Скорее, это было вызвано общностью интересов, сродством культурных традиций грузин и армян, проживающих в единой географической, политической и культурной среде. Сион посещали представители как мирян (начиная от Герджиума сына Ерхасана), так и духовенства (инок Аветис). Конечно же, это были, прежде всего, выходцы из армянских поселений Грузии, число которых особенно возросло после организованного Давидом Строителем переселения в начале третьей декады XII в. Благодаря надписям Атенского Сиона мы можем судить о лингвистической ситуации в поселениях Картли и извлечь реалии, пригодные для истории языка и письма.

ВАКА

Состоящая из трех «самостоятельных» частей армянская церковь в селе Вака «служила усыпальницей почивших членов фамилии Бегтабеговых; хотя, впрочем, Бегтабеговых хоронили и в Тифлисе: в ограде Сурп-Нишанской церкви и Ванкского собора, а также на Ходживанкском кладбище» [154, с. 6]. Сооружение представляет собой комплекс разнородных по назначению помещений, сочетавших как «жилое» отделение, так и молельню, усыпальницу и даже крепостцу. В одной из двух строительного характера грузинских надписей говорится об «украшении древней церкви достойной ей утварью» Автандилом Мартирозишвили, его супругой Мариам и сыном [154, с. 8], а во второй (что находится рядом с первой, правее) — о строительстве двух «жаматунов» (притворов) Сулханом и Бегтабегом¹.

В грузинских источниках XVII—XVIII вв. представители этого рода носят разные наследственные фамилии — Шаншеан, Мартирозишвили, Танишвили (от Автандилашвили?), Бегтабегшвили — Бегтабеговы². Еще в начале нашего века попытку составить генеалогию рода Бегтабеговых предпринял Л. М. Меликсет-Бек [154], исходя, в основном, из данных эпиграфических памятников. Более обстоятельно этим вопросом, как и установлением хронологии представителей рода, занимался А. К. Бакрадзе [291а], однако почему-то вовсе не учитывая данные изданных предшественником надписей, как и саму его работу.

В грузинской надписи, как уже отмечалось, возобновителями «древней церкви» выступают Автандил Мартирозишвили и его супруга Мариам. В роду Бегтабеговых известны три Автандила: первый из них был деятелем 1610—1661 гг., второй известен по документам 1694—1718 гг., третий был сыном упоминаемого документами 1713—1749 гг. Бегтабега II [291а, с. 260]. В датированной 1754 г. армянской надписи, как убедимся ниже, речь идет об Автандиле и его супруге Мариам, следовательно, украшение церкви принадлежит этому последнему Автандилу, сыну Бегтабега II и внуку Автандила II.

Представители рода Бегтабеговых с поколения в поколение служили «мдиванами» (а иногда и «мдиванбегами») картлийских царей. Еще в XVII в. им было пожаловано княжеское (тавади) достоинство, сохранившееся за их потомками до начала XIX в., а затем вновь под-

¹ В чтении Л. М. Меликсет-Бека имеются лакуны: из первой надписи пропущена первая строка и половина второй, из другой — слово «ори» (два) после «цннжаматуна».

² Все они образованы от соответствующего антропонима — по имени отца или предка.

твержденное (в 1826 г.) Российским государством [154, с. 5—6]. Будучи выходцами из с. Вака, они и тут получали «обширные поместья» в родовую собственность и построили свою усыпальницу, снабжая надгробия в основном грузинскими эпитафиями³. Бегтабеговы, «армяне по национальному происхождению своему и вере» [154, с. 5], играли немалую роль как в государственной жизни, так и в культуре Грузии XVII—XVIII вв. Кроме государственной службы, Сулхан I и Бегтабег I трудились на ниве грузинской литературы, будучи незаурядными поэтами. Теперь установлено, что повесть «Амирандареджаниани» брата Сулхан и Бегтабег переложили на стих [328а]. В 1680 г. «мдиван» царя Георгия XI Бегтабег по поручению своего владыки скопировал одну из лучших дошедших до нас рукописей «Витязя в барсовой шкуре» Руставели (Н-54)⁴. Кстати, представителем этого рода Эсавом Бегтабеговым скопирована еще одна рукопись поэмы Руставели [254, с. 281]. О поэтическом даровании Сулхана I с восхищением отзывается его современник—итальянский миссионер Кристофоро де Кастелли, снабжая его портрет несколькими записями [71, § 115, с. 109, 336—337]^{4а}.

Внутри северного притвора церкви с. Вака, у восточной стены, водружены два хачкара. Горельефные кресты обрамлены орнаментированными сводами, а козырьки снабжены поминальной армянской надписью:

Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱԶՍ ԲԱՐԵ [ԽԱՒՍ] Է Պ(Ա)Ր(Ո)Ն ԱԻԹ(Ա)Ն.
ԴԻ(Դ)Ն ԵՒ ԻՐ Կ(Ո)Ղ(Ա)ԿՅ(Ի)Ն [ՄԱՐԻԱՄ]Ն
ԿԱԶ(ՄՈ)Ղ [Զ]
Ա(ՍՏՈՒԱԾԱ)ՅՏՈ(Ի)Ր:
ԹՎ. ՌՄԳ:

Табл. VIII, 1—2

Перевод: «Сей святой крест является поручителем за парона Автандила и его супруги Мариам».

«Мастер—Астуацайтур. В лето 1203 (=1754)».

Второй хачкар стоит рядом, левее первого. Верхний свод памятника основательно выветрился, а прочитанная и опубликованная Л. М. Меликсет-Беком надпись этой части погибла окончательно. «Колофон» мастера отчасти сохранился и проверке поддается.

³ Эпитафия Бежана находилась «во втором (восточном) отделении нижнего этажа», гробницы же Соломона и Рипсимии находились в пристроенном к югу от двухэтажной церкви притворе. Издание текстов эпитафий и их русский перевод см. [154, с. 7, 11—12]. Эти эпитафии ныне практически не существуют.

⁴ Описание см. [184, с. 573—574; ср. 254, с. 277—280].

^{4а} Из слов Кристофоро де Кастелли о том, что Сулхан был «коренным уроженцем Грузии» (Sulkan naturalis stirpis Georgie natus ingenijue magni), можно заключить (грузинский перевод несколько отходит от оригинала), что предки Сулхана утвердились в Картли задолго до XVII в. и имели тут наследственную собственность

Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱԶՍ ԲԱՐ <ԷԽԱՒՍ> Է ՊԱՐՈՆ <ՍՈՒԼԽԱՆԻՆ>:
[ԿԱԶ](ՄՈ)Ղ [Զ]-
[Ա(ՍՏՈՒԱԾԱ)ՅՏՈ(Ի)Ր:
ԹՎ. ՌՄԳ:

Табл. VIII, 3

Перевод: «Сей святой крест является поручителем за парона Сулхана».

«Мастер—Астуацайтур. В лето 1203 (=1754)»⁵.

В отличие от основных поминальных надписей, помещенных на лицевой стороне хачкаров, «колофоны» мастера высечены по бокам, но одной и той же рукой, поэтому о палеографических особенностях можно судить и по ним. Заслуживает внимания применяемая мастером аббревиатура, отмеченная длинным титлом с изгибами в концах: вм. ожидаемого $Կ(ա)ԿԺ(ո)Դ$ имеется $ԿաԿԺոԴ$, графема $Ա$ в начале имени Астуацайтур заменена вертикальной черточкой, что более характерно для криптограммы (хотя в надписях XVII—XVIII вв. иногда встречается). После слова $ԿաԿԺոԴ$ проставлено двоеточие, а затем высечена буква (чтобы читать $ԿԱՍՏՈՒԱԾԱՅՏՈՐ$?). Сама форма этой буквы довольно необычна: резчик сконцентрировал внимание не на графической, а на декоративной стороне, поэтому нижний стержень обратил в полукруг, составляющий параллельную с головкой буквы линию. Разумеется, налицо рука профессионала.

В существующих сводах хачкаров эти памятники из Вака не учтены [230; 390]. Рассматриваемые нами памятники совершенно свободны от так называемых элементов восточного (в частности иранского) происхождения, чем характеризуются особенно хачкары XVII—XVIII вв. Они продолжают традицию предшествующего периода их развития и одновременно вполне оригинальны. Быть может, тут нет той тонкости исполнения, которая характерна для классического периода (XII—XIV вв.), но самобытности они не лишены и как таковые могут считаться одними из лучших экземпляров (если не наилучшими) XVIII в. В специальных исследованиях [214; 292] наш мастер Астуацайтур не представлен. Откуда он по происхождению, как он оказался в с. Вака, какие у него еще есть работы—неизвестно.

Хачкары в с. Вака водружены спустя несколько десятилетий после смерти Автандила и его супруги (в 1680 г. их сын Бегтабег был уже мдиваном и переписывал рукопись), а Сулхан (внук Автандила) скончался спустя 34 года после водружения (т. е. в 1788 г. и похоронен, как было сказано, в ограде Сурп-Ншанской церкви в Тбилиси). Формула «является поручителем» ($բարէխառն է$) одинаково применима как для памяти почивших, так и во имя долгоденствия здравствующих. Синхронность водружения хачкаров открывает возможность для датировки двух грузинских строительных надписей, высеченных совершенно одинаковым почерком и одновременно. Они также восходят к 1754 г. и предприняты по инициативе того же Сулхана.

⁵ В публикации Л. М. Меликсет-Бека «колофоны» мастера хачкаров не пред-

Строительная надпись Сулхана, как было отмечено, опубликована неудовлетворительно, поэтому некоторые ее существенные сообщения остались незамеченными. В ней говорится:

სულხან ჯდა ბეგთაბეგ. შ(ე)წ(ე)ვნითა შ(ენი)თა აღვაშ(ენ)ე ვა-
ყას დედა ლ(უ)თი(სა)სა წინ ჟამატუნა
ორი ზედა ქუე სამ(ა)რეო საყდრითა, ზარი-
სა კიდითა, კარისა ბჭითა და ორის ჯვართა⁶.

Перевод: «Сулхан и Бегтабег. С помощью твоей построил пред, Богородицей в Вака два жаматуна с церковью над нижней усыпальницей, колокольной, притвором и двумя крестами»⁷.

Из текста надписи следует, что до строительства Сулхана была лишь церковь Богородицы, служившая усыпальницей, им же построены два боковых жаматуна, притвор (в виде парадного входа), установлены оба хачкара и надстроен верхний этаж центрального корпуса.

При жизни Автандила и его сына Бегтабега всего этого не было, поэтому, очевидно, сын Бегтабега Бежан похоронен «во втором отделении нижнего этажа». Находящиеся рядом с ним надгробия, должно быть, принадлежат самому Бегтабегу и его отцу Автандилу.

Таким образом, пристройка двух жаматунов произведена. В 50-е гг. XVIII в., когда Бегтабег уже не было в живых, но его сын Сулхан, вице-канцлер царя Ираклия II (князь обер-секретарь [З, I, с. 370]), по завершении строительных работ при высечении своей надписи решил надписать и имя отца, при котором, вероятно, была начата работа по строительству.

Как уже говорилось, в южном жаматуне похоронен сын Соломона Иоаннэс (Иоани) Бегтабегян (Бегтабегов), а его надгробие снабжено было двуязычной надписью.

Յոհաննէս իշխան ի սոյն տապանի՝
Որդի Բէգթաբեգեան ընիազ Սօլոմօնի,
Յարքայից սիրեցեալ տառնադպրի,
Կօլեծակի սէկրէտար կայսերականի:
Ի հասակի ամաց վաթսուն և հնգից
վճարէ զկեանս իւր կարի ցաւալից.
Խնդրէ ի ձէնչ զաղօթս, եղբարք հոգիկից,
Զի եկայք օրհնեալքին լիցի մասնակից:
Թվին 1823-ին, ապրիլի 27-ին: Մըլսա ԲյՅՅ-სა, აპრილის 27-სა.

⁶ Последующая строка является продолжением текста предыдущей надписи, поэтому тут не приводится.

⁷ В переводе Л. М. Меликсет-Бека: «Сулхан и Бегтабег с помощью твоею воздвигли (в надписи: воздвиг.—Л. М.-Б.) в Ваке предмолельню во имя Богоматери... с верхней церковью, колокольною (буквально: вешалкой для колокола), притвором, железным крестом...» [154, с. 9].

მღებარე ვარ ბნელსა სამარესა შ(ინ)ა ამის მე—ძველად საქართ-
ველოს და აწ რუსეთის
დიდისა იმპერიის თავადი, კოლეჟსკ(ი)ს სეკლეტარი მდივანი ი(ო)-
ვანე ძე მდივანი
ს(ო)ლ(ო)მ(ო)ნ ბეგთაბეგ(ო)ვისა. ვ(ი)ყავ სამ(ო)ცდახუთის წლი-
სა, რომელიც განვშორდი სასურ-
ველთა ძეთა და ასულთავან. უცრემლის თვალთ ვთხ(ო)ვთ შენდო-
ბას მიბძანებდეთ!
[154, с. 11—12]

Перевод, арм.: «В гробнице этой—князь Иоаннэс, сын князя Соломона Бегтабегяна—любимого царем атенадпира, императорского коллежского секретаря. В возрасте 65 лет завершил он горестную жизнь; молитву он у вас просит, братья сочувствующие, дабы стать соучастен благославения. В лето 1823, 27 апреля».

Груз.: «В лето 1823, апреля 27-го. Нахожусь в этой темной гробнице я, в прошлом тавад Грузии, а теперь великой империи Российской, коллежский секретарь мдиван Иоанэс, сын мдивана Соломона Бегтабегяна. Был в возрасте 65 лет, когда расстался с желанными сыновьями и дочерьми. Наполненным слезами глазом прошу—благословите».

Представители рода Бегтабеговых из поколения в поколение занимали должность «мдивана» (տառնադպր—делопроизводитель, секретарь)⁸, некоторые же становились «мдиванбегами»⁹ и, разумеется, считались должностными лицами высокого ранга. В частности строитель в Вака Сулхан был мдиванбегом [98, IV, с. 321] (в отдельных документах фигурирует и как мдивани [ср. 98, V, с. 234, 302; 85, III, с. 325]). Можно считать установленным, что институт «мдиванбегов» возник не раньше второй половины XVI в. и если мдиванов в царстве было несколько (мдиван царского двора, царя, царицы и т. д.), то «мдиванбегом» бывал, как правило, один (иное дело, что должность дублировалась и правителями самостоятельных княжеств)¹⁰. По опубликованным Т. Енукидзе материалам, в Восточной Грузии (XVII—XVIII) эта должность дублировалась только дважды (в 1638 и 1667 гг.) [309, с. 324—325].

Из всего сказанного следует, что княжеский род Бегтабеговых действительно занимал высокую должность при дворе грузинских царей, а это давало возможность, помимо пожалованных царями имений, приобретать новые (как, например, в Руиси, Цхинвали, Хвита) и часть дохода вкладывать как в строительство армянской церкви в Вака, так и четырех дворцов в Тбилиси, разрушенных нашествием Ага Мухаммад-хана. Заслуживает внимания и тот факт, что Сулхан, за-

⁸ Об институте см. [291]. Бегтабег I и Сулхан в должности «мдивана» упоминаются во многих документах [85, III, с. 108, 109, 325].

⁹ Об этом термине см. [298, с. 179—185].

¹⁰ Такое имело место и в более ранний период: известен мцигнобартухуцес, амилахор и т. д. рода Захаридов—Мхаргрдвелов.

нимающий должность во дворе, продолжал оставаться приверженцем «армянской веры».

Этнокультурная самобытность армян учитывалась и при судебных разбирательствах. В этом отношении представляется интересным следующее сообщение царевича Давида Багратиони: «По возвращении своем в отечество, царь Вахтанг, наружно показывая себя магометанином, а в сердце своем имея напечатленным православное вероисповедание своих предков, управлял кротко и благоразумно Иверию по Законам греческим, а для купечества—по Законам армянским, а также и по Уложению царя Георгия IV, к которым законам присовокупил потом и свое собственное Уложение» [4, с. 152]. Из этих слов вытекает, что купечество в Грузии в основном было армянское, но не следует забывать, что Д. Багратиони писал в начале XIX в., когда в купечестве были представлены почти все крупные этнические единицы Грузии, а следовательно, применение «армянских законов» не могло быть распространено на все купечество. К тому же в Грузии немало и армянского крестьянского населения, к которому купеческие нормы неприменяемы. Это относится и к тем армянам, которые находились на государственной службе. В 1783 г. мдиван Сулхан обратился к царским судьям с заявлением о том, что им куплена земля своего «ганакопа» (т. е. соседа-родственника), а его двоюродные братья Соломон и Автандил (II), после составления акта купли и продажи и его утверждения, сами хотят ее приобрести. При вынесении судебного решения судьи навели справку по Законам Вахтанга VI, а затем и по «Армянскому судебнику», признав законность акта [98, V, с. 234—236]. Следовательно, устанавливаемые «Армянским судебником» нормы в судебной практике Грузии XVIII в. считались действующими и применялись они не только по отношению к купечеству, как о том говорит Д. Багратиони.

НАБАХТЕВИ

В ущелье реки Али, ниже места слияния реки Брили (Брилицкали), находится с. Набахтеви [93, IV, с. 376], в котором, видимо, также существовала армянская община. Когда она образовалась—неизвестно, ибо мы не располагаем какими-либо сведениями об этом селе раньше начала XVII в. Лишь априори можно сказать, что армяне добрались до этого места примерно тогда же, когда они оказались и в новооснованном городе Али, являющемся сравнительно крупным экономическим и торговым центром данного региона начиная с XII в.

Согласно данным, содержащимся в царский домен, а следовательно, и управлялось назначенными царским домом мамисахлисами. В 1609 г. Луарсаб II (1606—1615) пожаловал Набахтеви Гиорги Саакадзе, под командованием которого в том году картлийцы одержали победу над численно превосходящей армией турков¹. Но придворные интриги и внутриклассовая борьба привели к тому, что прославленный воевода, мурав Тбилиси вынужден был покинуть родину и найти убежище в Иране. Введенный в заблуждение Луарсаб, разумеется, отобрал его имения (в основном они находились в ущельях Атени и Тедзами), в том числе Набахтеви. Некоторое время интересующее нас село оставалось на положении «сахасо», но в 1652 г. царь Ростом пожаловал Набахтеви Иораму Саакадзе, у которого и приобрели его представители роды Бегтабеговых. Сохранилась дарственная грамота Георгия XI от 1685 г., согласно которой Бегтабег в 1675 г. находился в составе лиц, сопровождавших Вахтанга V в Иран. Но тот скончался в Хош-каре, и сопровождавшие его представители Картли вернулись с новым царем—Георгием XI. Вскоре Бегтабег был оклеветан перед новым царем и лишен своих имений². В 1677—1685 гг. с. Набахтеви опять стало «сахасо», но на этот раз ненадолго. Убедившись в верности и покорности своего мдивани, Георгий специальной грамотой вернул

¹ Подробно см. [364, IV, с. 254—257]. Примечательно и то, что в организации отражения врага участвовали и армяне Картли. В частности, туркам не удалось ворваться в Горы, ибо заметивший их приближение горийский армянин (აჭაბუგო) разобрал мост [86, с. 328].

² В своей памятной записи от 1680 г. Бегтабег жалуется, что «зримые и незримые недруги» довели его до отчаяния, но не уточняет, о чем и о ком идет речь [254, с. 279]. Из грамоты же Георгия XI становится известным, что он к тому времени был лишен своих имений, а в числе недругов находился и эмир ад-д-дин Реваз, лицо весьма влиятельное. С точки зрения истории грузинского права интересно то, что наказание царя ограничивалось отнятием вотчины, а должность мдивана за ним сохранилась.

старому владельцу его приобретенную (наскиди) и наследственную (мкуидри) вотчину—«село Набахтеви вместе с Норашеном, Кверцхобом и Клдис-цкаро» со всеми «истинными границами» (самартлианис мзгурита) [98, II, с. 228—229]. В документе перечисляются все те компоненты, которые входили в «истинные границы» села: в их числе названы также кладбище и церковь. Очевидно, речь идет о той церкви, которая сохранилась до наших дней³. Строительной по содержанию надписи нет, но по технике кладки и размерам датировать ее можно периодом XV—XVI вв. Имеющаяся здесь надпись несомненно восходит к периоду строительства, ибо высечена на наличнике входа в связи с предварительно задуманным украшением его крестом с сопровождающими орнаментами. Надпись помещена в левой части, а ее дата стоит на правой стороне.

ԵՄ՝ Տ(Է)Ր՝ ՈՎԱՍԱՍ [ՓՊ ՎԱ.-]
 ՆԿՆԵՅԻ ԶԵԱ [ԶՍ ՅԻՇԱՏԱԿ]
 ՊԱՊԻՆ ԻՄ՝ Տ(Է)Ր՝ Յ [ՈՎ, ՀԱՆ.-]
 ՆԷՍԻՆ: Թ. ԶՄԸ:

Табл. IX, 1

Перевод: «Я, священник Овасап водрузил этот крест в память деда моего—священника Иоаннэса. В лето 958 (= 1509)».

Обращает на себя внимание «жирность» шрифта, особенно в первой строке, где буквы выделяются своей округлостью. В трех остальных строках наблюдается некоторая вытянутость. Как бы ни была многословна надпись, все-таки некоторую нужную для нашей задачи информацию она содержит, а именно: сам священник Овасап и его дед жили в Набахтеви и служили в местной армянской церкви, следовательно, община армян-поселенцев в с. Набахтеви к последним десятилетиям XV в. уже существовала. Сам же факт наличия церкви, построенной из тесаного камня с довольно большими плитами и у вырубленной для строительства скалы, служит доказательством значительного количества этих переселенцев. Последнее обстоятельство подтверждается еще и тем, что наряду с поселением армян в Набахтеви возникла необходимость создания нового населенного пункта, названного в приведенном документе *Норашеном*. Топоним недвусмысленно указывает на этническую принадлежность основателей-поселенцев⁵.

Присутствие армян в Набахтеви и Норашене наводит на мысль, что этнически неоднородными могли быть и две другие деревни, фигу-

³ О грузинской церкви и ее греческих надписях XIV—XV вв. см. [99, с. 183—188]. Армянская церковь именовалась «Сурб Карапет» (Св. Предтечи). В 1876 г. эту церковь обновил переселившийся в Сурами набахтевец Мик. Аюпянц (см. «Մեղու Հայտնութիւն», 1885, №41, с. 2—3).

⁴ Слово *տէր* высечено над первой строкой, со специальным сопроводительным знаком вставки в текст. Очевидно, резчик пропустил его, но тут же исправил допущенную ошибку.

⁵ Арм. *նորաշեն*. Поселенцы-грузины именовали бы «Ахалдаба» (ახალდაბა) или «Ахалсопели» (ახალსოფელი), или «Ахалшени» (ახალშენი).

рирующие в грамоте Георгия XI и вместе с Набахтеви возвращенные мдивану Бегтабегу,—Кверцхоби (в оригинале—Квеорцхоби) и Клдис-цкаро. И действительно, на кладбище Кверцхоби сохранилась эпитафия на армянском языке:

ԵՄ՝ ՕՎԱՆ ՇԱԳՍ ՈՐԴԻՐ...

Перевод: «Я, Ован, сын Шага...».

Датируется эпитафия сравнительно поздним периодом, чем надпись священника из Набахтеви.

Едва ли правомерно полагать, будто существует какая-то взаимозависимость в том, что армяне оказались в селах, принадлежавших роду Шаншеанов-Бегтабеговых, или, что то же самое, их владельцем оказался Бегтабег, ибо заселены были они армянами. Во-первых, эти поселения образовались до того, как их владельцами стали представители названного рода, а во-вторых, армянские поселения по существу ничем не отличались от исконно грузинских, почему в большинстве своем они имели смешанное грузино-армянское население с одинаковыми обязанностями и правами, с единой системой налогообложения. Единственно, что выделяло их—крестьян и феодала армянского происхождения—от остальных себе подобных, в частности, грузин, это этнокультурные традиции и, прежде всего, конфессия, к которым как само грузинское население, так и представители царской власти относились с традиционной для истории Грузии толерантностью.

Таким образом, очередной поток переселенцев-армян нашел пристанище в районах западнее Гори—в ущелье реки Али. Когда именно это имело место и из каких областей Армении они прибывали—определению не поддается, но, разумеется, происходило это не раньше XIII в.

⁸ Надпись прочитана нами в 1959 г. К сожалению, во время последней поездки мы упустили возможность проверки текста.

А Л И

В политической, экономической и культурной жизни Грузии в эпоху зрелого феодализма, наряду с крупными городами—административно-хозяйственными центрами страны, заметную роль играли и так называемые малые города, возникавшие преимущественно на путях караванной торговли. В Картли этому в немалой степени способствовало оживленное с X в. сношение с Западной Грузией («Абхазией») через Лихский перевал. Дорога из Имерети в Картли и Самцхе—Одзрхе—Сурами—Али—Цхинвали в X—XI вв. играла большую роль в экономических и политических отношениях двух частей Грузии. Если не возникновением, то своим превращением в поселение городского типа перечисленные выше пункты, как и некоторые другие, обязаны прежде всего интенсификации этого общения.

В период монгольских нашествий и долгосрочного владычества в городской жизни Грузии, как и всего Закавказья, происходили существенные изменения и перестановки. Так, например, города Одзрхе, Тмогви, Самшвилде, Дманиси, Жинвани, Рустави, Уплисцихе, Хуннан и т. д. перестали быть значительными административно-экономическими центрами. Собственно, если даже Али мог быть покинут горожанами, как о том свидетельствует персидская надпись Абу-Саида от 1330 г., нетрудно представить, что происходило с провинциальными городками. Переселившись в новые поселения, выходцы из крупных городов, прежде всего купечество и ремесленники, образовывали своего рода общины в новых местах жительства, как бы в миниатюре воспроизведя структуру и хозяйственную деятельность своей «прародины»—стольного города. Нужно полагать, что и социальный состав новосозданных городов (точнее—городков) существенно не отличался от прежних, с той лишь оговоркой, что часть «городского люда», в основном занятая обработкой земли и торговлей сельскохозяйственной продукцией, теперь могла оказаться за пределами собственного города, в окрестных деревнях, не превращенных в «убани», или пригороды.

Город Али находился на пути между городами Тбилиси и Кутаиси, а это значит, что он мог привлечь внимание как западной части страны, так и восточной. Полагают, что здесь был «сабажо»—место сбора пошлины за ввозимый и вывозимый товары [296, I, с. 23], в чем и заключалось основное экономическое значение как Сурами, так и Али и Сазвере. Но тот факт, что в Сурами и Али нашли пристанище переселенцы-армяне если не с самого начала их основания, то по крайней мере с XIII в., может служить доказательством стремления грузинских царей сделать эти города доходными очагами ремесла и торговли. Если полагать, что все это происходило приблизительно так,

как имело место при поселении армян в Горы при Давиде Строителе и Ахалкалаки (Мепис-калаки) на берегу реки Тедзами при Ростоме, то и тут вслед за поселением была проявлена забота о строительстве культовых сооружений. В организации городской жизни этот момент нужно считать достаточно важным, ибо в налаживании нормальных отношений (разумеется, в понимании средневековом) церковь принимала деятельное участие. Поэтому, рассказывая об основании новых городов «для армян», источники в первую очередь упоминают факт создания церквей и монастырей. Наши замечания могли показаться несколько спорными, если бы мы, помимо сведений Урхаеци и надписи в Мепис-калаки, не располагали конкретным свидетельством. В трехнефной базиличной церкви Архангелов Али сохранился снабженный надписью хачкар, водруженный в качестве внутренней стены крещальни. Текст надписи плохой сохранности и чтению почти не поддается, но само ее существование уже знаменательно. Орнаментальное обрамление креста по большей части выветрилось. Вместо привычного древа жизни изображены несколько стилизованные малые кресты. У одного из них, что левее основного креста, сохранились отдельные буквы:

...ԷՄ

...ԻԱՅ

Сама поминальная надпись у основания креста и состояла из трех строк. Чтению поддаются лишь начальные слова:

ԵՄ ԿՈՒՆԾՍ....

ՈՅՍ.....

ՅԻ Ա.....

Перевод: «Я Кунц... [во имя спасения ду]ши... [водру]зил...»¹.

Крест был водружен одновременно со строительством собора, датируемого XIV—XV вв. Именно на основании этой надписи можно уверенно сказать, что заселение Али армянами происходило в XIII—XIV вв., т. е. задолго до основания трехнефной церкви. Община могла построить такую церковь либо потому, что она была довольно сильна экономически (значит, намного позже переселения), либо опираясь на помощь и содействие самих организаторов переселения, т. е. представителей царского рода или имеющих на это санкцию его чиновников. Как бы то ни было, выбор места неслучаен, как и нельзя считать случайным заселение переселенцами из Армении.

В Али имеется и вторая армянская церковь (св. Богородицы), но она, должно быть, построена позже первой. На уцелевших частях надписи нет. Археологические исследования как сохранившихся куль-

¹ При первом посещении Али в 1959 г. автором этих строк была скопирована надпись следующего содержания: «...տակ ուս...նկնեցի խաչս ԶԹ շյժ, որ բա...» (т. е. «В память Ус...[во]друзил сей крест в лето 709 (=1260), дабы хо[датаем]...»). Из записей не видно, так нами читалась надпись названного выше хачкара или речь шла о каком-то другом экземпляре. При повторной проверке в июле 1981 г. надписи аналогичного содержания найти не удалось.

товых сооружений, так и территории бывшего городка несомненно могут выявить новые образцы армянской и грузинской эпиграфики.

В 1673 г. в Али побывал Жан Шарден, но, к сожалению, довольствовался лишь общим замечанием, что «маленький город, называемый Али, расположен на горах, на расстоянии девяти лье от Гори» [84, с. 198]. Он его называет одним из четырех городов «Картлийской провинции» (наряду с Тбилиси, Гори и Сурами), что, нужно полагать, частично вызвано маршрутом его путешествия, а также тем, что этот город чем-то все-таки отличался от остальных, не названных Шарденом. Особой подробностью не отличается и описание Вахушти; и при нем Али оставался «маленьким городом, населенным армянами и евреями, в небольшой мере грузинами», где «зимой холодно, а летом жарко» [93, IV, с. 377]. Примечательно сведение «Дастурламали» о том, что государственный налог «мали», взимаемый «с каждого проживающего в городе купца и ремесленника, независимо от того, принадлежал он царю, церкви или дворянам», в Али был заменен «налогом с виноградника» [157, с. 198]. Это указывает на должное развитие виноградарства в Али, и поскольку армяне составляли значительную часть городского населения, то правомерно заключить, что в основном они-то и занимались этой традиционной для армян культуры. Этим армяне занимались повсюду, в том числе и в России [ср. 224, с. 57—58].

Память об исконной родине у армян-переселенцев сопутствовала им на всем пути передвижения, выливаясь в легенды и предания. Приверженность к национальным традициям выражалась в легенде об анийском происхождении населения того или другого поселения армян в разных странах. Крымские армяне указывали даже дату выхода из Ани (1331), хотя, как доказал Л. С. Хачикян, реальных оснований у них не было [224, с. 24—26]. У армян Али почвой для легенды об анийском происхождении послужила бытующая по сей день народная этимология топонима «Али», производимого от названия «Ани»².

В нескольких дошедших до нас древнегрузинских документах в основном говорится о купле-продаже того или другого имения, дома, о свидетелях при этом и т. д. [79, с. 18—19]. Алийские «вачары» (купцы) считались крепостными царского дома, его сановников или других привилегированных слоев общества. Имеретинский царь Георгий в 1615 г. пожаловал «бокаултухуцесу» (приставу) Давиду Давидашвили одного алийского купца (Hd—14633), а амилахор Андуканар имел здесь вотчину (Hd—2115). Как и другие города Грузии, Али имел своего «моурава» и «мамасахлиса», назначенных картлийскими царями [ср. 157, с. 247], в пользу которых взимались налоги. Более того, «городские должностные лица, во главе с городским моурави, смотрели на город как на источник собственного обогащения, а на городское население—как на объект грабежа» [157, с. 226].

² Это сомнительно: в грузинской среде столица Армении именовалась не «Ани», а «Анис» и, кроме того, населенный пункт Али, должно быть, существовал еще до того, как анийцы начали покидать свой город.

Описание древностей Али, совершаемых здесь церковных праздников и других обстоятельств дано З. Арюцянцем (см. «Մեղու Հայաստանի», 1885, № 19, с. 3).

В двух документах от 1653 и 1690 гг. встречаются имена алийских священников-армян: тэр-Григол Сахвашвили приобретает у кимийца Алекси Закушвили «обрабатываемую за два дня землю» (Hd—6105), а тэр-Тумана выступает в качестве свидетеля (Hd—14815).

Есть основание полагать, что алийские армяне, особенно представители купечества, поддерживали связь с культурными и торговыми центрами Армении XVII—XVIII вв., в частности с Джугой. На стене обители св. Свифана сохранилась армянская надпись, которая гласит: «Յիշատակ է սուրբ իրաչա արքի Գուտերծու որդի Գիորգոսն, կողակից ներաւ լաիկն: Թղ. ՌճՂԹ-ին» [397, с. 41]—«Сей святой крест—в память алийца Гиорги сына Готерци, супруги [его] Некала. В лето 1750»³.

Разумеется, алийцы особенно тесно контактировали с городами и торгово-ремесленными центрами самой Картли—Гори, Цхинвали, Ахалгори, Сурами, Атени, Ахалкалаки (Мепис-калаки) и т. д. Во всех перечисленных здесь городах и городках имелись армянские общины, в церквах и монастырях которых не только велась служба на армянском языке, но и копировались рукописи. Немало было армян и в Сурами: по словам Вахушти, «Сурами—маленький город, жители—грузины, армяне, евреи» [93, IV, с. 377], т. е. тот же состав населения, что и в Али, с той лишь разницей, что, видимо, грузинского населения здесь было больше, чем в Али. В 1770 г. в Сурами проживало 200 дымов «православных грузин, армян и евреев» [98, II, с. 420].

Этническая история городов Армении и Грузии почти не поддается исследованию. Можно предположить, что упоминаемый в грамоте царя Ростом от 1635 г. сурамец Аруцашвили—представитель армянской общины, на что указывает, как нам кажется, его «фамилия», образованная от армянского собственного имени Արուծ—Аривц—Арюц³. В дарственной грамоте Гиорги Батонишвили на имя Манучара Туманишвили (1766) названы крепостные Хечатура и сыновья Масура, которые, судя по именам, могли быть армянами (Хечатур во всяком случае) [перечень документов см. 79, с. 196—197]. Зачастую источники фиксируют не этническую, а конфессиональную принадлежность. Так, сурамские «служивые люди»—крепостные «евреи и христиане» выступают свидетелями при покупке земли католиком Иоанном Диасамидзе [79, с. 197] (под «христианами») подразумеваются как грузины, так и армяне). Известно, что бывали случаи, когда армяне-монофизиты переходили в лоно халкедонства, а грузины становились «армянами» (т. е. монофизитами) [ср. 72, с. 66]. Поэтому вопрос этнического состава сложный, требующий большей осторожности.

Когда именно оказались армяне в Сурами, в каком количестве и откуда они переселились сюда—установить нет возможности. Можно

³ Кстати, представители рода Арюцянц в XIX в. были духовнослужителями г. Сурами и близлежащих поселений, в которых жили армяне, но не имели своего священника (Кутанси, Чхари, Сачхерети, Рача, Лечхуми, Али, Дирби, Атоци, Вака, Оснаури, Хашури, Бреди). По словам З. Арюцянца в период нашествия Аги Мухаммад-хана в некоторых картлийских деревнях обосновались тбилисские армяне. Тут они не имели своих церквей, но имели отдельное армянское кладбище. Их обслуживал священник Руиси («Մեղու Հայաստանի», 1885, № 34, с. 4).

лишь уверенно сказать, что постепенно их становилось больше, и в XIX в. в Сурами была построена новая армянская церковь Григория Просветителя и созданы армянские школы. Во дворе этой церкви сохранилось несколько надгробий, эпитафия одного из которых гласит:

ԱՍՏ ՀԱՄԵՆԻ ՄԱՐՄԻՆ ԶԻՄՇԵՐ ՓՈՍՏԵԱ ԶԱՂԻՏԵ-
ՆՅ. ԱՐԴԱՐԱՎԱՍՏԱՎՈՔ ՄԱԽԻՔ ԻԻՐՈՎ ՇԻՆՈՂ
ԵՐԿՍԵՆ ԴՊՐՈՅԱՅ ԱՌԻՍԱՄՈՒ:

Перевод: «Здесь покоится тело Джимшера, сына Посте Загитенца, издержкой честного заработка своего построившего мужские и женские школы Сурами».

Грузинские, армянские, армяно-грузинские эпитафии XIX и начала XX вв. сохранились на хорошо известных каждому алийцу и сурамцу «Армянских кладбищах», но они выходят за хронологические рамки рассматриваемых нами эпиграфических памятников.

ДИРБИ

Два снабженных армянскими надписями хачкара сохранились в с. Дирби, что находится севернее Брети, между Цхинвали и Али. Они вделаны в стены расположенных у крепости церквей. Хачкары принадлежат одному и тому же мастеру, выполнены в единой манере, с той лишь разницей, что один из них предназначен для водружения или вставки в стену (культовый комплекс на склоне) вертикально, а другой вделан горизонтально (непосредственно у крепости). Часть поля этого второго хачкара отведена тексту довольно пространной надписи, от которой сохранилась лишь средняя часть, дата же спасена благодаря тому, что высечена в углублении, образованном между крыльями креста в верхней части. Из трех несохранившихся строк начала этой надписи третья строка поддается восстановлению, поскольку все еще имеются следы графем, а нижние части отдельных букв читаются довольно четко.

ԹՎ. ՊՂԵ

.
.
[Մ]ԻՅԻՇԱՏԱՎԻՆ [Մ]-
ՆՈՂԱՅ ԵՒ ԶԱՒ[ԱՎԱ-]
Յ ՄԻՅԳՆԵԼ[Ի, ՈՐ ՇԻ-]
ՆԵՅԻՄԵ] ԻՆ
...[ԱՍ]:

Табл. IX, 2

Перевод: «В лето 895 (=1456)... [крест] этот в память родителей и чад Мицгнела, построивших [церковь эту]».

Другая армянская надпись находится под основанием креста вертикально стоящего хачкара, вделанного, как было сказано, в восточную стену притвора комплекса. По замыслу мастера хачкара, это место специально отведено для публикации надписи. Начала всех трех строк выветрились, но их можно восстановить:

ԹՎ. ԶԺԷ:

[ԽԱ]ԶԴ Բ(ԲԻՍՏՈՍ)Ի, ԱԻԳՆԵԱ ՆԷՐՄԷ
[ԴԵԿԱ]ՄԵՆ ՆԱԲԱԻՊԻ ՄՆՈՂԵ ԵՒ
ՄԶԱԲԱՎ(Ա)Յ ՆՈՐԻ:

Табл. IX, 3

Перевод: «В лето 917 (=1468). Ты, крест Христа, помоги родителю деканоза-кандилянты Нэрсэ и чадам его».

Надписи, как и хачкары, выполнены совершенно идентичным письмом, одной и той же рукой. Любопытна палеографическая особенность буквы **U**: правый стержень выведен с изгибом внутрь, вследствие чего нижняя часть графемы несколько шире верхней. Правые выстулы букв **U, Գ, b, Է, Ի, Ի** выполнены в общей манере, с желанием обеспечить волнистую линию. Резчик хотя и располагает пространством (так во всяком случае со второй надписью), но иногда предпочитает прибегать к вязи и лигатуре—**Ն** и **Ն**, **U** и **Ի**, **b** и **Ի**. Отсутствие графемы **U** в слове **ՉԱԻԱԿ(Ա)Յ** можно объяснить скорее пропуском, чем аббревиатурой.

Составитель текстов заметно отходит от норм литературного армянского языка. Это прежде всего сказывается в грамматическом строе: так, в первой надписи вм. **ՅԻՇԱՏԱԿԻՆ** (форма дат. пад.) следовало ожидать **ՅԻՇԱՏԱԿԻ** (род. пад.). Полагать, что **Ն** нужно отнести к другому слову, которое не сохранилось (допустим, в виде **ՆՈՐԻՆ**—его),—нельзя, ибо для этого нет места, а буква **Ն** занимает пространство почти двух графем (см. форму этой буквы во второй надписи). При наличии сказуемого **ԱԻԳԻՆԵԱ** (помоги) имя **ՆԷՐՍԷ** (Нэрсэ) должно было сопровождаться показателем винительного падежа **Չ**. После **ՆՈՐԻ** проставлено двоеточие, что показывает конец текста, но тут мы должны были иметь **ՆՈՐԻՆ**. Создается впечатление, что тексты надписей первоначально были составлены на грузинском языке, а затем переведены на армянский, чем и вызвана своеобразная конструкция предложения. Так, например, без особого труда и перестановки слов можно реконструировать предполагаемый грузинский текст второй надписи: **ჯუარო ჰრობესო. შეეწოგ ნერსე დეკანოზ-მწიგნობის მამობელსა და შვოლთა მისთა**. Если не переводчик, то составитель армянского текста старался придерживаться традиционной передачи буквы **O** (o) дифтонгом **ԱԻ** (**ՆԱԹԱԻԳԻ**) и воспроизвел слово так, как произносил его (**Գ** вм. **Բ** и без начальной графемы **Ձ**—**Մ**). Тут напрашивается вывод о том, что автор армянского текста происходил из грузинской среды и обладал навыками грузинской речи. Такое заключение находит поддержку и в художественном оформлении хачкаров, орнамент которых как бы сливается воедино армянские и грузинские мотивы. Это относится как к обрамляющему с двух сторон орнаменту, так и к изображению древа жизни и символа солнцевечности в нижней части креста. Если искусствоведческий анализ хачкаров поддержит такую характеристику, то можно сделать заключение, что мастера резьбы на камне, работавшие в Дирби, были выходцами из армянских поселений Картли, быть может, даже из самого с. Дирби, где вместе с грузинами жили и армяне.

Упомянутые в надписях Мицгнел и «деканоз-натоби» Нэрсэ по другим источникам неизвестны. Первый из них, вероятно, лицо светское, быть может, представитель рода владельцев края, проявивший заботу если не в строительстве, то в обновлении культового сооружения. О Нэрсэ имеем более полную информацию, содержащуюся в двух терминах—**деканози** и **натоби**. Первоначально мы сомневались в терминологическом значении «натоби» и склонны были считать его собственным именем (т. е. деканоз Натоп является сыном Нэрсэ), но бо-

лее детальный анализ текста показал, что мы имеем дело с термином—упоминанием еще одной «должности» того же деканоза Нэрсэ. Последний, очевидно, совмещал обязанности протоиерея и ключаря-ризничия. «Деканоз» в халкедонской среде (как и в католической) превратился в должность иерея, наделенного определенными правами и обязанностями. В «Типике» Григория Бакуриана относительно назначения «деканоза» и «мнати-канделака» сказано: «6. Один пусть будет деканом, святой подвижничеством и знающий все чины церкви, чтобы он все исполнял по правилам синаксария... 11. А один пусть будет свечником-канделаптом, который по велению декана держал бы фимиам церкви, елей, свечи, вино <для св. таинства> и муку <для просфоры> и со страхом божьим расходовал бы их; как положено. А в великие праздники, когда церковная служба умножается, настоятель пусть даст <свечнику> в помощники и других братьев» [100, с. 82, 295]¹.

Следует заметить, что грузинскому термину «деканози» в греческой редакции «Типика» соответствует «экклесиарх» (*ἐκκλησιάρχης ἑστω*), функции которого зафиксированы во многих греческих типиках византийских монастырей и детально рассмотрены в специальной литературе [182, с. 404—405; ср. 21, с. 173—174]. «Деканоз» считался вторым лицом после настоятеля-игумена монастыря и прежде всего был обязан следить за порядком богослужения, обеспечить поминовение ктиторов, вкладчиков и благодетелей монастыря, вместе с экономом и дохиарием содействовать игумену в его хозяйственной деятельности и т. д. В грузинской редакции «Типика» не уточнено соотношение обязанностей деканоз-экклесиарха и мнати-лихнапта, но в греческом тексте памятника определенно сказано, что лихнапт (*λυχνίαπτης*) является «помощником экклесиарха» (*ἐκκλησιάρχης ὑπήκοος*). Следовательно, при немногочисленности братии, когда в церкви не так уж много дел и забот, деканоз обходился и без помощника, т. е. сам совмещал и эту должность. В рассматриваемой нами армянской надписи Нэрсэ был именно таким «деканозом». Это естественно, ибо ни по каким источникам не видно, чтобы в Дирби функционировал монастырь с большим составом братии. Таковое маловероятно и исходя из размеров самого комплекса сооружения, в стену которого вделан хачкар с надписью. Братия монастыря была грузинской, грузинами были и ктитория и вкладчики второго периода строительства комплекса, но они не только не препятствовали публикации надписи на армянском языке, но и сами заказывали хачкары—один из видов армянских мемориальных памятников.

Уже было отмечено, что в XII—XIII вв. в армянскую среду проникали некоторые грузинские термины из церковного обихода [255, с. 204—205]. К их числу принадлежит и «деканози». Этот термин засвидетельствован в двух грузинских надписях Армении (Чангли и Плиндзаханк). Он служит дополнительным доказательством халкедонитского вероисповедания названных обителей. Это относится и к армянской надписи Ахталы, восходящей к 1271—1289 гг. (здесь наряду с именем

¹ Греческий текст «Типика» см. [67, V, с. 150—152]. Русский перевод греческого текста см. [21, с. 86—87].

настоятеля Ахпатского монастыря (в оригинале груз. термин «динам-дзгуари») упоминаются игумен Симеон (?) и «деканоз Окропир» (в оригинале—*ղեկանողութեան Ագրրուղիբին*) [255, с. 204]. По всему видно, что термин «деканоз» в XIII в. употреблялся применительно и к приверженцам монофизитской конфессии. В одной Агарцинской надписи от 1248 г. на южной стене трапезной упоминается «декан», который вместе с архимандритами и членами братии определил две литургии в память автора надписи—попечителя Куты—в день св. Василия [27, VI, с. 58]. Н. Я. Марр и И. А. Орбели полагали, что Агарцинский монастырь в XIII в. был халкедонизирован, чем и вызваны встречаемые в здешних надписях грузинские термины «декан», «трапеза» и «коб» [136, с. 104; ср. 279, с. IX; ср. 171, с. 312—313]. Между тем, эти термины не содержат ничего такого, что было бы свойственно только халкедонитской конфессии. Греческо-грузинскому *τοῖπελα-ἱεραδῆ* в армянских источниках соответствует слово *սեղան*, встречающееся во многих нарративных, эпиграфических и иных текстах, «коб» же (собств.—*Այծօ*) является заимствованием *via-georgica* из персидского [202, с. 585], имея армянское соответствие в термине *կաթուղի*. «Деканоз» в армянской церкви именовался либо *սաղեբրէց* (протоиерей), либо *փակափալ* (ключарь, ризничий). Так, в одной армянской надписи из того же Агарцина (30-е гг. XIII в.) вложивший в церковь известную сумму или какое-то имущество (в оригинале—*ընծանցար ի սր Գրիգորի դմեր հոգո արդիւնս*) священник Зосима (и его брат Сагатэл) обращается к *փակափալ*-у с просьбой «не забывать» определенные в его (их) память «две литургии» (*սր փակափալ, աղաչեմ մի մոռանալ*) [27, VI, с. 35—36]. Это значит, что *փակափալ* выполнял ту же функцию, что и «деканоз»—главный распорядитель богослужения. Следовательно, термины «деканоз—декан» и «пакакал—авагерэц» эквиваленты, а должность эта одинакова как в монофизитской, так и диофизитской церквях. К тому же, употребление термина местного происхождения или заимствованного из грузинского обусловлено не столько конфессией автора, сколько его склонностью к традиционным или повседневно употребляемым понятиям. Примечательно, например, что тот же священник Зосима в надписи на котле из Агарцина обращается к грузинскому термину «коби», а в приведенном выше тексте вместо «деканоз—декан» предпочитает исконный термин «пакакал». Не мог же он в одном случае быть диофизитом, в другом—монофизитом, тем более, что обе надписи восходят к одному и тому же периоду его деятельности².

Итак, встречающийся в армянской надписи из Дирби термин «де-

² Однако следует оговориться, что мы несколько не умаляем значения терминов при определении конфессии обители или отдельных духовнослужителей. Известно, что настоятель Плиндзаханкской халкедонитской церкви Петрэ, с согласия игумена Ахпата Амазаспа, определил поселения Цовк и Даратанк паствой церкви Богородицы Матосаванкского монастыря [255, с. 201, 206; ср. 27, с. 16]. Это уже является доказательством халкедонитской принадлежности Матосаванка в 40-е гг. XIII в., и вполне естественно, что настоятеля этого монастыря он называет не *Անանիէ առաջնորդ*, а *Անանիէ Ծծ*, т. е. *Անանիէ է ձինամծղաւր*—настоятелем является Анане (аббревиатура *Ծծ* осталась нераскрытой и непонятой издателям текста надписи).

каноз» известен и по более ранним армянским источникам, чего нельзя сказать относительно *կաթուղի*, resp. *մեծաղի*-а. Последний термин в армянской эпиграфике фиксируется впервые и является грузинским эквивалентом армянского *լուսարար* и греческого *λοχμαπτης*—кандилапт.

Возникает вопрос—какие соображения побудили Мицгнела и деканоза-кандилапта грузинской обители Нэрсэ опубликовать свои надписи на армянском языке? На наш взгляд, тут определенную роль играли два обстоятельства, а именно: эти надписи помещены на хачкарах, мастера которых были армянами, по традиции снабжавшие свои творения на родном языке. Следует к тому же помнить, что надписи на хачкарах рассматривались и воспринимались как часть декора мемориального памятника, стилистически вписавшаяся в общую орнаментовку (этим вызвана подчеркнутая кругловатость армянского письма текстов надписей, мягкость и извилистость переходов и выступов). В самом Дирби и близлежащих поселениях (Бредза, Атоци, Али, Набахтеви, Цхинвали и т. д.) было немало армян, которые в информации о ктиторах или вкладчиках-строителях монастыря и церкви в Дирби нуждались не меньше местного грузинского населения. Быть может даже в какой-то степени армянский язык был доступен для заказчиков хачкаров из местного грузинского населения. Выбор языка при высечении эпиграфических памятников продиктован конкретным и реальным обстоятельством, которое следует непременно учитывать при исследовании как самого памятника, так и политической, этнической и культурной истории³.

³ Исследование имеющихся в Дирби грузинских надписей может дать дополнительный материал по истории памятника. Мы, к сожалению, не располагали временем для чтения всех текстов, да и дождливая погода не позволила заняться этой очень нужной для нашей задачи работой.

ЦХИНВАЛИ

В экономической жизни позднефеодальной Грузии заметную роль играли еще два картлийских торговых поселка-города—Цхинвали и Тамарашени, расположенные в верховьях реки Большой Лиахви. В начале XVIII в., т. е. когда их описывал Вахушти, оба эти города населяли и грузины, и армяне, и иудеи, с той лишь разницей, что при характеристике Цхинвали (в источниках с вариантами: Крцхинвали, Кцхилвани, Крцхилоани и т. д.) в первую очередь названы грузины, а затем армяне и иудеи, а Тамарашени последовательность другая—армяне, иудеи и грузины [93, IV, с. 370]. Такая перестановка, видимо, вызвана соотношением этнических групп, их количественной характеристикой. И хотя Цхинвали и Тамарашени определяются как «мшере калаки» (т. е. малые города), однако, по справедливому замечанию Ш. А. Месхиа, «между упомянутыми у Вахушти «маленькими городами» были определенные различия. Поэтому некоторые из них в более поздних источниках вообще не упоминаются как города (например, Опрети, Болниси, Цинцкаро, Тамарашени и др.), часть же их в источниках уже называется городами. Это обстоятельство нужно объяснить тем, что некоторые из «маленьких городов» времен Вахушти позже, в особенности в 60—70-х гг. XVIII в., усиливаются. Таковыми были Сурами и Цхинвали» [157, с. 112].

К сожалению, по крайне фрагментарным упоминаниям древнегрузинских источников невозможно восстановить целостную историю названных поселений. Высказано предположение, что «Цхинвали является одним из самых древних населенных пунктов в Грузии» [157, с. 113], доказательством чего является обнаруженная здесь селевкидская серебряная тетрадрахма, принадлежащая Антиоху Эвергету (138—129 гг. до н. э.).

Северные районы Верхней Картли сделали предметом особого внимания грузинской феодальной знати с тех пор, как постепенно на юг стали спускаться осетинские племена, часть которых, а именно—проживающие в Ксанском ущелье, в XIII—XIV вв. вошли в состав грузинского государства [ср. 175, с. 60—61]. В эпоху Давида Строителя и Тамар (т. е. в течение целого столетия), наряду с привлечением других народностей и племен, оказывавших поддержку в военных походах, обращали внимание и на укрепление пограничных зон. Очень возможно, что это обстоятельство привело к усилению военно-стратегического значения Цхинвали и появлению новых населенных пунктов-укреплений. Во всяком случае, название «Тамарашени» указывает на эпоху царицы Тамар, если, конечно, в топонимике не нашло отражение фольклорное стремление связывать то или другое строи-

тельство с именем прославленной царицы. Одно то, что Цхинвали и Тамарашени населены были как грузинами, так и армянами и иудеями, переселенными или приглашенными сюда из низменных областей страны, может служить достаточно веским доказательством заинтересованности представителей феодального общества в развитии края, в его укреплении¹.

В 70-е гг. XVIII в. город Цхинвали был одним из трех «наиболее значительных мест Картли» наряду с Гори и Сурами [68, I, с. 267], но и в те годы население города едва доходило до 600 душ. В 1794 г. в нем проживало 116 дымов, что, по подсчетам И. А. Джавахишвили и Ш. А. Месхиа, равно 580 душам [377, с. 39; 157, с. 143]. Разумеется, в Тамарашени их было еще меньше. Из документов XVII в. узнаем, что в Тамарашени жили грузинские азнаури Гугунашвили, Кебадзе, Бабуцидзе, иеромонах Кобахидзе и другие, принадлежащие Кайхосро Мачабели. В 1644 г. царем Ростомом ему же был пожалован тамарашенский армянин Бадура [79, с. 100; 95, с. 188, 189].

Чем в основном занималось местное население—земледелием, скотоводством, ремеслом или торговлей,—трудно сказать, быть может, тем и другим? Отличались ли этнические группы своим занятием и тем самым социальным составом,—тоже не можем сказать. Одно несомненно, что каждая из проживающих в Цхинвали этнических единиц имела свое культовое сооружение. Развалины древней армянской церкви сохранились недалеко от здания Областного комитета.

Памятников армянской эпиграфики до начала XIX в. фактически не сохранилось. Местная традиция армянской называет церковь, построенную в начале XVIII в. и дошедшую до нас в хорошей сохранности. На западной стене колокольни имеется графема Է (есть, бог суший!)². Строительная надпись составлена на грузинском языке и находится на плите южной стены:

ქ. აღვაშენეთ მღვთის შეწყენითა სა-
ყდარი ესე ყაველაწმინდის (!) ჩვენ ვიორგ-
ის. შვილმ(ა)ნ ქა(ი)ხოსრომ(ა)ნ და ჩემან (!) ძმამან ფარ-
სადანმა და ჩემან (!) შვილმან ვივმან ცოდვათა
ჩვენთა შესანდობლად, ძისა ჩვენის საღ[ღე]-
გრძელოთ, და კინც წაიკითხ(ო)თ შენდობა
მძძანეთ. გვედრებო ყოველთავე, ვი[ნც] იხი-

¹ С ссылкой на II том «Хроник» Жордания [85, с. 197] Ш. А. Месхиа считает Цхинвали «населенным купцами пунктом» в 40-е гг. XV в., однако в указанном источнике (грамота царя Александра (Великого?) Имеретинского?), которая датируется по-разному (1392 г.—Ф. Жордания и И. Долидзе; 1398 г.—составители «Материалов по истории, географии и топонимике Грузии»; 1438 г.—П. Мурадян) всего лишь говорится, что Мцхетской церкви принадлежал также «иудей Элиозидзе со своим именем в Крцхинвали» [85, II, с. 197; ср. 98, III, с. 179]. Если даже допустить, что обладатель имения иудей Элиозидзе действительно был купцом, то опять-таки нет основания заключить, что Цхинвали был тогда «населенным купцами пунктом».

² По мнению Р. Меписашвили и В. Цинцадзе, колокольня возведена позже строительства церкви [156, с. 139].

ლორ, მამა ჩემს გიორგის, დედა ჩემს
მარეხას შენდობა ბძ(ა)ნეთ, თქვენც ღ(მერ)თ(მა)ნ
შეგინდოს. მეფობ(ა)ს ვახტანგისასა, ქ(რონო)კ(ონ)ს უზ³.

Табл. IX, 4

Перевод: «С божьей помощью построили эту церковь Всесвятой мы—сын Георги Каухосро, брат мой Парсадан и сын мой Гиви—во имя прощения грехов наших, долгоденствия сына нашего. И кто прочтет—благословите, прошу всех вас; кто увидит—благословите отца моего Георги, мать мою Мареха, вас же да помилует бог. В царствование Вахтанга, хроникона 406 (= 1718 г.)».

Как и другие значительные торгово-ремесленные центры Картли, Цхинвали считался собственностью царской семьи, был «сахасо» грузинской царицы. В нескольких документах XVII в. царица Мариам то дарит из своих крепостных в этом городе (Qd-8711), то освобождает от пошлины (Sd-765). Административно и экономически г. Цхинвали был связан с близлежащими картлийскими пунктами; в 1695 г. Мамука Унадзе был назначен мамасахлисом (старшиной) как Цхинвали, так и Леванисхеви, Агабети. В те же годы Иотам Амилихвари в качестве моурава управлял одновременно городами Гори и Цхинвали [79, с. 227]. В последнем промышляли оружейники, кузнецы, котельщики, ткачи, шербетчики, гребенщики и т. д. [157, с. 129]. К какому социальному сословию принадлежали и чем занимались строители нашей церкви—трудно определить. Возможно, они были ремесленниками или купцами, но особой состоятельностью не отличались, ибо построенная ими церковь с точки зрения декора весьма скромна.

Позже, в 1866 г., над входом в стену вставлена мраморная плита с изображением Богоматери с младенцем. Само изображение обрамлено орнаментом, а в нижней части высечена грузинская поминальная надпись:

ჩუგვ.

შეგწირე სული[ს] სახსენებლად მიხეილ
შერმაზანოვის მეუღლე ელისაბედ.

Табл. IX, 5

Перевод: «1866. Пожертвовала на память души супруга Михаила Шермазанова Элисабед».

Факт высечения надписей на грузинском языке указывает на то, что к началу XVIII в. цхинвальская армянская община становилась грузиноязычной, а это значит, что она не пополнялась новыми потоками переселенцев.

Со второй половины XIX в. в силу определенных обстоятельств (появление новых потоков поселенцев-армян, активизация деятельности культурно-просветительных учреждений, возросший интерес к на-

³ Последнюю публикацию надписи см. [156, с. 139]. В издании имеется ряд отхождений от подлинника.

циональным традициям и т. д.) армянский язык вновь становится не только понятным, но и применяемым в письменных памятниках. На это указывает наличие нескольких армянских или армяно-грузинских эпитафий вокруг армянской кладбищенской церкви на левом берегу реки. Пространная эпитафия, к примеру, С. Мебурнутянца и его супруги Нанебай, составлена на приличном литературном языке, с некоторой архаизацией оборотов и форм. В ней, в частности, сообщается, что их сын Иованнэс ревностно исполнял обязанность попечителя местной школы и училища (ՔՐՏՆԱԹՈՐ ԵԿԵՂԵՅԻՈՅՆ ԵՒ ՈՒՍՈՒՄՆԱՐԱՆԻ). Следовательно, с 80-х гг. прошлого века в Цхинвали функционировало учебное заведение—*սոսմանարան*. Оно-то и способствовало распространению литературного армянского языка⁴.

Существование армянских поселений в окрестностях г. Цхинвали, и вообще в этих краях, нашло отражение в здешней топонимике и микротопонимике. Так, по словам цхинвальцев, известны места под названием «Сомихстон» (т. е. «место, где бытуют армяне», «Армения»), «Сомихгом» и т. д. Те же цхинвальцы утверждают, что в с. Роки, в ущелье Джоманское и других населенных пунктах сохранились армянские надписи, в частности эпитафии. Насколько достоверны эти сведения и являются ли они отзвуком исторической действительности—трудно сказать (бывают случаи, когда «асомтаврельные» грузинские надписи воспринимаются как армянские). Как бы то ни было, для проверки этих сведений потребуется организация специализированной экспедиции.

⁴ В 1884 г. в Цхинвали проживало 130 дымов грузин и 110 дымов армян. «Танутэром» города (т. е. мамасахлисом) являлся Шермазянц, очевидно тот же Михеил Шермазанов, супруга которого оставила поминальную надпись (ср. *Մեղու Հայաստանի*, 1884, № 70, с. 3). В 1912 г. число проживающих в Цхинвали армян увеличилось до 200 дымов. Армянский священник города обслуживал также общины близлежащих деревень Мегврекиси и Шиндисси (см. «*Սուրհանդակ*», 1912, № 520, с. 4).

АХАЛГОРИ

Начало переселения армян в Ахалгори, как и само основание этого поселения на восточном берегу среднего течения реки Ксани, недалеко от западной границы Арагвского эриставства, не установлено. В «Хронике Ксанских эриставов», составленной между 1405—1410 гг. Григолом Бандасдзе при эриставе Виршеле¹, Ахалгори не упоминается. К тому времени он, по всей вероятности, еще не был основан. Расширение владений ксанских эриставов в сторону низменностей рек Ксани, Лехура, Меджуда происходило постепенно, в меру ослабления соседних эриставств и иных административных образований. Само превращение эриставства из военно-административной единицы в феодальную сеньорию—сатавадо—имело место позже составления упомянутой «Хроники». Если исходить из реалий грамоты Шалвы Квенипневели от 1470 г., то можно заключить, что основанием новых поселений в зоне средних течений названных выше рек ксанские эриставы старались упрочить свои южные позиции, очевидно намереваясь и дальше продвигаться вниз². Не случайно, что именно в данной зоне встречаем топонимы типа Ахалубани, Ахалдаба, Ахалгори, основанные не возобновлением бывших «насоплари», а «в таком месте, где не жил человек, начиная от времен Адама» [98, II, с. 140].

Первые упоминания поселения Ахалгори восходят к XVI в.: переселившийся из Гори или Гарули в Ахалгори некий Вартика был пожалован эриставом Элизбаром монастырю в Икорта [85, II, с. 23]. В период отсутствия царя Картли Симеона (с 1569 по 1578 гг. он находился в плену у персов) ксанский эристав в сговоре с Амилахором участвовал в ограблении царицы, но по возвращении царя в качестве возмещения за это деяние передал ему Меджудисхеви и Ахалгори (Амилахор же—Карби и Каспи) [93, II, с. 372; IV, с. 412]. Из этого следует, что в те годы Ахалгори все еще не был превращен в резиденцию ксанских эриставов [ср. 300, с. 49]. Но спустя несколько десятилетий и поселение было вновь возвращено потомкам его основателя, сделавших его своей резиденцией. Из слов Парсадана Горгиджанидзе видно, что в 30-е гг. XVII в. эристав резидировал в Ахалгори [323, с.

¹ Последнее издание оригинала памятника см. [98, II, с. 102—117]. Издатель повторяет датировку памятника, предложенную Ш. А. Месхиа (т. е. 1348—1400). В предисловии к своему русскому переводу С. С. Какабадзе предложил новую дату, которую мы считаем вполне оправданной—1405—1410 гг. [132, с. 106]. Ш. А. Месхиа склонен считать автором отца Григола—Авгароза Бандасдзе [104, с. 317—321].

² В грамоте фигурируют следующие новооснованные или возобновленные пункты: Ахалубани, Иврети, Эрида, Курта.

249—250]. Возможно, перемещение духовного центра ксанских эриставов и их усыпальницы из Ларгвиси в Икорта несколько предшествовало переносу резиденции из Квенипневи. Такое предположение вызвано тем, что согласно поминальным записям синодика Икортского монастыря эриставы обращали пристальное внимание к этой обители с 40-х гг. XV в., проявляющееся в многочисленных пожертвованиях³. В литературе правильно отмечено, что перенос резиденции был обусловлен административно-экономическими соображениями: расширение территории эриставства на юге привело к экономическим связям между бассейнами рек с разнотипным рельефом, коммуникация которых не могла быть обеспечена из Квенипневи. К тому же, начиная с XVI в., в условиях отсутствия сильной централизованной власти, учатившиеся нашествия турок и персов делали уязвимым южные границы саэристао (точнее, уже сатавадо), в связи с чем стратегически более важными становились укрепления и крепости этой части [ср. 300, с. 48—49]. Относительно времени переселения армян в Ахалгори высказывались разные предположения. По мнению С. Макалатия, сведения Урхаеци об основании г. Гора (т. е. Гори) для армян Давидом Стронтемом в начале третьей декады XII в. должно быть отнесено к Ахалгори [336, с. 94—96]. Однако, как заметил А. Абдаладзе, доводы, приводимые автором этого мнения, не убедительны [89, с. 153]. Выше было сказано, что поселение Ахалгори в «Хронике эриставов» не фигурирует; его основание, вероятно, нужно возвести к периоду не раньше второй-третьей декады XV в. Собственно, само название «Ахалгори» (букв. Новый Гори) является доказательством основания нового населенного пункта в период, когда Гори не только существовал, но и был достаточно знаменит (вероятно, своей крепостью и вкладом в экономику Картли). Следовательно, гипотезу С. Макалатия нужно считать неоправданной. Иной точки зрения придерживался Дж. Гвасалия: «В Ахалгори жило армянское население. Время их прибытия сюда точно неизвестно. Во всяком случае, как видно из книги доходов Цилкнели (т. е. епископа кафедры Цилкани.—П. М.), во второй половине XVII в. в Ахалгори наряду с грузинами жили и армяне. На это указывает и надпись армянской церкви Ахалгори, датируемая второй половиной XVII в. Несмотря на это, в окружностях Ленингори (новое название Ахалгори с 28.VI.1934 г.—П. М.) мы не встречаем топонимов армянского происхождения, что нужно объяснить устойчивостью местных названий и ассимиляцией пришельцев местным грузинским населением» [300, с. 54]⁴. Из этой цитаты следует, что автор не претендует на установление начальной даты поселения армян в Ахалгори, а по двум фактам («Книга доходов Цилкнели» и надпись армянской церкви) констатирует их присутствие во второй половине XVII в. Осторожность Дж. Гвасалия не была замечена исследователем состава населения Ксанского ущелья Г. Джалабадзе, и из приведенных выше слов им было заключено, что заселение Ахалгори армянами имело место именно во второй половине XVII в. [382, с. 7, 14, 24].

³ Издание записей см. [85, II, с. 24—25].

⁴ По сообщению Дж. Гвасалия, датировка армянской надписи предложена проф. И. В. Абуладзе [там же, прим. 198].

При исследовании рассматриваемого вопроса следует учитывать данные разнородных источников, в том числе колофонов созданных в Ахалгори кодексов. В собрании Матенадарана имеется несколько рукописей, принадлежащих перу священника Григория из Ахалгори и датированных 1631—1645 гг.⁵ В записи писца Григория от 1631 г. читаем: «Написана сия книга в поселке (букв. селограде.—П. М.) Ахалгор, под сенью новоосвященной [обители] облаченной в порфиру св. Богородицы и имеющих здесь всех [остальных] святых, в патриаршество и предводительство владыки католикоса Мовсеса и братии его в наставляющем и лучезарном Эчмиадзине и при епископе нашем Киракосе, являющемся православно служащим надзирателем св. Ншана Ахпата и области сей, при епископе нашем в Гори владыке Андреасе... рукою моею... священника Григория... в лето 1631...»⁶. Примечательно то, что обитель св. Богородицы писец называет «новоосвященной» (*նորախնայք*, букв. новокрещенной). Термин «новообращенная» применен к этой церкви и в других памятных записях, датированных 1640 и 1643 гг. (М 4642, лл. 806—807; М 9642, л. 166а). Следовательно, она так именовалась не только потому, что недавно была построена, но и в отличие от какой-то другой обители. Не случайно, что Григорий говорит и о «всех [остальных] святых», «собранных здесь» (*որ աստ կան հաւարեալ*), а ими являются церкви Архангелов св. св. Якова, Марины, Георгия. Едва ли резонно утверждать, что все эти церкви были армянскими только потому, что они фигурируют в армянской записи или Григорий пишет «под их сенью». Церковь св. Марины была грузинской: в записи Григорий называет ее *սուրբ ծմբինդա Մարինին*, т. е. с грузинским словом *წმობა*, хотя арм. *սուրբ* вполне эквивалентно. Ясно, что в Ахалгори до основания обители св. Богородицы функционировала другая армянская церковь, в отличие от которой эта именовалась «новоосвященной».

Сохранившиеся в Ахалгори армянские эпиграфические памятники проливают свет на многие вопросы этнокультурной истории. На западной стене церкви Богородицы, в разных ее частях, имеется несколько армянских надписей:

1. Хачкар у основания стены, влево от входа:

ԹՎ. ԶԺԱ.

ԽԱ.ԶԱ.Յ-

ՏՈՒՐՍ ԵՍ(°)Ն-

ՈՐՈԴԵՅԻ ԶԵԿԵԶԵՅԻՍ ԱՅՍ (°):

Перевод: «В лето 911 (=1462). Я, Хаджайтур, обновил эту церковь».

2. Вправо от входа, на булыжнике:

Ա(ՍՏՈՒԱ)Ս ՈՂՈՐՄԻ ՏԷՐ ՊԷՐՈՍԻՆ.

ՇԱՏ ԱՇԽԱՏԱՔ ԷՂՐԻ: ԲԱՂԴԱ-

⁵ М 4642 (1631 г.), М 2480 (1640 г.), М 9642 (1643 г.), М 7124 (1644 г.).

⁶ Издание этой и остальных памятных записей рук. № 4642 см. [36, II, с. 414—

ՍՍՐԻՆ ՀՕՐԷՆ՝ ԱՐՈՒԹԻՆ ՀԱՆՐՈՒԹԵԱՆՆ (°)
 ՀՈՒԶԱՔԻՆ ԵԿԵԶԵՅԻՍ ՇԻՆԵՅ ԹՎԻՆ
 ՌՃԽԲ: Ա(ՍՏՈՒԱ)Ս ՈՂՈՐՄԻ
 ԲԱՀԱԴՐՈՒՐՆ. ՍԱՅ ԷԼ ՇԱՏ ԱՇԽԱՏԱՔ
 ԷՂՐԻ:

Табл. X, 2

Перевод: «Да помилует бог священника Пэроса, вложившего много труда. [Средствами] отца Багдасара, общины Арута в 1142 году (1693) Учаки построил эту церковь. Да помилует бог Бахадура, также вложившего много труда».

Автор текста надписи особой грамотностью в области книжного языка не отличается: слово *աշխատանք* он фиксирует без *ն*, собственное имя *Պեարոս* у него становится *Պէրոս*-ом, *Յարութիւն*—*Արութ*-ом, в м. лагола III лица *էղիբ* он дважды употребляет *էղրի*, что является среднеармянской передачей формы I лица, и т. д. В тексте нет четкости в формулировке вклада Арута и его общины (?). Грамматический строй этой части предложения до того не выдержан, что исследователь не может быть уверен в своей трактовке. Но важность текста в данном случае заключается не в этих частностях, а в сообщении о строительстве и дате его завершения, что не вызывает никаких сомнений.

3. Несколько ниже этой надписи—обломок хачкара, вставленный в стену в перевернутом виде:

ԿԱՆԿ-

ՅՅԱԻ ԽԱ.ԶՍ Ա(ՈՒՐ)Բ...

Перевод: «Водружен крест сей святой...»

4. Вправо от входа, на вставленном в стену хачкаре:

Ա(ՈՒՐ)Բ ԽԱ.ԶՍ ԱՌ... ԱԻՍ Է(°)

. ՂԱՐԱՄԻՆ:

Табл. X, 4

Перевод: «Святой этот крест является [поручителем] за... Карамана».

Между приведенными надписями и колофонами рукописей имеются явные расхождения: в тексте от 1462 г. говорится об обновлении церкви Хаджайтуром, тогда как в надписи от 1693 г. речь идет о ее строительстве местной армянской общиной! К тому же, как она могла быть основана в 1693 г., когда за 60 лет до этого (в 1631 г.) «под ее сенью» писец Григорий копирует рукопись, называя церковь новоосвященной? Сомневаться в достоверности каждого из этих сведений в отдельности и их датах нет оснований, ибо они фиксируют реальные факты в разных отрезках времени. По-видимому, надписи эти относятся (и принадлежат) к разным армянским культовым сооружениям в Ахалгори, а собраны и вделаны в стену церкви Богородицы при ее последнем обновлении, имевшем место, должно быть, не раньше XIX в. Доказательством такого заключения является следующее обстоятельство: часть снабженных надписью камней, обломки хачкаров в

гом числе, вставлены в стену совершенно без учета их местонахождения, вне всякой системы, а одна из них (№ 3) оказалась даже в перевернутом виде, что никак не могло быть допущено при изначальном строительстве церкви. К периоду строительства Богородицы не имеет отношения и надпись от 1693 г., ибо высечена она на булыжнике, столь чуждом для стен данной обители. Если даже забыть о свидетельстве писца Григория, то опять-таки при наличии вставленных в стену у основания художественно оформленных хачкаров строительная надпись не высеклась бы на небольшом куске необработанного камня. Исходя из всего этого, можно заключить, что часть надписей ревнителями армянских древностей в Ахалгори собрана из развалин других церквей. Если же попытаться установить очередность строительства армянских церквей в Ахалгори по надписям и колофонам, то древнейшей из них окажется та, которая была обновлена Хаджайтуром в 1462 г. Конкретно какого объема работу подразумевает автор текста под словом «обновил» — трудно сказать. Едва ли до 1462 г. в Ахалгори существовала какая-нибудь собственно армянская церковь. Скорее следует полагать, что на месте обители Богородицы существовало более раннее культовое сооружение, до того покинутое или развалившееся. Обновив его, Хаджайтур основал первую армянскую церковь в Ахалгори. За период между 1462 и 1643 гг. армянами было построено еще несколько церквей — Архангелов, Богородицы, Якова. Разумеется, к ним не имеет отношения церковь, упомянутая в надписи от 1693 г. Можно допустить, что речь идет либо о небольшой церкви Григория Просветителя, находящейся на верхнем кладбище, либо о расположенной в правой части нижнего кладбища (сохранились нижние ряды стен).

Итак, переселение армян в Ахалгори имело место не позже второй половины XV в., т. е. на два столетия раньше, чем предлагалось в исследовании Г. Джалабадзе. До 30-х гг. XVIII в., по-видимому, в поселении преобладало армянское население, и это позволило Вахушти заявить, что «малый город Ахалгори населяют армяне и [там находится] дворец эристава Ксани» [93, IV, с. 359]. За последующие десятилетия грузинское население возросло, и в составленной в 1770 г. «Демографической ведомости Восточногрузинского царства» отмечалось, что «есть малый город на реке Ксани — Ахалгори, и в нем обитают православные грузины и армяне, 140 дымов» [98, II, с. 420]⁷. Если провести сравнение с остальными «малыми городами» Картли, то в Ахалгори на 40 дымов больше, чем в близлежащей Ананури и на 60 дымов меньше, чем в Сурами, т. е. он является «малым городом» средней величины. Сохранились описи населения Ксанского ущелья, в том числе и Ахалгори, составленные в 1774 и 1781 гг., по которым можно составить представление не только о национальном составе (преимущественно на основании ономастики), но и о ремеслах и социальной принадлежности [376, с. 199—204, 221—223]. По количеству

⁷ Новая публикация оригинала документа и его русский перевод имеют некоторые разночтения: в них отсутствует слово *მართლმადიდებლები* — «православные», а в конце пассажа добавлено *“ერისთავის დავითის მამულია”* — «имение эристава Давида» [15, с. 33, 35].

«богано» и «хизанов» Ахалгори, пожалуй, превосходит другие «малые города» Восточной Грузии. Довольно обширна и география переселенцев, находивших пристанище в Ахалгори. Очевидно, отчасти этим обстоятельством и обусловлено некоторое увеличение числа населения, имевшее место в 30—70-е гг. XVIII в. Ожидалось, что об Ахалгори подробно должен был говорить Гюльденштедт, побывавший в нем в апреле 1772 г. три недели и лечивший «самого могущественного магната Грузии» — эристава Ксани [68, I, с. 46—48]. Но у ученого-путешественника были иные задачи и интересы, поэтому занимающие нас подробности он не сообщает. Десятилетием позже в Ахалгори побывал соотечественник Гюльденштедта Райнегс, заметивший, что «этот малый город также населен христианами-армянами, которые, почти все, занимаются прядильным ремеслом хлопка и льна. Они в основном готовят разнообразные хлопчатые ткани и полотенца» [392а, с. 75].

Судя по сообщению писца рукописи 1631 г., члены армянской общины Ахалгори оказывали большое содействие налаживанию культурной деятельности тех служителей церкви, которые занимались составлением и копированием рукописей. Так, получательница рукописи Азиз отдала ее на вакфных началах церквям Богородицы, архангелов Гавриила и Михаила, а в процессе составления «писцу служили» «духовная его мать» Сандухт, сестры Мариам и Эдарзи. «Духовная сестра» Мариам сшила ему схиму, «парон» Папи (он же «горожанин») — «духовный зять» писца, снабдил его нужными принадлежностями: «парон» Амирум прислал серебряную монету («танка»), а госпожа («парон») Эрикназ постоянно по утрам присылала писцу «розу блауханную» [36, II, с. 414—416]. Это главным образом представляло ремесленно-торгового слоя общества, и их объединяет не только одинаковое (или почти одинаковое) социальное положение, но и общее сознание приобщения к памятникам национальной культуры, одинаковая заинтересованность в ее развитии. Писец-профессионал Григорий имел и помощников своих в лице ученика священника Саргиса и дьякона Авраама, а его «духовный брат» Мкртыч (*ჭორუხი* — мастер) оказывал ему много добрых услуг «как за плату, так и бесплатно: что ни попросил — не отказал» [36, II, с. 807]. Независимо от характера рукописных книг (разных по содержанию), армянский скрипторий в Ахалгори оказался довольно продуктивным и внес свою лепту в отечественную культуру. Григорием и его последователями, несомненно, были созданы и не дошедшие до нас или еще не выявленные рукописи. Сам он обладал и поэтическим даром, почему и проявлял интерес к сбору поэтических сочинений (такова рук. М 5992), а иногда и записи свои излагал в стихотворной форме (см. М 4642).

Появление писцов-профессионалов, миниатюристов или других служителей позднесредневековой культуры в Ахалгори никак нельзя считать случайным явлением. Сами представители эриставакого рода проявляли традиционный интерес к памятникам рукописной культуры. Заказанная эриставом Шалвой рукопись «Пасхалии» в течение почти столетия находилась в Ларгвисском монастыре. В 1545 г. четверо членов эриставакой семьи были умерщвлены хевсурами, и рукопись оказалась в плену. Лишь в 1607 г. эристав Квенипневели вернул

ее в обитель⁸. В 1880 г. грузиновед Дм. Бакрадзе в Ахалгори обнаружил в развалинах церкви один из древних кодексов грузинской редакции Евангелия [97, с. 245, 255]. По инициативе представителей этого дома в Ахалгори составлено или скопировано немало грузинских рукописей [350, I, с. 262]. Среди книжников из Ахалгори имелись и потомки эриставов [350, I, с. 263—264]. Нужно учитывать, что все это объясняется не только литературной склонностью, но и желанием превратить свою резиденцию в очаг отечественной культуры, тем самым как бы соперничая с владельцами сопредельных административных образований, демонстрируя свою самостоятельность и даже степень политической, экономической и культурной независимости.

Как и в других областях Грузии, представители рода эриставов поощряли не только армян-ремесленников и купечество, но и служителей культа, армянских книжников. Поэтому не случайно, что в новооснованную ими резиденцию собрались как грузинские, так и армянские духовнослужители. Священник Григорий, к примеру, в начале XVII в. находился в с. Двандж, вблизи Карина, где его отец «мастер Аракел» копировал рукопись и украшал ее миниатюрами [М 7634, л. 186, 3196; ср. 255, с. 254]. То ли вместе с отцом, то ли без него Григорий поселился в Ахалгори (возможно даже—был приглашен) и подвизался в обители Богородицы⁹. Нужно полагать, что сюда он прибыл не в поисках пристанища или работы, а заранее зная о благосклонности эриставов к налаживанию культурной жизни и о подobaющем интересе здешних армян к «искусству письма». Само существование четырех церквей (если даже некоторые из них были не церквами, а часовнями или молельнями) к 1643 г. в недавно основанной резиденции является доказательством интенсивного роста этого «малого города».

На надгробиях двух-трех здешних кладбищ сохранилось множество эпитафий, высеченных в основном на грузинском и несколько на армянском языках. В них содержится интересный материал по этнокультурной и социальной истории Ахалгори в XIX в. Как и аналогичные памятники из других армянских поселений Картли, исследование памятников данного периода не входит в нашу задачу. Следует лишь повторить, что при определении этнической принадлежности лиц, упомянутых в эпитафиях XIX в., нужно быть крайне осторожным, ибо ономастика зачастую выходит за этнические границы и находит более широкое применение. Иное дело, когда речь идет об исключительно армянской или даже армяно-грузинской эпитафии. Так, из армянских эпитафий в качестве иллюстрации наличного материала можно

⁸ Речь идет о грузинской рукописи А-25. Новое описание см. [96, I, 1, с. 86—88].

⁹ В памятной записи от 1640 г. Григорий нашел нужным, помимо родителей, брата и сестер, упомянуть еще своих родичей и предков: «Родичи мои—Аргутинцы, дед мой—Кучипарк, который по имени величается Варзелом, дядя мой—Хочум, тесть мой—Амирбек...» (М 2480, л. 314 аб). «Аргутинцы» и Кучипарк фигурируют и в «Синодик» Санаинского монастыря, а это значит, что отец Григория, художник и писец Аракел, происходил из Северной Армении, но в Ахалгори он оказался после определенного периода пребывания в Карине. В иных источниках он именуется и «Гегамским», т. е. выходцем из поселений бассейна оз. Севан.

привести надпись на надгробии у церкви Григория Просветителя (значительная часть грани с надписью выветрилась):

На верхней грани:

ԽԱՂԱՂՈՒԹԻՒՆ ԹՈՂՈՒՄ ՉԵՁ,
ՉԽԱՂԱՂՈՒԹԻՒՆ ՉԻՄ ՏԱՄ ՉԵՁ:
Յուզ. ԺԴ, 27

На нижней грани:

Ի ՏԱՊԱՆԻՍ ՀԱՆԳՉԻ ՄԱՐՄԻՆ ԳՐԻԳՈՐԻՍ
ՔԱՀԱՆԱՅ[Ի]. ՎԱԽ-
ՃԱՆԵԼՈՅ ԵՄԲԵՐԻ:

Таб. X, 5

Перевод: «Мир оставляю вам, мир мой даю вам (Иоанн, 14, 27).
В сей могиле покоится тело священника Григория..., почившего
[...]ября».

АНАНУРИ

К числу малых городов Картли принадлежали также Ананури и Душети, расположенные в ущелье реки Арагви, недалеко от известного средневекового поселения Жинвани. В период феодальной раздробленности Грузии оба эти городка принадлежали арагвским эристам, сделались резиденцией владетеля края. До открытия «осетинской дороги», т. е. пути через Дарьяльское ущелье, Ананури и Душети были преимущественно укрепленными пунктами, защищая край от частых набегов с севера. Существенные изменения в жизнедеятельности названных городов произошли уже в первой половине XVIII в. [129, с. 15—18]. После разыгравшейся в Ананури трагедии, о которой рассказывают Вахушти, А. Муравьев [93, IV, с. 516; 160, I, с. 39—46], и упразднения эриставства Ананури превращается в важный торговый пункт, «врата пути из Грузии в Россию»¹. Через Ананури «не только провозились транзитом товары с севера на юг, но и сам он имел довольно тесные торговые сношения с горными областями Грузии. По свидетельству русских документов 70-х гг., «в Ананури, Цхинвали... находятся армяне и жида, кои имеют торг и продают такие товары, какие у них в употреблении» [157, с. 114—115]. «Армяне и жида» суть «ремесленники и торговцы». На это указывают два обстоятельства: в русских источниках «жидовским градом» называется Мцхета [101, с. 66], но это не значит, что город был населен одними иудеями (основное население Мцхета всегда было грузинское), следовательно, под «жидовским градом» понимается торговый город, точнее город, в котором происходит оживленная торговля. Более того, мы располагаем достоверным сведением об этническом составе Ананури тех же 70-х гг. XVIII в.; в «Описи населения Картли и Кахети» констатируется, что «на Арагви имеется небольшой город Ананури и в нем живут грузины и армяне, 100 дымов» [98, II, с. 420]. Как видим, этот источник вовсе не знает проживающих в Ананури иудеев. Даже Вахушти иногда из этнического названия или этимологии топонима делает заключение о занятиях населения. Так, к примеру, севернее Бодорны находится населенный пункт «Урия», в котором, по Вахушти, «живут торговцы» [93, IV, с. 353].

Итак, после упразднения Арагвийского эриставства города Ананури и Душети перешли в руки грузинского царя и превратились в центры ремесла и торговли. Этому немало способствовало и то, что Теймураз II с целью поощрения торговли «по осетинскому пути» дал торговцам определенные льготы—установил небольшую пошлину. К

¹ Подробное описание этой дороги и ее значения в XVIII в. см. [119, с. 26—47].

70-м гг. «караваны и купцы» по этой дороге так участились, что Ираклий II счел нужным упразднить льготы [157, с. 114—115]².

В первой половине XVII в. в Ананури функционировала грузинская церковь, деканоз которой упоминается в трех грузинских документах (Ad-2 абв). Судя по этим документам, эристав Гиорги проявлял заинтересованность в экономическом усилении духовного центра своей резиденции. Вскоре, к 80-м гг. того же века, небольшие церкви «Мкурнали» («Исцелитель») и «Гвтаеба» (св. Божество) перестали полно и убедительно отражать политическую самостоятельность и экономическую мощь феодального дома, и сын эристава мдиванбег Бардзим приступил к строительству большого и богато декорированного храма³. На южной стене сооружения высечена на редкость многословная надпись, согласно которой строительной работой руководил назначенный Бардзимом «саркар» (букв. «глава работы») Кайхосро, сын Басара, занимающий должности «цинамдгомели» (букв. «стоящий перед владыкой», т. е. подручный мдиванбега) и «бокаултухуцеси» (глава приставов). Разумеется, он не был архитектором, а лишь организатором и надзирателем строительных работ, поэтому более чем странно, что его имя внесено в список мастеров древнегрузинского искусства [см. 292, с. 37]. Потрудился он, говоря его собственными словами, «посильно, денно и ночью непрерывно, не зная сна до окончания монастыря» [310, с. 10—11; 68, I, с. 270—271]. Пригласил ли он архитектора и мастеров извне или они жили в городе Ананури—трудно сказать, но доподлинно известно, что в их составе были армяне, на что указывают оставленные ими надписи. На восточном фасаде храма, у маленького круглого окна, с обеих сторон верхней его половины крупными и несколько стилизованными армянскими буквами высечена дата строительства.

ԹՎ. ՌՃԼԷ

т. е. «В лето 1137 (= 1688)».

Табл. XI, 1

В имеющейся публикации этой надписи буква *Է* воспринята как *Ը* (т. е. 8 вместо 7) [310, с. 11]; издателем не была замечена верхняя часть стержня буквы *Է*, доведенная до общего верхнего уровня остальных букв. К тому же правый выступ графемы никак не походит на полукруглую головку *Ը*. Если это так, то между датами грузинской и армянской строительных надписей имеется расхождение на один год—1688 и 1689. Следует учитывать, что 1137 г. армянского летосчисления начинается с 1 октября 1687 г. и кончается 25 сентября 1688 г. по Юлианскому календарю. Следовательно, свести имеющиеся даты (арм. ՌՃԼԷ и груз. ԹՃԷ) нет возможности—они, фиксируют разные этапы строительства храма: армянская высечена в самом процессе возведения сооружения, грузинская же—по завершении строительных

² Следует констатировать, что в «Книге описания долинных сел Арагвийского эриставства» от 1781 г. в числе сахасо царского двора имеется три дыма «богано» (Мелкисета, Атина, Давида), «привезенных из Еревана» [376, с. 135].

³ Обстоятельно см. [310]; по мнению автора, г. Ананури не был резиденцией эриставов [с. 15].

работ и освящения церкви. Фигурирующая в специальной литературе дата Большого храма в Ананури—1689 г.—правильна и пересмотру не подлежит.

Вторая армянская надпись (одно собственное имя) находится под орнаментированным крестом южного фасада (табл. XXVI, 2), на весьма примечательном и, должно быть, почетном месте:

ԳՐԻԳՈՐԻՆ— «Григорию».

Табл. XI, 2а-б

Дательный падеж имени подсказывает наличие начала выражения, но такового на стене нет. Приходится полагать, что начало выражения должно было слагаться из слов [ՍՈՒՐԲ ԽԱՉՍ ԲԱՐՔԻԱՆՍ Է] ԳՐԻԳՈՐԻՆ т. е. «Сей св. крест является поручителем за Григория» не высеченных, однако, а подразумеваемых наличием самого креста⁴

Армянские графемы, точнее отдельные буквосочетания, сохранились и на W и N гранях купола, коими являются

ՍԱ

ՈՐ

ԺԱ

Это имена (знаки) мастеров, принимавших участие в строительстве храма [310, с. 85]⁵. Есть основание полагать, что в строительстве храма вместе с мастерами-грузинами участвовала бригада мастеров-армян во главе с Григорием, который, видимо, судя по месту высечения его имени, являлся и архитектором храма⁶. Бригада, видимо, была приглашена извне, быть может из Армении. На это указывают два обстоятельства: 1) Если бы они были из армянских поселений Грузии, то несомненно, могли бы дату строительства высчитать по хроникону, т. е. по местной грузинской системе летосчисления. Армяне в Грузии ко второй половине XVII в. были достаточно приобщены к грузинской культуре, и письменности в частности, следовательно, при строительстве грузинского храма могли свои пометки и надписи опубликовать если не на грузинском языке, то хотя бы грузинскими буквами. 2) Художественный декор храма, орнамент портала и украшения восточной апсиды заставляют искать некоторые аналогии в хачкарах Джуги и декоре храма св. Креста в Ахтамаре, хотя мы согласны с

⁴ Имя «Григорий» выведено крупными выпуклыми буквами, чем и воспользовался какой-то «ревнитель древности», злонамеренно попытавшись снести их. Надпись фактически снесена, но, если заранее знать ее местонахождение, при хорошем освещении с востока и благодаря следам букв она все еще читается.

⁵ По наблюдению автора, грузинские (семь графем, повторенных двадцать два раза) и армянские (три буквосочетания, повторенных три раза) буквы-знаки каменотесов встречаются только на гранях купола, а на фасадах храма их вовсе нет.

⁶ Если это так, то саркар Қанхосро Багсарашвили в книге В. Беридзе занял место Григория.

П. П. Закарана, что тут «специфически армянского нет ничего» [310, с. 86]⁷.

Как было сказано выше, строительство храма в Ананури завершено в 1689 г., но в источниках и литературе имеется и другая дата—1704 г. Так, по словам Вахушти, в Ананури «в древности была маленькая церковь, однако в 1704 г. эристав Гиорги построил большую купольную церковь, обвел вокруг оградой...» [93, IV, с. 353]. Ш. А. Месхиа не усомнился в правильности сообщения Вахушти и повторил указываемую им дату [157, с. 114]. Можно полагать, что у Вахушти приведена дата строительства ограды, башни и крепости, обобщенная и относимая историком ко всему архитектурному ансамблю. Но, возможно, 1704 г. является результатом ошибочного чтения даты надписи малой (старой) церкви, где указан ՅԾԾ хроникона (т. е. 300+50+12+ [1312] = 1674 г.) [68, I, с. 271; II, с. 301]. В записях историка первоначально имелась дата 1674, но затем цифра 6 была воспринята как 0 и произошла перестановка 0 и 7, в итоге получился 1704 г. Как бы то ни было, Вахушти не обратил внимания на надпись саркара Қанхосро и армянскую дату, хотя и знал, что малая церковь построена раньше большой.

В первоисточниках нет сведений, указывающих на присутствие армянского этнического элемента в Ананури XVII в. Факт приглашения строителей-армян лишь косвенно может служить доказательством того, что представители эриставской семьи могли найти их скорее всего через ананурских армян. Но, по-видимому, это еще не свидетельство.

Число жителей Ананури заметно возрастает после упразднения эриставства с 40-х гг. XVIII в., в связи с ростом торговли и ремесла, превращением города арагвийских эриставов в «врата осетинской дороги». В 80—90-х гг. того же века население города, вероятно, продолжало расти. «В 1803 г. русское правительство превратило Ананури в уездный город, однако его население после этого не только не растет, а постепенно уменьшается. По данным 1819 г., в Ананури проживало всего лишь 219 душ..., и 4 февраля 1821 г. русское правительство вынуждено было вновь сделать уездным городом растущий и усилившийся Душети. Однако, несмотря на это, Ананури все еще назывался городом Душетского уезда» [157, с. 115; ср. с. 143].

Какую бы часть из 100 дымов (т. е. 500 душ) города ни составляли армяне в 70-е гг. XVIII в., они, несомненно, имели свое культовое сооружение. По сведению Артемия Арагатского, в 1795 г. «В Ананури армянских домов было до пятнадцати и одна весьма малая церковь, в которую вместиться могло едва 50 человек... священника у них не было» [6, с. 104]. В первые декады XIX в. армянских домов стало еще меньше, и перестала функционировать (или даже существовать) церковь.

Побывавший здесь А. Муравьев следующим образом описывает Ананури: «...далее верст за 20 расширяется долина Арагвы, близ мес-

⁷ Не случайно, однако, что историк архитектуры И. Стржиговский при разборе орнаментовки Ахтамарского храма вспомнил и Ананури, поместив в книге фото восточной апсиды [393, II, с. 538, 540].

течка Ананур, памятного горькою участию своих эриставов. Еще стоит на горе их опустевший зубчатый замок, с двумя внутри его церквями, во вкусе древнего грузинского зодчества. Нарядные арабески, сплетенные из змеиных голов и виноградных лоз, образуют внешнее украшение стен. В малой церкви, сложенной из кирпича и уже частью обрушенной, находится гроб одного из древних эриставов; там погинуло, в пламени и дыме, семейство последних эриставов Арагвских. В главном соборе, празднующем Богоматери, еще совершается богослужение; но все иконы на стенах истыканы кинжалами лезгинов, которые помогли эристам Ксанским разорить родовое гнездо их единокровных в половине минувшего столетия. Зрелище развалин возбуждало во мне любопытство, и я узнал впоследствии, от почтенного старца, князя Эристова, причину разорения Ананура» [160, с. 40—41].

В 40—50-е гг. XIX в., по-видимому, сюда переселились новые группы армян (на сей раз из других поселений Грузии), и вновь возникла необходимость строительства церкви. У западного входа армянской церкви в Ананури сохранилась ее строительная надпись:

1850. 22 აგვისტო.
 მაცხოვრისა მოწყა-
 ლებითა და შემწეო-
 ბითა ღთისათ[ა], დროსა მათ
 განათლებულის რუსე-
 თის კეისრის ნიკო-
 ლაჲ პირველისა, საკუთარ სბლ-
 ვაწლითა იაკობ ლაზრისი-
 სათა აღშენდა ანანურსა
 ესე სომხის ყ(ოვლა)დ წ(მიდ)ა ღვთის-
 მშობლისა ეკლესია მოსა-
 ხსენებლად თვისთა მომავ-
 ალთა და განსვენებულთა.
 ჩუბ წელსა⁸.

Табл. XI, 3

Перевод: «1850. 22 августа. Милостью Спасителя и божьей помощью, во времена их светлости царя России Николая Первого, собственным трудом Якова Лазарича была построена в Ананури эта армянская церковь всесвятии Богородицы—в память родичей будущих и почивших. В лето 1850».

Ктитор Яков Лазарянц (Лазарич, Лазрев) и его супруга Ева похоронены у входа церкви, их надгробия же снабжены двуязычными эпитафиями:

⁸ Надпись высечена не очень искусной рукой мхедрульным письмом на цельной плите, в верхней части которой изображен примитивный крест. Сохранность довольно хорошая и читается без особых усилий.

[UUS ՀԱՆԳՉԻ] ՄԱՐՄԻՆ
 [ՅԱԿՕԲԱՅ ԼԱԶԱՐԵԱՆՅ]
 [ՏԵՐԱՄԵ ՇԻՆՈՂԻ ՍՈՒՐԲ] Տ(Ա)Ճ(Ա)ՐԻՍ

 ...ՄԱ[ՀՈՒՄԱՐ] ԱՌ Ա(ՍՏՈՒԱ)Մ Փ-
 [ՈՆԵՅԱԻ] Ի 28 ՄԱՅԻՍ 1868 ԱՄԻ:

საფლავსა ამას შინა
 მდებარე ვარ ამშენებელი
 ამ წმინდა ტაძრისა იაკობ ლაზ-
 რევი. წამკითხველთაგან
 ვითხოვთ შენდობასა.
 გარდავიცვალე 28-სა
 მაისისა 1868 წელსა.

Табл. XI, 4

Перевод:

«Здесь покоится прах Якова Лазаряна,—велеием бога строителя сего св. храма... Смертью преставился к богу 28-го мая 1868 года».

«В сей могиле нахожусь строитель этого св. храма Яков Лазрев. От читателей прошу помилования. Скончался 28-го мая 1868 года».

ԱՍՏ Հ(Ա)ՆԳՉԻ Մ(Ա)ՐՄԻՆ ՏԻԿՈՋ Ե[ԻԱ]ՅԻ
 ԿՆՈՋ ՅԱԿՕԲ(Ա)Յ ԼԱԶԱՐԵ(Ա)ՆՅ Տ(Է)Ր ՄԻ
 ԲԱՐԵԳՈՐԾ ՇԻՆՈՂ [ՍՈՒՐԲ] ՏԱՃ(Ա)ՐԻ,
 ՄԱՅՐ ԵՒ ՄՆՈՒՅՈՂ ԶԱՒԱԿ(Ա)Յ ԲԱՐԻ:
 Ի ՅԻՍՈՒՆ ԵՒ ՀԻՆԳ ԱՄԵ(Ա)Յ Հ(Ա)Ս(Ա)ԿԻ
 ԵԿԵԱԼ Ի ՄԱՀՈՒ(Ա)ՄԲ ԱՌ Ա(ՍՏՈՒԱ)Մ
 ՓՈՒԽ 13 ՓԵՏՐՎԱՐԻ 1871 ԱՄԻ:

საფლავსა ამას შინა
 მდებარე ვარ იაკობ ლაზ-
 რევის მეუღლე ევა.
 ვითხოვთ წამკითხველ-
 თაგან შენდობასა.
 გარდავიცვალე 13-სა
 თებერვალს, 1871 წ.

Табл. XI, 5

Перевод:

«Здесь покоится прах госпожи Ева,—жены мужа добродетеля, строителя св. храма Якова Лазарянца, мать и добрая воспитательница сыновей. Достигнув возрасти 55 лет, смертью преставилась к богу 13 февраля 1871 года».

«В сей могиле нахожусь супруга Якова Лазарева Ева. У читателей прошу отпущения. Скончалась 13-го февраля 1871 г.»

В Ананури сохранилось кладбище, которое местные жители называют «Армянским». На надгробиях особенно примечательных эпитафий нет, но поскольку оно, видимо, окажется в зоне водохранилища Жинвальской ГЭС (во всяком случае, так полагают местные жители), то считаем нужным привести некоторые армяно-грузинские и одноязычные эпитафии XIX в.

1. Четырехчастная стела-надгробие Фэбронии Андреанц:

Западная грань:

Ի ՎԱՅՆԶՈՒԹԵ(Ա)ՆՅ
 ԱՇԽԱՐՀԻ ԻՍՊԱՌ
 ԶՐԿԵՅԱՅ, ԹՈՂԻ
 ԱՇԽԱՐ[Հ], ԹՈՂԻ ԻՍ

6. Эпитафия Грикула Оганова:

ამა ქვის ქვეშა ვარ გრიქულ
სერგვის ძე ოგანოვი. გარდავიცვალე
1907 წ., მარამობის 1 დღესა.

Эти и десятки других эпитафий из Ананури, как и таковые из других поселений Грузии, способны оказать некоторую услугу при исследовании истории поселения. Они, разумеется, относятся к новому периоду жизни «малого города», хотя с точки зрения ономастики, состава населения и ряда других вопросов этнографического характера продолжались традиции, сложившиеся в предыдущую эпоху, еще в период существования эриставства.

Как ни старались грузинские цари Теймураз II и Ираклий II, а впоследствии и русские правители края, «осетинская дорога» так и не стала безопасной для торгующих с Северным Кавказом и простых путников. Свидетельством тому может служить эпитафия похороненного в Ананури «мокалаке» Давида Гзирбежова:

ტფილისის მოქალაქე
დავით გრიგორიძის გზ-
ირბეყოვი. ყიზლარიდ-
გან მომავალი გზაზედ
მტერთაგან მოკლულ ვიქ-
მენ და დავედევ საფლა-
ვსა ამას შინა. მხილვე-
ლთ გვედრებთ შენ-
დობა მიბძანეთ. 1823
ჩუკვ, მარამობის ი.

Перевод: «Тифлисский мокалаке (горожанин) Давид Григорич Гзирбежов. Отправившись из Кизляра, на дороге был убит неприятелями и похоронен в этой могиле. Прохожих умоляю благословить. 1823 [г.], 10-е августа».

ГРЕМИ

Не выдержав борьбы с удельными царствами и владетельными княжествами, самостоятельности которых содействовала и внешнеполитическая обстановка, царь Восточной Грузии Георгий VIII вынужден был покинуть Картли и обосноваться в Кахети, став родоначальником кахетинской ветви грузинских Багратидов. По многочисленным, но косвенным данным, это имело место между 1466—1469 гг. [378, IV, с. 87—97; 82, с. 82—84], и резиденцией нового государственного образования стал город Греми. Основываясь на указанной у Вахушти дате [93, IV, с. 546], в специальной литературе принято считать, что превращение населенного пункта Греми в город произошло именно в 1466 г. [157, с. 101; 311, с. 9]. Возможно, грузинский историк XVIII в. располагал каким-то ныне неизвестным источником, откуда и позаимствовал эту дату, если же это не так, то к ней следует относиться с оговоркой, ибо превращение в город непосредственно связано с основанием новой резиденции Георгия VIII, а хронология последних лет жизни этого царя у Вахушти представлена не совсем точно (по Вахушти, Георгий умер в 1469 г., по иным источникам—в 1476 г. [378, IV, с. 91—92]).

В древнегрузинских источниках почти нет сведений о Греми до переноса туда царской резиденции. Лишь из одной грамоты от 1429 г. становится известным, что этот населенный пункт уже существовал и что с ним был связан какой-то спорный вопрос [85, II, с. 235]. Проведенные под руководством П. П. Закараиа археологические исследования развалин города выяснили, что обнаруженные здесь материалы от эпохи поздней бронзы до зрелого феодализма малочисленны и не говорят в пользу многовекового функционирования значительного населенного пункта до XV в. Но, вместе с тем, выбор места резиденции кахетинских царей никак не может быть случайным, тем более что традиционным административным и хозяйственным центром края на протяжении многих веков считался город Телави. Сказать, что месторасположение Греми отличалось особой военно-стратегической значимостью или в какой-то мере неприступностью для неприятеля (тем более при отсутствии оборонительной крепости и стен), нельзя, ибо роль цитадели выполнял архитектурный ансамбль на горе, а окончательно оформился он почти одно столетие спустя, после того как город стал царской резиденцией¹. Значит, выбор Греми был продиктован,

¹ Собственно, сами кахетинские цари (например, Теймураз I) не могли надеяться на надежность этой «цитадели», поэтому зачастую от неожиданных нападений неприятеля защищались в других укреплениях.

прежде всего, экономическими соображениями: по характеристике Н. А. Бердзенишвили, «из всех частей Грузии в XVI веке в лучших условиях находится Кахети. Природные условия Кахети для развития средневекового хозяйства были наилучшие. И близость от большого пути Кахети XVI века выгодно отличается от других частей Грузии. Гилан—Шемаха—Астраханский «шелковый путь» исстари являлся ареной для выгодной внешней торговли кахетинского хозяйства (лежащий на этом торговом пути Ширван—центр средневековой шелковой промышленности Закавказья—поэтому и стал особенно излюбленным для феодальных агрессоров средневековой Грузии). В выгодной внешней торговле вместе с феодалами в XVI в. участвует и кахетинский царь. Это явление, бесспорно, кладет отпечаток на характер внутренней и внешней политики кахетинского двора» [296, II, с. 94]. Видимо, в этой «выгодной внешней торговле» наряду с Загеми (Базари) еще в XV в. немаловажной была роль Греми, куда должны были стекаться не только бежавшие из Картли и других сопредельных краев крестьяне, но и нуждающиеся в покровительстве купцы и находившие здесь покупателя ремесленники. Слова Теймураза о том, что «в старину, бывало, от Кремля (т. е. Греми.—П. М.) до Загени, Базар (Загеми-Базар.—П. М.) тож, сходился шелку 1000 выюков; и мы посылали в Ерусалим и в Святые горы милостыню выюков по 20-ти и по 30-ти; а у себя было много и судов, были золотые и серебряные; и вам бы пожаловать ныне не осудить» [13, с. 290; ср. 157, с. 101], можно отнести к эпохе, предшествующей нашествию персидских войск в начале XVII в., т. е. к XV—XVI вв. И действительно, один только мцхетский католикосат в Базаре (Загеми) имел «двадцать семь дымов купцов армян и иудеев»². Видимо, купцов немало было и в Греми. Кахетинский царь Леван (1514—1578) в своей дарственной грамоте от 1532 г. пожаловал новоизбранному католикосу, в числе прочих, и «трех купцов из Греми». Правда, он не уточняет, кто они—грузины, армяне или иудеи, но в его лексиконе встречается термин, взятый из местной армянской среды ՅճճԵ—*цурри* [85, II, с. 375], что является своего рода доказательством немалочисленности армян в Греми.

В данном аспекте определенный интерес представляет сообщение англичанина Дженкинсона, остановившегося по пути из Ирана в апреле 1562 г. в Шемахе. К нему является посланный грузинским царем армянин с просьбой дать ему (грузинскому царю) совет, каким путем он может направить к русскому царю своих послов и как тот отнесет-

² [85, II, с. 197]. Ф. Жордания датирует этот список 1392 г., а Ш. А. Мехиа—40-ми гг. XV в. [157, с. 100], видимо, вполне обоснованно идентифицируя царя Александра в конце документа с Александром I (1412—1443), царем Восточной Грузии. Местонахождение города Базари окончательно еще не установлено. С. Н. Какабадзе и С. Д. Гордеев констатировали вблизи Чикаани (точнее, около Дзвели Гавази) наличие древнего поселения, именуемого у местных жителей *Набазрали* (ср. топоним «Накулбакеви» вблизи Мцхета), в котором имелись развалины пяти небольших церквей, жилых домов и одного сооружения (см. Бюллетень КИАИ, № 5, Л., 1929, с. 26). Нет сомнений, что при археологическом исследовании и в Базари будут выявлены памятники армянской эпиграфики. В записях русских послов много интересных сведений и об этом кахетинском городе.

ся к подобному шагу. Царь Грузии свое намерение объясняет жестокостью соседних держав—Ирана и Турции [35, I, с. 390—391]. С. В. Тер-Аветисян с полным основанием полагает, что у Дженкинсона речь идет о грузинском царе Леване [187, с. 25]³, следовательно, к англичанину был послан гремский армянин, отправляющий дипломатическую службу при дворе царя Кахети⁴.

В другом документе, данном сыном Левана царем Александром II (1574—1605), сказано, что католикос Наколос на основании имеющихся сигелов и гуджаров потребовал от царя то, что принадлежало католикосату, в том числе и «двенадцать дымов купцов армян и иудея в Греми» [85, II, с. 413].

Более обстоятельно об армянах и армянских древностях в Греми говорится в записях русских послов 40-х гг. XVII в. Они довольно долгое время пребывали в столице кахетинского царства, были осведомлены обо всех подробностях ее повседневной жизни, интересовались историей и архитектурным обликом города. Так, относительно храма Архангелов, построенного, согласно греческой надписи, Леваном в 1577 г. [370, с. 10—11; 99, с. 334—335], в записях говорится, что до возведения храма «жили на том месте армяне; и царь Леон армян с того места согнал и двор себе устроил на низу, недалеко от того монастыря...», но и позже, при послахе «а з другую сторону монастыря и под самым монастырем армяне и жидовя и ныне живут. И армянских церквей с 15 есть, и те пустые все» [13, с. 379]. Видимо, в выражении «армянских церквей с 15 есть» нужно подразумевать множество таковых, а не конкретное число—именно 15 церквей. Такая оговорка оправдана и тем, что в других записях тех же послов фигурирует иное количество церквей: «А на посадах три церкви каменные ж с шеями: без крестов. А по росказанью, те церкви бывали армянские. Да тут же на посаде двор армянский, кругом ограда каменная, а на дворе церковь на 4 углы. Небо провалилось, а олтарь от церкви зделана высоко, всход ис церкви с стороны ступени с шесть; а престола и жертвенника нет, только в стене зделано печуркою. Да около Крыма и царева двора армянских церквей з десять» [13, с. 286]. Из этого сообщения вытекает, что армяне составляли значительную часть населения города и жили в разных его кварталах, как в торговом, так и около «цитадели»—в квартале «царей и вельмож», что указывает на два обстоятельства: гремские армяне принадлежали к разным сословиям феодального общества, почему и оказались в разных кварталах, и многие из них появились в Греми до того, как кахетинские цари стали строить палаты и храмы⁵.

³ А. Кюрдян идентифицирует безымянного грузинского царя с Симеоном, царем Картли (такого мнения придерживается и Э. Мамиствалишвили [336а, с. 23]), а предложение Дженкинсона считает преднамеренной провокацией, с чем едва ли можно согласиться [277, с. 18].

⁴ Кстати, армянские купцы из Ареша сопровождали представителя Дженкинсона Кларка в [столичный] город грузинского царства для налаживания торговых сношений. Если посылавшим к англичанину своего представителя царем был Леван, то Кларк отправился не в Тбилиси, а в Греми, где находилась резиденция Левана.

⁵ Русские послы Мышецкий и Ключарев, описывая двор Теймураза, отмечают

Из всего этого можно заключить, что г. Греми наряду с Загеми и Телави был одним из основных армянских поселений в Кахети в XV—XVI вв.

С 70-х гг. XV в. и до начала XVII в. этот край и сама столица Греми неоднократно становились объектом нападения «бусурман» — горцев с собирательным названием «лезгины», утвердившихся в Картли турков, — но эти набеги не приводили к окончательному разрушению, и полученные раны быстро залечивались. Однако в результате двух походов, предпринятых Шах-Аббасом в 1614 и 1616 гг., были не только разорены страна и город Греми, но и — что было самым страшным — уничтожена или угнана в плен в Иран большая часть населения. Разноязычные источники (грузинские, армянские, русские, персидские), повествующие о злодеяниях иранского шаха в Кахети, прежде всего сообщают об убийствах и пленении населения. По свидетельству персидского источника, в 1614 г. персы угнали в плен 30 тысяч человек, два года спустя они убили свыше 80 тысяч грузин и 100 тысяч переселили в Иран в качестве пленных⁶. Разумеется, прежде всего была разорена столица кахетинского царства Греми. Именно этим обстоятельством следует объяснить тот факт, что у историка Аракеда Даврижеци Греми и Кахети названы как разные единицы: «Население Кахети и Греми он (Шах-Аббас.— П. М.) истребил убийствами и пленением, а всех тех, что остались и записались шахисеванами, велел вывести за границу, погнать в Персию. И назначил на это дело князей и воинов, <имевших> при себе прежние списки и грамоты, в которых записаны были имена их. С этими списками начали они разыскивать всех родных их, и всех их вместе с семьями и имуществом стали отовсюду выселять. Всех выселенных приводили, поселяли на берегу реки Куры, в местечке, называемом Казрин, так как там был раскинут стан; делали так, пока не выселили всех записавшихся шахисеванами. А когда было завершено выселение по спискам, подняв их оттуда, по тем же спискам и реестрам, погнали в Персию и довели до города Казвина, а оттуда переселили в город Фахрабад. Когда довели до Фахрабада, кое-кого из них — грузин, армян, магометан и евреев — поселили в городе Фахрабаде, многих же поселили в деревнях и дали всем им участки для домов, садов и полей. Вот таким образом <шах> разорил страны Грузию, Кахетию, Греми...» [1, с. 126]⁷.

также: «А окол царева двора все пусто, поросло лесом. А в лесу жалых и пустых армянских и грузинских двориков з 20; пашни и огородов ничего нет» [19, с. 156—157].

⁶ Персидский оригинал и грузинский перевод сочинения Хаджи Махмудкули Каджара «Лучшая из лучших [история]» см. [80, с. 93, 95]. Из персидских источников, относящихся к этому периоду, примечательны два сочинения Искандера Муниши — «Мироукрашающая история Аббаса» и «Продолжение мироукрашающей истории Аббаса». Оба они изданы грузинскими иранистами [76; 60].

⁷ Вероятно, купцы и ремесленники Греми, независимо от их этнической и профессиональной принадлежности, поселены были в Фахрабаде. По сведению того же Даврижеци, большая часть переселенцев погибла от голода и болезней («едва из десятирех один остался <жить>», [с. 127]), а остальные (речь о поселенных в Фахрабаде) «вынуждаемые голодом, выполнили приказ шаха и стали магометанами,

Русские послы были в Греми спустя два десятилетия после разорения города, и если они утверждают, что «армянских церквей с 15 есть, и те пустые все», то можно представить всю жестокость «кахетинского похода» Шаха-Аббаса. Его беспощадность сказалась не только в убийстве и угоне в плен жителей, но и в ограблении и поругании духовных ценностей жителей «непокорного края». Кресты, священные книги, иконы, церкви и монастыри были осквернены, а драгоценности похищены [102, с. 79]. В этом отношении показателен и следующий факт: русские послы описывают церковь, находящуюся на посаде Гремми, где имеется «двор армянской, кругом ограда каменная, а на дворе церковь на 4 углы», у которой «небо провалилось». Из дальнейшего описания («олтарь от церкви зделана высоко, всход ис церкви с стороны ступени с шесть, а престола и жертвенника нет...») видно, что речь идет о церкви, дошедшей до нас и известной в научной литературе и у местных жителей под названием «Тарса галавани». Церковь эта была разрушена спустя два десятилетия после ее сооружения под натиском «разрушительной мощи» воинов Шаха-Аббаса и лишилась своего «неба», т. е. покрытия⁸.

Есть основание полагать, что в скрипториях Гремми копировались отдельные, наиболее знаменитые памятники древнегрузинской исторической и художественной литературы, доказательством чего может служить обнаруженная акад. И. А. Джавахишвили рукопись свода исторических сочинений — «Картлис цховреба», древнейший из дошедших до нас списков памятника⁹. Тут в Гремми по заказу царицы Тинатин в 1535 г. было начато копирование пергаменной рукописи грузинского перевода Синаксаря, о чем повествует ее колофон¹⁰. Эти и другие факты позволяют думать, что воины шаха уничтожили или увезли немало ценных книг как на грузинском, так и, вероятно, армянском языках. И действительно, если каждая армянская церковь в Гремми имела хотя бы несколько книг литургического и обрядового назначения, то общее их число должно было доходить до нескольких десятков (церквей было 10—15), между тем в настоящее время мы не располагаем ни одной рукописью, переписанной в Гремми или хотя бы бытовавшей там. Видимо, неслучайно анонимный грузинский автор говорит об уничтожении «священных книг» [102, с. 79]. Нельзя считать случайным и тот факт, что в стольном городе кахетинских царей сохранилось крайне незначительное количество эпиграфических памятников¹¹. Территория горо-

а шах... солгал, обманул их» [там же]. В магометанство были обращены и те переселенцы армяне и грузины, которые поселились в Ферейдане (по словам Хаджи Мехди-кули Каджари, «покорно перешедших было 5 тысяч дымов» [80, с. 95—96], т. е. около 25 тысяч человек).

⁸ Любопытно, что покрытие (купол) названо «небом» и в памятной записи кодекса «Картлис цховреба», переписанного по поручению царицы Анны, вероятно в Гремми в конце XV в. [381, с. 305].

⁹ Q-795. Описание и оценку см. [381, с. 303—308; ср. 93, I, с. 015].

¹⁰ A-139. Описание и издание колофона см. [96, I, с. 163—167]. О литературной деятельности в Гремми см. [350, с. 359—365].

¹¹ Гюльденштедт насчитал пять церквей в Гремми и заметил, что «одни имеют грузинские надписи, другие армянские» [68, I, с. 32—33].

да обследована археологами, но фактически новых эпиграфических материалов обнаружено не было (по крайней мере их нет в монографии П. П. Закараиа).

В торговом квартале Греми, занимавшем около 30 га юго-западнее храма Архангелов, помимо многочисленных церквей, находились гостиный двор, ларьки, баня, бассейн, канал, мост и, разумеется, жилые дома. Эта часть города исследована археологами частично, преимущественно—те места, которые «чем-то заметны» [311, с. 111]. Из памятников культового назначения специалисты особо выделяют «Тарса галавани», т. е. церковь, о которой шла речь выше. Ее архитектор, по словам П. П. Закараиа, «бесспорно обладал вкусом», и «формы церкви или художественное ее решение опять-таки находят аналогии в Кахети» [311, с. 126]. О строительстве церкви и ее строителе-ктиторе рассказывает пространная трехязычная надпись над западным входом¹². Полный текст этой надписи во всех ее трех редакциях (армянской, грузинской, персидской) издан А. Г. Шанидзе и В. С. Пугридзе [37, с. 5—7]¹³. Некоторые коррективы в чтении грузинской части предложены Т. Барнавели [77, с. 45—46], армянская же и персидская редакции впоследствии не переиздавались (табл. XII, 1).

В чтении армянского текста существенных неточностей нет: в корректуре нуждаются лишь следующие графемы и слова (отчасти типографические опечатки):

В издании

մեղաւոր ե

ի տան ի սբ

Ածածին

հատուցանել

աւելնին

թագաւորութեան

Ռեդ

Следует читать

մեղաւոր ե

ի տանի սբ

Ածածին

մատուցանել

աւելնին

թագաւորութեան

Ռեդ

ԿԱՄԱԻՆ Ա(ՍՏՈՒԾՈ)Յ,
ԵՍ՝ ՄԵՂԱԿՈՐ ԵՒ ԱՆԱՐԺԱՆ ՄԿՐՏԻԶՍ, ՈՐԴԻ ԶԱՔԱՐԻՆ, Թ-
ՂՕՂՈՐՆ ՔՐԻՍՏՈՆԷԻ, ՇԻՆԵՅԻ Ս(ՈՒՐ)Բ Ա(ՍՏՈՒԱ)ԾԱԾԻՆՍ ԵՒ

¹² Грузинская часть трехязычной надписи издавалась неоднократно: [191, с. XVIII—XIX; 370, с. 6; 77, с. 45—46]. Второй грузинской надписью можно считать запись на фресковом изображении Левана—*მ(ე)ფე ლ(ე)ონ ალმ(ა)შ(ე)ნ(ე)ბ(ე)ლი.— «Леон строитель» [311, с. 25]. Как уже отмечалось, строительная надпись храма Архангелов составлена на греческом языке [99, с. 334—335]. Выбор языка продиктован влиятельностью и ролью ее составителя хартулария, инок и протосингелла Салоника, подвизавшегося в Греми грека. Однако этот факт не может служить доказательством в пользу наличия греческой этнической общины в столице Кахети.

¹³ Еще до указанной публикации гремской, трехязычной надписью занимался и Л. М. Меликсет-Бек, датировавший ее 1593 г. Интересно отметить, что построенную Мкртычем—Матарси церковь он называет не «Тарса-галавани», а «армянская церковь» [339, с. 164].

Կ(Ա)Ս(Ն) ՔՐԻՍՏԻԹ(Ե)ԱՆ ՄԵՂԱՅ ԵՒ ՀԱՍՏԱՏԵՅԻ
Ի ՏԱԻՆԻ Ս(ՈՒՐ)Բ Ա(ՍՏՈՒԱ)ԾԱԾԻՆՍ Է ՊԱՏԱՐԱԳ ՄԱՏՈՒՏ...
ԱՆԵԼ ԱՄՈՒՍՆՈՅ ԻՄՈՅ ԵՒ ՏՎԻ ՎԱԽՄ Դ Տ-
ՈՒՆ ՃՈՐՏ, Ա. ԶԱՂԱՅ, Ա. ԱՅԳԻ, Բ ԴՈՒՔԱՆ:
ԻՆԶ ՄԱՐԴ ԿԱՐԱՆԷ ՅԻՇԱՏԱԿՍ ՄԵՐ
ԿԱՄ ՎԱԽՄ ՆԶՈՎՔՆ ԿԱՅԵՆԻ ԵՒ ՈՒԴԱՅԻ Ա-
ՌՅԷ, ԿԱՏԱՐԻԶՔՆ ԱԻՐԶԻՆ ՅԱ(ՍՏՈՒԾՈ)Յ, ԵՒ Թ-
ԱԳԱԽՈՐՈՒԹԵ(ԱՆ) ՊԱՐՈՆ ԱԼԷՔՍԱՆԴՐԻՆ, ԹՎ. ՌԵԴ:

Табл. XII, 1а

Перевод: «Волею бога я—грешный и недостойный Мкртыч, сын Закара, внук Кростонэ—построил сию [церковь] св. Богородицы ради искупления грехов и учредил в праздник св. Богородицы 7 литургий в [память] супруги моей. И дал вахм 3 дыма крепостных, 1 мельницу, 1 виноградник, 2 духана. Кто нарушит нашу память или вахм,—да получит он проклятие Каина и Иуды, [а] исполнители да будут благословлены богом. И [было это] в царствование парона Александра, в лето 1044 (=1595)».

ქ. მე, ფრიად ც(ო)დვილმან მათარსი, აღვაშენე
კარისა ეკლესია ესე ყოვლად წმიდისა ბ-
რძანებითა და შეწყენითა ძისა მისისა
და ეამსა შინა მეფობისა მისისა ბ-
ატრონის ალექსანდრესითა, წელსა მეოცდა-
სამეა, ქ(რონი)კ(ონ)სა სპა. შეგსწირეთ კნიბ-
ი შესაწირავი ესე: სამი კვამლი კაცი,
ერთი წისქული, ერთი ვენაჯი და ო-
რი ქულბაჯი საჯსრად სულისა ჩემისა.
რამაც ადამის მონათესავემან ამა ეკლესიაზედა მისდა
მ(ო)სულისა ნ(ა)ს(ა)დ ქელი დაღვას ან ეს არა გაუთა-
ოს —ღმერთმან მა-
ს ნუ რა გაუთაოს რა. ამინ. კ(ო)რ(ო)ლესონ.

Перевод: «Я, весьма грешный Матарси, построил эту дворцовую церковь по повелению Всесвятой и с помощью ее сына в период царствования патрона Александра в двадцать третьем году его [коронации], хроникона 281. В память души моей пожертвовал вам следующее малое приношение: три дыма людей, одну мельницу, один виноградник и две лавки. Кто из потомков Адама посягнет на доход церкви или не исполнит сие, да отрешит его бог. Аминь. Кирилейсон».

هو این خانه که روح یاردا افاشی یا رب که مبادا خلیل از ایامش
از همت عیسی چو با تمام رسید کردیم کلیسیای مریم نامش
برناظران این ستور پوشید و مستور زماند که کمترین بندگان گنهگار و بدترین عاصیان
درگاه کردگار متوسلی شرمه سار در سنه ثلث الف بیست (و) سیم سال ایام سلطنت

نواب نامدار گردون مدار خان عاليشان سکندر زمان و قيصرو دوران امين الکسندر خان
 طول الله عمره و دولته و سلطنته الى يوم النقرار بناي اين عمارت را با تمام
 رسانيد و وقف مقبره همسره صلحه کنيزه مرحومه مغفوره اش صنادحت (؟)
 سلطان که در اين عمارت آسوده يکباب باغ انگور و يکدر آسيا و دو در دکان و سه نفر
 ملازم نمود لعنت خدا (۱) و نفرين رسول بر مجاری که بر منافع اين (مو) قوفات ضراف
 نمايد تجريرا ۱۰۰۳

По сравнению с предыдущим изданием нами в чтении персидско-го текста внесены следующие коррективы:

افاقتش	вм.	اضاقتش
امين	вм.	اعني
کنيزه	вм.	ستيزه

Перевод: «Он [есть бог]. Сей дом, из свода которого проливает дух, о владыка, пусть не убавится его долговечность, построенный милостью Иисуса, назвали церковью Марии. Видевшим эти строки не должно остаться неведомо и тайно, что малейший из слуг, грешный и худший из содателей мятежников, пристыженный Матарси в тысяча третьем году, в двадцать третьем году дней царствования называемого именем хана—в те времена кесария орбиты небесного свода—славного Александра, в благое время хана (царя) Александра, да наделит бог его жизнь, царство и правление долгоденствием до дня Страшного суда, завершил строительство сего сооружения и пожертвовал могиле покойной своей добронравной супруги-жены Сандухт (?)—султан, похороненной в этом сооружении, один виноградный сад, одну мельницу, два духана и три лица прислуживающих. Проклятие бога и проклятие апостола на того насильника, кто станет чинить препятствие сим пожертвованиям. Написано в 1003 [году]».

Расхождения, имеющиеся между редакциями, вызваны отчасти тем, что их составитель (или составители) исходил по возможности из сложившейся традиции составления документов в армянской, грузинской и персидской среде в отдельности, а не переводил текст с одного языка на другой. Во всех трех редакциях имеются стилистические и иные расхождения с литературными нормами, однако основное содержание документа сохранено, как сохранена и последовательность изложения.

Уже первые издатели нашей надписи обратили внимание на эти редакционные отличия. Так, ктитор в армянском тексте именуется Мкртычем, сыном Закара и внуком Крестонэ, в грузинском же и персидском его предки не упомянуты, а он сам назван Матарси. По-видимому, в армянской редакции надписи строитель представлен своим календарным именем, на что указывают и имена его отца и деда, а в двух других он фигурирует под «рабочим» именем—Матарси, которым он был известен в своем окружении. Антропоним Матарси не является ни калькой (как, например, *Առնիշատի* — *ლვოსწყალობა* — Богдан), ни транслитерацией Мкртыча, а всего лишь—близким по звучанию персидским именем, как это наблюдается при передаче этого же антропо-

нима в русской среде: Мкртыч—Никита¹⁴. А. Шанидзе и В. Путуридзе указывают ряд источников XVI—XVIII вв., в которых встречается имя Матарси [370, с. 3—4]. Ими же установлено, что ктитор церкви в Греми Мкртыч—Матарси был мдиваном царского двора, составившим грамоту царя Александра в 1577 г.¹⁵ Дополнительным доказательством этой идентификации может служить тот факт, что в грузинской редакции нашей надписи церковь называется дворцовой, но, как отмечено издателями, не царской, а дворца мдиван-мцигнбари. По всей вероятности, все три редакции надписи составлены самим ктитором, профессионалом в этой области, что и позволило ему варьировать сообщаемые подробности. Странно лишь, что он не нашел нужным констатировать свою должность. Примечательно, что дворец и дворцовая церковь мдивана Матарси находились на посаде, где «двор армянской, кругом ограда каменная, а на дворе церковь...» В армянском тексте объект строительства назван без какого-либо технического термина (св. Богородицы). В грузинском фигурирует слово «церковь» (*ეკლესია*), а в персидском он представлен двумя терминами *کلیسیا*—церковь и *عمارت*—сооружение, здание. Очевидно, применение второго персидского термина продиктовано еще и тем, что церковь служила и усыпальницей, в которой, согласно персидской редакции надписи, была похоронена супруга Матарси. В грузинской редакции речь идет о «памяти души своей», в армянской—«об искуплении грехов», в персидской же применена иная формулировка—«малейший из слуг, грешный и худший из содателей мятежников, пристыженный Матарси», что несомненно следует персидскому трафарету. В итоге три части надписи не только повторяют друг друга, но и дополняют и в определенной степени представляют *curriculum vitae* Матарси¹⁶.

Интерес исследователя может привлечь следующий факт: в армянской части говорится о пожертвовании: «3 дыма крепостных», в грузинской—3 дыма людей», а в персидской—«трех лиц прислуживающих». Отсутствие социального характера термина в грузинской редакции, разумеется, не меняет их принадлежности, но примечательно, что в данном контексте подобное содержание приобретает термин *چوکی*—человек¹⁷.

¹⁴ В персидском языке имеется слово *مترس*—матарс (огородное пугало, запор), но оно едва ли могло стать собственным именем. Скорее всего имя Матарси возникло на основе слова *ترس* (страх, боязнь) с добавлением частицы отрицания *تـ* (т. е. *مترسی*—Матарси—, бесстрашный).

¹⁵ Текст грамоты см. [70, I, с. 359—360]. В ней говорится об освобождении крепостных Д. Джорджадзе от подати «мали», независимо от того, где эти крепостные живут, нищие они или имущие, обладают землей или нет и, наконец, кем являются по этновероисповедной принадлежности—«грузинами, армянами или иудеями».

¹⁶ Видимо, в период строительства церкви Мкртыч—Матарси уже не занимал должность мдивана царского двора, поэтому и в надписи об этом не говорится. Такое заключение подтверждается и тем фактом, что в одной из грамот царя Александра от 1584 г. в качестве составителя документа фигурирует «мцигнбари Мтаварадзе» [70, I, с. 261].

¹⁷ Применение термина *ملازم* (прислуга, человек, постоянно находящийся при хозяине, состоящий в его свите) в значении «крепостного» (*აგრის, ჭბა*) В. Путуридзе II—400

В персидской редакции вместо «дымов» фигурируют «лица» (نفر), т. е. рабочие руки этих дымов.

Видимо, в армянской среде Греми термин *կողպակ* больше не употреблялся, потому и Матарси говорит о *դռքան*-е (так и в персидском — *دركان*), в грузинском же тексте применен термин *ქულობა* — лавка, лаврек¹⁸.

В разносистемных датах трех редакций надписи Матарси имеют разнобой, на что особое внимание обратили издатели текста А. Шанидзе и В. Путуридзе, заключившие, что дата остается спорной до тех пор, пока не будут опубликованы новые материалы [370, с. 9—10]. К сожалению, известные по сей день материалы окончательно не уточняют, когда именно Александр II стал царем Кахети, чтобы на основании этой даты установить 23-й год его царствования, о чем говорится в грузинской и персидской редакциях надписи¹⁹. Имеющиеся летосчисления сводятся к следующему:

1. 1044 г. «армянской эры» = 1594, 3.XII—1595, 29.X (по григорианскому летосчислению).

2. 281 г. хроникона = 1593 г.

3. 1003 г. хиджри = 1594, 16.IX—1595, 7.VIII (по григорианскому летосчислению).

4. 23-й год царствования Александра = 1574 (?) + 23 = 1597 (?).

Даты «армянской эры» и хиджры (1595) совпадают, дата же по хроникону более ранняя — на два года (вместо *ԵՅ* следовало иметь *ԵՅԶ* — 283?). До тех пор, пока не будут установлены реальные обстоятельства и начало престолонаследия Александра (нужно учитывать, что в гремской надписи от 1577 г. царем назван отец Александра Леван), датой нашей надписи следует признавать 1595 г., а не 1593-й или 1597-й.

С филологической точки зрения армянская редакция надписи содержит несколько интересных отклонений от норм литературного языка. В орфографии сказывается влияние устной речи — диалекта: *մեղաւոր* вм. *մեղաւոր*, *քաւութան* вм. *քաւութան* (в именительном *քաւութեն* вм. *քաւութին*), *չաղաց* вм. *չրաղաց*, *խարանէ* вм. *խաիանէ* (вызвано желанием придерживаться «литературной формы»), *Ուղա* вм. *Յուղա* (возможно, под влиянием груз. *ოუღა*). Союз *և* перед словом *վան* излишен, а вот в предпоследней строке отсутствует ожидаемый показатель местного падежа *ի* (*և ի Թագաւորութեան*). В целом автор надписи неплохо владел армянским языком и был хорошо знаком с традиционно применяемой в армянской эпиграфике лигатурой (см. хотя бы слово *կաւան*, высеченное на двух вертикальных стержнях графемы *Ա*). Последний факт свидетельствует, как нам представляется, о частом обращении к высечению армянских надписей. Правомер-

объясняет отсутствием соответствующего социального термина в персидском [95, с. 45, прим. 1].

¹⁸ Свод сведений армянских источников по этим терминам и их значениям см. [272, с. 269—276].

¹⁹ Обзор источников о начале царствования Александра см. [82, с. 102—104].

ность такого заключения подтверждается и дошедшими до нас образцами текстов на хачкарах из Греми.

В монографии П. П. Закарана описаны и охарактеризованы некоторые малые церкви торгового квартала Греми. Говоря об убранстве этих, «ничего достопримечательного не содержащих церквей» [311, с. 126] (такая характеристика нам представляется излишне категоричной и неоправданной), автор констатирует, что снаружи в их стены вделаны хачкары [311, с. 127, 128, 130]. В заключении П. П. Закарана отмечает, что «рассматриваемые церкви не имеют ни надписей, ни таких стилистических признаков, которые бы дали возможность точной датировки». Исследователь, по-видимому, не обратил внимания на надписи хачкаров, которые в значительной части своей датированы. Одну армянскую надпись на надмогильном хачкаре скопировал еще Гюльденштедт [68, II, с. 301], к тому же заметивший, как было указано выше, что из сохранившихся пяти церквей Греми «некоторые снабжены грузинскими, другие же — армянскими надписями» [68, I, с. 33]²⁰.

Основными строительными материалами в Греми были кирпич и слоистая порода камня. Строители как культовых, так и гражданских сооружений, выложившие стены из указанных материалов, были ограничены в возможностях выбора внешнего убранства, поэтому варьировали кладку, но воздерживались от более или менее сложного декора. Единственное, чем строители малых армянских церквей (купольных или базиличных) старались выделить свои сооружения — это помещение хачкаров на фасадах. К сожалению, почти половина вделанных в стены хачкаров не сохранилась, и лишь пустые ниши, «как глазные впадины в черепе», свидетельствуют об их применении в процессе строительства. Сохранившиеся экземпляры позволяют считать, что утвердившиеся в Греми армяне сохранили свой этнокультурный облик и не были оторваны от национальных культурных традиций. Примечательно, что гремские хачкары совершенно свободны от тех восточных элементов, которые особенно ощутимы в творениях джугинских мастеров. Они не загромождены мелкими сплетениями, и компактность обеспечивается не столько окаймлением разнородными, неповторяющимися единицами, сколько четкой линейной разбивкой площади и стилистическим единством. Традиционный линейно-геометрический знак вечности или символ солнца у основания креста в них почти не представлен. Хотя и нельзя с уверенностью сказать, что в Греми возник какой-то новый тип хачкара, но следует констатировать, что прямых их аналогов мы не находим в других поселениях Грузии. Они выделяются также своими небольшими размерами. Около десятка хачкаров основательно выветрились, и надписей на них, разумеется, не сохранилось. Если исходить не из хронологии надписей, а из их местонахождения, то таковые имеются на следующих памятниках:

1. Церковь Паталоенц (находится в нескольких шагах севернее

²⁰ В 1861 г. исследованием армянских надписей Греми занялся поручик русской армии Ростомбек Ерзынкянц, но к большому нашему сожалению, в архивах и периодической печати того времени отыскать эту работу нам не удалось [220, с. 167].

купольной церкви на склоне горы). Хачкары вставлены в западную стену, выше входа и как бы обрамляют окно, образуя композицию креста с окном в центре (табл. XII, 2). Лицевая поверхность этих хачкаров разделена горизонтальной линией-обрамлением на две неровные части; в двух хачкарах нижняя часть занята тремя несообщающимися между собой и помещенными под арками крестами, в третьем же, что находится левее окна, те же кресты помещены в верхней части. Линейно-геометрические мотивы фона большого креста разные, но сводятся они определенным ритмом, общностью стиля. По всему видно, что мастер всех трех хачкаров один и тот же, бесспорно обладающий тонким вкусом и высоким профессиональным мастерством. К сожалению, в лицевой части нет имени мастера, и неизвестно—откуда и когда он прибыл в Греми. На козырьках хачкаров имеются следующие надписи:

а) $U(n\text{r})\text{p } \mu(\omega)\zeta u \text{ p}(\omega)\text{r}\text{t}\mu\omega\omega \text{ t}$
 $\eta(U)\text{r}(n)\text{b } \text{p}\text{u}\text{r}\text{t}\text{h}\text{u}\text{t}\text{u}$

Табл. XII, 3

Перевод: «Сей св. крест является поручителем за парона Тархермиша».

б) $U(n\text{r})\text{p } \mu(U)\zeta u \text{ p}\text{u}\text{r}\text{t}\text{h}\text{u}\text{t}\text{u} \text{ t } \eta(U)\text{r}(n)\text{b } \text{S}\text{N}\text{t}\text{r}\text{b}$

Табл. XII, 4

Перевод: «Сей св. крест является ходатаем за парона Туша».

в) $U(n\text{r})\text{p } \mu(U)\zeta u \text{ p}\text{u}\text{r}\text{t}\text{h}\text{u}\text{t}\text{u} \text{ t } \text{u}\text{u}\text{u}\text{S}\text{N}\text{t}\text{r}\text{b}$

Табл. XII, 5

Перевод: «Сей св. крест является ходатаем за Асатура».

2. Купольная церковь на склоне горы²¹: здесь в стену были вделаны пять хачкаров, из коих сохранился один (левее западного входа), точнее—фрагмент хачкара (начальная часть козырька) со словами:

$U(n\text{r})\text{p } \mu(U)\zeta u \text{ p}\text{u}\text{r}\text{t}\text{h}\text{u}\text{t}\text{u} \text{ t} \dots$

Табл. XII, 6

Перевод: Сей св. крест является ходатаем...»

На южной стене сооружения изображен обыкновенный крест, по бокам и под которым имеется следующая поминальная надпись:

$U(n\text{r})\text{p } \mu(\omega)\zeta u \text{ p}(\omega)\text{r}\text{t}\mu(\omega)\omega\text{r}$
 $\omega(\text{t})\text{r } \psi(\omega)\text{r}\omega\omega\text{t}\omega\text{r}\text{b}$
 $\text{h}\text{t } \text{h}\text{r } \text{h}\text{h}/\text{z}\text{h}\text{g}(\text{h}\text{r}\text{g})\text{h}, \omega\delta/\text{t}\text{h}$

Табл. XII, 7

²¹ К церкви с запада был пристроен довольно большой притвор, от которого сохранились первые ряды стен.

Перевод: «Да будет ходатаем сей св. крест за тэр-Каранета и усопших его, аминь».

Хачкар, снабженный надписью, сохранился восточнее купольной церкви (возможно, это кладбище квартала города). Его овальность и выступ нижней части указывают на то, что он был водружен на постаменте (а не вделан в стену). Надпись помещена на левой части лицевой стороны, в две строки. Резчик воздержался от повторения орнамента правой части, искусно обрамляющей древо жизни, и отвел это место поминальному тексту:

$U(n\text{r})\text{p } \mu(\omega)\zeta u \text{ p}(\omega)\text{r}\text{t}\mu\omega\omega \text{ t}$
 $[U\text{r}\text{r}\omega]\zeta\omega\delta\text{r}\text{b} (\text{°}), \text{p}\text{t}. \text{z}\delta\omega:$

Табл. XII, 8

Перевод: «Сей св. крест является ходатаем за Абраама (?). В лето 951 (=1502).

Вторая строка текста значительно выветрилась, но все еще поддается чтению, ибо сохранились наиболее характерные черты имеющихся графем. Дата не должна вызывать сомнений, поскольку хорошо читается верхняя часть головки и нижняя часть стержня с изгибом буквы ζ , а δ и ω сохранились отчетливо (несколько отбита буква ϕ , но первоначальная линия просматривается).

3. Трехчастная церковь с колокольней (в непосредственной близости от торговой части города, восточнее «кулбаков»).

а) Хачкар, вставленный в восточную стену южной части церкви:

$U(n\text{r})\text{p } \mu(U)\zeta u \text{ p}\text{u}\text{r}\text{t}\text{h}\text{u}\text{t}\text{u} \text{ t } \text{z}\text{u}[\text{b}\text{r}\text{b}] (\text{°}):$

Табл. XII, 9

Перевод: «Сей св. крест является ходатаем за Зани (?).»

б) Над западным входом северной части сооружения вставлена небольшая плита с «линейным крестом», над горизонтальной линией которого процарапана дата:

$\text{p}\text{t}[\text{h}\text{b}] \text{r}\text{r},$ т. е. «В лето 1002 (=1553)».

4. Трехчастная купольная церковь (в нескольких метрах от предыдущей). Из имеющихся на фасадах хачкаров некоторые выветрились, другие же не сохранились.

а) Справа от входа в среднюю церковь, у изображения нескольких небольших крестов, мелкими буквами строчного письма:

$U(n\text{r})\text{p } \mu(\omega)\zeta u$
 $\text{p}\text{t}(\text{t}) \text{r}\text{r}\text{b}$

Табл. XII, 10

Перевод: «Св. Крест. В лето 1015 (=1566)».

б) Помещенный вправо от входа в церковь северной части хачкар выветрился, и из двустрочной надписи чтению поддается лишь буква U (A).

в) Влево от того же входа, мелким строчным письмом:

աղբի ծառայ, Ոմ, աճէն:

Перевод: «Слуга рода [армянского] О...м, аминь»²².

г) Граффити пилигрима на скале (севернее церкви):

...[4]արդալը/ ...ողոր...

Табл. XII, 11

То есть: «[Кто] прочтете, ...помилуйте...»

д) Западнее церкви была водружена стела либо хачкар, вделанный в стенную нишу. В нижней части, на перевернутой вниз плите имелась дата, от которой ныне читается Թ(Ի)Ի Ռ..., т. е. «В лето 1000...» (табл. XII, 12).

5. Небольшая базиликальная церковь к югу от магистральной дороги, у реки. Хачкары вставлены в нишу.

а) Вправо от входа:

Ս... ԵՄ]Ա Թ(°)ՈՍԻՆ
ԱՄ...Ս...ՆԱ ԱՀՈՒՆ,
ԼՈՒԹՈՒՆ, ՇԱՀՂՈՒԼՈՒՆ:

Табл. XII, 13

Перевод: «[Сей св. крест] Тоса, супруги (?) Ану, Лути, Шахгула».

б) Хачкар, ныне находящийся внутри церкви²³:

[Ս(ՈՒՐ)Բ [ս](ա)ՀԱ Բ(ա)Բ/Է[սա(ւ)սի/ նուկզ(ա)ր(ի)ն և [իւր հ(ո)րն
Շահ/լուն և [իւր] մո(ր)ն Թամ/ի/ն:

Табл. XII, 14

Перевод: «Да будет поручателем сей св. крест за Нукзара и его отца Шахлу, матери его Тами».

в) Фрагмент надписи тем же строчным письмом сохранился в верхнем левом углу памятника (вероятно—поминальный текст резчика):

...և [իւր.../ ...էցէք, т. е. «... и его... [помя]ните».

6. Церковь, расположенная в нескольких метрах юго-западнее предыдущей. В западную апсиду чуть выше линии наличника вставлены два хачкара с надписями:

а) Вправо от входа:

Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱԶ[Ս]...
ԱԶԱՏԻՆ, ՎՈՒՍԷԹԻՆ:

Табл. XII, 15

²² Собственное имя под титлом-можно читать как Оваким? Иоаким?

²³ Хачкар был вставлен в южную стену, где сохранилось его место в виде ниши.

Перевод: «Сей св. крест... Азата, Вусета».

б) Влево от входа:

Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱԶՍ ԲԱՐԷԽԱԽՍ Է
ԹՎ(ԻՆ)
ՌԵ
ՍՈՒՐԽԱՆԻՆ ԵՒ ԵՒԼՈՒԻՆ:

Табл. XII, 16

Перевод: «В лето 1005 (=1556). Сей св. крест является ходатаем за Сурхана и Евлу».

7. Купольная церковь на западной окраине городища (исходя из одной легенды, местные жители ее именуют «у кого есть ум, то в голове»). Хачкары и их надписи выветрились, читаются лишь последние буквы текста: ... ԱԿԻ (табл. XII, 17)

8. Крестово-купольная церковь Иоанна Крестителя. Находится севернее одноименной грузинской церкви, в юго-западном квартале Греми. Снабженные надписями хачкары с обеих сторон западного входа выветрились, хачкар же южного фасада перенесен в Историко-этнографический музей города. На лицевой стороне высечена дата—

ԹՎ(ԻՆ) ՌԼԲ, т. е. «В лето 1038 (=1580)» (табл. XII, 18).

9. Церковь св. Сергия (Саргиса). Местонахождение церкви ныне именуется «Шихиани». Вероятно, в XV—XVII вв. «Шихиани» (развалины с. Агдгома) считался пригородным поселением столицы Кахетинского царства. Вставленные в западный фасад хачкары небольшого размера выветрились. В самой церкви, в куче каменных и черепичных обломков сохранился фрагмент хачкара со следующей надписью:

Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱԶՍ ՇԱՀ... т. е. «Сей св. крест Шах...»

Табл. XII, 19

10. В архиве ныне покойного фотографа из Тбилиси А. Арутюняна сохранилась фотокопия еще одной армянской надписи из Греми. Отыскать оригинал на месте нам не удалось, но сомневаться в ее гремском происхождении не приходится, ибо, помимо пометки фотографа, изображенные под условной аркой кресты стилистически всецело сопоставимы с однотипными изображениями из столицы Кахетинского царства:

[Ս(ՈՒՐ)Բ ԽԱԶՍ ԲԱ]ՐԷԽԱԽՍ Է ԹՈՒՂՍԹՈՒ
ՍՈՒՐԱԿՉԻՆ:

Табл. XII, 20

Перевод: «Сей св. крест является поручителем за Мурадчи Тугсата».

Если к перечисленным сооружениям добавить еще церковь Матар-

си, то сведение русского источника об их количестве—«армянских церквей з десять», оказывается совершенно достоверным²⁴.

Археологические раскопки Греми убедительно доказали, что основная масса сооружений города (независимо от их характера и назначения) была возведена в XVI в. (на это указывают и даты армянских надписей). Это является своего рода свидетельством значимости проводимых кахетинскими царями (прежде всего основателем царства—Георгием VIII) политико-административных и военных реформ, когда «вся страна была разделена на множество мелких административных территорий с моуравами (букв. *sigator*) во главе. При этом провели строгое определение прав и обязанностей этих моуравов. По своим полномочиям моуравы были несравненно слабее эриставов. Кроме того, военные полномочия эриставов были совершенно изъяты из компетенции моуравов. С военной целью страна была разделена на четыре садрошо (военный округ). Во главе каждого садрошо был поставлен епископ, которому вверялось знамя (дроша) в знак военного предводительства. Этому епископу-воеводе и подчинялись в военном деле и феодалы, и моуравы данного округа» [296, II, с. 95]. Это привело к усилению царской власти, ограничению прав и возможностей крупных феодалов и одновременно способствовало экономическому укреплению средних и мелких землевладельцев, купечества, а церковь «морально и материально» активно служила царской власти [ср. 296, II, с. 96].

XVI в., однако, никак нельзя назвать мирным периодом в истории Кахетинского царства, ибо, помимо внутренних трений (это особенно отчетливо выражалось в борьбе престолонаследников за власть), край подвергался неоднократным нападениям извне. Продолжались набеги дагестанских племен, в 1521 г. города Греми и Загеми были разграблены персидскими карательными отрядами. Ирано-турецкое соперничество привело к тому, что персидский шах четырежды шел походом на Грузию, о чем с нескрываемой гордостью рассказывает историк Хасан Румлу, участник похода [106, с. 21—35]. Сложилась такая внешнеполитическая обстановка, что «к концу XVI века Кахети оказалась вассалом одновременно трех соперничающих друг с другом государств: Турции, Москвы и Ирана» [296, II, с. 97]. И вот при этих, далеко не спокойных обстоятельствах, гремские зодчие и книжники находили время и возможность для материального воплощения своих творческих исканий. Традиционная благосклонность грузинского населения города и правителей благоприятствовала участию армян как в экономическом, так и культурном развитии края. Но, как было сказано выше, после двух нашествий Шаха-Аббаса в 1614 и 1616 гг. город был опустошен и, просуществовав еще несколько десятилетий, покинут жителями²⁵.

Угнанные вместе с грузинами в плен армяне Греми, как и ос-

²⁴ Неслучайно и сведение—«армянских церквей з 15»: очевидно, тут учтены комплексы двух трехчастных церквей.

²⁵ По словам русских послов, «а узорочья никакова в грузинской земле не видали, и торговых людей нет, а приезжают из шахова города ис Тифлиза арменья с худым товаришкам с киндяки, с кумачи, с пестредью и с бязью» [13, с. 332].

тальных поселений Кахети, по-видимому, довольно продолжительное время оставались двуязычными, на что указывают эпитафии их потомков на кладбищах армянских церквей в Новой Джуге, датируемые XVII—XVIII вв. [см. 318, с. 196—211]. Есть основание полагать, что и на чужбине контакты армян и грузин не прекращались. Помимо некоторых материальных доказательств [см. 255, с. 248—251], на это указывает и одно весьма примечательное свидетельство армянского агнографа: вынуждено пребывающий в Иране Мирак Тавризеци (вторая половина XV в.) «выкупив у неверных золотом и серебром многих пленных из Грузии—мужчин и женщин, стариков и детей,—выручил их и дал свободу вернуться в свои места» [38, с. 322].

* *
*

Резонно было предположить, что богатством памятников армянской эпиграфики Греми не должны были уступать еще два кахетинских города—Телави и Сигнахи. Выяснилось, однако, что их там почти нет, хотя значительная часть культовых и гражданских сооружений позднего средневековья сохранилась и дошла до нас. Сказать, что это обусловлено малочисленностью армян в названных городах, нельзя, ибо мы располагаем множеством нарративных и документальных источников, свидетельствующих о внушительном их количестве и активной хозяйственной деятельности. Так, в 60-е гг. прошлого столетия в Телави проживало 900 дымов армян, которые имели три церкви—одна вблизи царской крепости в старой части города, посвященная св. Георгию, вторая (с тем же посвящением)—в квартале Дзвелгалавани, третья же—базиличная церковь св. Богородицы—на старом кладбище города [220, с. 164]. Отсутствие армянских надписей в столь многочисленном по тем временам городе объясняется тем, что проживающие боком о бок с грузинским населением несколько столетий армяне Телави со временем стали почти исключительно грузиноязычными²⁶. Ростом-бек Ерзынкянц свидетельствует, что в период его пребывания в этом городе (апрель 1861 г.) лишь отдельные лица владели армянской речью и только после открытия армянского училища молодежь постепенно становилась армяноязычной.

Несколько иное положение было в Сигнахи: проживали там, в основном, новые переселенцы и их культурная грузинизация протекала сравнительно медленно. Отсутствие армянских надписей XVIII и первой половины XIX вв. нужно объяснить быстрым ростом города, частыми реконструкциями в старой части, и сносом старых сооружений. Доказательством того, что армянские надписи в Сигнахи имелись, может служить следующий факт: в 1889 г. в Сигнахи продавался магазин, потомки же старого владельца здания оспаривали право продажи и в

²⁶ Исходя из рассказов армян-телавцев, Р. Ерзынкянц датирует переселение армян в Телави концом XIII в. [220, с. 164]. Насколько это достоверно—трудно сказать. Новый поток переселенцев прибыл в Телави по инициативе Ираклия II из Гандзака. Поселены были они в квартале Дзвелгалавани с расчетом, что будут отражать набеги лезгин на город, что и, по словам Р. Ерзынкянца, неоднократно выполнялось.

качестве подтверждения законности своих протестов приводили «лапидарную унциальную надпись, вставленную в стену магазина», которая гласила:

«Ի ՅԱՌԱՋՆՈՐԴՈՒԹԵԱՆ ՏԵԱՌԵ ՅՈՎՀԱՆՆԻՍԻ ԾԱՅՐԱԳՈՅՆ ԿԱՌԱՎԱՐՉԻ, ԵՄ՝ ՓԱՐԷՄՈՒԶ ԵՒ ՈՐԴԻՔ ԻՄ ՄՈՎՍԷՍ, ԴԱՆԻԷԼ, ԹԱԹՕ ԵՒ ԴԱԻԹ ԵՒ ԹՈՌՈՒՆՔ ԻՄ ԳՕԳԻ, ԵՕՎԱՆԷ, ԳԻՔՕ ԵՒ ԳԱՍՊԱՐ, ԶԱՅՍԴՈՒՔԱՆՍ ՄԵՐ ԸՆԾԱՅԵՅԱՔ ՅԻՇԱՏԱԿ ՀԱՂԲԱՏԱՅ ՍՈՒՐԲ ՆՇԱՆԻՎԱՍՆ ԿԵՆԱՅ ԵՒ ՓՐԿՈՒԹԵԱՆ ԿԵՆԴԱՆԵԱՅ ԵՒ ՆՆՋԵՅԵԼՈՅ ՄԵՐՈՅ, ԵՒՍ ԱՌԱԻԵԼ ՎԱՍՆ ՀՈԳԻՈՅ ՀԱՆԳՈՒՅԵԱԼ ՈՐԴԻՈՅ ՄԵԼԻՔՈՅԻՆ, ԶԻ ՄԻԱԲԱՆՔ ՍՈՒՐԲ ՈՒԿՏԻՆ ՅԻՇԵՍՅԵՆ ԶՄԵԶ Ի ՍՈՒՐԲ ՊԱՏԱՐԱԳՍ, ՈՐ ԱՆԴ ՄԱՏԶԻ ՀԱՆԱՊԱԶ: Թ(ՈՒ)Ի ՀԱՅՈՅ ՌՄՄ»:

(«Нор дар», 1889, № 76, с. 2)

Перевод: «В предводительство верховного правителя владыки Иоаннэса я—Паремуз и мои сыновья Мовсэс, Даниэл, Тато и Давид, также внуки мой Гогг, Еованэ, Гико и Гаспар в память [нашу] сей наш духан отдали в дар св. Ншану Ахпата ради жизни и спасения здравствующих и почивших наших, тем более во имя души почившего моего сына Мелко, дабы члены братии святой обители помянули нас в священных литургиях, постоянно служимых там. В лето армянское 1250 (= 1801)».

Мы надеемся, что со временем будут выявлены и другие армянские надписи.

ГАРЕДЖА

Основание монашеской обители Гареджийского многогорья связано с подвижнической деятельностью Давида—одного из «сирийских отцов», впоследствии прозванного св. Давидом Гареджели (Гареджийским). При императоре Юстине I (518—527) начались гонения на монофизитов, что и вынудило монахов-монофизитов искать убежище в «северных странах», в частности в Картли (т. е. в Грузии). Прибывали они сюда небольшими группами и на разных этапах их преследования. Давид и, возможно, два его сподвижника—Лукнан и Додо, составляли первую группу «сирийских отцов», прибывших в Картли после 520 г., т. е. при Юстине I [см. 325, с. 19—50].

Основным источником истории основания обители Гареджа является житие Давида, сохранившееся в двух редакциях—архетипной и метафрастной¹. Составление архетипной (или так называемой кименной) редакции жития святого датируется первой половиной X в. [325, с. 22; ср. 328, с. 159, 162—163]².

Анонимный агиограф, видимо, не располагал значительными фактическими материалами, поэтому, опираясь на разные предания, вынужден был ограничиться описанием чудес Давида. Однако это вовсе не значит, что в имеющемся тексте жития нет реалий, отражающих историческую действительность.

В начальный период отшельничества в Гареджа Давид и его сподвижники-ученики поселились в пещерах горы, были настоящими пустынноиками-келейниками. Но скоро, как об этом рассказывается в житии, число братьев-пустынников заметно увеличилось, и по настоянию Давида Додо приступил к строительству обители Богоматери. После очередного чуда Давида (исцеление хромого сына некоего «варвара» Бубакра) новообращенные христиане построили церковь, которую впоследствии расширил и обновил Илларион. Так было положено начало строительству монастырского центра в безводной и почти лишенной растительности местности (табл. XIII, 1). Какова была действительная последовательность строительства отдельных частей этого крупнейшего монастырского пещерного ансамбля, каков был состав

¹ Издание критически установленных текстов см. [103, I, с. 229—240; III, с. 170—207].

² Достоверность этой хронологии подтверждается тем, что в тексте жития упоминаются деяния Иллариона Грузина (Картвели), деятеля эпохи императора Михаила III (842—867) и Василия I Македонского (867—886) [103, I, с. 236]. Житие Иллариона см. [103, II, с. 9—37]. Упоминание византийских императоров см. на с. 19 и 29.

«по свидетельству грузинских источников, патриарх Иберии Давид Гареджели вынужден был говорить в Камбечане (т. е. в Эрети) по-армянски—факт, который с предельной ясностью говорит о национальной принадлежности местного населения в VI в.» [159, с. 39]. Диаметрально противоположной точки зрения придерживается Т. Г. Папуашвили: «В VI веке, когда в окрестностях эретского многогорья было положено основание большой монастырской организации, церковное богослужение здесь с начала же совершалось на грузинском языке, грузинским был также разговорный язык местного населения» [360, с. 161]. Относительно последующих VI—X вв. сказано одно и то же: «Приведенные нами выше грузинские надписи VII—X вв. из Эрети явно говорят о том, что в этот период в Эрети [пре]обладал опять-таки грузинский язык, а эрское население церковное богослужение слушало на грузинском же языке...» [360, с. 170]⁶.

Категоричность взаимоисключающих заключений А. Ш. Мнацакяна и Т. Г. Папуашвили не поддерживается достаточным количеством имеющихся первоисточников. Прежде чем делать столь существенное заключение, следовало хотя бы окончательно выяснить реальные географические границы Эрети—Алванка (т. е. Кавказской Албании) в разные периоды существования этого государственного образования⁷, детально разобраться в сложнейших проблемах этнической истории края, при разборе того или другого вопроса исходить из всей совокупности разноязычных и разнотипных источников, а не только тех, в которых находит подтверждение выдвигаемая концепция. Не учитывается и тот факт, что в разных кантонах или частях Эрети—Алванка могли быть, и в самом деле были, неодинаковые этнокультурные компоненты и, наконец, различные части Албании в разной степени подвергались армянскому или грузинскому влиянию. Сложна была и конфессиональная ситуация как в целом в Эрети—Алванке, так и в отдельных его частях. Монофизитская армянская церковь и диофизитская грузинская соперничали тут постоянно. Успеха добивалась то одна, то другая сто-

⁶ Следует оговорить, что Давид не был «патриархом Грузии», а всего лишь прибывшим в Грузию монахом, положившим основание монашеской пустыни в Гареджа. Далее, о его беседе говорится только в одном грузинском источнике (т. е. в архетипной редакции, откуда она была заимствована и автором метафрастной редакции), к тому же, в источнике нет речи о самом Камбечане, а говорится об окрестностях или подступах Гареджийских пещер.

⁷ Историко-географическую справку о Камбечане и Кахети—Эрети в античную эпоху см. [144, с. 123—124, 127, 128; ср. 169, с. 25—31]. Примечательно, что по Страбону в Камбечане «армяне граничат одновременно и с иберами и с албанами» [География, XI, 4, I], «проход из Иберии в Албанию идет через безводную и каменную область Камбисену, к реке Алазонию» [XI, 14, 4], т. е. восточные границы Камбечана доходили до реки Алазани. И по «Ашхарацуйцу» Камбечан расположен *шап Иерше* — «по [реке] Иори» [219, с. 105; см. также карту при этом издании], но в новизданной книге Б. А. Улубабяна эта область всецело перемещена в восточные Алазани (см. карту «Восточные края Армении в V—VII веках», в книге [276], между страницами 120 и 121). В кавказоведении дискутируется также локализация Лпинка [232, с. 108—124].

рона, но это не означает, что местное население становилось то армянским, то грузинским. По представлению Т. Г. Папуашвили, успех монофизитов сопровождался искоренением грузинской культуры [360, с. 163, 168, 170], а, вероятно, при победе диофизитов—армянской. Но не надо забывать, что борьба шла вокруг конфессии, а не национальной культуры или богослужебного языка⁸. Независимо от вероисповедной принадлежности, в церквях грузинской общины богослужение совершалось на понятном грузинском языке, на том же языке высекались и надписи. Армяне-халкедониты, которых в этот период было немало и в самой Армении (хотя бы до Маназкертского собора в 726 г.), оставались носителями национальной культуры и в своем патриотизме ничуть не уступали монофизитам-соотечественникам. Если новобранный католикос Албании в начале VIII в. распорядился «сундуки с писаниями презренного Нерсеса, полными ереси, ...выбросить в реку Трту» [44, с. 241], то вовсе не потому, что они были написаны на том или другом языке, а исключительно потому, что они были «полны ереси».

Этот краткий обзор, как нам представляется, достаточен для того, чтобы убедиться в сложности обсуждаемой проблемы и необходимости обстоятельного и беспристрастного монографического ее исследования.

Интересующий нас отрывок из жития Давида цитировался неоднократно, но не было предпринято попытки проанализировать его с источниковедческой точки зрения. Как уже отмечалось, житие было написано в первой половине X в., описываемые же события или сюжеты имели место за четыре столетия до этого. Если бы анонимный автор располагал каким-либо письменным синхронным источником, то непременно предпочел бы дать соответствующие агнографические сюжеты, а не ограничиваться только чудесами святого. При всем своем усердии анонимный автор не мог раздобыть источник, в котором бы говорилось о языке общения святого. В грузинской агнографической литературе раннего средневековья немало страниц, содержащих беседы и даже допрос мучеников, выходцев из иной этнической среды (армянка Шушаник, перс Евстатий, араб Або и т. д.), но в текстах их житий речи нет о том языке, на котором происходило общение. Это значит, что того не требовала и сама модель агнографического сочинения. Эта деталь в памятниках грузинской агнографии появляется не раньше IX в., и не случайно, что именно в житиях «сирийских отцов» указывается язык, на котором прибывший в Грузию подвижник общается с местным населением (по-грузински говорят «сирийцы» Иоанн и Шино) [325, с. 41]. Вспомним также, что детализации подобного характера не ставились в зависимости от существующего под рукой автора источника. В дошедших до нас редакциях «Обращения Картли» (а следовательно, и в житии Нино) рассказывается, что она беседовала с пастухами, но вот воспользовавшийся этим текстом историк Леонтий Мровели счел нужным уточнить, что «св. Нино немного знала армянский язык... и, найдя среди пастухов говорящего по-ар-

⁸ Споры вокруг богослужебного языка в часовне св. Шушаник в Цуртаве были продиктованы совершенно другими обстоятельствами.

мянски, спросила у него...» [93, I, с. 85]. Цель историка ясна—снабдить текст логическими или правдоподобными подробностями, исходя при этом из реальной этнолингвистической ситуации своей эпохи. Именно так поступил и автор жития Давида. Таким образом, в рассматриваемом житии нашла отражение ситуация X в., а не VI, как считалось в литературе. На это указывают и другие подробности отрывка. Руиствавский «варвар» именуется «Бубакром», что, несомненно, взято из антропонимики мусульманского мира (в частности арабского), а с приверженцами ислама в Кахети общаться могли только со второй половины VII в.⁹ Подтверждением сказанного может служить и термин «ბობორიტო»—«варвар». Л. М. Меликсет-Бек этот термин прокомментировал дважды—в одном исследовании он его перевел как «чужестранец» [246, I, с. 98], в другом—как приверженец ереси борборитов [341, с. 220]. При переводе ученый исходил из значения слова в греческом (*βάρβαρος*—«чужеземец, не грек»), что неверно по двум причинам: во-первых, Бубакр был местным (руиствавским) князем и, скорее, он мог считать «чужестранцем» обосновавшегося в Гареджа монаха, выходца из Сирии, а во-вторых, в грузинской агиографической литературе IX—X вв. «варварами» назывались приверженцы ислама («неверные»). Именно в таком значении мы находим этот термин в «Житии Иллариона Грузина» («варварами» называются жители страны Шам, т. е. Сирии арабской) [103, II, с. 13]. О ереси борборитов автор X в. не мог иметь сколько-нибудь реального представления, ибо она была распространена в Западной Армении [274, с. 66] и была искоренена еще Маштоцем в первой четверти V в. Ни по каким источникам не видно, что эта ересь бытовала и в Грузии, притом столетием позже после ее искоренения. Об этой ереси нет упоминания в «Книге посланий»—в документах начала VII в.¹⁰

Все это приводит к заключению, что «варвар Бубакр» для VI в.—явный анахронизм. Но возникает вопрос—что побудило автора сочинить этот эпизод—встречу и беседу святого с охотившимся «варваром»? Аналогичный сюжет мы находим в житии Шио и Евагрия: вышедший с сыном и свитой на охоту князь Евагрий встречается с монахом Шио, обращается к нему с тем же вопросом, что и Бубакр к Давиду, и получает почти тот же ответ [103, I, с. 219]. К. С. Кекелидзе установил, что житие Шио принадлежит перу католика Арсения II (955—980) [328, с. 160—163]. Если это так, то можно заключить, что авторы интересующих нас сочинений пользовались одним и тем же преданием или одной и той же литературной моделью. Во всяком случае, в данном сюжете нет отзвука исторической реальности.

В какую именно административную единицу входили окрестности Гареджа в IX—X вв.—вопрос спорный и не столь уж существенный

⁹ Имя *Бубакр* может быть и вымышленным, своего рода «общим именем» инверцев: *Бунакр* назывался и перс из с. Норашенк Котайкской области, перешедший в христианство и в 1170 г. принявший мученическую смерть. После крещения он стал именоваться Исифом Двинским. Текст «Мученичества» см. [38, с. 46—70].

¹⁰ «Борборитов» нельзя идентифицировать и с «боноситами» (*Bonosiani*) ответного письма папы Григория Великого [201, с. 185, 190; ср. 314, с. 576], так как они упоминаются в общем контексте, а не в связи с Грузией.

для нашей задачи. Если исходить из степени культурной и вероисповедной арменизации Алванка—Эрети до Ишханика¹¹, то нужно полагать, что Гареджийское многогорье входило в пределы Кахетинского хорепископства, в котором коренное население было и оставалось грузинским. Разумеется, этнокультурные границы края (Эрети—Алванка в широком смысле) не всегда и не обязательно совпадали с границами административных единиц, но преобладание той или иной этнической единицы непременно сказалось бы в выборе богослужебного языка, на котором и создавались литературные памятники, высекались надписи. В этом отношении монашеские обители Гареджа были и независимы от политической ситуации оставались очагами грузинской культурной жизни. Однако специфика этнокультурной жизни стран Закавказья, и прежде всего порубежных очагов и контактных зон, заключалась в том, что национализация церкви не приводила к фактическому отчуждению того или другого культурного очага в глазах иных этнических единиц. В этом сказались как выработанные веками традиции межэтнического общения, так и общность судеб населяющих край народов. Популярность пустынь Гареджа в армянской среде поддерживалась несколькими обстоятельствами: длительное время после армяно-грузинского церковного разрыва в начале VII в. обитель оставалась монофизитской и, естественно, в указанный период количество армян-паллиримов должно было увеличиваться (сюда стекались и те потоки, которые раньше направлялись в картлийские священные места). После конфессиональной переориентации Кахети и Эрети диофизитами становились и местные армяне, которые чем больше отрывались от культурных центров армянского монофизитства, тем активнее вписывались в местную культурную среду. Именно этим, как нам представляется, нужно объяснить сохранение той «сильной эортологической традиции армянской церкви», которую Л. М. Меликсет-Бек находит «в пустынях многогорья Эрети, особенно же в Лавре Давида Гареджели» [341, с. 221]. Изображение св. Рипсимэ в трапезной Лавры, конечно, мало о чем может говорить (память ее, как и Григория Просветителя и Гаяне почиталась и грузинской церковью), но оставленные паллиримами-армянами надписи XIV—XVII вв., а также возникновение легенды об идентичности Давида Гареджели и философа Давида Анахта (Непобедимого) следует просматривать как проявление популярности Гареджа в среде армян¹². Еще одним проявлением этой популярности является и тот факт, что Ст. Орбелян, перечисляя участников состоявшегося в 1216 г. в Двине судебного разбирательства по спору вокруг принадлежности св. креста, называет и «Մեծ մամ[ամ] [Թափարն Գարշտկուցն» [47, с. 355]. Специалистами неоднократно отмечалось, что *Գարշտկուցն* является своеобразной передачей *Գարեջուցն*, т. е.

¹¹ Обстоятельный анализ политической и культурной истории края см. [159, с. 143—169; ср. 360, с. 171—237].

¹² Предлагаемая автором архетипного жития Давида этимология топонима Гареджа—Гареджа как «место внешнего (т. е. философского) размышления» основана, по-видимому, на уже существующей легенде о том, что тут покоится философ Давид, идентифицируемый с Непобедимым.

Гареджа [245, с. 78, 80]¹³. Возможно, тут мы имеем не искажение грузинского топонима, а передачу относительно древней формы (გარეშეთი—*Գարշտէր—Գարշտէուց*) [350, I, 276]¹⁴. Заслуживает внимания и слово *Մեծ*, которым назван «мамонтавар» Гареджа. Его переводят как «великий» («великий архимандрит Гареджи» или «священно-архимандрит, т. е. архиепископ или митрополит Гареджийских пустынь») [245, с. 80], но непонятно, почему историк называет «великими» только трех представителей—епископа Чкондида, епископа Ани и «мамонтавара» Гареджа. Под словом *Մեծ* мы склонны видеть не «великих», а «главных» епископов, если же это так (собственно, на это указывает и термин «мамонтавар»), то каждый из монастырей Гареджа имел своего настоятеля-игумена, а над ними стоял «главный настоятель», своего рода «прот». Такая интерпретация рассматриваемого термина прежде всего указывает на осведомленность историка в церковной организации Гареджийских пустынь и, тем самым, на популярность этой обители в армянской среде.

Следует констатировать также, что присутствие армянского этнического элемента в прилегающих к многогорью Гареджа территориях нашло отражение и в топонимике края¹⁵.

1. По словам Арсения Сапарели, не принятый кавказскими горцами Иоанн (Майрагомеци) «перешел в Камбечан и обосновался в малом ущелье, называемом *Ущелье Сомхитское*»¹⁶. «Сомхити» в данном контексте идентичен с *Հայր* армянских источников (т. е. с Арменией), следовательно, правильно поступают исследователи, переводя топоним как «*Հայրն Գար*»—«*Vallée d' Arménie*»—«Ущелье Армении» [246, I, с. 46; 288, с. 283, 344—345].

В какой именно части Камбечана находилось это «малое ущелье»—неизвестно, но возникает вопрос иного порядка—не идентично ли *малое ущелье Армении* «Малой Армении», о которой говорится у Плу-

¹³ Ср. [246, I, с. 98; 286, с. 111; 378, II, с. 306; 350, I, с. 283].

¹⁴ Л. М. Меликсет-Бек *Գարշտէուցն* корректирует (восстанавливает) в *Գարշտէր*, что крайне сомнительно, см. [246, II, с. 67].

¹⁵ Вопросы политической и исторической географии Кахети и Эрети рассмотрены в следующих трудах [378, II, с. 39—49; 295, с. 253—276; 353, с. 55—130; 169; 360, с. 5—237; 361]. Но здесь так много условного, противоречивого и взаимоисключающего, что из них трудно извлечь достоверно унифицированную справку по вопросам политической и исторической географии. В этом, разумеется, сказались не только фрагментарность и противоречивость первоисточников, но и специфика методики исследования отдельных авторов. Так, к примеру, на основании интерпретации свидетельств автора XI в. Леонтия Мровели, Т. Папуашвили определяет политические и географические границы, этнический состав Камбечана в I в. н. э. [360, с. 39—40]. На том же основании, что материалы из раскопок вблизи Хорнабуджа «почти идентичны с иберийскими», автор приходит к выводу, что «Камбечан в этот период (т. е. в II—IV вв.—П. М.) этнически грузинская страна» [с. 41], но ведь «почти идентичных» материалов немало можно найти и в других регионах Закавказья, и не только Закавказья...

¹⁶ «...გარდაშობილი კამბეჩანს და დამეკვდრა ქვესა შინა მცირესა, რომელსა ჰქვან ჯეო სომხითისა» [62, с. 92].

тарха в связи с отступлением Помпея и в одной из редакций «Ашхарацуйца» [159, с. 41—44]. Если такая идентификация окажется правильной, то следует полагать, что «Малое ущелье Армении» у античных авторов превратилось в «Малую Армению»¹⁷.

2. При локализации 16 гаваров области Таврубера по «Ашхарацуйцу» Н. Адонц следующим образом определяет местонахождение гавара Туарацатап: «...к востоку от нее (т. е. Мардалини.—П. М.) шли по порядку *Даснавор*, *Товараца-тап* и *Далар*, над Варажнунней и Харком, которые простирались до р. Арацания. По этому описанию, Даснавор—в долине Аракса рядом с Мардалиней, Товарацатап—нынешняя [равнина] Караяз, Далар—долина Елмали» [110, с. 314]. В примечании к этим строкам ученый приводит разночтение *Տարաժա-տափ* (Туараца-тап) и добавляет: «По арм. *поле для пастухов* подходит под равнину Караяз».

Предлагаемая Н. Адонцем идентификация Товарацатапа с долиной (или равниной) Караяз ввела в заблуждение И. А. Джавахишвили и Л. М. Меликсет-Бека, которым показалось, что речь идет о Караязе на левом берегу Куры (недалеко от нынешнего Рустава, где теперь расположен Гардабанский р-он ГССР) [378, II, с. 47—48; 341, с. 219—220]. Следует напомнить, что Туарацатап «Ашхарацуйца» и *Тварцатап* в сочинении Георгия Мцире «Житие Георгия Мтацмидели» [103, II, с. 118—119] упоминается еще в урартских надписях и находится в верховьях Арацани [113, с. 356—358]. Тварцатап Георгия Мцире в конце X и начале XI вв. был вотчиной повстанца П'ерса (Периса) сына Джоджика, представителя знатного рода из Тайка, о котором рассказывают греческие, армянские и грузинские источники [17, с. 65]. Следовательно, этот Товарацатап/Тварцатап не имеет ничего общего с Камбеченом—Эрети¹⁸. Но топоним *Туарацатап*, или его вариант *Тавратап*, не чужд и Камбечану. И. А. Джавахишвили на 5-верстной карте отметил наличие ойконима Тауратапа (севернее монастыря Гареджа) [378, II, с. 48], что, видимо, можно рассматривать как грузинскую транскрипцию армянского *Տա[ա]րա[տ]ափ-ա* (т. е. долина или пастбище для скота). Историк Давида Строителя с похвалой отзывается об этой зоне, особенно пригодной для зимовки [93, I, с. 332; ср. 341, с. 219].

3. С ссылкой на письменное сообщение Г. М. Гаприндашвили, в исследовании Д. Л. Мухелишвили констатируется «наличие вблизи от Саберееби топонима «Насомхари», т. е. *место, где жили армяне*» [169, с. 28]. Пещерный монастырский комплекс Саберееби (Магазана), как известно, являлся расположенной на довольно большом расстоя-

¹⁷ Д. Л. Мухелишвили полагает, что под *Сомхити* Сапарели надо подразумевать южные провинции Грузии [169, с. 27]. Но непонятно, каким образом ущелье южных провинций (Гугарка) оказалось в Камбечане?! Его же словами: «Идти на это, строго говоря, можно только несколько насилуя источник, извлекая из него то, чего он, собственно, не содержит» [с. 126].

¹⁸ По словам грузинского агиографа, жена казненного П'ерса (Периса) на двенадцать лет была задержана в Константинополе, а затем «царским велением эта «божественная женщина» опять вернулась в свои простины (პროსტინა) в Тварцатап [103, II, с. 118].

нии частью Гареджийского многогорья. Следовательно, армяне не только посещали Гареджа, но и жили в ее окрестностях (еще один топоним «Насомхари» известен по позднефеодальным грузинским источникам вблизи г. Телави).

Мы привели те топонимы, которые относятся непосредственно к окрестностям Гареджийского многогорья. Специальное исследование, вероятно, выявит немало новых названий, если не армянских, то хотя бы находящихся аналогии в топонимии Армении: *Хорабудж-и* (от *Хорабург* (?), ср. *Хоракерт*), *Хоранга* (ср. арм. *Хоранк*), *Матури* (ср. арм. *Матур*), *Нахчаван-и* (ср. арм. *Нахчаван*), *Челети* (ср. арм. *Чалут*) и т. д.

Еще одним доказательством присутствия армянского этнического элемента как в крае, так и в составе подвижников Гареджа служит выявленная в последние годы в комплексе «Саберееби» церковь, украшенная фресками с армянскими надписями. Комментируя им самим обнаруженный факт, спелеолог Г. М. Гаприндашвили заключает: «Одна из церквей вместе с официальными грузинскими надписями содержит и армянские. Данное явление наглядно указывает на то, что в IX в. здесь, наряду с грузинами, в выделенной для них независимой обители подвизались и халкедониты-армяне... Гареджа—это грузинский Афон, где вместе с грузинами подвизались представители (дословно—сыны.—П. М.) другого народа. В данном случае—«Саберееби» является весьма значительным очагом грузино-армянского культурного взаимоотношения» [299, с. 8].

Познакомившись с фотокопиями фресок и надписей, а затем и в любезном сопровождении Г. М. Гаприндашвили побывав в Саберееби, мы убедились в правоте ученого: армянские надписи воспроизводят те отрывки из текста Евангелия, которые изображены в фресках, а это значит, что они и выполнены одновременно. Одна из надписей поминального характера—*ՅԻՇԵՍ ԶԻՍ, Տ(Է)Ր, Ի ԲՈՒՄ [ԱՐԲԱՅՈՒԹԵԱՆԴ]* (ср. Лука, 23, 42), и, по всей вероятности, принадлежат либо самому художнику, либо ктитору-заказчику («Помяни меня, господи, в царстве твоём») ¹⁹.

¹⁹ Тексты надписей готовит к печати Г. М. Гаприндашвили (табл. XIV).

Краткая искусствоведческая характеристика фресок этой церкви (она определена как крестово-купольная и названа «церковью № 7») дана в альбоме Т. С. Шевяковой «Монументальная живопись раннего средневековья Грузии» (Тбилиси, 1983, с. 11—12) с репродукцией нескольких сцен (№ 34—40). Как и следовало ожидать, вместе с изображениями воспроизведены и сопровождающие их пояснительные надписи:

1. Репр. № 35. Распятие (северная стена). Надпись вправо и влево от головы Христа.

└ ՄԻ ՈՄԸ ՍՊՈՒԼԳ
ՄԻ ԲԱՅԱՆՈՎ ԽԱՌՆ-
ԵԱԼ ԸՆԴ ԼԵՂԻ ՏԱՅՐ
ԸՄՊԵԼ ԵՄԱ/...ՅԻՍՈՒՍ ԱԻԱՆ-
ԴԵԱՅ ԶՈՂԻՆ

2. Репр. № 36. Медальон-символ солнца (юноша с факелом). На медальоне—*ԿՎԻՈՆ ԱՐԵՐԱԿԸ* (т. е. «солнце»). Влево от медальона, сверху вниз—*[ԱՐ]ԵՐԱԿԸ ԽԱՌԱՐԵՅԱԻ*, т. е. «солнце померкло» (Лука, 23, 45).

3. Репр. № 38. Жены мироносицы (зап. стена и половина свода сев. рукава):

Немаловажной иллюстрацией действительной популярности как культа самого Давида Гареджели, так и всего монастырского центра в среде армян являются сохранившиеся армянские пилигримные надписи, собранные и изданные Л. М. Меликсет-Бекком. Они были выявлены ученым еще в 1921 г. при первом его посещении памятника в составе экспедиции, возглавляемой Г. Н. Чубинашвили. В 1929 г. он вновь посетил Гареджа, на этот раз занимаясь проверкой и уточнением своих чтений и расшифровок. Согласно одному примечанию от 1934 г., он намеревался опубликовать эти надписи в своде «Армянской эпиграфики в Грузии» [246, I, с. 98], однако впоследствии решил не ждать издания свода и опубликовал отдельной статьей [339, с. 153—175], а одну из этих надписей, четырехязычную,—еще в двух других публикациях [248, с. 31—38; 146, с. 56—62].

Л. М. Меликсет-Бек уверен, что таких армянских пилигримных надписей «раньше было еще больше, но во время проведенной в XIII веке реставрации, когда стены пещер были заново оштукатурены, многие из них погибли» [341, с. 222]. Можно предположить существование отдельных армянских надписей и до XIII в., но нет никаких оснований, что их было «еще больше», ибо стены пещер, особенно не оштукатуренные, не удобны для нанесения поминальных записей ²⁰.

Из пещерных комплексов Гареджа богатством поминальных записей выделяются Трапезня и главная церковь «Удабно», церкви Благовещения, св. Георгия и комплекс «Бертубани» (т. е. слобода монахов). По подсчетам Л. Меликсет-Бека, в Гареджа имеются надписи: «В большом количестве грузинские, а также до 20 армянских, 8 греческих и 21 восточная (арабским письмом), наконец, уникальная в своем роде тетралингва, т. е. четырехязычная надпись,—на грузинском, армянском, персидском и уйгурском языках, датированная 1352 годом н. э.» [146, с. 56].

Удабно. Комплекс состоит из многочисленных, вырубленных в

*ԴՍԵՐԲ ԵՐՈՒՍԱԿԷՄԻ, ՄԻ ԱՅՔ Ի ՎԵՐԱՅ ԻՄ, ԱՅՂ ԱՅԷԲ Ի ՎԵՐԱՅ Ա[Ը]ՉԱՅ
ՉԵՐՈՅ* — Дщери иерусалимские, не плачьте обо мне, но плачьте о себе (Лука, 23, 28).

4. Репр. № 39. Медальон-символ луны (девушка с рожками полумесяца и факелом)—*ՏԻԱԼԻՈՆ* (т. е. *σεληνίς*—«луночка»).

Ниже, на изображении архитектурного сооружения (по определению Т. С. Шевяковой—«Гроб господень») —*ՏԱՃԱՐԸ ԵՒ ՎԱՐԱԳՈՅՐԸ ՅԵ...*—«Храм и завес [Иерусалиме]» (ср. Лука, 23, 45).

Автор надписей (он же художник) греческие слова фиксировал именно в той форме, как он их произносил—*ԼԻՈՆ* вм. *ήλιος*, т. е. *η=ι*; *ՏԻԱԼԻՆԵ* вм. *σεληνίς*, т. е. *ε=ι*, *η=ι*. Аккузативную форму (*ήλιον* он воспринял за именительную, а слово *σεληνίς* произносил без последней *ι*, с ударением на *η*). По-видимому, художник не был греком и плохо владел греческим литературным языком, однако в знакомстве с греческой мифологией и памятниками эллинистического искусства ему нельзя отказать, о чем свидетельствуют изображения символов солнца и луны. Росписи восточной апсиды сопровождаются грузинскими надписями. Их автором является «ՅՊԵՆԱԼՈ ՅԼՈՅՈՅ Ժ[...]

—«Писец убогий К...».

²⁰ Свод грузинской эпиграфики Гареджийского многогорья см. [77, с. 46—58, 156].

несколько ярусов, пещер, главного храма, обширной трапезной, небольших церквей, келий и помещений хозяйственного назначения. По характеристике А. Вольской, «планировка трапезной и связанных с ней подсобных помещений показывает, что строитель ее был хорошо знаком с сооружениями подобного рода и, исходя из специфических особенностей пещерной архитектуры и подробностей данной обители, создал удобно спланированный комплекс помещений, с выделением вместительного зала для трапез и собраний, в котором, судя по нишкам в столах, приблизительно, могло разместиться одновременно 70—80 монахов и между столами оставалось еще достаточно свободного места» [118, с. 16—17]. Интерьеры трапезной, церквей и отдельных ниш украшены фресками, которые датируются историками искусства концом X в. по XIV включительно. В разных частях роспись впоследствии подправлялась, поновлялась, а местами нанесен новый слой фресок. «Наличие в росписи трапезной Удабно поновлений позднего времени позволяет убедиться в устойчивости этих традиций в данном районе Грузии, хотя в колорите и произошли определенные изменения, указывающие на некоторое влияние памятников столичного круга. Но, сравнительно с поздним поновлением, в росписях первого слоя трапезной и главного храма графически-плоскостной стиль, с явно выраженной тенденцией к линейности, выступает более «обнаженно», в наиболее чистой форме; и это так же можно рассматривать, как свидетельство ранней даты росписи, относящейся к тому периоду развития грузинского искусства, когда начавшая определяться к XI веку новая ориентация грузинской культуры на Византию не вытеснила еще в более ранних памятниках черты, связанные с восточно-христианскими традициями» [118, с. 83—84].

Указанные специалистами поновления, разумеется, имели место до и после появления интересующих нас поминальных надписей пилигримов. Последним периодом работы живописцев справедливо считаются первые десятилетия XIV столетия.

Следует отметить, что армянская эпиграфика Большой трапезной, как и остальных обителей Гареджа, издана Л. М. Меликсет-Беком с достаточной полнотой, но в проверке и коррективах нуждаются многие из ныне существующих надписей.

Надписи в Трапезной (северная стена):

1. Չտ(է)ր զտ(է)ր Ավար էրէցս
 և զՅակոբս, զՄրվանս,
 զԱվար էրէցս անեցի
 և զՀամաղասս) զտ(ի)րաց(ու)ս և զ(ու)լ(ու)մ
 անարժանք անէք,
 զՋորանս:
 Թվ(ին)Պ:

Перевод: «Священников [нас] иерея Авака и Якоба, Мрвана, иерея Авака из Ани и причетника Амазаспа—весьма недостойных [удостоите] помянуть, [и] меня—Джорана. В лето 800 (=1351)»²¹.

²¹ В грузинском переводе Л. Меликсет-Бека второй տէր первой строки воспри-

2. էս՝ Սուշատ,
 լաչ շայեցի ձէր ս(ուր)ր
 աղօթ[օ]ր:

Табл. XIII, 2

Перевод: «Я, Суджат, вашими св. молитвами выгадал сына»²².

Первый издатель этого текста заметил, что надпись исполнена той же рукой, что и предыдущая, следовательно, ее можно датировать тем же временем [339, с. 166].

3. ՉՍարգիս
 արեղէս և
 զԹումանպէկս՝
 զԱղբերկայ որդիս
 յաղաթս յիշեցէք. Ի Թ(ուին) ՊԱ:

Перевод: «[Нас]—унока Саргиса и сына Ахберика Туманпэка упомяните в молитвах. В лето 801 (=1352)»²³.

4. Թվ(ին) ...
 Ես՝ Յոհանն <ան> ...
 Գէղէր <ն> ...
 Սարգ <իս> ...
 տէր ...
 Ը:

Перевод: «В лето [801 ? (=1352). Посетили] я—Иоанн..., Рэдэон..., Саргис... владыка...».

- 5... Նաթելիս... т. е. «... я—Натель...»

6. Чуть выше и левее предыдущей (у Л. М. Меликсет-Бека не представлена):

- Ես... էրէց զգրէ տծ (°)ողի |...սիրու|...

Перевод: «Я, иерей... пишу, да помилует (?), бог... любви...».

7. զտ(է)ր Սարգի <ս> ...
 Հալուայ...

нят как собственное имя, а собственное имя Ավար—как термин протоиерей. То же самое произошло и с третьей строкой: Мрван и иерей из Ани Авак превращены в одно лицо—М(у)рван, протоиерей из Ани, а имя Ջորան в переводе заменено много-тоном. Последний, видимо, сопровождающее духовнослужителей лицо, которому и, судя по месту его имени, пришлось составить и писать текст. В четвертой строке в. սիրացուս զուլում անարժանք Л. М. Меликсет-Бек читает էրէցս յիշատակ արժանի [339, с. 165].

²² В чтении Л. Меликсет-Бека: էս Սուշատ լաչ (sic) շայեցի ձէրս (sic) բանեղս (sic) Թվ...».

²³ Л. М. Меликсет-Бек воспринял графемы находящейся рядом другой надписи за продолжение 2-й и 3-й строк. Собственное имя Աղբերկայ им прочитано Աղբերն.

ծառայ ա(ստուծո)յ
 եւ Յովանէ-
 ս անյախթ
 փիլիսոփ-
 աչիս գերեզմ-
 անիս, որ ս(ուր)բ հար-
 ք իմ և եղ[բ]ար[ք], յաղ-
 [աւթ]ս յիշեցէք,
 և ա(ստուա)ծ զձեզ յիշէ: Ամ(էն):
 Ի թ(ուին) ՊԱ:

Табл. XIII, 3

Перевод: «Священника Саргиса... Алуа, слуги божьего и могилы непобедимого философа Иоанна, вы—святые отцы и братья, упомяните в молитвах, и да упомянет вас бог. Аминь. В лето 801 (=1352)»²⁴.

8. Ես՝ Խէրէդինս,
 [Ա]բր(ա)հ(ամ)այ որդիս...

Перевод: «Я—Хэрэдин, сын Абраама (?)»...²⁵.

9. Трижды изданная Л. М. Меликсет-Беком четырехязычная надпись приводится по последней его публикации, сопровождающейся фотокопией, снятой в 1929 г. (табл. XIII, 4). Грузинская, армянская и персидская редакции текста воспроизводятся нами с незначительными коррективами, уйгурская же (дешифровка и транслитерация которой принадлежит С. К. Малову)—в том виде, каком она выглядит в издании и переводе Л. М. Меликсет-Бека. По словам издателя, надписи начертаны «желтоватой краской по белому фону штукатурки с росписью XIII в. на северной стене трапезной пещерного комплекса «Удабно», примыкающего с запада к Лавре св. Давида Гареджийско-го... Первая надпись—грузинская—в 6 строк, нанесена наискось, с ориентацией кверху, к росписи; вторая—армянская—тоже в 6 строк, идет параллельно с первой, также наискось; третья—персидская—в 5 строк, как будто несколько выпрямлена и имеет более или менее горизонтальное положение; наконец, четвертая—уйгурская—в 5 строк, отличается вполне горизонтальным начертанием» [146, с. 57]. К сожалению, поиски этой надписи к положительным результатам не привели (она погибла при падении штукатурки?).

Грузинский текст

<მე, მი>წაი <მცი>რე სარგის ძე არასლანისა, ამოვედიო წმინდა
 <ლავ>ითისა საფლავსა მე და ჩემმან მეუღლემან და ჩემმან შვილმან

²⁴ В предыдущем издании вм. *որ սուրբ հարք իմ և եղբարք* причитано *որ որ շարք իմ և եղար* (sic) и поскольку в таком виде отрывок лишен смысла, он оставлен без перевода, но совершенно уместно уточнено, что речь идет о Иоанне Одзнеци.

²⁵ В имеющемся издании *բրհա որդիս* [339, с. 167] вм. *Աբրահամայ որդիս*: Надпись не сохранилась.

ամիր սաիւ Լուսեզալ հեցն և ձ հեցնոս <հեցնոս> Գարձասլուտա (?) և Եղեզատա Մեն-
 Լոմոնատ(ց)ոն. և Յոնցա Մոյկոտոնոս ց և Մենլոմա տէջես, մաս և մոստա Գար-
 <Լա>սլուտա Մե(ղ)նը(ց)եց և (մեղ)տման և Մոնն և Վոյոտ. Լաիճրա տեց մոսն,
 յի(ռոն)յ(ո)նս Թ.

[146, с. 58]²⁶

Перевод: «Я—прах ничтожный Саргис сын Араслана; я и моя су-
 пруга и мой сын Амир-Саид, поднялись к могиле святого Давида для
 моления за нас и усопших наших и за прощение грехов. И кто про-
 читет сие и скажет прости, тому и усопшим его да простят [грехи] бог
 и святой Давид. Писано в мае месяце хроникона 40 (=1352 г.)»²⁷.

Армянский текст

+ Մառէս և անարժանս Սարգիս Ասլանի որդիս էկար
 և ս(ուր)բ Դավթի գերեզմանն ի աղաւթս, ս(ոյնպէ)ս և տուն իմ և
 դավակ իմ Ամիր Սայիդ՝ վասն (") ցմեղաց (") <փր>կութ(եան) մեզ և ննջեց-
 էլոց մերոց: Ով որ կարդէք՝ մեղաց թողութիւն(ն) հարամայէք ("),
 որ ա(ստուա)ծ թողութե(ան) արժանի հրամայէ ըզձեր մեղքն: Գրեցավ
 զգիրս ի <մայիս> ամիսն, ի թվ(ին) ՊԱ.²⁸

Перевод: «Я, раб [божий] и недостойный сын Аслана, [а] также
 моя семья (т. е. супруга.—П. М.) и мой сын Амир-Саид, пришли к мо-
 гиле святого Давида на моление за спасение от грехов нас и усопших
 наших. Кто [сие] прочтете, прикажите прощения грехов [наших], дабы
 [и] бог приказал [считать вас] достойными прощения ваших грехов.
 Писано в мае 801 года (=1352)»²⁹.

Персидский текст

بندہ کاتب سرکیمس بن ارسلان... مسیحی(؟) بہ نیت اخلاص
 وزیارت داوود پاک بندہ و حلال بندہ
 و... بندہ امیر سعید و بنماز و طاعت از برای ما و گذشتگان...
 وغویغی و گناہان و نافرمانی در گفتن حق تعالی و داوود پاک گناہان
 ویغی را عفو گرند... (؟) فی شہر ربیع الآخر سنہ ثلثہ و خمسین (و) سبع ماہ

²⁶ Чтение Л. М. Меликсет-Бека воспроизведено Т. В. Барнавели [77, с. 50]. На-
 ми в угловые скобки взяты те слова и буквосочетания, которые не просматриваются
 в фотокопии. Возникшие при сличении с фотокопией сомнения отмечены вопро-
 сительным знаком. Конечная буква *س* в слове *موسس* дана издателем как авторское
 восстановление, но она имеется и в фотокопии.

²⁷ В переводе издателя пропущено выражение «за нас и» [146, с. 58]

²⁸ В начале второй строки (перед *ի սուրբ*) налицо какое-то сочетание букв
 (*հրաշ*—чудо?) или изображение. В той же строке вм. *վասն իմ* или *վասն զասն իմ*
 [146, с. 58—59] мы читаем *ս(ոյնպէ)ս և տուն իմ*: В четвертой строке следует читать
 не *կարդէս*, а *կարդէք*. В пятой строке читается *ըզձեր* (так и в первой публикации
 Л. Меликсет—Бека) [339, с. 162], в последнем издании представлено как *զձեր* и *եզեր*
 с отметкой „так!“. Есть графическое основание вм. *թողութիւն* читать *թողութեան*:

²⁹ Перевод Л. М. Меликсет-Бека пересмотрен согласно внесенным в армянский
 текст коррективам.

Перевод: «Пишущий [сие] раб [божий] христианин (?) Саргис сын Арслана... в намерении очищения [своего] и посещения праведного Давуда раб [божий] и раб [божий] Амир Сеид пришли для молитвы и поклонения... и для прощения излишества и грехов и непокорности в говорении истины всевышнего и праведного Давуда грехи и излишества прощения... (?). В месяце раби II 753 года (= 1352)».

Уйгурский текст

(«В латинской транскрипции согласно дешифровке С. Е. Малова»)

Män jaman qul Särgis Arsalan oγly...
ary Daudnum... ynda män(?) umunum alalum
umnum (?) oγlum Amir Said... üč ün
...tänrī (?)... gylsun ärkin oqysun... tun
...tun gylsun...

Табл. XIII, 4

Перевод: «Я, грешный раб Саргис, сын Арсалана, в святого Давида, за сына моего Амир-Саида... бог... да сделает, каждый пусть читает пусть сделает» [146, с. 60].

Как бы ни была фрагментарна дешифровка двух последних текстов—персидского и уйгурского, в них сказано то же самое, что и в грузинском и армянском текстах, а именно: Саргис, сын Аслана (Арсалана/Араслана) в сопровождении супруги и сына Амир-Саида посетил могилу св. Давида.

10. Граффити на восточной грани первой от апсиды колонны:

Ես՝ անարժան ծառայս
ա(ստուծոյ), յիշեցէք զինչս (°)
ի մարտիրոսի աղոյթին ձեր աղ-
աչեմ: Ի Թվ(ին) Հայոց ՌՃ
ՂԵ:

Табл. XIII, 5

Перевод: «Я—недостойный слуга божий. Прошу помянуть в святых молитвах ваших Иная (?). В лето армянское 1195 (= 1746)».

11. На восточной стене:

Ես (?) Ես՝ Բատաւ գրեցի:

Табл. XIII, 6

Перевод: «...Я—Батав написал».

Главная церковь Удабно также оштукатурена и украшена фресками, изображающими разные эпизоды из жизни и деяний св. Давида. Записи пилигримов-армян в этой церкви по существу не отличаются от таковых в трапезной. Примечательно лишь то, что часть записей пилигримов-армян нанесена на грузинском языке.

1. В алтарной апсиде (скала свалилась, и этой надписи ныне нет):

Ես՝ Յովանէս Էրէցս գրեցի, տփ<խ>եց-
իս Ի Թվին ԶԺԶ: [339, с. 168]

Перевод: «Я, иерей Иоанн из Тбилиси написал в 916 году (= 1467)».

Этот усердствующий пилигрим не довольствовался одной армянской записью и нашел нужным зафиксировать свое посещение в трех других грузинских, записях (две из них письмом «асомтаври»—унциальным).

а) იოვანე
ხუცესი
ჰწერე სომ-
ებთა.

Перевод: «Написал [я]—иерей армян Иоанн».

ბ) იოანე ხუცესი ჰწერ — მოქალაქე
სომეხი. ქ(რ)ნ(ი)კ(რ)ნ(ი) ԹԵ.

Перевод: «Пишу я—иерей Иоанн—мокалаке (т. е. «горожанин»—«тбилисец»).—П. М.) армянин. Хроникона 155 (= 1467 г.)».

ვ) მე, ცოდვილი იოვ-
ანე ხუცესი, მოქალაქე
სომეხთა, ველირსე წმიდის
დავითისა საფლავს. ვინცა
ერისი პირი შენდობა ბრძანოთ—მისითა
მადლითა ცხონდებით. დაწერა ქ(რ)ნ(ი)კ(რ)ნ(ი) ԹԵ³⁰.

Перевод: «Я, грешный иерей Иоанн, мокалаке армян, удостоился [посещения] могилы святого Давида. Кто хоть раз скажет помилуй—да будет здравствовать его благодатью. Написано хроникона 155 (= 1467 г.)».

2. На западной стене церкви, ниже пространной грузинской пухурной надписи (у Л. М. Меликсет-Бека не представлена):

Ես Բուրարախը լայ գրեցի, որ ով
դայ աս Եկեղեցիս դաս Գլխոս կարդայ՝
ա[ս]է՛ Ա(ստուա)ծ ողորմի գրողին, կարդացին
ա(ստուա)ծ ողորմի, որ աւէ ա(ստուա)ծ ողորմի գրողին:

Табл. XIII, 7

Перевод: «Написал я—Бубаракшай, дабы пребывающий в этой церкви прочел бы эту запись [и] сказал: да помилует бог писавшего, да помилует бог читавшего, дабы сказал: писавшего да помилует бог».

3. Вправо от предыдущей, повыше грузинской надписи письмом «мргловани» (у Л. М. Меликсет-Бека не представлена):

³⁰ Грузинские надписи письмом оригинала и в «мхедрульной» транслитерации воспроизведены в [77, с. 49].

Ես՝ մեղաւոր Թիֆլիցի տ(է)ր Խաչատուր...
 այս և Թուշմի տղա Շահվերդիս և Եարաջրի տղա
 Արուսիւնս եկանք տեղս ուխտ. ի Թ(ուին) ՌՃԻԳ
 փետերվարի ամսու քսան, օրն շաբաթ. և մէկ բէրան
 ողորմի ասէ՝ ա(ստուած) իրան արքաութի(ւն) պարբէէ:

Табл. XIII, 8

Перевод: «Я—грешный тэр-Хачатур из Тифлиса ... и я—сын Туш-мала Шахверди, и я—сын Еараджыза Арутюн пришли в сие место на богомолье, в лето 1123 (=1674), месяца февраля двадцатого, в субботний день. [Кто] хоть раз скажет «да помилует»—да подарит бог тому царство [небесное].»

4. На северной стене ниши в северной стороне церкви:

էս անաժի Փարէմ-
 ուղ պրէցի. ով ասէ
 մի բէրան ողորմի՝ ա(ստուած)
 ողորմի:

Табл. XIII, 9

Перевод: «Написал я—недостойный Паремуз; кто хоть раз скажет помилуй, [того] да помилует бог.»

5. Ես՝ մեղաւոր, անարժան տ(է)ր Բարսեղս եկայ
 տեղ ս(ուր)բ հարիր ժողովրդովք ուխտատեղս. ով որ
 կարդար՝ մէկ բէրան ողորմի ասացէք: Թվ(ի)ն ՌՃԼԱ:

Перевод: «Я, грешный [и] недостойный священник Барсег, со столюбью пришел в святое место—в сию святыню. Кто прочтет—хоть раз скажите помилуй. В лето 1131 (=1682).

И в этой нише имеются грузинские записи, оставленные, судя по именам, паломниками-армянами, датируемые XVIII—XIX вв. [339, с. 169; 77, с. 49].

а) յ. հրեբ թոյրոտ—տոտոանտ շոտոնա և(ալոցքեղ)ը.

Перевод: «Мы пришли на моление—Арутин Питоант.»

б) լմբ՝ոտ, Մեյֆալե տ՝ոիւր ցոլեւո շոցոնա՞ւո շոց՝ոյ.

Перевод: «Боже, помилуй весьма грешного Аветика Гогинашвили.»

Несколько армянских надписей сохранилось в находящемся между трапезной и главной церковью помещении, которое в специальной литературе именуется «бегели»—«житница, кладовая».

1. На восточной стене северной ниши:

Կատարէլ հավատ՝ ոչ, և բարի անուն ա(ստուած)այպսակ սուրբ
 բահանայք
 Գարեշայ: ի Թվիս ԶԻԳ ծառայ ա(ստուած)յ... այս դմանեցիս
 հասար ի տուն յայս:

Перевод: «Боговенчаннные святые иереи Гареджа—с добрым именем, [но] без веры совершенной. В лето 723 (=1274), я—слуга божий... из Дманиси дошли в сей дом.»

2. Հութ-

ուս գրէցիք ու ես Գրուս-
 ին և-
 իչ բերդեն. և նիր-
 շարապետ ար-
 ուճանք արար:

Табл. XIII, 10

Перевод: «hУту написал, я же, Кроса,—сделал графию; один глава мастеров сделал прорись.»

Эту надпись Л. М. Меликсет-Бек называет «совершенно непонятной» [339, с. 170]. Сначала мы были склонны считать ее криптограммой, но выяснилось, что автор надписи пользуется терминами, взятыми из лексики мастеров фресок: նիրշարապետ—глава живописцев, художников, արուճանք—прорись, իչ բերդեն—عاج کردن—нарезать, гравировать.

3. На северной стене:

Կամաւ ամէնակալին ա(ստուած)յ, այս իմ գիր
 է՝ Սարգիս իրիցոյ, որդոյ Ալփոյի:
 Ողորմի Բ(րիստո)ս կարդացողին և ինձ մեղաւորիս:
 Գրեցաւ ի Թ(ուին) ԶՄԱ:

Табл. XIII, 11

Перевод: «Волею вседержателя бога, сия моя запись—иерея Саргиса, сына Алпоя. Да помилует Христос читателя и меня грешного. Написано в лето 751 (=1302)»³¹.

4. На восточной стене сохранилась грузинская запись в армянской транслитерации:

Բ(րիստ)էս դմերթո, շեիծ(ա)լէ նիկոլաոզ
 Մարիամմիդիի գլխակի:

Табл. XIII, 12

Издатели текста восстановили грузинскую графику:

[Մեբ], յ(հոստ)ը լմբոտո, Մեյֆ(ա)լե Եոլոլոն
 Եոլոլմբոլեղլո ճլախայ:

[339, с. 170; 77, с. 50]

Перевод: «Христос боже, помилуй убогого Николаоза из Мариамцида»³².

³¹ Если исходить из норм раннего «грабара», то выражение ողորմի Բրիստոս կարդացողին можно переводить как «Да помилует [господь] почитателя Христа». Но в XIV в. термин կարդալ в столь архаичном значении почти не применялся.

³² Идентичен ли Мариамцида с Мариам-Джвари? В конце имени Բրիստէ налицо графема տ, которую в обратной транслитерации мы передаем словом Մեբ.

Церковь Благовещения (Харебис эклесиа). В 1921 г. Л. М. Меликсет-Бек выявил в этой церкви три надписи: одну на фресках Давида и епископа Иоанна (южная стена), другую—левее изображения Давида на северной стене (на изображении Дмитрия Самопожертвователя), третью—на северной стене апсиды [339, с. 171].

1. Ես՝ նունիս, Եվա-
նեսի որդին գր-
եցի. ա(ստուա)ծ ողորմի
ասէ դիւ մեղայ-
ւարտ[ի]ս ով որ կար-
դայ: Թվ(ին) 220:

Перевод: «Написал я—Нуни сын Еванеса. Кто прочтет—да скажет: «Господи, помилуй сего грешного». В лето 781 (=1332)».

2. Ով աւրհնեալ եղբայր, թէ կամիս
ա(ստուա)ծ տեսանել՝ յիշ[ե]այ Սարգիսս:

Перевод: «О благословенный брат, если желаешь встретить бога, [то] помяни меня—Саргиса».

3. Բագրատ Աղբ<ալեան> т. е. «Баграт Агбалаян».

Исходя из палеографических особенностей, Л. М. Меликсет-Бек датирует вторую надпись ориентировочно XIV в., третью же—XVIII—XIX вв. [339, с. 171].

Церковь св. Георгия. Единственная армянская запись этой церкви помещена «под изображением всадников» и принадлежит уже известному по другим надписям тбилисскому иерею Иоанну:

Յով<անէս>
երէցս գրեցի՝
ափիսեցիս: Թվին 2
ժ2:

[339, с. 171].

Перевод: «Написал я—иерей Иоанн из Тбилиси. В лето 916 (=1467)».

Бертубани. Еще одну армянскую надпись Л. М. Меликсет-Бек обнаружил на северной стене пещерной церкви монастырского комплекса «Бертубани» [339, с. 172]³³.

21. Ես՝ ա(ե)ր Բարսեղս եկայ տեղ
բարում ուրախորթ թվ(ին) ՌՃԱ:

³³ Правильно этимологизируя топоним «Бертубани» (т. е. ծղ-տ-շձոօ—«слобода монахов»), ученый в качестве аналога приводит и «Берта» в Тао-Кларджии [см. там же, прим. 1]. Но последний топоним восходит к «Бердак» (т. е. крепость, укрепление) и ничего общего не имеет со словом «бери»—монах.

Перевод: «Я, священник Барсег, пришел в [сие святое] место со множеством пилигримов. В лето 1131 (=1682)».

Посещение армянами-монофизитами Гареджа не ставит эту обитель в исключительное положение: многие христианские культовые центры были объектами богомолия не только христиан разного толка, но даже мусульман, о чем недвусмысленно свидетельствуют арабские и персидские граффити Звартноца и Талина (в Армении), Атени, Уплисцихе и Гареджа (в Грузии). Если пилигримов-армян в Гареджа было больше, чем, скажем, греков или сирийцев, то это потому, что они, во-первых, жили в непосредственной близости от этого священного места и, во-вторых, из популярных преданий и сказаний они знали о чудесах основателя обители и его сподвижников. Со временем, возможно, этому немало способствовала и легенда о подвижничестве Давида Непобедимого в Гареджа. Состав пилигримов всегда отличался неоднородностью в социальном отношении, посещения же приурочивались, как правило, к соответствующему календарному празднику. Будь в имеющихся в Гареджа армянских надписях указаны дни или месяцы их нанесения, они, вероятно, в основном совпадали бы с днем храмового праздника св. Давида Гареджели. В четырехязычной надписи устанавливается месяц—май, и на этом основании Л. М. Меликсет-Бек установил день посещения—22 мая, ибо «праздник (св. Давида) справляли по традиции на 47-й день после пасхи или через неделю после вознесения, обязательно в четверг» [146, с. 60]. Если что и вызывает некоторое удивление, то это прежде всего интенсивность посещений именно духовнослужителей армян, которые временами сами призывали не делать этого по отношению к диофизитским церквам. В армянских надписях Гареджа поименно названы иерей из Ани, [Одзуна], Дманиси, Тбилиси, прибывших сюда не только в составе групп духовнослужителей, но и во главе многочисленных потоков пилигримов, как об этом говорится в двух надписях священника Барсега от 1682 г. Сами пилигримы-священники, по-видимому, придавали факту своего посещения особое значение, почему иногда и фиксировали его одновременно в нескольких надписях в одном и том же или в разных помещениях. Так, «неких армян из Тбилиси» Иоанн оставил в главной церкви Удабно четыре записи (одну на армянском, три—на грузинском языке) и еще одну—в церкви св. Георгия (на армянском языке). Все они нанесены во время одного и того же посещения в 1467 г. и, что не менее важно, именно в грузинских текстах он подчеркивает свое тбилисское (мокалаке) и армянское происхождение («иерей армян», «мокалаке армян»). Эту интенсивность посещений едва ли можно объяснить существованием какой-то претензии на обитель, как бы ни отождествляли они Давида Гареджели с Давидом философом; скорее всего в этом сказались давняя и укоренившаяся у армянского населения в поселениях Грузии традиция участия в празднике Гареджа. Армянское духовенство вынуждено было считаться с этим фактом и сопровождать потоки пилигримов. По-видимому, с названной традицией в равной мере считались и члены братии Гареджа, позволившие монофизитам-армянам не только посещать могилу св. Давида, но и оставлять свои записи. Несколько упрощенным и поверхностным представляется мнение о том, будто «эмигранты армяне» посещали и оставляли записи в

тех обителях, которые к тому времени были закрыты» [366, с. 15]. Хронология армянских надписей охватывает период с 1274 г. по начало XIX в., и никак нельзя допустить, чтобы столь длительное время отдельные комплексы монастыря Гареджа были закрыты или пустовали! К тому же, средневековые пилигримы, побуждаемые верой, решительным образом отличались от современных «любопытствующих экскурсантов», зачастую оставляющих свои «записи».

В сумме доходов монастырей доля поступлений от пилигримов была ощутимой, поэтому члены братии охотно их принимали, не считаясь с конфессией. Доказательством этого может служить армянская запись некоего иерея из Дманиси от 1274 г. Монахов Гареджа он называет «боговенчанными святыми», наделенными «добрым именем», но вот веру их он считает «несовершенной». Видимо, этот «эмигрант» называет их таковыми потому, что общался с ними, быть может, даже спорил на тему о конфессии, что позволило ему считать их конфессию «несовершенной»³⁴. Место «публикации» этой надписи (житница между трапезной и главной церковью Удабно) не должно ввести нас в заблуждение, будто она занесена без ведома монахов Гареджа. В этом же помещении Л. М. Меликсет-Бек заметил грузинскую запись, упоминающую атабека Авака [339, с. 171] — потомственного халкедонита и крупного сановника грузинского государства XIII в. О другом атабеке армянского происхождения, жившем в том же столетии (1272/3—1281), — Садуне, в известных доселе надписях Гареджа не говорится, но по сообщению грузинского анонимного хрониста «в годы своей жизни он давал (платил) [монголам] «калан» и «мали» двенадцати пустынь Гареджа и освободил страну Гареджийскую...» [93, II, с. 272]. Забота монофизита-благодетеля (благодетелем его называет грузинский хронист) непременно обязывала монахов более терпимо относиться к посещающим их соотечественникам Садуна. Можно даже предположить, что освобождение Гареджа Садуном от взимаемых монголами налогов продиктовано было еще и той традиционной привязанностью, которую проявляли армяне по отношению к этому центру грузинского монашества и культуры.

Если бы в армянских надписях Гареджа говорилось лишь о посещении отдельных лиц, то обитель можно было бы рассматривать как обыкновенное место посещения верующих. Однако, как мы видим, среди посетителей было много духовенства, а иногда, как было сказано выше, оно сопровождало группы, состоящие «из ста человек». По всей вероятности, функция сопровождающих заключалась еще и в том, что они должны были отправлять службу для пилигримов. В данном разрезе примечательным представляется указ от 1831 г., в котором, в частности, говорится: «Указ Е[го] И[мператорского] В[еличества] самодержца Всероссийского, из Грузино-Имеретинской Святейшего Правительствующего Синода Конторы, члену ее, настоятелю Давид-Гареджийской пустыни архимандриту Антонию... Приказали предпи-

³⁴ Исходя из факта упоминания «священнослужителей Гареджа» Л. М. Меликсет-Бек заключил, что в обители служили и армянские священники [341, с. 222]. Но подлинный текст надписи не дает основания для столь неожиданного заключения.

сать (и предписывается) Вашему Высокопреподобию сим указом объявить братии вверенной вам Давид-Гареджийской пустыни с подписками, дабы они ни в каком случае армянских священников не допускали в православные храмы для отправления молебствия...» [341, с. 229].

Теперь, как нам представляется, становится ясным, что эти надписи свидетельствуют о продолжительной, вековой традиции посещения армянами Гареджийских пустынь и не являются доказательством покинутости той или иной обители грузинскими монахами. В связи с этим особого внимания заслуживает надпись от 1352 г. в трапезной (№ 6). В ней богомолец Саргис, как мы убедимся ниже — из Лорэ, обращается к служителям культа следующими словами: «[Вы], святые мои отцы и братья [во Христе], упомяните [меня] в молитвах, и да упомянет вас бог». Эти слова обращены либо к грузинским монахам, постоянным обитателям Гареджа, которые молятся (и отправляют службу), либо к армянам, прибывавшим сюда для молитвы. Независимо от адресата, Саргис свидетельствует тем самым о функционировании того помещения, в котором он оставил запись.

По-разному осмыслена и прокомментирована первая часть надписи Саргиса в двух работах первого ее издателя: при публикации самой надписи выражение *ժառանգ աստուծոյ եւ Յովանէս անյախթ փիլիսոսփայիս դէրեղմանիս* Л. М. Меликсет-Бек перевел как «слуга божий и могилы непобедимого философа Иоанна (т. е. Иоанна Одзунского. — Л. М. — Б.)» [339, с. 167, 173]. Однако впоследствии, выдвигая гипотезу об идентичности Давида Гареджели и философа Давида Анахта (Непобедимого), ученый пересмотрел предложенное ранее толкование и дал совершенно новую трактовку. Вот, что он писал по этому поводу: «Определенное значение в наших глазах приобретает одна из армянских надписей в 12 строк в той же трапезной, где упоминаются некие «Саргис, Шалва и раб божий Иоанн», пришедшие на поклонение «к могиле непобедимого философа». Это указание на «могилу непобедимого философа» представляется нам пережитком культа одного из армянских философов VI в., известного под эпитетом «Непобедимый». Таковой, согласно преданию, зафиксированному армянским же философом XV в. Аракемом Сюнийским, после преследования на идеологической почве в Армении и изгнания оттуда восторжествовавшими противниками, нашел приют в соседней Грузии, где и провел остаток своих дней. В связи с несомненной причастностью Давида Гареджийского к монофизитству и к армянскому культурно-конфессиональному миру (он — единственный из так называемых «сирских» отцов, говорящий по-армянски), мы склонны отождествлять обоих Давидов, другими словами, мы признали их за одно лицо, которое на первом этапе своей деятельности, предположительно в 520—545 гг., подвизалось в Армении как философ Давид Непобедимый, а на втором этапе, предположительно в 545—582 гг., — в Грузии как аскет Давид Гареджийский» [146, с. 61; 341, с. 223—224]. Сама гипотеза идентичности двух Давидов, быть может, интересна и заслуживает более углубленного исследования, если, разумеется, окажутся новые и достоверные материалы, но рассматриваемая надпись, на наш взгляд, не содержит данных в ее пользу. Л. М. Меликсет-Бек, вероятно, исходил из того, что слова «философ» и «могила» в армянском тексте снабжены показате-

лем «и» — *փիլիսոփայիս գերեզմանիս* (буквально: «сей могилы сего философа»), но следует учитывать конструкцию всего предложения: если даже допустить, что показателем аккузатива было снабжено и имя *Շալվա*, т. е. *գՇալվա*³⁵, то опять-таки Саргис и Шалва оказываются слугами (т. е. служителями) «могилы непобедимого философа Иоанна», а не Давида. Если же считать Иоанна членом группы пилигримов, то вся средняя часть надписи лишается самой элементарной грамматической согласованности и превращается в набор логически не связанных слов. К тому же, Саргис составляет запись от своего имени, и потому пишет: «Святые отцы мои и братья». Видимо, не случайно, что имя Иоанн также дано без показателя аккузатива. Сказанное приводит к заключению, что *փիլիսոփայիս գերեզմանիս* следует понимать как «могилы нашего философа».

Таким образом, правильным было первоначальное толкование ученого: «Саргис—служитель церкви, где похоронен «непобедимый философ Иоанн», а именно церкви в Одзуне, или Ардви, нынешнего Туманянского района АрмССР.

Как было сказано выше, состав пилигримов-армян был неоднороден. Основная масса, несомненно,—это выходцы из картлийских и кахетинских армянских поселений, члены тех общин, которые образовались переселенцами. Их записи сводятся к простой фиксации факта посещения с трафаретным обращением «помяните в молитвах». Они, как и многие из пилигримов-священников, особой грамотностью и навыками составления поминальных текстов не отличались, поэтому в их записях налицо множество синтаксических, стилистических и орфографических ошибок и отступлений от норм литературного языка эпохи их составления. Собственно, с точки зрения истории языка, эти записи интересны именно имеющимися отступлениями. Умением писать на двух языках (т. е. на грузинском и армянском) отличается один только тбилисский иерей Иоанн (1467), о котором, к сожалению, по другим источникам мы ничего не знаем. Трудно сказать, кем был по своему этническому происхождению некий Николаоз из Мариамцида, оставивший свою запись на грузинском языке, но в исключительно выдержанной армянской транслитерации. Если он так искусен в армянском письме, то почему пишет по-грузински, если же грузин, что побудило его выбрать армянскую графику? Не исключено, к примеру, что он диктовал свою запись человеку, умевшему писать только по-армянски. Об армянском происхождении авторов двух грузинских записей свидетельствуют только лишь их имена (Арутина, Аветика), хотя такие антропонимы могли быть не чужды и подлинно грузинской среде.

Примечательно, что среди надписей пилигримов-священнослужителей нет ни одного имени представителя высшего духовенства—епископов, архимандритов и т. д. Быть может, они и посещали Гареджа, но воздерживались от поминальных надписей в диофизитском монастыре.

По сообщениям нарративных источников мы знаем, что некоторые

³⁵ Мы же считаем, что Шалва был отцом Саргиса и что не сохранилось лишь слово *որդի*

представители грузино-армянской знати, поддерживающие тесные контакты с утвердившимися в Закавказье монголами, отличались многоязычием. Так, историк Ст. Орбелян рассказывает, что его старший современник Смбаг Орбелян, человек «бесподобно умный..., сведущий в языках и красноречивый», говорил «на пяти языках—армянском и грузинском, уйгурском, персидском и монгольском» [47, с. 405]. Этими языками владел и атабек Садун Арцруни Махканабердци, который, будучи «человеком мудрым и умным», «храбрым и доблестным», играл немалую роль в политической жизни Грузии во второй половине XIII в., выступал переводчиком в переговорах с монголами [93, II, с. 237, 248, 278; 34, с. 386]. Видимо, перечисленными языками владел современник и соотечественник Садуна Енук Аркун, о котором анонимный хронограф также отзывается с похвалой [93, II, с. 244—246; ср. 56, с. 202]. Более того, кроме родного языка, персидским и уйгурским (либо монгольским) владели и отдельные представители армянского и грузинского духовенства, авторы пространных и обстоятельных исторических сочинений—Киракос Гандзакецци и анонимный грузинский хронограф начала XIV в.

Политическая и лингвистическая ситуация в странах Закавказья в эпоху монгольского владычества находила отражение и в выборе языка в эпиграфике. Достаточно хотя бы отметить, что персидский «ярлык» Абу Саид Бахадур-хана на стене анийской мечети (1330) снабжен подтверждением владельца города Ани атабека Захария III на трех языках—армянском, грузинском и персидском [115, с. 313—319; 225, с. 55—60]. Но если при публикации официального документа трехязычное подтверждение продиктовано практической необходимостью, то там, где говорится о богомоле Саргисе, сыне Аслана, его супруге и сыне Амир-Саиде, эта необходимость отсутствует. Надпись на четырех языках прежде всего говорит о практическом владении ими и о наличии людей, способных читать ее во всех редакциях. Л. М. Меликсет-Бек, как нам представляется, правильно определил назначение четырех языков: «...грузинский—язык страны по месту нахождения «святыни», т. е. объекта паломничества во 2-й половине мая (около 22 мая 1352 г.); армянский—родной язык пилигримов; персидский—язык тогдашней знати и литературных кругов, и, наконец, уйгурский—государственный язык монголов» [146, с. 61—62].

До выявления тетралингвы из Гареджа о знакомстве определенных слоев грузинского государства с языком, письменностью, вероисповеданием, календарем и т. д. уйгуров можно было судить по сведениям упомянутого выше хронографа. По его словам, уйгуры «приобрели и письменность с малым [количеством] графем; грамоту (книгу) пишут они шестнадцатью буквами (1—П. М.), что легко воспринимать как при обучении, так и уразумении» [93, II, с. 159]³⁶. Надпись Гареджа подтверждает не только знакомство части местной знати с языком и письмом уйгуров (и монголов) в эпоху их владычества, но и склонность к их применению даже в записях неофициального поминального характера. Это важная информация, которую мы получаем из са-

³⁶ Справку по уйгурскому письму см. [121, с. 59; 189, с. 167, рис. 332, 334, 335]

мого факта существования уйгурской редакции надписи в Гареджа³⁷.

Нельзя утверждать, что Саргис особенно строго придерживался норм грузинского и армянского книжных языков. В его текстах нередко сказывается влияние разговорной речи (მეწაი, წმინდა, ჩვენ, შენ-დობისათვის, თქვას и т. д., *ծառქა, ღვარ, ღვარქა, ზარამაღტე* и т. д.), хотя сам автор и старается по возможности архаизировать их (აბოვე-დით .. მე და ჩემთან მეუღლემან და ჩემთან შვილმან; ჩვენდა; *ქ აղაქა, ვაჩილაგ, ეღერ* и т. д.). Грузинский вариант его надписи по синтаксису и стилю изложения выглядит сравнительно более выдержанным, чем армянский. Это объясняется тем, что живая армянская речь XIV в. гораздо решительнее оторвалась от книжного языка, которым Саргис плохо владеет, но которого определенно старается придерживаться. Пожалуй, более любопытно другое: составитель грузинского текста в значении „усопших“ употребляет слово *გარდასულთა*, что не характерно для грузинского языка данной эпохи и фактически является калькой армянского *անցաւորաց*, взятого опять-таки из разговорной речи, хотя в самом армянском тексте он обращается к литературному *անցեցելոց*.

Из-за отсутствия других источников мы не можем установить конкретную социальную принадлежность Саргиса и членов его семьи. Вероятно, он был либо сановником грузинского государства, либо представителем торгового мира, купечества. Но несомненно, что он или его предки поселились в Грузию давно, почему и «язык страны по месту нахождения «святыни»» занимает первое место в редакции тетралингвы. Если же исходить из антропонимии, то так называемыми «мусульманскими именами» пользовались прежде всего представители крупного купечества (Умек/Асил, Абул-Асан, Амир-Курд, Самадин, Каримадин и т. д.), поэтому нужно считать не случайным появление «Амир-Саида» в семье Саргиса, сына Аслана (Араслана).

В начале XIV в. в Грузии и Северной Армении наблюдается заметное экономическое оживление, обусловленное политическими факторами. Воспользовавшись создавшейся обстановкой (раздоры внутри ильханства), царь Георгий Блистательный активизировал и свою внешнюю и внутреннюю политику, приступив к воссоединению страны, установлению контактов даже с отдаленными государствами (посольства к султану Египта) и с культурными центрами (Иерусалим) [364, III, с. 657—669]. Именно в этот период центр пропаганды католицизма на Востоке из Смирны был перенесен в Тбилиси, где обосновался епископ—надзиратель католический. Это, несомненно, способствовало налаживанию новых контактов с европейскими странами [364, III, с. 658—659].

³⁷ К сожалению, специалисты истории уйгурского языка и письменности, насколько нам известно, основательно еще не занимались этим текстом, единственным образцом в Закавказье XIV в. Именно они бы могли сказать, достаточно ли искусен Саргис в переводе своего текста, не сохранились ли в нем следы грузинского или армянского оригиналов?

Новая политическая ситуация способствовала росту значения городов в экономическом подъеме страны. Вновь оживились торговые сношения как внутри страны, так и с традиционными центрами стран Востока, доказательством чего являются вычеканенные в городах Грузии «георгиевские» монеты. Как известно, в росте торговли и ремесла в городах страны немаловажную роль играло переселившееся сюда из Армении городское население. Крупное купечество, несомненно, поддерживало политику грузинского царского двора, как это было и столетием раньше, когда Умек из разоренного татарами Карина «обосновался на жительство в городе Тифлисе, считался названным отцом грузинского царя Давида и был почтен грамотой хана и [уважаем] всей знатью» [11, с. 221]. Теперь, особенно после землетрясения в Ани в 1319 г., в Грузию перебрались не только представители «деловых кругов», но и духовнослужители, которые, должно быть, сопровождали (точнее—возглавляли) потоки переселенцев. Не случайно, что среди пилигримов Гареджа в 1351 г. мы встречаем и выходца из Ани (перей Авак, надпись № 1). Царь Георгий Блистательный, по-видимому, продолжал политику своих предшественников по отношению к армянам, покровительствуя переселенцам. В этом отношении весьма примечательным представляется отрывок из «გარეგბა ქლმწიფის კარბა» (т. е. «Распорядок царского двора»), уникального памятника грузинского средневекового права, составленного и отредактированного при Георгии Блистательном [98, II, с. 80—97]. Определяя порядок мест, занимаемых участниками «великого дарбази», памятник упоминает и «царя армян» [98, II, с. 89].

Л. М. Меликсет-Бек считал данное упоминание анахронизмом, ибо к этому времени царей Багратидов, или Кюрикидов, давно уже не было, а Рубениды Киликии «едва ли бывали в Грузии» [246, II, с. 72]. Это верно, если иметь в виду коронованного царя, но ведь известны случаи, когда если не царями, то их потомками считали себя отдельные армянские влиятельные князья (к примеру—Захариды), видимо, они-то и представляли «царя армян» при «дарбази» [ср. 364, III, с. 664]. Во всяком случае интересы проживавших в пределах Грузии армян учитывались царским двором, почему и их представителю отводилось специальное место. Данный факт может служить также выражением осязаемой роли армян в политической, военной и экономической жизни Грузии.

При Георгии Блистательном, в первой половине XIV в., монастырь Гареджа пользовался покровительством самого царя, имел своего представителя в составе постоянных членов «дарбази» и превратился в «экономически и политически сильную организацию» [364, III, с. 657]. По сведениям того же источника, Гареджийская пустыня способна была в качестве «подарка» снабжать царский двор разными фруктами и другими «дарами», а двое из членов братии отправлялись настоятелем в дворцовую церковь для чтения псалмов [98, II, с. 94].

Следовательно, в первой половине XIV в., после того как Садун Арцрунид освободил монастырь и «страну» Гареджа от взимаемых монголами налогов, братия окрепла экономически и приобрела свою былую значимость в системе духовных центров страны. К тому времени, когда пилигримы-армяне интенсивно посещали здешние обители

и делали свои записи, комплекс Удабно не мог быть покинут монахами. Да и считать пилигримов «эмигрантами», «приютившимися в Картли и Кахети после землетрясения в Ани в 1319 г.» [366, с. 15], нет основания, ибо многие из них давно основались в соседней Грузии и «чужестранцами» себя не чувствовали. Они активно участвовали в политическом, экономическом и культурном развитии страны.

Почти половина армянских граффити датируется 1351—1352 гг. Это те годы, когда в Грузии и других странах продолжала свирепствовать моровая язва, унесшая много жертв [378, III, с. 407]. Обращением к святыням люди надеялись на ходатайства популярных святых, в данном случае Давида Гареджели, которого монофизиты-армяне по традиции считали и своим покровителем. Приходится лишь удивляться, что в столь немалочисленных надписях нет ни малейшего непосредственного свидетельства собственно исторического характера, хотя сами по себе эти записи представляют несомненный исторический интерес.

По важности содержащейся информации выгодно отличается та надпись из «бегели», в которой говорится о деянии «главы мастеров». Л. М. Меликсет-Бек, которому она была «совершенно непонятной», датировал ее XVIII в., находя некоторые палеографические общности с надписью трапезной от 1746 г. [339, с. 170]. Но детальное сравнение этих двух записей показало, что они не могут быть датированы одним и тем же столетием: надпись в «бегели» несравненно более древняя как по начертанию букв, так и по использованной в ней терминологии. Слово *արուձայն* в армянской эпиграфике встречается впервые, в литературных же памятниках известен лишь один случай его употребления в форме *արուձայնակ* [202, с. 333]. Столь же редким является термин *հիբշարապետ*, образованный из слов *նօպաշտ* (т. е. живописец, художник и глава, мастер), что значит глава группы художников, главный мастер. Примечательно, что автор записи в сочетании с термином *բայ* (нарез, нарезы, *բայ տրատի* — резчик по слоновой кости) употребил и персидский глагол *کردن* — делать, создавать, — сохранив целостность сложного глагола (или оборота) — *բայ արուձայն*. Наличие этих специфических терминов изобразительного искусства подсказывает, что и *արուձայն* употреблено в специальном значении. В литературе давно отмечено, что *արուձայն*, кроме подлинного значения «писать», имеет также значение «начертать», «резать», «изобразить» (поэтому-то *արուձայն* — мастер) [214, с. 142; 208, с. 101—104].

Все это приводит к заключению, что в лице *հԱրուձայն* и *Կրոսա* мы имеем дело с членами группы мастеров-художников, которым приходилось работать в Гареджа. Когда это именно было — трудно сказать с достаточной определенностью. Едва ли их можно считать художниками XII—XIII вв., т. е. первоначально украшавшими отдельные обители фресками. Скорее всего это мастера XIV—XV вв., принимавшие участие в поновлениях фресок. Разумеется, речь идет о фресках либо трапезной, либо главной церкви.

Рассматриваемая запись, таким образом, уникальна, и для ее всесторонней оценки нужно разобраться в существующих здесь остатках восточных текстах, в которых могут оказаться данные, поясняющие или дополняющие сведения этой армянской надписи.

БИБЛИОГРАФИЯ*

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

1. *Аракел Даврижеци*. Книга историй. Перевод с армянского, предисловие и комментарий Л. А. Ханларян, М., 1973.
2. «Всеобщая история Вардана Великого». Перевод Н. Эмина, М., 1861.
3. «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии», т. I, с 1768 по 1774 год, под редакцией А. А. Цагарели, СПб., 1891; т. II, вып. I, грузинские тексты с 1768—1801 год, под редакцией А. А. Цагарели, СПб., 1898.
4. *Давид Баграгиони*. История Грузии. Текст издал и снабдил вступительной статьей и указателями А. А. Рогава, Тбилиси, 1971.
- 5а. «Дневник осады Испагани афганцами, веденный Петросом ди Саргис Гилянени в 1722 и 1723 годах». Материалы для истории Персии. Перевод и объяснение К. Патканова, СПб., 1870.
5. «Документы по истории армяно-грузинских взаимоотношений и общественной жизни Грузии (II половина XVIII в.)». [Подготовка текста к печати] В. М. Мартиросяна и П. А. Чобаняна.—«Кавказ и Византия», вып. 3, Ереван, 1982, с. 232—269.
6. «Жизнь Артемия Араратского». Издание подготовил К. Н. Григорьян при участии Р. Р. Орбели, М., 1981.
7. *Закарий Канакерци*. Хроника. Перевод с армянского, предисловие и комментарий М. О. Дарбинян-Меликян, Ереван, 1969.
8. «История агван Моисея Каганкатваца, писателя X века». Перевод с армянского [К. Патканова], СПб., 1861.
9. «История анонимного повествователя (Псевдо-Шапуха Багратуни)». Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий М. О. Дарбинян-Меликян, Ереван, 1971.
10. «Картина Грузии или Описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанное пребывающим при его высочестве царе Карталинском и Кахетинском Иракли Темурозовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786 г.». Издание К. Н. Бегичева, Тифлис, 1896.
11. *Киракос Гандзакец*. История Армении. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Л. А. Ханларян, М., 1976.
12. «Летопись Картли». Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая, Тбилиси, 1982.
13. «Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1640). Пособия: Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Геченева и Волконского». Документы к печати подготовил и предисловием снабдил М. Полиевктов, Тбилиси, 1937.

* В библиографии отражена литература и по главе «Тбилиси», которая из-за возросшего объема данной монографии была выделена в отдельный выпуск серии.

14. «Матиане Қартлиса». Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе, Тбилиси, 1976.

15. «Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии». Документы и материалы, вып. I. Материалы подобрал и подготовил к печати В. Н. Гамрекли, Тбилиси, 1980.

16. *Мровели Леонти*. Жизнь картлийских царей. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Сулая, М., 1979.

17. «Повествование вардапета Аристаркеса Ластивертци». Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашьяна, М., 1968.

18. *Полиевктов М. и Натадзе Г.* Старый Тифлис в известиях современников, [Тифлис], 1929.

19. «Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию (1640—1643)». Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов, Тифлис, 1928.

20. *Смбат Спарпет*. Летопись. Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А. Г. Галстяна, Ереван, 1974.

21. «Типик Григория Пакуриана». Введение, перевод и комментарий В. А. Арутюнов-Фиданян, Ереван, 1978.

22. *Церетели Г. В.* Арабская хрестоматия, Тбилиси, 1949.

23. *Արքանաձ սեւակցի, Պատմութիւն պատերազմացն 1721—1736*, Երևան, 1938:

24. Ազարանգեղայ Պատմութիւն Հայոց, աշխատութեամբ Գ. Տէր-Մկրտչեան և Ստ. Կանայեանց, Տիֆլիս, 1909:

25. Գաբեգին Ա Կարողիկոս, Յիշատակարանք ձեռագրաց, հատ. Ա, Անթիլաս, 1951:

26. «Գիրք թղթոց», Թիֆլիս, 1901:

27. «Գրկան հայ վիճագրութեան», պրակ Ա, Անի բաղար: Կազմեց Հ. Ա. Օրբելի, Երևան, 1966: Պրակ Գ, Վայոց Ձոր, եղեգնածորի և Ազիզբեկովի շրջաններ: Կազմեց Ս. Գ. Բարխուդարյան, Երևան, 1967: Պրակ Զ, Իշխանի շրջան: Կազմեցին Ս. Ա. Ավագյան, Հո. Մ. Զանիուղայան, Երևան, 1977:

28. «Գրեան հայոց պատմութեան»: Մանր մատենագիրք, ժԵ—ժԹ դար, գիրք Ժ: Կենսագրական տեղեկութիւններով և ծանօթութիւններով հրատարակեց Գիտ Ազնանանց, Թիֆլիս, 1912: Գիրք ժԶ, Մանուէլ Կիսիշխանեցի, մասն Ա: Ծանօթութիւններով հրատարակեց Գիտ ա. ք. Ազնանանց, Թիֆլիս, 1917:

29. Թովմայի վարդապետի Առճուռնայ Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, Թիֆլիս, 1917:

30. «Թուրքական աղբյուրները Հայաստանի, հայերի և Անդրկովկասի ժողովուրդների մասին»: Թարգմանութեան թուրքերեն բնագրից, ներածութիւնով, ծանոթագրութիւններով, տերմինաբանական բառարանով և հավելվածով, հատ. Ա, կազմեց Ա. Խ. Սաֆրաստյան, Երևան, 1961:

31. «ԺԳ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ»: Կազմեց Լ. Ս. Խաչիկյան, Երևան, 1950:

32. «ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ», մասն առաջին: Կազմեց Լ. Ս. Խաչիկյան, Երևան, 1955: Մասն երկրորդ (1451—1480), Երևան, 1958: Մասն երրորդ (1481—1500), Երևան, 1967:

33. «Կավվածագրեր և անտեսական այլ գործարքների վերաբերյալ արխիվային վավերագրեր» պրակ 1: Առաջարանով, ծանոթագրութիւններով և բառարանով կազմեց Հար. Աբրահամյան, Երևան, 1941:

34. Կիրակոս Գանձակեցի, Պատմութիւն Հայոց: Աշխատասիրութեամբ Կ. Ա. Մելիք-Յանջանյանի, Երևան, 1961:

35. Հակոբյան Հովն., Ուղեգրութիւններ, հ. Ա, ժԳ—ժԶ դար (1253—1522), Երևան, 1932:

36. «Հայերեն ձեռագրերի ժԷ դարի հիշատակարաններ (1601—1620 թթ.)», հ. Ա: Կազմեցին

Վազգեն Հակոբյան, Աշոտ Հովհաննիսյան, Երևան, 1974: Հատ. Բ, (1621—1640 թթ.), Երևան, 1978:

37. «Հայկական աղբյուրները Աղա Մուհամմադ Խանի Անդրկովկասյան արշավանքների մասին»: Աշխատասիրութեամբ Ռ. Տ. Տիտանյանի, Երևան, 1981:

38. «Հայոց նոր վկաները» (1155—1843): Աշխատութեամբ Հ. Մանանդեանի և Հր. Աճառեանի, Վաղարշապատ, 1903:

39. «Մայր ցուցակ ձեռագրաց սրբոց Յակոբեանց», հատ. 1: Կազմեց՝ Ն. Եպս. Պողարեան, Երուսաղէմ, 1966: Հատ. 5, Երուսաղէմ, 1971:

40. «Մանր ծամանակագրութիւններ» 13—18 դդ., հ. 1: Կազմեց Վ. Ա. Հակոբյան, Երևան, 1951, հ. 2, Երևան, 1956:

41. Մատրեոս Ուռնայեցի, Ժամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, 1898:

42. Մատրեոս Ուռնայեցի, Ժամանակագրութիւն: Թարգմանութիւնը, ներածութիւնը և ծանոթագրութիւնները Հր. Բարթիկյանի, Երևան, 1973:

43. Մովսիսի Կաղանկատուացայ Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի: Ի լոյս ընծայեաց Մ. Էմին, Մոսկվա, 1860:

44. Մովսէս Կաղանկատուացի, Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի, Թիֆլիս, 1912:

45. Յովնանու Կարողիկոսի Դեախաւանկեւոցայ Պատմութիւն Հայոց, Թիֆլիս, 1912:

46. «Պատմութիւն Լանկ-Քամուրայ և յաջորդաց իրոց, արարեալ Թովմա վարդ. Մեծորեցոյ»: Ի լոյս ընծայեաց հանգերձ ծանօթութեամբ Կ. Շահնազարեանց, Փարիզ, 1860:

47. «Պատմութիւն նահանգին Սիսական, արարեալ Ստեփաննոսի Օրբելեան արքեպիսկոպոսի Սիւնեաց», Թիֆլիս, 1910:

48. «Պատմութիւն նոր Զուղայու, որ յԱսպահան»: Աշխատասիրեալ Ի Յարութիւնէ Տէր-Յովհաննեանց, նոր Զուղայ, 1880, հ. Ա:

49. «Պատմութիւն Սեբէոսի»: Աշխատասիրութեամբ Գ. Վ. Արզարյանի, Երևան, 1979:

50. Սամուէլի Բանանայի Անցեոյ Հաւարմոնք Ի զրոց պատմագրաց: Յառաջարանով, համեմատութեամբ, յատկութեամբ և ծանօթութիւններով Ս. Տէր-Միքելեանի, Վաղարշապատ, 1893:

51. Սուրբապ Սեփախիկոսի Եկեղեցական պատմութիւն, Թարգմանեաց Փիլոն Տիրակեցի, և Պատմութիւն վարուց սրբոյն Սեղրեստրոսի Կաթողիկոսին Հռոմայ, Թարգմանեալ Աբասուն Գրիգորի Ջորոփորեցոյ, հ. Ա: Աշխատասիրութեամբ Մեհրոպ վ. Տէր-Մովսէսեան, Վաղարշապատ, 1897:

52. Ստեփանոսի Տարօնեցոյ Ասողկան Պատմութիւն տիեզերական, Ս. Պետրբուրգ, 1885:

53. «Ստորագրութիւն Տիգրիս քաղաքի».—«Արարատ», Ե. տարի, 1850, № 4, (23 սեպտեմբերի), էջ 49—54:

54. «Վիճական տարեգիր»: Յուցակ ժողովածոյ արձանագրութեանց հայոց: Կազմեաց Կ. Կոստանեանց, Ս. Պետրբուրգ, 1913:

55. «Վկայութիւն սուրբ հայրապետացն Հայոց Արիստակիսի, Վրթանիսի, Յուսկան, Գրիգորիսի, Գանիէլի».— Ծ. Երուսաղէմ, յարտաշար և լիտոգրաֆիկայի լուծարան, 1944, թ. 62—68.

56. «Վրաց ծամանակագրութիւն» (1207—1318): Թարգմանութիւնը հին վրացերենից, առաջարանը և ծանոթագրութիւնները Պարույր Մուրադյանի, Երևան, 1971:

57. «Տեսարակ Համասոտ և ի իմաստնախոհ րանիք, արարեալ հոգեւից և իմաստուն վարդապետին Յովհաննիսի Երզնկեցոյ, որ ասի Մործորեցի», նոր Նախիչևան, 1792:

58. Տեր-Վեռնոյան Ա. Ն., Ֆարիկիտ «Նփրկեբոյ պատմութիւնը» (ժԲ դար) Հյուսիսային Հաստատանի դեպքերի մասին,—«Մերձավոր և Միջին Արեւելի Երկրներ և ժողովուրդներ», յատարան Երևան, 1974, էջ 195—212, IV, Արարական երկրներ, Երևան, 1974, էջ 195—212, Վաղարշապատ, 1871:

59. Ուխտանէս Կաթողիկոս, Պատմութիւն րաժանման Վրաց Ի Հայոց, Վաղարշապատ, 1871:

59ա. «Յուցակ հայերեն ձեռագրաց մասնավոր անձանց», «Բանբեր Մատենագրարանի», 13, Երևան, 1980, էջ 297—339:

60. „აბაზის ქვეყნის დამამუშვენებელი ისტორიის გავრცელება ისქანდერ მუნშისა“. ცნობები სა-

- ქართველოს შესახებ, სპარსულ ტექსტს გამოკვლევა, ქართული თარგმანი, შენიშვნები და საძიებლები დაურთო ნანა გელაშვილმა, თბ., 1981.
61. აბუსერიძე ტბელი, ცხოვრება ქეთხუროსა ბასილისა, გამოსაცემად მოამზადა, გამოკვლევა და ლექსიკონი დაურთო იური სიხარულიძემ, ბათუმი, 1981.
 62. არსენ საფარელი, განყოფისათვის ქართველთა და სომეხთა. ტექსტი კრიტიკულად დაადგინა, გამოკვლევა და კომენტარები დაურთო ზაზა ალექსიძემ, თბ., 1980.
 63. „ასურელ მამათა ცხოვრებათა არქეტიპები“, „საისტორიო კრებულის“ წ. I—ის დამატება. გამოსცა ს. კაკაბაძემ, ტფ., 1928.
 64. ბარნაველი თეიმურაზ, ატენის სიონის წარწერები, თბ., 1957.
 65. [„გეორგია“]—„ბიზანტიელი მწერლების ცნობები საქართველოს შესახებ“, ტ. III, გამოსცა ს. ყაუხჩიშვილმა, თბ., 1936.
 66. „გეორგია“—„ბიზანტიელი მწერლების ცნობები საქართველოს შესახებ“, ტ. IV, ნაკვეთი I. ბერძნული ტექსტი ქართული თარგმანითურთ გამოსცა და განმარტებები დაურთო სიმონ ყაუხჩიშვილმა, თბ., 1941.
 67. „გეორგია“—„ბიზანტიელი მწერლების ცნობები საქართველოს შესახებ“. ტ. V. ტექსტი ქართული თარგმანითურთ გამოსცა და განმარტებები დაურთო სიმონ ყაუხჩიშვილმა, თბ., 1963.
 68. „გიულდენშტედტის მოგზაურობა საქართველოში.“ გერმანული ტექსტი ქართული თარგმანითურთ გამოსცა და გამოკვლევა დაურთო გ. გელაშვილმა, ტ. I, თბ., 1962; ტ. II, თბ., 1964.
 9. გურჯიანა ვე, თბილისის დაპყრობის წიგნი თურქული ტექსტი ქართული თარგმანით, შესავალითა და შენიშვნებით გამოსცა ცისანა აბულაძემ, თბ., 1975.
 69. „დოკუმენტები თბილისის ისტორიისათვის (XVI—XIX სს.)“, წ. პირველი. შეადგინეს ნაკო ბერძენიშვილმა და მამისა ბერძენიშვილმა, თბ., 1962.
 70. „დოკუმენტები საქართველოს სოციალური ისტორიიდან“, I, ბატონყმური ურთიერთობა (XV—XVII სს.), ნ. ბერძენიშვილის რედაქციით, თბ., 1940.
 71. დონ კრისტოფორო დე კასტელი, ცნობები და აღბოში საქართველოს შესახებ, ტექსტი გაშიფრა, თარგმნა, გამოკვლევა და კომენტარები დაურთო ბეჟან გიორგაძემ, თბ., 1976.
 72. დონ პიეტრო ავიტაბილე, ცნობები საქართველოზე (XVII ს.). შესავალი, თარგმანი და კომენტარები ბ. გიორგაძისა, თბ., 1977.
 73. „ეპისტოლეთა წიგნი“, სომხური ტექსტი ქართული თარგმანით, გამოკვლევითა და კომენტარებით გამოსცა ზაზა ალექსიძემ, თბ., 1968.
 74. თომა მეწოფელი. თარგმანი, შესავალი წერილი და კომენტარები პროფ. ლ. მელიქსეთ-ბეგისა თბ., 1937.
 74. „თურქული წყაროები XVI ს. I მეოთხედის სამცხე-საათაბაგოს ისტორიისათვის“. თურქული დოკუმენტები ქართული თარგმანით, გამოკვლევითა და შენიშვნებით გამოსცა ცისანა აბულაძემ, თბ., 1983.
 - 74ბ იესე ტლაშაძე, ბაქარიანი, გამოსაცემად მოამზადა სოლ. ყუბანეიშვილმა, თბ., 1962.
 75. იოანე დრახანაკერტელი, სომხეთის ისტორია (786—925 წწ.). სომხური ტექსტი ქართული თარგმანით, გამოკვლევითა და საძიებლებით გამოსცა ე. ცაგარეიშვილმა, თბ., 1965.
 76. „ისქანდერ მუნშის ცნობები საქართველოს შესახებ“, სპარსული ტექსტი თარგმანითა და შესავლითურთ ვლ. ფუთურაძისა, შენიშვნები დ. კაციტაძისა, თბ., 1969.
 77. „კახეთის ისტორიული ძეგლების წარწერები“. კრებული შეადგინა და განმარტებები დაურთო თეიმურაზ ბარნაველმა, თბ., 1961.
 78. „ლაპიდარული წარწერები“, I, აღმოსავლეთ და სამხრეთ საქართველო (V—X სს.). შეადგინა და გამოსაცემად მოამზადა ნ. შოშიაშვილმა, თბ., 1980.
 79. „მასალები საქართველოს ისტორიული გეოგრაფიისა და ტოპონიმიკისათვის“, წიგნი I, თბ., 1964.
 80. „მასალები საქართველოსა და კავკასიის ისტორიისათვის“, ნაკვ. II, თბ., 1942.
 81. „მასალები ქართლ-კახეთის სამეფოს სამოხელეო წყობის ისტორიისათვის“. შესავალი წერი-

- ლი, შენიშვნები და საძიებელი დაურთო შოთა მესხიამ. — „მასალები საქართველოსა და კავკასიის ისტორიისათვის“, ნაკვ. I (26), თბ., 1948.
82. ოდიშელი ჭუმბერ, აღმოსავლეთ საქართველოს პოლიტიკური ისტორიისათვის (XIV—XVII სს.), — XIV—XVIII სს. რამდენიმე ქართული ისტორიული დოკუმენტი, თბ., 1964.
 83. ორბელიანი პაპუნა, ამბავნი ქართლისანი. ტექსტი დაადგინა, შესავალი, ლექსიკონი და საძიებლები დაურთო ილენე ცაგარეიშვილმა, თბ., 1981.
 84. „უან შარდენის მოგზაურობა სპარსეთსა და აღმოსავლეთის სხვა ქვეყნებში“. ფრანგულიდან თარგმნა, გამოკვლევა და კომენტარები დაურთო მზია მგალობლიშვილმა, თბ., 1975.
 85. უორდანი თ., ქრონიკები და სხვა მასალა საქართველოს ისტორიისა და მწერლობისა, ტ. I, ტფ., 1892; ტ. II, ტფ., 1897; ტ. III, თბ., 1967.
 86. სააკაძე იოსებ, დიდმოურავიანი.—„ჩვენი საუწყე“, ტ. IV, თბ., 1960.
 87. „საქართველოს სახელმწიფო მუზეუმის ქართული ეთნოგრაფიული ძეგლების კატალოგი“. შედგენილია და დასაბუქლად მომზადებული ა. ბაქრაძისა და ს. ბოლქვაძის მიერ, ილ. აბულაძის ხელმძღვანელობითა და რედაქციით, თბ., 1953.
 88. „საქართველოს სიძველენი“, ტ. III, ტფ., 1910.
 89. „სომხურ ხელნაწერთა XIV—XV საუკუნეების ანდერძების (პიშატაკარანების) ცნობები საქართველოს შესახებ“. ძველი სომხურიდან თარგმნა, შესავალი, კომენტარები და შენიშვნები დაურთო ალექსანდრე აბლაძემ, თბ., 1978.
 90. ტაბაღლა ილია, მასალები XVIII საუკუნის პირველი მეოთხედის საქართველოს ისტორიისათვის, თბ., 1982.
 91. უჩანიშვილი დ., დოკუმენტები საქართველოს ეკონომიური ისტორიისათვის, თბ., 1967.
 92. ფუთურიძე გ., მუსტაფა სელიანიკა საქართველოს შესახებ.—„თსუ შრომები“, ტ. 91, თბ., 1960.
 93. „ქართლის ცხოვრება“. ტექსტი დადგენილი ყველა ძირითადი ხელნაწერის მიხედვით ს. ყაუხჩიშვილის მიერ, ტ. I, თბ., 1955; ტ. II, თბ., 1959; ტ. IV, თბ., 1973.
 94. „ქართლის ცხოვრების ძველი სამხური თარგმანი“. ქართული ტექსტი და ძველი სომხური თარგმანი გამოკვლევითა და ლექსიკონით გამოსცა ი. აბულაძემ, თბ., 1953.
 95. „ქართულ-სპარსული ისტორიული საბუთები“. ტექსტი დაადგინა, თარგმნა და შენიშვნები დაურთო ვ. ფუთურიძემ, თბ., 1955.
 96. „ქართულ ხელნაწერთა აღწერილობა“, A, ტ. I, თბ., 1973; ტ. I, თბ., 1976.
 97. „ქართული ოთხთავის ორი ბოლო რედაქცია“. ტექსტი გამოსცა და გამოკვლევა დაურთო ივანე იმნაიშვილმა, თბ., 1979.
 98. „ქართული სამართლის ძეგლები“, ტ. II. საერო საკანონმდებლო ძეგლები (X—XIX სს.). ტექსტები გამოსცა, შენიშვნები და საძიებლები დაურთო პროფ. ი. დოლიძემ, თბ., 1965; ტ. III, თბ., 1970; ტ. IV, თბ., 1972; ტ. V, თბ., 1974; ტ. VII, თბ., 1981.
 99. ყაუხჩიშვილი თ., ბერძნული წარწერები საქართველოში, თბ., 1951.
 100. შანიძე აკაკი, ქრთველთა მონასტერი ბელგარეთში და მისი ტიპიკონი. ტიპიკონის ქართულ რედაქცია, თბ., 1971.
 101. ცინცაძე ი., ვასილი გაგარისა და არსენ სუხანოვის ცნობები საქართველოს შესახებ, თბ., 1965.
 102. „ცხოვრება საქართველოდასა“ (პარიზის ქრონიკა). ტექსტი გამოსაცემად მოამზადა, შესავალი, შენიშვნები და საძიებლები დაურთო გიული ალასანიამ, თბ., 1980.
 103. „ძველი ქართული აგიოგრაფიული ლიტერატურის ძეგლები“, წიგნი I, თბ., 1964; წიგნი II თბ., 1967; წიგნი III თბ., 1971.
 104. „ძველი ერისთავთა“ (ქსნის ერისთავთა საგვარეულო მატთანე). ტექსტი გამოსცა, გამოკვლევა და საძიებლები დაურთო შოთა მესხიამ. — „მასალები საქართველოსა და კავკასიის ისტორიისათვის“, ნაკვ. 30, თბ., 1954, გვ 307—374.
 105. „ქილ-ეტრატის იადგარი“. გამოსცეს და გამოკვლევა დაურთეს ა. შანიძემ, ა. მარტიროსოვიმა და ა. ჯიმშიაშვილმა, ა. შენიძის რედაქციით, თბ., 1977.
 106. „ჰასან რუმელის ცნობები საქართველოს შესახებ“. სპარსული ტექსტი ქართული თარგმანი-

თა და შესავლით გამოცემა ვლადიმირ ფუტურაძემ, შენიშვნები ლაურთო რევაზ კიკნაძემ, თბ., 1966.

ЛИТЕРАТУРА

107. *Абрамишвили Г.* Два строительных периода Атенского Сиона.—«Мацне» (серия истории...), 1972, № 1, с. 32—55.
108. *Абрамишвили Г.* К вопросу о датировке строительной надписи Атенского Сиона. II Международный симпозиум по грузинскому искусству, Тбилиси, 1977.
109. *Абуладзе Н. В.* Замечания по поводу статьи П. М. Мурадяна «Армянская надпись храма Джварии».—«Мацне», 1968, № 2, с. 171—189.
110. *Адонц Н. Г.* Армения в эпоху Юстиниана, Ереван, 1971.
111. *Анакидзе Андриа.* Города древней Грузии, Тбилиси, 1968.
112. *Аракелян Б. Н., Арутюнян В. М., Мнацаканян Ст. Х.* О некоторых вопросах армянской архитектуры (по поводу книги Г. Н. Чубинашвили «Разыскания по армянской архитектуре»), Ереван, 1969.
113. *Арутюнян В. Н.* Биайнили (Урарту). Военно-политическая история и вопросы топонимики, Ереван, 1970.
114. *Асратян Мурад.* Памятники средневековой архитектуры в Тбилиси. II Международный симпозиум по армянскому искусству, Ереван, 1978.
115. *Бартольд В. В.* Сочинения, т. IV, М., 1966.
116. *Беридзе В. В.* Грузинская архитектура «раннехристианского» времени (IV—VII вв.), Тбилиси, 1974.
117. *Беридзе В. В.* Грузинская архитектура с древнейших времен до начала XX века, Тбилиси, 1967.
118. *Вольская Анели.* Росписи средневековых трапезных Грузии, Тбилиси, 1974.
119. *Гамрекели В. Н.* Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке, Тбилиси, 1977.
120. *Геворкян А. В.* Армянские средневековые миниатюристы из Тбилиси.—«Кавказ и Византия», вып. I, Ереван, 1979, с. 155—166.
121. *Гиляревский Р. С., Гривнин В. С.* Определитель языков мира по письменностям, М., 1961.
122. *Джавахов И. А.* Государственный строй древней Грузии и древней Армении, СПб., 1905.
123. *Джавахов И. А.* История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII в.—«Известия» АН, 1908, с. 434—536.
124. *Джавахов И. А.* К вопросу о времени построения грузинского храма в Атеже, по вновь обследованным эпиграфическим памятникам.—«Христианский Восток», т. I, вып. III, 1912, с. 277—297.
125. *Джикия С. С.* Турецкий судебный документ XVIII века.—«Письменные памятники Востока». Историко-филологические исследования. Ежегодник—1969, М., 1972, с. 142—144.
126. *Дьяконов М. М.* Очерки истории древнего Ирана, М., 1961.
127. *Еремян С. Т., Мурадян П. М.* Вопросы арменистики в трудах академика И. А. Джавахишвили.—«Вестник общественных наук АН АрмССР», 1976, № 4, с. 86—96.
128. *Иващенко М. М.* Самтаврские погребения первых трех веков н. э.—«Мцхета», III, Тбилиси, 1980.
129. *Иоселиани Пл.* Города существовавшие и существующие в Грузии, Тифлис, 1850.

130. *Какабадзе С. Н.* К истории названия гор. Тифлиса.—«საისტორიო კრებული», II, ტფ., 1928, с. 60—70.
131. *Какабадзе С. С.* К изучению грузинской культовой архитектуры IV—VI вв.—«Краткие сообщения» Института археологии АН СССР, [вып.] 160. Средневековые древности Восточной Европы, М., 1980, с. 38—45.
132. *Какабадзе С. С.* Хроника Ксанских эриставов начала XV в.—«Письменные памятники Востока». Историко-филологические исследования. Ежегодник—1968, М., 1970, с. 103—126.
133. *Лордкипанидзе М. Д.* К вопросу о надписях храма Джварии в Мцхета.—«Мацне», 1968, № 4, с. 190—200.
134. *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, 1954.
135. *Маргарян А. Г.* К вопросу о личности и деятельности «некоего Шадина».—«Кавказ и Византия», вып. 3, Ереван, 1982, с. 64—72.
136. *Март Н. Я.* Ани: книжная история города и раскопки на месте городища, Л.-М., 1934.
137. *Март Н. Я.* Аркауи, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах.—ВВ, т. XII, № 1 и 2, СПб., 1906, с. 1—68.
138. *Март Н. Я.* Новые материалы по армянской эпиграфике: Ани, Аламан, Мрен, Багаран, Ервандакерт, В. Талли, ЗВО, т. VIII, 1893, с. 69—103.
139. *Март Н. Я.* Избранные работы, т. III, Л., 1934.
140. *Март Н. Я.* Исполит. Толкование Песни песней. Грузинский текст по рукописи X века.—«Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. III, СПб., 1901.
141. [Март Н. Я.] От редактора, «*ქრისტიანული მარტოობა*», *У. ჟიბ.*, 1913, с. 1—XX.
142. *Март Н. Я.* По поводу работы архитектора Т. Тораманяна «О древнейших формах Эчмиадзинского храма». Отдельный оттиск из ЗВО, т. XIX, СПб., 1909.
143. *Март Н. Я.* Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы, ч. I, СПб., 1894.
144. *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
145. *Меликсет-Беков Л. М.* Армазни. Историко-археологический очерк.—«Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. II, Тбилиси, 1938.
146. *Меликсет-Беков Л. М.* Гаресджийская тетралингва эпохи монголов 1352 г.—«Эпиграфика Востока», т. VIII, М.-Л., 1953, с. 56—62.
147. *Меликсет-Беков Л. М.* Кахтубанский храм.—«Христианский Восток», т. III, вып. III, Пг., 1915, с. 309—313.
148. *Меликсет-Беков Л. М.* Некоторые памятники армянской эпиграфики на территории Турции (по материалам археологической экспедиции Е. С. Такайшвили 1907 г.).—«Эпиграфика Востока», IX, 1954, с. 79—82.
149. *Меликсет-Беков Л. М.* О междуособице в Тифлисе в 1197 году по поводу Кривой пасхи (Вокруг старого Тифлиса).—«Известия КИАИ», т. III, Тифлис, 1925, с. 50—60.
150. *Меликсет-Беков Л. М.* Пещерный город Квахрели.—«Известия Кавказского музея», т. IX, вып. 3—4, Тифлис, 1918, с. 208—218.
151. *Меликсет-Беков Л. М.* По поводу одного из анахронизмов в грузинских летописях.—«Христианский Восток», т. III, вып. II, Пг., 1914, с. 200—203.
152. *Меликсет-Беков Л. М.* Поездка по Горийскому уезду.—«Целебный Кавказ», 1916, № 6 (оттиск).
153. *Меликсет-Беков Л. М.* Работы по армянской эпиграфике после Великой Ок-

- тябрьской социалистической революции (до 1955 г.). Краткий обзор.—«Эпиграфика Востока», т. XIII, 1960, с. 131—138.
154. Меликсет-Беков Л. М. Усыпальница кн. Бегтабеговых, Тифлис, 1914.
155. Мелитаури К. Н. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии, Тбилиси, 1969.
156. Мелисашвили Русудан, Цинцадзе Вахтанг. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии Шида Картли, Тбилиси, 1975.
157. Месхиа Ш. А. Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв., Тбилиси, 1959.
158. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, М., 1963.
159. Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, Ереван, 1969.
160. Муравьев А. Грузия и Армения, ч. I, СПб., 1848.
161. Мурадян П. М. Армяно-грузинские литературные взаимоотношения в XVIII веке, Ереван, 1966.
162. Мурадян П. М. Армянская надпись храма Джвари.—«Вестник общественных наук АН АрмССР», 1968, № 2, с. 55—80.
163. Мурадян П. М. Винительные формы в именительном по данным топонимики Армении (К постановке вопроса).—«Вестник общественных наук АН АрмССР», 1971, № 4, с. 21—38.
164. Мурадян П. М. Грузинские приписки и записи в армянской рукописи 1317 г. из Гладзора.—«Кавказ и Византия», вып. I, Ереван, 1979, с. 82—97.
165. Мурадян П. М. Новые материалы о Рафаиле Данибегове.—«Вестник Ереванского университета», 1973, № 3, с. 169—185.
166. Мурадян П. М. Персидский термин *кандак/канде* по армяно-грузинским источникам.—«Историко-филологический журнал», Ереван, 1980, № 4, с. 262—268.
167. Мурадян П. М. Строительство и освящение культовых сооружений по армянским источникам.—«Научные сообщения Гос. музея искусства народов Востока», вып. X, М., 1978, с. 127—137.
168. Мурадян П. М. Хронология систем летосчислений по армянским источникам («Армянская эра»).—«Вестник общественных наук АН АрмССР», 1975, № 10, с. 77—94; 1976, № 1, с. 49—64.
169. Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, Тбилиси, 1982.
170. Мивениерадзе Д. М. Некоторые вопросы строительного искусства в древней Грузии, Тбилиси, 1949.
171. Орбели И. А. Албанские рельефы и бронзовые котлы XII—XIII вв.—«Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, с. 301—326.
172. Орбели И. А. Багаванская надпись 639 года и другие армянские ктиторские надписи VII века.—«Избранные труды», Ереван, 1963, с. 371—404.
173. Орбели И. А. Избранные труды, Ереван, 1963.
174. Орбели И. А. Фрагмент крестного камня с арабской надписью в Тифлисе.—«Избранные труды», Ереван, 1963, с. 217—221.
175. «Очерки истории Юго-Осетии», т. I, Цхинвали, 1969.
176. Пантухов А. Г. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе, Тифлис, 1896.
177. Периханян А. Г. Этимологические заметки, I.—ИФЖ, 1982, № 1, с. 55—62.
178. Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу, Тифлис, 1935.
179. Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу 1800—1830 гг.—«საქ. სსრ საბავშვო სამმართველოს საისტორიო მუზეუმი», №2, თბ., с. 1—151.

180. «Полная библиография печатных работ Л. М. Меликсет-Бека (Меликсет-Бекова) по арменоведению, кавказоведению за 1909—1960 гг.». Тбилиси, 1960.
181. Ростовцев М. Апаранская греческая надпись царя Тиридата.—«Анийская серия», № 6, СПб., 1911.
182. Соколов Н. И. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII вв., Казань, 1894.
183. Такайшвили Е. С. Археологическая экспедиция 1917-го года в южные провинции Грузии, Тбилиси, 1952.
184. Такайшвили Е. С. Описание рукописей «Общества распространения грамотности среди грузинского населения», т. II, вып. 1—4, Тифлис, 1906—1912.
185. Таранян З. Р. Набойка в Армении, Ереван, 1978.
186. Тер-Аветисян С. В. Автограф Иоанна (Ованеса) Ванакана Таушского, армянского писателя монгольской эпохи.—«Известия КИАИ», т. IV, Тифлис, 1926, с. 52—54.
187. Тер-Аветисян С. В. Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джувльфинских купцов XVI—XVII вв., Тбилиси, 1937.
188. Тер-Гевондян А. Н. Армения и арабский халифат, Ереван, 1977.
189. Фридрих И. История письма, М., 1979.
190. Хаханов А. С. Положение армян в грузинском царстве.—«Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1897, с. 657—661.
191. Цагарели А. А. Сведения о памятниках грузинской письменности, т. I, вып. III, СПб., 1894.
192. Чубинашвили Г. Н. Памятники типа Джвари (исследование по истории грузинского искусства). Памятники обмерил с натуры и исполнил Н. П. Северов, Тбилиси, 1948.
193. Чубинашвили Г. Н. Пещерные монастыри Давид-Гареджи, Тбилиси, 1948.
194. Чубинашвили Н. Г. Трехнефная пещерная базилика в древнем городе Уплисцихе.—«Сообщ. АН СССР», т. XXIV, № 4, Тбилиси, 1960.
195. Чубинашвили Н. Г. Уплисцихе, Тбилиси, 1961.
196. Чубинов Д. Грузинско-русско-французский словарь, СПб., 1840.
197. Чхиквадзе М. А. Архитектура Джвари, М., 1940.
198. Աղոնց Ն. Փորը Սոկրատի հեղինակը.—«Սիոն», 1936, № 8, էջ
199. Ագաբյան Լ., Վաղ միջնադարյան հայկական քանդակը, Երևան, 1975:
200. Ալիևյան Ն., Դարձնալ Աշուշայի կնիքը.—«Հանդէս Ամսօրհայ», 1907, հոկտեմբեր, էջ 296—300:
201. Ալիևյան Ն., Կիրիոն կաթողիկոս Վրաց: Պատմութիւն հայ-վրական յարաբերութեանց եօթներորդ դարու մէջ, Վիեննա, 1910:
202. Անադյան Հր., Հայերեն արձատական բառարան, հ. Ա, Երևան, 1971, հ. Գ, Երևան, 1979:
203. Անադյան Հր., Հայոց անձնանունների բառարան, հ. Ա, Երևան, 1942:
204. Աղաբեյանց Գ., Վրաստանի հայերը.—«Տարազ», Թիֆլիս, 1919, № 1—12, էջ 43—45:
205. Այվազյանց Բագրատ, Քսանհինգամեակ Սարգիս ա. ք. Շրոյեանի բահանայական դպրոցական-հաստրակական գործունեութեան, Տիֆլիս, 1920:
206. Անադյան Հ. Ա., Վարդան Այգեկցին որպէս համերաշխութեան գաղափարախոս.—«Էջմիածին», 1969, է—Ը, էջ 52—58:
207. «Աշխարհագրութիւն շորից մասանց աշխարհի (Ասիոյ, Երուպիոյ, Ափրիկոյ և Ամերիկոյ): Աշխատասիրութեամբ Ղուկաս Ինճիճեան Կոստանդնուպոլսեցոյ, մասն առաջին, հ. Ա, Վենետիկ, 1806:
208. Առաքելյան Բարկեն, Հայկական պատկերաքանդակները IV—VII դարերում, Երևան, 1949:
209. Ավագյան Ս. Ա., Վիմական արձանագրութիւնների հնչյունաբանութիւն (X—XIV դդ.), Երևան, 1973:

210. Ալլյան Ա., Թրիլիսի Մեղրի սուրբ Գեորգ Կաթողիկե սուրբ Աստուածածին կամ Բերդի մեծ եկեղեցին.—«Էջմիածին», 1959, Բ, էջ 46—51:
211. Արատյան Առաքել, Համառոտ վարք և գրատր գործք տեառն Յովհաննու առաք. Մարտիրոսեան Ոսկերչեանց Վաղարշապատեցոյ, Տիփլիս, 1859:
212. Բարթիկյան Հր., «Narratio de rebus Armeniae» հունարեն թարգմանությամբ մեզ հասած մի հայ-քաղկեդոնական սկզբնաղբյուր.—«Բանբեր Մատենադարանի», № 6, Երեվան, 1962, էջ 457—470:
213. Բարխուդարյան Ա., Հայկական վիճազրույթուն, «Գիվան հայ վիճագրության», պրակ 1, Երևան, 1966, էջ XV—XXX:
214. Բարխուդարյան Ա. Գ., Միջնադարյան հայ ճարտարապետներ և բանդակագործ վարպետներ, Երևան, 1963:
215. Բարխուդարյան Ա., Սոցիալ-տնտեսական բովանդակության արձանագրություններ և դիտողություններ.—«Էջեր հայ ժողովրդի պատմության և բանասիրության», Երևան, 1971, էջ 73—95:
216. Գարինյանց Վ., Հայկական արձանագրություն մը Ուփլիս ցիխե գիւղում (Վրաստան).—«Հանդէս Ամսօրեայ», 1907, հոկտեմբեր, էջ 300:
- 216ա. Երեմյան Ա., Թիֆլիսի հայկական պանթեոններում, Վիեննա, 1940:
217. Երեմյան Ա. Բ., VII դարում հայկական հուշարձանների կրած մի փոփոխության մասին, ՊԲՀ, 1966, № 4, էջ 151—172:
218. Երեմյան Ա. Ս., Կիլոարիս գորավարը և նրա նախորդները.—«Ն. Մառի անվան կարինետի աշխատություններ», № 2, Երևան, 1947, էջ 103—149:
219. Երեմյան Ա. Ս., Հայաստանը ըստ «Աշխարհացոյց»-ի (Փորձ է դարի հայկական քարտեզի վերակազմության ժամանակակից քարտեզագրական հիմքի վրա), Երևան, 1963:
220. Երզնկյանց Ռոստոմ-Բեկ, Թելու քաղաք ի Կախէթ.—«Մեղու Հայաստանի», 1861, № 21 (20 մայիսի), էջ 163—167:
221. Երիցյան Աղ., Թիֆլիսի հայր և նոցա վիճակագրությունը.—«Փորձ», 1879, № 10, էջ 1—34:
222. Երիցյան Աղ., Կոմս Լոսիս-Մելիքեանի տոհմաբանությունն սովոր.—«Փորձ», 1881, № 1, էջ 103—114:
- 222ա. Երիցյան Աղ., Հարիւր տարուայ համախօսական վճիռ Մոզնու եկեղեցոյ, «Արձագանք», 1897, հունվ. 29:
223. Թորամանյան Թ., Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության. Աշխատությունների կրկնուղ ժողովածու, Երևան, 1948:
224. Խաչիկյան Լ. Ա., Հայերը հին Մոսկովյում և Մոսկվա տանող ճանապարհների վրա.—«Բանբեր Մատենադարանի» № 13, Երևան, 1980, էջ 7—107:
225. Խաչիկյան Լ. Ա., Մատթեոս Զուղայեցու կյանքն ու մատենագրությունը.—«Բանբեր Մատենադարանի» № 3, Երևան, 1956, էջ 57—84:
226. Խաչիկյան Լ. Ա., Այտնյաց Օրբելյանների Բուրթելյան ճյուղը.—«Բանբեր Մատենադարանի» № 9, Երևան, 1969, էջ 173—199:
227. Խաչիկյան Շուշանիկ, 1667 թ. հայ-ուստական առևտրական պայմանագիրը և նոր Զուղայի ինքնավար մարմինները.—«Հայկազեան հայագիտական հանդէս», հատ. Ը, Պէլրութ, 1980, էջ 259—288:
228. Խուցյան Խ., Թիֆլիսի ս. Ստեփանոս Կուսանաց անապատի պատմությունը, Թիֆլիս, 1914:
229. Հակոբյան Պ. Հ., Հայկական վիճագրերը և Խաչատուր Աբովյանը.—ՊԲՀ, 1971, № 2, էջ 45—64:
230. «Հայկական խաչքարեր», էջմիածին, 1978:
231. «Հայկական սովետական հանրագիտարան» հ. 4, Երևան, 1978:
232. Հարությունյան Բ. Հ., Կիլիկի տեղագրության հարցի շուրջը.—ԲԵՀ, 1981, № 1, էջ 108—124:
233. Հարությունյան Բ. Հ., Փայտակարան քաղաքը և նրա տեղագրությունը.—ԼԶԳ, 1981, № 12, էջ 61—76:

234. Հովհաննիսյան Ա. Գ., Գրվազներ հայ ազատագրական մտքի պատմության, հ. 1, 1957:
235. Հովսեփյան Գ., Խաղրակեանք կամ Պոռոշեանք հայոց պատմության մէջ, Բ հրատարակություն, Անթիլիաս-Կիրանան, 1969:
236. Հովսեփյան Գ., Նիթեր և ուսումնասիրություններ հայ արուեստի և մշակույթի պատմության, պրակ Ա, Երուսաղէմ, 1935:
237. Վաֆադարյան Կ. Գ., Ավանի երկրագլխի ծածկագիր արձանագրությունը, Երևան, 1945:
238. Վաֆադարյան Կ. Գ., Գլին քաղաքը և նրա պեղումները, 1, Երևան, 1952:
239. Վաֆադարյան Կ. Գ., Հաղրատ, ճարտարապետական կառուցվածքները և վիճակն արձանագրությունները, Երևան, 1963:
240. Վաֆադարյան Կ. Գ., Հայկական գրի սկզբնական տեսակները. հնագրական-բանասիրական ուսումնասիրություն, Երևան, 1939:
241. «Ճանապարհորդություն ի Լեհաստան և յայլ կողմանս՝ բնակեալս ի հայկազանց, սերելոց ի նախնեաց Անի քաղաքին»: Շարագրեալ հանդերձ դանազան բանասիրական տեղեկութեամբք տն. Հ. Միխայիլ Բժշկեանց, Վենետիկ, 1830:
242. Մելիքսեր-Բեկ Լ., Հայերը Վրաստանում.—«Кавказ и Византия», պրակ 1, Երևան, 1979, էջ 167—179:
243. Մելիքսեր-Բեկ Լ., Հին Թրիլիսի և հայ-վրացական կուլտուրական կապերի պատմությունը.—ՊԲՀ, 1958, № 3, էջ 150—160:
244. Մելիքսեր-Բեկ Լ., Ղ. Աղայանի «Արուսիան և Մանվելն» ու Սամշվիլցի որձաքարը.—«Արշավ» Թր., 1940, էջ 54—55:
245. Մելիքսեր-Բեկ Լ., Մի վկայություն գերագույն դատակազմության մասին Զաքարյան Հայաստանում.—ՀՍՍՌ ԳԱ «Տեղեկագիր», 1945, № 2—4, էջ 73—81:
246. Մելիքսեր-Բեկ Լ., Վրաց աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, հ. Ա (Ե—Ժ գար), Երևան, 1934, հ. Բ (ԺԳ—ԺԸ գար), Երևան, 1936, հ. Գ (ԺԸ—ԺԹ գար), Երևան, 1955:
247. Մելիքսեր-Բեկ Լ., VII դարու հայերեն արձանագրությունները Վրաստանում (Ատենի Սիոն).—ՀՍՍՌ ԳԱ «Տեղեկագիր», 1945, № 5, էջ 3—6:
248. Մելիքսեր-Բեկ Լ., XIV դարու՝ Ասլանի որդի Սարգսի քառալիզվյան հաղվագուտ արձանագրության մասին.—ՀՍՍՌ ԳԱ «Տեղեկագիր», 1946, № 7, էջ 31—38:
249. Մուշեղյան Եվգ., Հատկանշական ցուցակ թանգարանային ժողովածուների, պրակ 1, Հայերեն արձանագրությամբ առարկաներ, Երևան, 1964:
250. Մուրադյան Պ. Աթենի Սիոնը և նրա հայերեն վիճակն հիշատակարանները.—«Գիտություն և տեխնիկա» 1981, № 4, էջ 33—36:
251. Մուրադյան Պ., Աթենի Սիոնի նորահայտ հայերեն արձանագրությունը.—ՊԲՀ, 1979, № 3, էջ 214—223:
252. Մուրադյան Պ., Գիտությունների Օձունի արձանագրությունների վերծանության առթիվ.—ԼԶԳ, 1973, № 6, էջ 69—82:
253. Մուրադյան Պ., Եղվարդի ծածկագիր արձանագրությունը.—«Երևանի համալսարան», 1974, № 1, էջ 36—40:
254. Մուրադյան Պ., «Ընձևնավորը» հայոց գնահատմամբ.—«Շոթա Ռուսթավելի, Ընձևնավոր», Երևան, 1966, էջ 264—310:
255. Մուրադյան Պ., Հայաստանի վրացերեն արձանագրությունները. աղբյուրագիտական բնություն, Երևան, 1977:
256. Մուրադյան Պ., «Յոհան Սարկալազ» թև՝ «Յոհան, Գարկ».—ՊԲՀ, 1974, № 2, էջ 233—238:
257. Մուրադյան Պ., Պալեոգրաֆիկ «ուսումնասիրության» արդյունքները.—«Երևանի համալսարան», 1976, № 1, էջ 47—52:
258. Մուրադյան Պ., Սայաթ-Նուվան ըստ վրացական աղբյուրների. բանասիրական պրպտումներ և նյութեր, Երևան, 1963:

259. Մուրայան Պ., «Տուհայ գաւառի» սեղորոշման հարցի շուրջ.—ՊՐՀ., 1979, № 1, էջ 245—250:

259a. Նազարեանց Յ. Գրիգոր և հնութիւնք, «Մեղու Հայաստանի», 1884, № 60, 62, 64:

260. Նալբանդյան Վ. Ս., Թրիլիսին հայ մատենագրութեան մեջ (սկզբից մինչև 18-րդ դ. վերջը), Երևան, 1958:

261. Չամչյանց Միք., Պատմութիւն Հայոց, հատ. Գ, Վենետիկ, 1786:

262. Չորանյան Պ. Ա., Վրաց ուղեգրութիւնները և նրանց տեղեկութիւնները հայերի մասին, Երևան, 1981:

263. Պարսամյան Վ. Ս., Ա. Ս. Գրիգորիովը և հայ-ուսական հարաբերութիւնները, Երևան, 1947:

264. Պետրոսյանց Վ. Մ., Գնթոնիները՝ եկեղեցաշինարար.—«Էջմիածին», 1979, № 12, էջ 45—48:

265. Պետրոսյանց Վ. Մ., Զովունիի արձանագրութիւնները.—ՊՐՀ, 1980, № 3, էջ 303—306:

266. Զալալյանց Սարգիս, Ճանապարհորդութիւն ի Մեծն Հայաստան, մասն Ա, Տիփլիս, 1842, մասն Բ, Տիփլիս, 1858:

267. Զահուկյան Գ. Բ., Հայ բարբառագիտութեան ներածութիւն (վիճակագրական բարբառագիտութիւն), Երևան, 1972:

268. Մանինյան Ա. Ա., Զովունիի ճարտարապետական խումբը.—ԼՀԳ, 1968, № 1, էջ 101—120:

269. Մանինյան Ա. Ա., Քասաղի բազիլիկայի ճարտարապետութիւնը, Երևան, 1955:

270. Մայրաբ-Նուխ, Հայերեն, վրացերեն, ադրբեջաներեն խաղերի ժողովածու կազմեց, խմբագրեց և ծանոթագրեց Մորուս Հասրաբյան, Երևան, 1963:

271. Մայրաբ-Նուխ, լուս գրքով աշխատասիրութիւնով Գէորգեայ Ախվերդեան, Մոսկվա, 1852:

272. Սարգսյան Գ., Միջնադարյան կուլտականները և դրանց նվիրատվութիւնները IX—XIV դդ.—ՊՐՀ, 1977, № 3, էջ 269—276:

273. Սմբատյանց Մ., Տեղեկագիր Գեղարքունի ծովագարդ գավառի, որ այժմ Նոր Բայազիտ գավառ, Էջմիածին, 1896:

274. Տեր-Մինասյան Ե. Գ., Միջնադարյան սղանդների ծագման և դարգացման պատմութիւնը, Երևան, 1968:

275. Տեր-Մինասյան Ե. Գ., Պատմա-բանասիրական հետազոտութիւններ, Երևան, 1971:

276. Ուլարբեյան Բ. Ա., Դրվագներ հայոց արևելից կողմանց պատմութեան (V—VII դդ.), Երևան, 1981:

277. Քյուրտյան Հ., Նիսիք հայ վաճառականութեան պատմութեան համար. հում մետաքսի վաճառականութիւնը և հայերը [Բուստոն, 1944], էջ 1—77:

278. Քյուրտյան Հ., Զուլալեյի խոջայ Նազար և իր գերդաստանը [Բուստոն, 1943], էջ 1—41:

279. Օրբելի Հ. Ա., Հայկական վիճակի արձանագրութիւնների գիտական նշանակութիւնը, «Դիվան հայ վիճագրութեան», պրակ 1, էջ V—XIV:

280. Օրմանյան Մ., Ազգապատում. հայ ուղղափառ եկեղեցու անցքերը սկզբից մինչև մեր օրերը, յարակից ազգային պարագաներով պատմութեան, հ. Ա, Պէրոյի, 1959:

281. Բրամիշვილი Գ., ატენის სიონის მოხატულობის ეტიმოლოგია.—«საბჭოთა ხელოვნება», 1982, №5, გვ. 86—100.

282. Բրամիշვილი Գ., ატენის სიონის რელიეფი.—«საბჭოთა ხელოვნება», 1965, № 9.

283. Բրամիշვილი Գ., სტეფანოს მამულის ფრესკული წარწერა, თბ., 1977.

284. Բրամიშვილი Գ., ატენის სიონის უცნობი წარწერები.—«მაცნე» (ისტ. სერია), 1976, № 2, გვ. 170—176.

285. Բախչաძე ილი., ფათანგელოსის „რიფსიმეანთა მარტვილობის“ ძველი ქართული თარგმანი.—«ხელნაწერთა ინსტიტუტის მოამბე», ტ. II, თბ., 1960, გვ. 145—180.

286. Բախչაძე ილი., სტეფანოს ორბელიანის ისტორიის ერთი ცნობის განმარტების გარშემო.—«თსუ შრომები», ტ. XXXIII, თბ., 1948, გვ. 107—118.

287. Բախչაძე ილი., ქართული და სომხური ლიტერატურული ურთიერთობა, თბ., 1944.

288. Բაქქაძე ზ., ატენის სიონის სომხური წარწერები, თბ., 1978.

289. Բրամիշვილი Գ., ქართული ხელოვნების ისტორია, თბ., 1971.

290. Բախչაძე ი., გორელი პოეტი სტეფანე ფერმანგიშვილი, თბ., 1942.

291. Բაქრაძე ა., მდივან-მწიგნობრის სახელის საკითხისათვის.—«მაცნე», 1966, № 6.

291a. Բაქრაძე ა., XVI—XVIII საუკუნეების ქართველი მდივან-მწიგნობართა გენეաლოგიის საკითხისათვის (მარტիրոսაშვილები, ბეგთაბევიშვილები), კ. Կეკელიძის სახ. ხელნაწერთა ინსტ. «მოამბე», ტ. IV, თბ., 1962, გვ. 253—261.

292. Բերძე ვ., ძველი ქართველი ოსტატები, თბ., 1967.

293. Բერძე თ., ძველი თბილისის ვარդუხների ისტორია, თბ., 1977.

294. Բერძენიშვილი Լ., ნარკვევები საქართველოს ისტორიული გეოგრაფიიდან, თბ., 1979.

295. Բერძენიშვილი Ե., აღმოსავლეთ კახეთის წარსულიდან, «საქართველოს ისტორიის საკითხები», წ. III, თბ., 1966.

296. Բერძენიშვილი Ե., საქართველოს ისტორიის საკითხები, წ. I, თბ., 1964; წ. II, თბ., 1965; წ. VI, თბ., 1973; წ. VIII, თბ., 1975.

297. Բოხოჩაძე ალ., არქეოლოგიური გათხრები ალაიანსა და Ժალისში, თბ., 1981.

298. Գაბაშვილი ვ., დარბაზის რიგის მოხელენი დასტურლამალის მიხედვით.—«ენიმკის მოამბე» XIII, თბ., 1943.

299. Գაფრინაშვილი Գ., ძველი ქართული კულტურის კვლევის სპელესტიკური პრობლემები և, Գარეჯის უღბնო.—«სპელესტიკური კვლევა-ძიებანი», მოხსენებათა მოკლე შინაარსი, თბ. 1977, გვ. 3—12.

300. Գვასალია Զ., ქსნის ხეობის ისტორიული გეოგრაფიის საკითხები.—«საქ. ისტ. გეოგր. კრებულ» III, თბ., 1967, გვ. 9—54.

301. Գვრიტიშვილი Լ., ფეოდალური საქართველოს სოციალური ურთიერთობის ისტორიიდან (ქართლის სათავადოები), თბ., 1955.

302. Գვრიტიშვილი Լ., გორის ისტორია, თბ., 1954.

303. Գვიგინიშვილი Ի., თოფურია ვ., Գաթარაძე Ի., ქართული დიალექტოლოგია, I, თბ., 1961.

304. Գოთლაძე ვ., არის თუ არა თეოფანე Գամառელი-მწიგნობար-მწიგნობար (Bzpatz-mstq) ქართლის ერისმთავარი?—«მაცნე» (ისტ. სერია), 1976, № 1, გვ. 133—140.

305. Գրիშაშვილი Ի., თბილისის წარსულიდან (ლენინის მოედანი).—«საბჭოთა კრებულ» 3. Կეკელიძის: დაბաղის 80 წლისთავზე», თბ., 1959, გვ. 119—128.

306. Գրիშაშვილი Ի., თბილისի կრებულի ხუთ ტომად, ტ. III, თბ., 1963.

307. Դავლიანი Լ., მათე უրპաელის ცნობები Դავით აღმაშენებლის შესახებ.—«საქართველო» რუსთაველის ხანაში», თბ., 1966, გვ. 242—252.

308. Դუნდუა Գ., Ե. Մ. Կարտու-სասնური մոնეტების პრობლემა և Դավթեղա-Դավթի հանրապետության ისტორիის საკითხები.—«մაცնե» (ისტ. სერია), თბ., 1976, № 1, გვ. 97—109.

309. Ենუქիძե თ., აღმოსავლეთ საქართველოს մდივანბեგთა ქროնոლოგიური რიგი.—«მრავალთ»-ვი», I, თბ., 1971, გვ. 301—327.

310. Զախარაია Բ., անախրის ხუროთმოძღვრული անսამբლი, თბ., 1953.

311. Զախარაია Բ., ნախալարի Գրემის արქիեպիսկոպոս, თბ., 1975.

312. Զախარაია Բ., Խსնის Զվալիսցვის և Զիւնանის Կիւն-Տիմագրեւի.—«საქ. სახ. მუზეუმის მოამბე», XVIII—B, თბ., 1954.

313. Զախარაია Բ., Խსნის ხეობის Կიւն-Տիմագրեւի.—«საქ. სახ. მუზეუმის მოამბე», XVI—B, თბ., 1950. გვ. 165—202.

314. Զամარაშვილი Զ., ისტორია Կათოლიკոսის Կართველთა Մորის, ტფ., 1902.

315. Զախარაია Ե., արქեოლოგიური մոգնախորանի և Մենիշենքի, Միջին Զիրველი, ტფ., 1907.

316. Զախարაია Ե., Գորիսցვის Կանკლის Կին Դասաճմեղի Կვარი.—«თსუ შრომები», XXXIV—a—b, თბ., 1948, გვ. 383—389.

317. Զախարაია Ե., 1917 წლის արქեოლოგიური ექսპედიცია Զամხრეთ Կართველოში, თბ., 1960.

318. Զոլდუა Զ., Կართու-Տարսული Եტიუճեւի, თბ., 1971.

319. თოფურია ვ., შიდა-ქართლში დაცულ ზოგიერთ სიძველეთა წარწერები.—საისტორიო მოამბე, წ. II, ტფ., 1924, გვ. 129—135.

320. ინგოროყვა პ., თხზულებათა კრებული, წ. I, თბ., 1963.

321. კაკაბაძე ს., დიდგორის ომი, თბ., 1982.

322. კაკაბაძე ს., სასისხლო სიველების შესახებ.—საისტორიო მოამბე, წიგნი II, ტფ., 1924 გვ. 1—107.

323. კაკაბაძე ს., ფარსადან გორგიჯანიძის ისტორია.—საისტორიო მოამბე, წ. II, ტფ., 1925 გვ. 198—320.

323ა. კაკურია შ., ქ. თბილისის მოსახლეობა 1803—1970 წწ., თბ., 1979.

324. კეკელიძე კ., აშუმა პიტიაშვის ბეკდის წარწერის გაგებისათვის.—ეტიუდები ძველი ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან, ტ. I, თბ., 1956 გვ. 147—154.

325. კეკელიძე კ., საკითხი სირიელ მოღვაწეთა ქართლში მოსვლის შესახებ.—ეტიუდები..., ტ. I, თბ., 1956, გვ. 19—50.

326. კეკელიძე კ., უძველესი ქართული მონასტერი იერუსალიმის მახლობლად და მისი მოზაიკური წარწერა.—ეტიუდები..., ტ. VI, თბ., 1960, გვ. 72—80.

327. კეკელიძე კ., ეტიუდები ძველი ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან, ტ. XII, თბ., 1974.

328. კეკელიძე კ., ქართული ლიტერატურის ისტორია, ტ. I, ძველი მწერლობა, თბ., 1960.

328ა. კეკელიძე ლ., ვინ გალექსა „ამირანდარეჯანიანი“.—ლიტერატურული ძიებანი, თბ., 1983, გვ. 120—130.

329. კიკნაძე რ., საქართველოს ისტორიის წყარომცოდნეობის საკითხები, I, თბ., 1982.

330. კიკნაძე რ., ფარსადან გორგიჯანიძე და „ისტორიანი და აზმანი შარავანდედანი“, თბ., 1975.

331. კლიმაშვილი ა., მასალები XV—XVIII სს. ქართლისა და კახეთის საღრმოვების ისტორიისათვის.—XIV—XVIII სს. რამდენიმე ქართული ისტორიული დოკუმენტი, თბ., 1964, გვ. 121—151.

332. ლეონიძე გ., გამოკვლევები და წერილები, თბ., 1953.

333. ლომოური ნ., კონსტანტინე პორფიროგენტის ერთი ცნობის გარკვევისათვის.—სსუ შრომები, ტ. 59, თბ., 1955, გვ. 135—145.

334. ლორთქიფანიძე მ., თბილისის სამხრის ისტორიიდან.—მიმოხილველი, II, თბ., 1951, გვ. 185—201.

335. მაისურაძე გ., ქართველი და სომეხი ხალხების ურთიერთობა XIII—XVIII სს., თბ., 1982.

336. მაკალათია ს., ლიხვის ხეობა, თბ., 1971.

336ა. მამისთვალისხეილი ე., საქართველოს საგარეო პოლიტიკური ურთიერთობანი XVI საუკუნის 50—60-იან წლებში.—მაცნე (ისტ. სერია), 1982, № 2, გვ. 13—27.

337. მეგრელაძე დ., გლეხობის კლასობრივი ბრძოლა ფეოდალურ საქართველოში (XVII—XVIII სს.), თბ., 1979.

338. მეგრელიძე ი., დიდი ლიხვის ხეობის სიძველეები და მათი წარწერები.—სტალინის სახ. პედ. ინსტიტუტის შრომები, ტ. III, თბ.-სტალინური, 1956, გვ. 229—256.

339. მელიქსეთ-ბეგი ლ., გარესჯის „მრავალმთის“ სომხური ეპიგრაფიკა და პოლიგლოტური წარწერა ქართულ-სომხურ-სპარსულ-უილურული, „აკად. ნ. მარის სახელობის ენის, ისტორიისა და მატერიალური კულტურის ინსტიტუტის მოამბე“, V—VI, თბ., 1940, გვ. 153—175.

340. მელიქსეთ-ბეგი ლ., გიორგი გორელი—უცნობი ქართველი და სომეხი მწერალი XVIII ს. პირველი ნახევრისა.—საქ. სახ. მუზეუმის მოამბე, X—B, თბ., 1941, გვ. 89—122.

341. მელიქსეთ-ბეგი ლ., დავით უძღველი და დავით გარესჯელი.—საიუბილეო კრებული კ. კეკელიძის დაბადების 80 წლისთავზე, თბ., 1959, გვ. 197—231.

342. მელიქსეთ-ბეგი ლ., დმანისის სომხური წარწერები.—ენათმეცნიერების ინსტიტუტის შრომები (აღმოსავლური სერია), I, თბ., 1954, გვ. 153—161.

343. მელიქსეთ-ბეგი ლ., მასალები ტფილისისა და „სომხეთის“ სიძველეთა ისტორიისათვის.—სამეცნიერო კრებული „ჩვენი მეცნიერება“, ტფ., № 1, 1923, გვ. 81—96.

344. მელიქსეთ-ბეგი ლ., საიათნოვა, [ტფ.], 1930.

345. მელიქსეთ-ბეგი ლ., საიათ-ნოვა, სომხური ლექსები ქართულად, ტფ., 1935.

346. მელიქსეთ-ბეგი ლ., სომხური სიძველენი ტფილისის ახლო მიდამოებში (შავნაბად—თელეთ—წავკისი).—საქ. მუზ. მოამბე, № I, ტფ., 1922.

347. მელიქსეთ-ბეგი ლ., ტფილისის ვანქის დაარსების საკითხისათვის.—ტფილ. უნივ. მოამბე, IV, ტფ., 1924.

348. მელიქსეთ-ბეგი ლ., ძალისი—თბილისი—ფაიტაკარანი.—თბილისი—1500“, თსუ საიუბილეო კრებული, თბ., 1958, გვ. 29—38.

349. მელიქსეთ-ბეგი ლ., ძველი სომხური ქრესტომათია ლექსიკონითურთ. ნაკვეთი პირველი, ქრესტომათია, ტფ., 1920.

350. მენაბდე ლ., ძველი ქართული მწერლობის კერები, ტ. I, ნაკვ. I, თბ., 1962.

351. მესხია შ., ძველი საქართველო, თბ., 1972.

352. მეტრეველი რ., დავით აღმაშენებელი. სახელმწიფოებრივი რეფორმები XII საუკუნის პირველი მეოთხედის საქართველოში, თბ., 1965.

353. მუსხელიშვილი დ., კახეთ-პერეთის პოლიტიკური გეოგრაფიის საკითხები XII—XIII სს-ში.—„საქართველოს ისტორიული გეოგრაფიის კრებული“, III, თბ., 1967, გვ. 55—130.

354. მუსხელიშვილი დ., ქვემო ქართლის ისტორიულ-გეოგრაფიული ექსპედიციის საველე სამუშაოთა (1951—1958) შედეგები.—საქ. ისტ.—გეოგრ. კრებული, თბ., 1960, გვ. 23—61.

355. მუსხელიშვილი დ., ციხე-ქალაქი უჯარმა, თბ., 1966.

356. მუსხელიშვილი ლ., ბოლნისი.—ენიმკის მოამბე, III, ტფ., 1938, გვ. 311—382.

357. მუსხელიშვილი ლ., არქეოლოგიური ექსპურსიები მაშავრის ხეობაში, თბ., 1941.

358. მუსხელიშვილი ლ., სამშვილდის სიონის წარწერები და აშენების თარიღი.—ენიმკის მოამბე, XIII, თბ., 1943, გვ. 85—106.

359. „მცხეთა“, ტ. I, ა. აფაქიძე, გ. გობეჯიშვილი, ა. კალანდაძე, გ. ლომთათიძე, არმაზისხევის არქეოლოგიური ძეგლები 1937—1946 წწ. განათხარის მიხედვით, თბ., 1955; ტ. II, არქეოლოგიური კვლევა-ძიების შედეგები, თბ., 1978; ტ. III, თბ., 1980; ტ. IV, თბ., 1980; ტ. V, თბ., 1981.

360. პაპუაშვილი თ., პერეთის ისტორიის საკითხები. ნარკვევები სოციალ-ეკონომიური და პოლიტიკური ისტორიიდან (უძველესი დროიდან XII ს. I მეოთხედამდე), თბ., 1970.

361. პაპუაშვილი თ., რანთა და კახთა სამეფო, თბ., 1982.

362. რუხაძე ტ., ძველი ქართული ლირიკის ისტორიიდან. აკად. კ. კეკელიძის რედაქციით, თბ., 1954.

363. „საისტორიო კრებული“, II, ტფ., 1928.

364. „საქართველოს ისტორიის ნარკვევები“, ტ. I, თბ., 1973; ტ. II, თბ., 1973; ტ. III, თბ., 1979; ტ. IV, თბ., 1973.

365. სურგულაძე ივ., ნარკვევები საქართველოს სახელმწიფოსა და სამართლის ისტორიიდან, თბ., 1963.

366. ქავთარია მ., დავით გარეჯის ლიტერატურული სკოლა, თბ., 1965.

367. ღლონტი ალ., ქართველური საკუთარი სახელები, თბ., 1967

368. შანიძე ა., ავრი სუფიქსიანი ქალის სახელები ძველ ქართულში.—ძვ. ქართ. ენის კათ. შრომები. 11, „საიუბილეო“, თბ., 1968, გვ. 7—16.

369. შანიძე ა., თხზულებანი, ტ. I, თბ., 1957.

370. შანიძე ა., ფუთურიძე ვ., სამეცნიერო წარწერა გრემში.—ენიმკის მოამბე, V—VI, თბ., 1940 გვ. 1—11.

371. შენგელია ნ., სელჩუკები და საქართველო XI საუკუნეში, თბ., 1968.

372. ხუბუა მ., ოთხთავის სპარსული ხელნაწერები XVII—XVIII სს. საქართველოს მუზეუმში.—ენათმეცნიერების ინსტიტუტის შრომები, აღმოსავლური სერია. I, თბ., 1954, გვ. 163—185.

373. ჭანკიევი თ., ეგნატე იოსელიანის ლიტერატურული მემკვიდრეობის შესწავლისათვის.—კ. კეკელიძის სახელობის ხელნაწერთა ინსტიტუტის მოამბე, ტ. V, თბ., 1963, გვ. 57—66.

374. ჭილაშვილი ლ., ქალაქები ფეოდალურ საქართველოში, I, თბ., 1968.

375. ჯავახიშვილი ივ., ახლად აღმოჩენილი უძველესი ქართული ხელნაწერები და მათი მნიშვნელობა

- მეცნიერებისათვის.—„ქართული დამწერლობათა-მცოდნეობა ანუ პალეოგრაფია“, თბ., 1949, გვ. 274—366.
376. ჯავახიშვილი ივ., საქართველოს ეკონომიური ისტორიის ძეგლები, I, თბ., 1967.
377. ჯავახიშვილი ივ., ქალაქები, საქალაქო წესწყობილება და ცხოვრების ვითარება საქართველოში XVII—XVIII სს., —„პრომეთე“, 1918, № 1, გვ. 35—61.
378. ჯავახიშვილი ივ., ქართველი ერის ისტორია, წ. I, თბ., 1960; წ. II, თბ., 1965; წ. III, თბ., 1966; წ. IV, თბ., 1967.
379. ჯავახიშვილი ივ., ქართული დამწერლობათა-მცოდნეობა ანუ პალეოგრაფია, თბ., 1949.
380. ჯავახიშვილი ივ., ქართული სამართლის ისტორია, წ. I, ტფ., 1928; წ. II, ნაკვ. I, ტფ., 1928; წ. II, ნაკვ. II, ტფ., 1929.
381. ჯავახიშვილი ივ., ძველი ქართული საისტორიო მწერლობა, ტ. I, თბ., 1945.
382. ჯალაბაძე გ. ქსნის ხეობის მოსახლეობა.—„მასალები ქსნის ხეობის ეთნოგრაფიული შესწავლისათვის“, თბ., 1975, გვ. 6—24.
383. ჯანაშია ს., შრომები, ტ. I, თბ., 1949, ტ. II, თბ., 1952.
384. ხახუტაშვილი დ., უფლისციხე: 1957—1963 წწ. არქეოლოგიური კვლევა-ძიების შედეგები, ტ. I, თბ., 1964; ტ. II, 1963—1969 წწ. არქეოლოგიური კვლევა-ძიების შედეგები, თბ., 1970.
385. *Brosset M.—F. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'an XIX siècle*, II, 1, St.—Petersbourg, 1856.
386. *Brosset M.—F. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie*, II 1., St.—Petersbourg, 1850, cinquième rapport.
387. *Carswell J.* New Julfa, Oxford, Clarendon Press, 1968.
388. *Garitte G.* La Narratio de rebus Armeniae, édition critique et commentaire. Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, vol. 132, t. 4, Louvain, 1952.
389. *Hübschmann H.* Die altarmenischen Ortsnamen, Amsterdam, 1969.
390. „Khatchkar“, Milano, 1969.
391. *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10 Jahrhunderts (ca 840—940). Leipzig, 1903.
392. *Mouradian P.* Encore au sujet de l'inscription arménienne de l'église de Djvari, REArm., t. VI, Paris, 1969, p. 393—411.
- 392a. *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, zweiter Theil, Petersburg, 1797.
393. *Strzygowski J.* Die Baukunst der Armenter und Europa, B. II, Wien, 1918.
- 393a. *Tarikh at Tabari par Abu Jafar Mohammad Ibn Jarir at Tabari*, vol. IX, édition critique par M. Abul-Fadi Ibrahim, Le Caire, 1975.
394. *Toumanoff C.* Iberia on the eve of Bagratid Rule.—„Le Muséon“, t. LXV, 1952.
395. *Toumanoff C.* Manuel de généalogie de la Caucasic Chrétienne (Arménie—Géorgie—Albanie), Roma, Edizioni Aquila, 1976.
396. *The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci*, translated by C. J. F. Dowsett, London, 1961.
397. *Uluhogian G.* Silloge delle epigrafi armene di S. Stefano di Giulfa. Milano, 1981.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абраам, кат. Арм. 32, 36	Азиз 141
Абраам, отец Хэрэдина 184	Айнат 76, 77
Абраам, из Грени 165	Акатим ? 66
Абраам Ереванци 39	Акинян Н. 25, 28, 29
Абрамишвили Г. Вл. 11, 65, 96—108	Акопян Мик. 120
Абдаладзе А. 137	Алахшул 85
Абисолом, из Анн 100	Александр I, царь Кахети 154
Або, св. 175	Александр II, царь Кахети 55, 91, 155, 159—162
Абуладзе И. Вл. 23, 137	Александр (Великий? Имеретинский?) 133
Абул-Асан 196	Алексидзе З. Н. 11, 31, 93—97, 99, 100, 103, 105, 106, 109—111, 173
Абулетидзе 80	Алекси Закуашвили 125
Абул-Касим Саджидид 65	Али-Арслан 71, 72
Абу-Саид Бахадур-хан 122, 195	Аллой 189
Абусеридзе Тбели 38	Алуа 184
Авак, свящ. 182, 183	Амазасп, игумен Ахпата 130
Авак, атабек 192	Амазасп, причетник 182
Авак, перей 197	Амазасп Аршакид 43
Авак, из Анн 182	Амазасп Мамиконян 102
Аванэс 73, 75, 77	Амас 76
Авгароз Бандасдзе 136	Амилахвар 136
Аветис, инок 110, 112	Амилахвари, род 43
Аветика Гогинашвили 188	Амирашвили Ш. Я. 65
Авраам, дьякон 141	Амирашвили/Хитаровы, род 89
Автандил, танутэр 89	Амирбек 142
Автандил I Бегтабегов 113	Амирджан 87
Автандил II Бегтабегов 113, 118	Амир-Курд 196
Автандил III Бегтабегов 113—116	Амар-Саид 185, 186, 195, 196
Ага Мухаммад-хан 39, 89, 117, 125	Амирум 141
Агаян Г. 8	Ами...эль 51, 53
Адарнасе, правитель Тао-Кларджети 28 64	Анане 130
Адарнасе, сын Нерсе Великого 102, 103	Андукапар 124
Адонц Н. Г. 179	Анн 62
Адрнерсе, ипатий 21, 24—32	Анна 157
Азарян Л. 105	
Азат 167	

* Как в самом исследовании, так и в указателе мы воздержались от унификации форм передачи собственных имен, ибо они фиксируются разноязычными и разновременными источниками.

- Анна Гаргадзян 48
 Антиох Эвергет 132
 Антоний 192
 Аракел, кат. Арм. 55
 Аракел, художн. 84
 Аракел, мастер 142
 Аракел Даврижеци 156
 Аракел Сюнийский 193
 Аракелян Б. Н. 35
 Аргутинцы, род 142
 Аркай 58
 Арсений II 176
 Арсений Сапарели 178, 179
 Арсений Суханов 42
 Артемий Араратский 147
 Арут 139
 Арутина Харибегашвили 73
 Арутюн 188
 Арутюн Питоант 188
 Арутюнян А. 167
 Арутюнян В. М. 35
 Арчил, царь Грузии 16
 Арчил, царь Грузии 89
 Арчил, царь Грузии 102, 103
 Аршакуни Х. Е. 13
 Аршуша, из Абастумани 96
 Аруцашвили 125
 Арюянц, род 125
 Арюянц З. 124, 125
 Асатур 58
 Асатур, из Греми 164
 Асламаз Карашвили 38, 39
 Аслан/Араслан/Арслан 185, 186
 Асолик 107
 Асратян Г. О. 13
 Астуацатур, из Канды 51, 53
 Астуацатур, мастер 114, 115
 Атина 145
 Ахберик 183
 Ахмед 65
 Ашот Багратуни, ишхан 102
 Ашот II Багратуни 96
 Ашот Гнтуни 96
 Ашуша, VI в. 27
 Ашуша, VII в. 29
 Аһарон 106
 Аһу 166

 Баба 77
 Бабуцидзе, род 133
 Багдасар 139
 Баграт III 65, 71, 107, 108
 Баграт IV 63, 71, 72
 Баграт VI 52
 Баграт Агбалин 190
 Багратицы, род 38, 80, 153, 197
 Баграт Мухранбатони 44
 Багсар 145
 Бадура 133
 Бакрадзе А. К. 113
 Бакрадзе Дм. 142
 Бакур, царь Грузии 15, 16
 Бакур, VI в. 27
 Бараба 102
 Бардзим 145
 Барнавели Т. В. 10, 104, 158, 185
 Барсамусе 29
 Барсег, писец 54, 55
 Барсег, архиерей 84
 Барсег, свящ. 87
 Барсег, свящ. 188, 191
 Барсег, свящ. из Гареджа 191
 Бархударян С. Г. 8, 105
 Басили 38
 Батав 186
 Баткан/Пати 67
 Бахадур 139
 Бегана 76, 77
 Бегтабег I 114, 117, 119, 121
 Бегтабег II 113, 115, 116
 Бегтабеговы/Бегтабегшвили/Бегтабегян,
 род 8, 114, 117, 119, 121
 Бежан 62
 Бежан Бегтабегов 114, 116
 Бежан-бек 85
 Бердзенишвили Н. А. 43, 44, 50, 59, 100, 154
 Беридзе В. В. 35, 146
 Бзмнр 29
 Броссе М. 7, 8, 10, 25, 29, 39, 66—69, 89, 93
 Бубакр 171—173, 176
 Бубаракшай 187
 Бкпакр 176
 Бэшкен 65, 66

 Вараз-Бакур, царь Грузии 15
 Вараз-Бакур Гамрекели 71
 Вардан, брат Хачатура 53
 Вардан, свящ. 87
 Вардан Великий 35
 Вардан Мамиконян, Кармир Вардан 25
 Вардетикин 88
 Варзел 142 см. Кучипарк

- Варскен 27
 Вартика 136
 Варфоломей 26
 Васак Гнтуни 96
 Василий, кат. Грузии 26
 Василий I Македонский 171
 Вахтанг V 70, 83, 89, 119
 Вахтанг VI 60, 118
 Вахушти 15, 43, 46, 50, 72, 86, 124, 125, 132—
 140, 144, 147, 153
 Ваһрам 29
 Вежан Бузмир 17
 Виршел 136
 Вольская А. 182
 Врен Гнтуни 96
 Вусет 167

 Габинянци/Габинашвили, род 68
 Габинянци В. 68, 69
 Габриэл 62
 Газар 84
 Гаприндашвили Г. М. 179, 180
 Гаргадзе 48
 Гаспаров/Гаспарашвили 89, см. Хитараров
 Гаяне 177
 Гвасалия Дж. 137
 Гвритишвили 81
 Георг/Гиорги Горечи 90
 Георгий, царь Имерети 124
 Георгий I 107
 Георгий III 50, 81
 Георгий IV 118
 Георгий VIII 52, 153, 168
 Георгий X 84
 Георгий XI 114, 119, 121
 Георгий Блистательный 196, 197
 Георгий Мтацмидели 179
 Георгий Мцире 179
 Георгий, сын Гиви Амилахора 85
 Герджиум, сын Ерхасана 65, 107—109, 112
 Гиви 134
 Гиви Амилахор 85
 Гиорг 106
 Гиорги, брат Анны 48
 Гиорги, алиец 125
 Гиорги, отец Кайхосро 134
 Гиорги, Ксанский эристав 145, 147
 Гиорги, из Цхинвали 134
 Гиорги Батонишвили 125
 Гиорги Саакадзе 119
 Гнтуни 65
 Гнтуниды 96
 Гонладзе В. 29
 Горги 62
 Горги, сын Бежана 62
 Горги-хан 85
 Гордеев С. Д. 154
 Готерци 125
 Григол 48
 Григол Бандасдзе 136
 Григорий, писец из Ахалгори 138—141
 Григорий, свящ. из Ахалгори 143
 Григорий, свящ. 142
 Григорий, из Анаури 146
 Григорий, инок 86
 Григорий/Григор, инок 87
 Григорий, писец, сын Черкаса 88
 Григорий, из Гори 87
 Григорий, протонерей 87
 Григорий Бакуриан 129
 Григорий Великий 176
 Григорий Дапс 100, 101, 105
 Григорий Дзоропоречи 102, 103
 Григорий Мамиконян 102
 Григорий Просветитель 47, 49, 53, 177
 Григорий Татеваци 90
 Григорян Г. 66, 83
 Грикул Оланов 152
 Гршашвили И. 90
 Гуарам 24—27
 Гугунашвили, род 133
 Гукас 88
 Гурандухт 107
 Гурген, предводитель Грузии 25, 27
 Гурген, отец Баграта III 71
 Гурджизаде 39
 Гэдзон 183
 Гюльденштедт И.-А. 6, 46, 56, 141, 157, 163

 Давид, брат Хачатура 51, 53
 Давид, паронтер 54, 55
 Давид, из Кавтисхеви 57, 58
 Давид, из Уплисцихе 69
 Давид, из Гори 89
 Давид, эристав 140
 Давид, из Сигнахи 170
 Давид X 44
 Давид/Дауд-хан 55, 59
 Давида, некий 145
 Давид Анахт (Непобедимый) 177, 191, 193
 Давид Багратиони 118

- Давид Гареджели (Гареджийский) 171—177, 181, 184—187, 190, 191, 193, 194
 Давид Гзиробежов 152
 Давид Гитунн 96
 Давид Давидашвили 124
 Давид Кобайреци 81
 Давид Куропалат 71, 72, 107, 108
 Давид Строитель 43, 50, 63, 70, 73, 79—82, 92, 112, 123, 132, 137
 Даниэл, из Сигнахи 170
 Дарбинян-Меликян М. О. 80
 Дареджан 62
 Дарчинян С. Г. 13, 39
 Двинская, ниафора 15
 Деметре, царь Грузии 50
 Деметре ипатий 21, 24, 25, 30—32
 Дета-хатун 87
 Джавахишвили И. А. 10, 24—26, 28—31, 36, 55, 59, 65, 71, 89, 93, 95, 110, 133, 157, 179
 Джала 15
 Джалабадзе Г. 137, 140
 Джалалянц С. 7, 8
 Джалапи 91, 92
 Джаһандухт 76
 Дженкинсон 154, 155
 Джимшер 126
 Джоджик 179
 Джонбери ? 25
 Джоран 182
 Джорджадзе Д. 161
 Джуаншер ? 25
 Джуаншер, историк 26, 28, 29, 30, 43, 102, 103
 Дзамуевы 62
 Динар 173
 Дмитрий Самопожертвователь 190
 Довлатхатун 85
 Додо, св. 171
 Долидзе И. 133
 Доментий II 38
 Доментий III 39
 Дон Минас 88
 Дон Пиетро Авитабиле 82, 83, 86, 88
 Дон Кристофоро Де Кастелли 82, 83, 88
 Доусет Ч. 28
 Дундуа Г. Ф. 25, 29
 Дюбуа де Монперье 10, 93
 Еараджыз 188
 Ева 148, 149
 Евагрий, св. 176
 Еванес 190
 Евлу 167
 Евстатий Мцхетский 14, 17, 25, 27, 175
 Егназар 82, 89
 Езр 36
 Енук Аркун 195
 Енукидзе Т. 117
 Еремян А. Б. 24, 31, 34
 Ерзынкянц Ростомбек 7, 163, 169
 Ерицян Ал. 7
 Ерһасан 107
 Жан Шарден 86, 124
 Жордания Ф. 26, 133, 154
 Заза Панаскертели 70, 72
 Закар, отец Мкртыча 159, 160
 Закар 85
 Закарана П. П. 23, 147, 153, 158, 163
 Закар Амирбегианц 49
 Закарий Гаргадзян 48
 Закария, парон 88
 Закария Канакерци 6, 7
 Закарэ Сигнахец 111
 Зани 165
 Захариды 117, 197 см. Мхаргрдзели
 Закар Цатиков 68
 Захарий III, атабек 195
 Зевдгинидзе, род 43
 Зосима, свящ. 130
 Зосима Тахойсдзе 50
 Иакоб Джугаеци 82, 83
 Иакоб Цатиков 68
 Ибрагим паша 39
 Иване Буртелиан 65
 Иезеккел 87
 Илларион Грузин, св. 171, 172, 176
 Инай ? 186
 Иоанн, некий 183
 Иоанн из Гареджа 190
 Иоанн Бераи 99
 Иоанн Драсханакертци 64, 65, 71, 102
 Иоанн [Зедазтели], св. 175
 Иоанн Майрагомеци 178
 Иоанн Марушидзе 71
 Иоанн Философ [Одзнеци] 184, 193, 194
 Иоанн/Иоанэ из Тбилиси 187, 190, 191, 194
 Иоаннэс, неромонах 87
 Иоаннэс, свящ. 120

- Иоаннэс, предводитель 170
 Иоаннэс, из Цхинвали 135
 Иоаннэс/Иоанн Бегтабегян/Бегтабеков 116, 117
 Иов 15
 Иорам Саакадзе 119
 Иосиф Двинский, св. 176
 Иоселиани Иги. 9
 Иоселиани Пл. 9, 61
 Иотам Амилахвари 134
 Ираклий, импер. 24, 27—29, 31
 Ираклий II 39, 46, 88, 116, 145, 152, 169
 Искандер Мунши 156
 Ишханик 173
 Ия Вартанова 151
 Повсеп Экэндянц/Эйендиев 40
 Повсэл/ Иосеб Повсеяианц/Осепов 48
 Кайхосро, мухранбатон 38
 Кайхосро, из Цхинвали 134
 Кайхосро Багсарашвили 145—147
 Кайхосро Мачабели 133
 Какабадзе С. Н. 24, 154, 173
 Какабадзе С. С. 24, 136
 Қаландадзе А. Н. 17
 Қалиа 48
 Қамсараканы 102—104
 Қарамаи 139
 Кара-Юсуф 65
 Карамани 196
 Карим-шах 88
 Кастелли 88 см. Дон Кристофоро
 Қвешинневели 142
 Кебадзе, род 133
 Кекелидзе Қ. С. 12, 24, 25, 29, 36, 103, 172, 173, 176
 Кеорки 67
 Киракос, дьякон 54, 55
 Киракос, епископ 84, 138
 Киракос Гандзакеци 195
 Кирион 16, 26, 29, 35
 Қларк 155
 Қлеопатра 79
 Қлючарев 155
 Кобахидзе 133
 Кобул см. Степаноз II
 Қокил 84
 Константин, «царь абхазов» 64, 65, 71, 81
 Константин I 65
 Константин II 72
 Константин Мухранбатони 46
 Корганов/Корганашвили/Корганян Мераб 61
 Корюн 15, 16
 Костаянц К. 8
 Қристонэ 159, 160
 Қроса 189, 198
 Қуаркуаре 52
 Қунц ? 123
 Қута 130
 Қучипарк 142
 Қэтэон 67
 Қюрдян А. 155
 Қюркиды 197
 Қюрнкэ 71, 72
 Лазарь Джакеци 90
 Леван, царь Кахети 44, 154, 155, 158, 162
 Леонидзе Г. 89
 Леонтий Мровели 14, 15, 43, 175, 178
 Ломоури Н. Ю. 25
 Лордкипанидзе М. Д. 23, 64
 Луарсаб II 119
 Лукнан, св. 171
 Лути 166
 Майсурадзе Г. Як. 90
 Макалатия С. 137
 Малов С. К. 184, 186
 Мамаджан 85
 Мамкан 85
 Мамиствалишвили Э. 155
 Мамука Унадзе 134
 Манувел Мартирузиянц 49
 Манучар Туманшвили 125
 Мануэл 75, 77
 Маня 77
 Марех 62
 Мареха 134
 Мариам, дочь Бежана 62
 Мариам, дочь Танутэра 67
 Мариам, из Уплисхихе 77
 Мариам, царица Грузии 134
 Мариам, из Ахалгори 141
 Мариам, жена Автандила III 113, 114
 Мария, царица Грузии, жена царя Ростомма 61
 Маркварт Ж. 29
 Марр Н. Я. 8, 19, 35, 54, 103, 130, 173
 Марта Вартанова 151
 Мартирозашвили, род 113, см. Бегтабеговы
 Масур 125
 Матарси 158—162, 167, см. Мкртыч

- Маттеос Джугаеци 66
 Маттеос Урхаеци/Эдесский 79, 81, 82
 Мато 58
 Маттэос, еписк. 55
 Маштоц 13, 16, 176
 Мебурнатынц С. 135
 Мегрелидзе И. В. 91, 92
 Мелко 170
 Мелкон 47
 Мелкиседек, кат. Грузии 38
 Мелкиседек, писец 66
 Меликсета, некий 145
 Меликсет-Бек Л. М. 7—10, 14, 56, 72—74, 77, 83, 85, 91, 93, 94, 105, 106, 113—116, 158, 172, 173, 176—178, 181—185, 187, 189—193, 195, 197, 198
 Мелитаури К. Н. 64
 Менабде Л. В. 172
 Меписавили Р. 133
 Месроп Тэр-Хачатрян 49
 Месхиа Ш. А. 132, 133, 136, 147, 154
 Мехраб 89
 Микаел Модрекили 108
 Микаэл Тхели (Тхотели?) 33
 Мирак Тавризеци 169
 Мириан 43
 Миридат 15
 Михаил III, импер. 171
 Михаил Шермазанов 134, 135
 Мицгнел 127, 128, 131
 Мкртыч, махтеси 69
 Мкртыч, из Уплисцихе 66
 Мкртыч 74, 75, 77
 Мкртыч, мастер 141
 Мкртыч 158—161, см. Матарси
 Мнацаканын А. Ш. 173, 174
 Мнацаканын Ст. Х. 35
 Мовсэс, кат. Арм. 138
 Мовсэс, сигналаец 170
 Мовсэс Каланкатуаци 28
 Мовсэс Цуртавский 16
 Монсей, архипаст. Грузии 16
 Мрван 182, 183
 Мтаварадзе 161
 Муравьев А. Н. 10, 93, 144, 147
 Мурад 62
 Мурад, брат Гукаса 88
 Мурадчи Тухсат 167
 Мурадян П. М. 90, 133
 Мурван 52
 Мустафа Селянники 59
 Мусхелишвили/Мусхеловы, род 53
 Мусхелишвили Д. Л. 10, 172, 179
 Мусхелишвили Л. В. 10
 Мухран-парон Багратуни 47
 Мхаргдзели, род 117
 Мчедлидзе 50
 Мышецкий 155
 Назарянц Я. 68, 74
 Напобай 135
 Натель 183
 Некала 125
 Нерсе Великий 37, 101—104
 Нерсэс, из Телави 41
 Нерсэс 175
 Нерсэс, кат. Арм. 15
 Нерсэс Аштаракец 6, 7
 Николай I 47, 148
 Николаоз Мариамцидзели 189
 Ницуца 62
 Нино/Нунэ, св. 14, 15, 175
 Нунэ Андреанц 151
 Нукзар 166
 Нуни 190
 Нэрсэ, деканоз 127—129, 131
 Оваким ? 166
 Овасап 120
 Овсеп 62
 Окропир 130
 Ондриев сын 89 см. Пешанг Хитаров
 Онофрий 172
 Орбели И. А. 19, 94, 95, 100, 130
 Онан 75
 О...м ? 166
 Онгун 76, 77
 Папи 141
 Папона/Папунэ 67
 Папушвили Т. Г. 173—175, 178
 Паремуз 62
 Паремуз, из Сигнахи 170
 Паремуз, богомолец 188
 Парсадан 134
 Парсадан Горгиджанидзе 89, 136
 Пахри 85
 Перис 179
 Перожавр Сюнийская 15
 Петрос Иованнисянц/Пэтрэ сын Онанца 42
 Пэтрэ, настоятель 130
 Пешанг Такинашвили 89

- Пешанг Хитаров/Хитарашвили 89
 Пешо 89
 Плутарх 178
 Помпей 179
 Посте Загитенц 126
 Путуридзе В. С. 10, 158, 161, 162
 Пэрос 139
 Райнегс 81, 86, 141
 Рамаз 89
 Рат 107
 Реваз 119
 Рипсимия 114
 Рипсимэ, св. 177
 Рипсимянки 17
 Ростом, царь Картли 58, 61, 82, 86, 87, 89, 119, 123, 125, 133
 Рстакэс 84
 Рубениды, род 197
 Руставели 114
 Саак 89
 Сагатэл 130
 Садоян Л. А. 98
 Садун Махканабердци/Арцруни 192, 195, 197
 Саломэ Уджармийская 15
 Салоникец, грек из Гремн 158
 Самадин 196
 Саидухт 141
 Саидухт?—Султан 160
 Саргис, из Канды 51, 53
 Саргис, сын Бежана 62
 Саргис, из Кавтисхеви 76, 77
 Саргис, из Ахалгори 141
 Саргис, передьякон 183
 Саргис, некий 183
 Саргис/Сергий, св. 184
 Саргис, иерей 189
 Саргис, пилигрим 190
 Саргис, из Лорэ 193, 194
 Саргис Андреанц 151
 Саргис/Саркис сын Араслана 185, 186, 195, 196
 Саргис Кочарян 47
 Саркаваг, из Канды 51, 53
 Саркаваг 82
 Саят-Нова 8
 Сен-Мартен Ж. 6
 Сильвестр, св. 37, 102
 Симеон I 53, 55, 58—60, 91, 136, 155
 Симеон, игумен 130
 Симон, из Квахурели 76
 Смбалянц М. 38
 Сократ 102
 Соломон Бегтабегов 114, 116, 117
 Соломон Сигнаец 111
 Степаноз I, патрикий 21, 24—27, 29—32
 Степаноз II Кобул 24, 25, 30, 31 102
 Степаноз Мампал 101, 102, 104
 Степанос Орбелиан 177, 195
 Степан Пешангишвили 89
 Стефан, сирец 17
 Страбон 174
 Стржиговский И. 147
 Суджат 183
 Султанзат 85
 Сулхан I Бегтабегов 114, 117
 Сулхан II Бегтабегов 113, 115—118
 Сумб 111
 Сумбат, брат царя Кюрике 71
 Сумбат, сын Иване Буртеяна 65, 66
 Сумбат Багратид 16
 Сумбат I Багратид 70
 Сумбат II Багратид 64, 65, 71 78, 80
 Сумбат Давидис-дзе 26—28, 30
 Сургуладзе Ив. 60
 Сурхан 167
 Такайшвили Е. С. 8, 10, 91
 Тамаз 62
 Тамар, царица Грузии 69, 74, 132
 Тамеджан 85
 Тамерлан 86 см. Темур-Ленг
 Танишвили 113 см. Бегтабеговы
 Танутэр 67
 Таргум-ага 58
 Тархермиш 164
 Тато 170
 Татос см. Феодосий
 Тахмаз 89
 Теймураз I 87, 153—155
 Теймураз II 144, 152
 Темур-Ленг 59
 Теодор 100
 Тер-Аветисян С. В. 155
 Тинатин, сестра Бежана 62
 Тинатин, царица Кахети 157
 Тинэтин 67
 Тинэй 66
 Тиридат, царь Грузии 15
 Тодорос 109

- Тодосак 10, 11, 93—101, 103—106
 Тома 102
 Тома Мещопечи 52, 60
 Тос ? 166
 Туманенк/Тумановы/Туманян/Туманишвили 88
 Туманпэк 183
 Турпай 87
 Туш 164
 Тушмал 188
 Тэр-Григор Сахашвили 125
 Тэр-Григорий 82
 Тэр-Карапет 165
 Тэр-Тумана 125
 Тэрунакан 66
 Тэр-Хачатур 188
 Тэто 45
- Уварова П. В. 10, 93
 Угрелидзе Н. 173
 Узун-Асан 52, 86
 Улубабян Б. А. 174
 Умек/Асил 196, 197
 Умис ? 76, 77
 Урут 77
 Урхаеци 137 см. Маттеос Урхаеци
 Ухтанэс 28, 29
 Учаки 139
 hУту 189, 198
- Феодосий 80
 Феофан Византийский 16, 25, 28, 29
 Филон [Тиракати] 102
 Фока, импер. 36
 Фэброния Андеанц 149
- Хаджайтур, из Ахалгори 138—140
 Хаджи Мехмедкули Каджари 156, 157
 Ханум 67
 Хасан Румлу 168
 Хачатур 51, 53
 Хачатур, паронтэр 53—55
 Хачатур, из Кавтисхеви 58
 Хачатур, архиеписк. 87
 Хачикян Л. С. 65, 124
 Хечатура 125
 Хитаров/Хитарашвили 89
 Хосите 83
 Хосров II 27, 36
 Хочум 142
 Худала Ходжашвили 70
- Хэрэдин 184
 Хэчайтур 45
- Цинцадзе В. 133
 Цицишвили И. Н. 13
 Цулая Г. В. 43
- Шакар 53
 Шалва 193, 194
 Шалва Квенипневели 52, 136, 141
 Шаншеан 113, 121 см. Бегтабеговы
 Шанидзе А. Г. 10, 22, 31, 158, 161, 162
 Шарден 61 см. Жан Шарден
 Шах... 167
 Шах-Аббас 83, 156, 157, 168, 172
 Шахвели 85
 Шахверди 188
 Шахгули 166
 Шахли 166
 Шах-Мелик 76
 Шахнаваз-хан 83, 89 см. Вахтаг V
 Шах-Сефи 61
 Шевякова Т. С. 180, 181
 Шермазанянц (Михелл?) 135
 Шио, св. 26, 175, 176
 Шиоян Саргис 41
 Шмерлинг Р. 65
 Шошиашвили Н. Ф. 101, 104
 Шушаник Мамиконян 175
- Черкас 88
 Чингиз-хан 63
 Чинцидзе З. 90
 Чолакашвили Н. 88
 Чомард 48
 Чубинашвили Г. Н. 17, 23—25, 30, 33, 34, 100, 101, 104, 181
 Чуеннар 57
 Чхиквадзе М. А. 24, 30, 33
- Эдарзи 141
 Эзель 76, 77
 Элизбар, эристав 136
 Элизпар, махтеси 67
 Элюзидзе, некний 133
 Элисабед 134
 Эрикназ 141
 Эсав Бегтабегов 114
 Эсан 76, 77
 Эстате 83

- Юстин I 171
 Юстин II 25
- Якоб 182
 Яков Лазарич/Лазарянц 148, 149

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

- Абастумани 96
 Абхазия 64, 80, 122
 Аван 36, 37, 95
 Авник 81
 Агабети 134
 Агарцин 130
 Айриванк 73
 Акура 12
 Алазани 174
 Аламан 94, 95
 Албания 37 см. Кавказская Албания, Алванк
 Алванк 174, 177
 Али 80, 119, 121—125, 127, 131
 Ананури 140, 144, 145, 147—149, 152
 Андзав 95
 Ани 65, 88, 122, 124, 178, 183, 191, 195, 197, 198
 Апаран 96
 Апаранский р-он 96
 Арагви 136, 144, 145, 148, 154
 Арарат 52
 Араратская долина 39, 82
 Арацани 179
 Ардви 194
 Армазцихе 14
 Армения 7, 8, 11, 14, 16, 17, 31, 34—37, 52, 57, 59, 60, 65, 73, 78, 87, 89, 96, 102—104, 121, 123—125, 129, 135, 146, 172, 174—176, 178, 180, 193, 197
 Арран 17
 Арташат 14
 Аруч 102
 Аршакетский хевн 17
 Астрахань 154
 Атени 10, 34, 35, 65, 80, 93—95, 100, 101, 107, 108, 119, 125, 191
 Атоне (Атени?) 103
 Атоци 125, 131
 Афлицхе 65 см. Уплисцихе
 Афон 180
 Ахалгори 53, 81, 87, 125, 136—138, 140—142
 Ахалдаба 136
- Ахалкалаки (Мепис-калаки) 10, 56, 60—62, 123, 125
 Ахалкалаки (Джавахи) 56
 Ахалубани 52, 136
 Ахалцихе 66
 Ахпат 55, 82, 84, 88, 130, 138, 170
 Ахтамар 146, 147
 Аштарак 14
- Баберд 81
 Багаван 29, 94, 95
 Багаран 29, 96
 Багдад 27
 Базари 12 см. Загемн
 Бануш-чай 10
 Баралети 80, 81
 Бердак/Берта 190
 Бертубани 190, 191
 Бодбисхеви 12
 Бодорна 144
 Болнис 132
 Большой Лиахви 132
 Бредза 53, 81, 87, 131
 Бреди/Брети 125, 197
 Брилис цкали 119
- Вака 8, 9, 56, 113—115, 117, 125
 Валаршапат 14
 Вараг 87, 90
 Васпуракан 90
 Великая Мцхета 14
 Верхняя Картли 46, 132
 Византия 28, 29, 36, 80
 Внутренняя Картли 7, 72, 79, 86, 90 см. Шида Картли
 Восточная Грузия 28, 36, 37, 117, 141, 153, 154, 172
 Вурия 65 см. Гурня
 Высокая Армения 84
 Гандзак (Атрпатак.) 17
 Гандзак (Арранск.) 17, 39, 46, 169
 Гардабанский р-он 179
 Гареджа 12, 171—174, 177—182, 189, 191—198

- Гареджийское многогорье 8, 9, 171, 172, 177, 178, 180, 181, 193
 Гарни 51
 Гарула 136
 Гегард 73 см. Айриванк
 Гилян 154
 Гиркания 16
 Гладзор 87
 Гора см. Горн
 Горн 53, 58, 59, 63, 73, 79—91, 119, 121, 123—125, 133, 134, 136, 137
 Гориджвари 81, 85, 91
 Горийский р-он 92
 Гористави 12
 Гремн 6, 7, 56, 153—158, 162—164, 168, 169
 Грузия 6—16, 18, 23—26, 31, 32, 34—37, 44, 46, 50, 53, 55, 56, 59, 60, 63—65, 71, 72, 77, 80—82, 88—90, 96, 104, 112, 114, 117, 118, 121, 122, 124, 125, 132, 141, 142, 144, 146, 148, 152, 154—156, 163, 168, 169, 171, 172, 174—176, 179, 180, 182, 191—193, 196—198
 Гугарк 7, 15, 29, 179
 Гурня 44, 65
 Гянджа см. Гандзак
- Даба 14
 Давид-Гареджийская пустыня 192
 Даратапк 130
 Дарьяльское ущелье 144
 Дастакерт 28
 Двандж 84, 142
 Двни 35, 95, 96, 177
 Дербенд 53
 Джавахети 56
 Джоманское ущелье 235
 Джохтанисхеви 42
 Джуга 125
 Дзалиса 43
 Дзвелгалавани 169
 Дзвели Гавази 154
 Дзвели Канда 50
 Дзегви 38, 40, 41, 56, 60, 62
 Дигоми/Дигвами 41
 Дирби 81, 125, 127, 128, 130, 131
 Дманиси 8, 59, 79, 122, 189, 190, 191
 Доеси 92
 Душети 144, 147
 Душетский уезд 147
- Египет 196
- Елвард 95
 Ердай 52
 Ереван 145
- Жинвани/Жинвали 80, 122, 149
- Загеми/Базари 154, 156, 168
 Закавказье 14, 35, 37, 47, 63, 80, 122, 154, 177, 178, 195, 196
 Западная Армения 176
 Западная Грузия 52, 64, 107, 122
 Звартноц 37, 191
 Зерти 62
 Зоврети 80
 Зовуни 96
- Иберия 174
 Иврети 52, 136
 Идлети 56
 Иерусалим 68, 69, 154, 181, 196
 Икорта 136, 137
 Имерети 44, 88, 122, 192
 Иран 28, 29, 80, 86, 88, 89, 119, 154—156, 168, 169
 Иран-Туран 61
 Ишхан 10
- Кавказская Албания 174, 175 см. Албания, Алванк, Эрети
 Кавтисхеви 38, 45, 56, 58—60, 62, 99
 Кавтури 56
 Казвин 156
 Казрин 156
 Камбечан/Камбисена 173, 174, 178, 179
 Канда 38, 50—55, 87, 92
 Карабах 39, 46
 Каралети 70, 72, 73, 81
 Караяз (Гардабанск. р-он) 179
 Караяз (Товарацатап) 179
 Карби 136
 Карни 84, 142, 197
 Картли 8—11, 13, 14, 15, 25—31, 39, 43—46, 52, 53, 55, 59, 63—65, 69, 71, 82—89, 92, 93, 102—104, 107, 108, 112, 114, 119, 122, 124, 125, 128, 132—134, 136, 137, 140, 142, 144, 153—155, 171—173, 175, 198
 Каспи 63, 64, 136
 Кахети 6—11, 28, 39, 44, 52, 55, 88, 91, 144, 153—156, 158, 162, 167—169, 172, 174, 176—178, 198

- Квабта-хеви 56
 Квахрели/Квхурели 8, 9, 68, 70—73, 77, 78, 81
 Квемо Картли 29, 41 см. Нижняя Картли
 Квемо Тбети 67
 Квенипневи 137
 Квернаки 63
 Кверцхоби 120, 121
 Квешис Чала 71
 Кизляр 152
 Киликия 197
 Кинджари 14
 Клдани/Грдани/Джохтанисхеви 42
 Клде-карни 71
 Клдис-икаро 120, 121
 Коби 26
 Константинополь 179
 Косх 64 см. Каспи
 Котайк 176
 Край Парфянский 17
 Кремль см. Гремн
 Ксани 50, 52, 136, 140, 141, 148
 Ксанское ущелье 132, 140
 Ктесифон 28
 Кура 60, 62—64, 68, 71, 73, 91, 156, 179
 Курта/Куртай 52, 136
 Кутанси 12, 122, 125
 Кхости 15
- Ларгвисн 137
 Леванисхеви 134
 Ленингорн 137 см. Ахалгорн
 Лехура 136
 Лечхуми 125
 Лиси 41, 42
 Лихи 122
 Лори/Лорэ 39, 55, 59, 193
 Лшик 174
- Магаро 12
 «Малая Армения» 178, 179
 «Малое ущелье Армении» 179 см. «Малая Армения»
 Маназкерт 175
 Манглиси 59
 Мариам-Джвари 189
 Мариамцмида 189
 Масацотн 52
 Матосаванк 130
 Матури 180
 Мачхаани 12
 15—400
- Мегврекиси 135
 Меджуда 136
 Меджудисхеви 136
 Мепис-калаки 10, 123 см. Ахалкалаки
 Мингечаур 37
 Мирзаани 12
 Могрисн 107
 Москва 168
 Мткуари 56 см. Кура
 Мухрани/Мухнари 38, 43—47, 49, 53, 54
 Мцхета 14—17, 32, 34, 36—43, 70, 133, 144, 154
 Мцхетский р-он 40, 41
- Набазрали 154
 Набахтеви 81, 119—121, 131
 Накулбакеви 154
 Насомхари 12, 179
 Насомхари, около Телави 180
 Нахчаван 94, 180
 Начармагеви 63, 72, 73
 Ниг 96
 Нижняя Картли 7, 59 см. Квемо Картли
 Ничбиси 41, 44
 Новая Джуга 169
 Норатук 51
 Норашен 120
 Норашенк 176
 Нукриани 12
- Одзрхе 122
 Одзун 95, 191, 194
 Опрети 132
 Оснаури 125
- Панаскерт 10
 Паниани 12
 Паравна 14
 Передняя Азия 14
 Персия см. Иран
 Плиндзаханк 129
 Пока 14
 Поладаури 10
 Пховели 12
- Рабат Мцхетский 14
 Рача 125
 Рокн 135
 Россня 46, 47, 89, 114, 117, 124, 144, 148
 Руиси 117, 125
 Рунтави/Рустаи 122, 172, 173, 176, 179

- Рухи 12
- Саберееби 179, 180
Сагоре 12
Са'д Чухур 82
Сазовре 122
Самегрело 52
Самухранбатано 44
Самцхе 52, 122
Самшвилде 8, 65, 71, 122
Сапурце 14
Саркине 14
Саркине 50 см. Саркине?
Сацицано 46
Сачхерети 125
Святы горы 154
Северная Армения 84, 88, 196
Северный Кавказ 152
Сигнахи 169
Сирия 176 см. Шам
Смирна 196
Сомхисгом 135
Сомхистон 135
Сомхити 7, 38, 55, 179 см. Южная Грузия
Гугарк, Армения
Сомхит-Сабаратнано 46
Стамбул 86
«Старый Баязет» 52
Страна Абхазская 107 см. Абхазия, Западная Грузия
Страна Аршакидов 17 см. Иран
Страна Гареджийская 192
Страна Грузинская 65, 79 см. Грузия
Страна Персидская 17 см. Иран
Сурами 80, 120, 122, 124—126, 132, 133, 140
Сюник 15, 66
- Табакмела 12
Тайк/Тао 36, 179
Талин 191
Тамарашени 12, 132, 133
Тао-Кларджети 64, 190
Таруберан 179
Татев 86
Ташикарн 52
Тбилиси/Тифлис 6—9, 11, 16, 27, 28, 38, 39, 41, 49, 55, 59, 79, 85, 87, 92, 113, 115, 119, 122, 124, 152, 155, 167, 168, 180, 187, 188, 190, 191, 196, 197
Тебриз 82
- Тедзами 61, 119, 123
Телави 153, 156, 169, 180
Телети 8, 40, 41
Тибаани 12
Тигви 107
Тмогви 122
Товарацатап/Тварацатап/Туарацатап 179
Туаратап/Тавратап 179
Туманянский р-он 194
Турция 10, 59, 115, 168
- Удабно 191, 182, 186, 191, 192, 198
Уплисцихе 63—73, 77—79, 81, 107, 108, 122, 191
Урбиниси 100
Уриат-убани 14
Урия 144
Усанетис-гора 99
Ущелье Сомхитское 178
- Фахрабад 156
Ферейдан 157
- Хандаки 59
Хашури 125
Хвита 117
Хелтубани 81, 84
Ходживанк 113
Хорнабуджи 178, 180
Хорабург ? 180
Хоракерт 180
Хоранк 180
Хоранта 180
Хунан 122
- Цавкиси 8
Цареград см. Мепис-калаки
Цилкани 38, 43, 137
Цинцкаро 132
Цихедиди 14
Цихедзири 44, 50, 53
Цовк 130
Цуртави 16, 175
Цхета см. Мцхета
Цхинвали 117, 125, 127, 131—135, 144
- Чалут 180
Чангли 10, 129
Челети 180
Челиши 43
Чивант-убани 62 см. Эзати

- Чикаани 154
Чихори 12
Чкондиди 178
Чхари 12, 125
Чылдыр 55
- Шавнабад 8
Шаки 79
Шам 176 см. Сирия
Шамкор 79
Шатберд 43, 99, 108
Шемаха 154
Шида Картли 8, 40, 91 см. Внутренняя Картли
- Шиндиси 135
Шносубани 45, 46
Ширак 84
Ширван 79, 154
Шуа Ничбиси 41
Шулаверн 10
- Эзати 56, 60, 62
Эрети 173, 174, 177—179 см. Алванк
Эрида 136
Эчмядзин 35, 138
- Южная Грузия 10 см. Квемо Картли
- Cali-Cala 61

ТАБЛИЦЫ

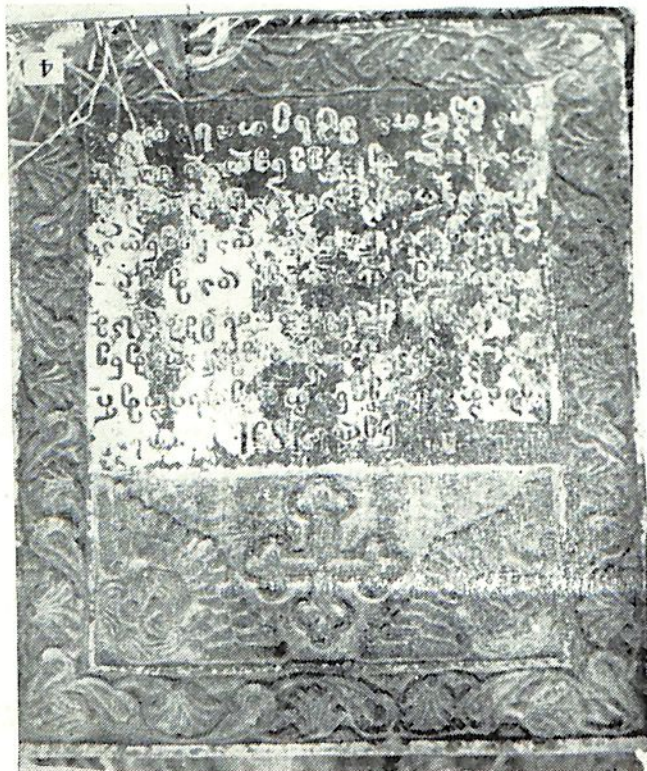
Таблица I

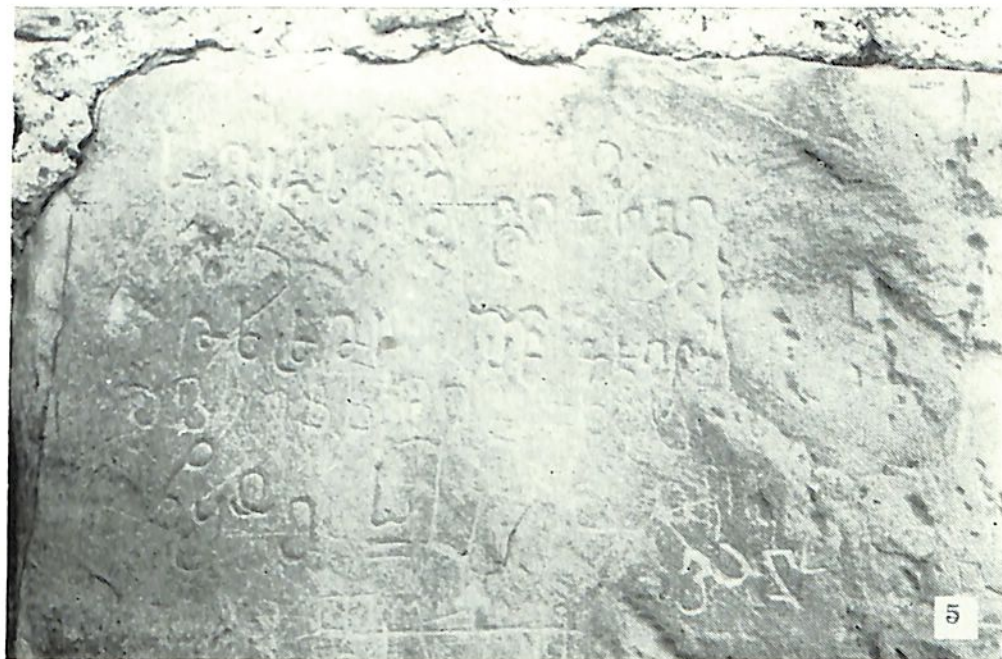
Таблица I

3

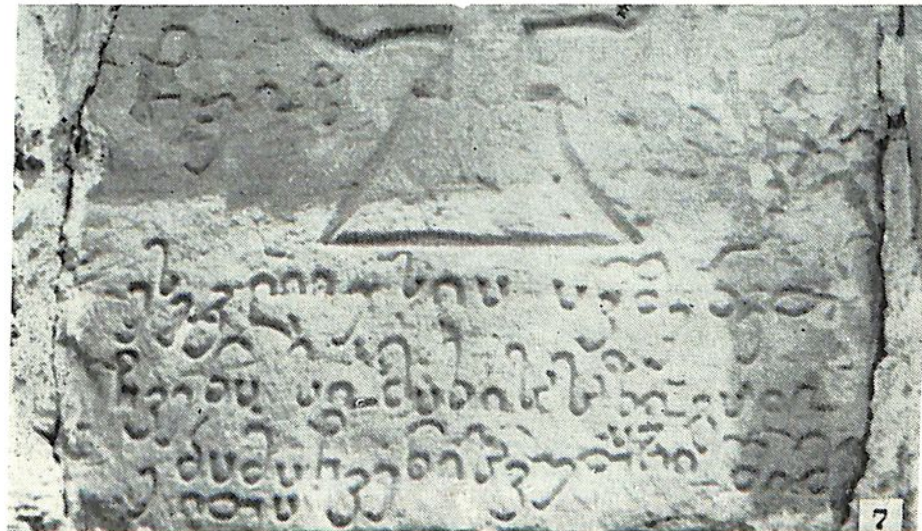
4

5

6

7

Таблица I

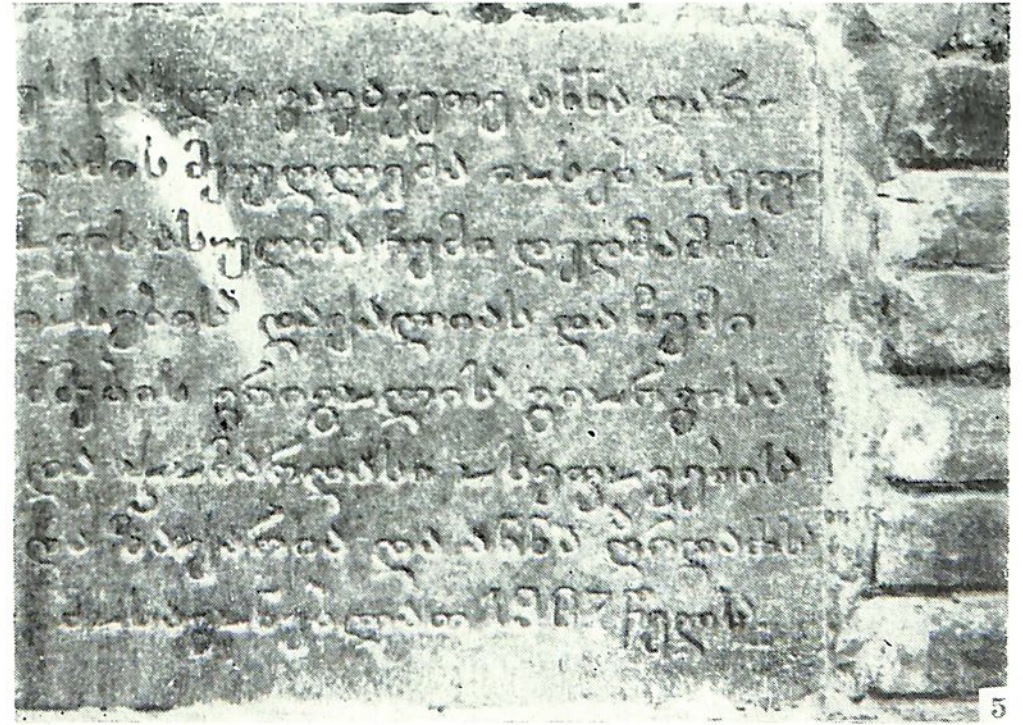
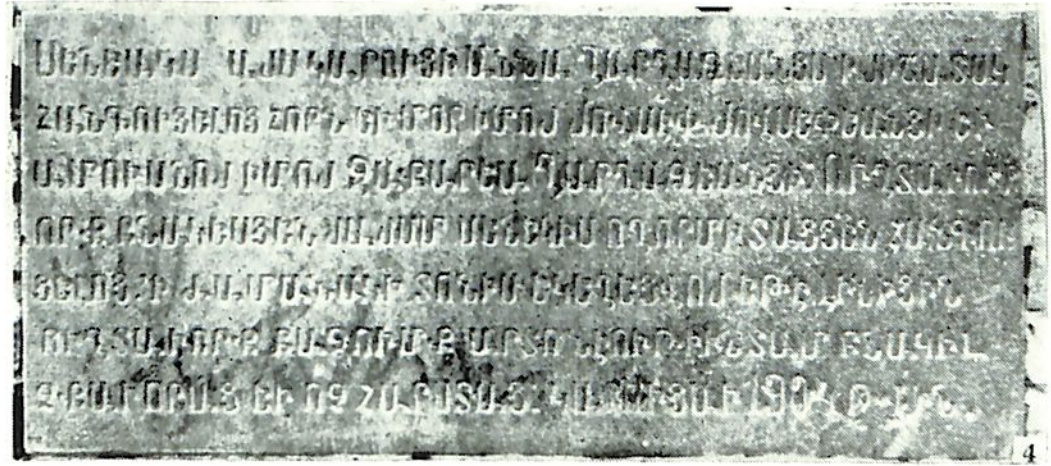
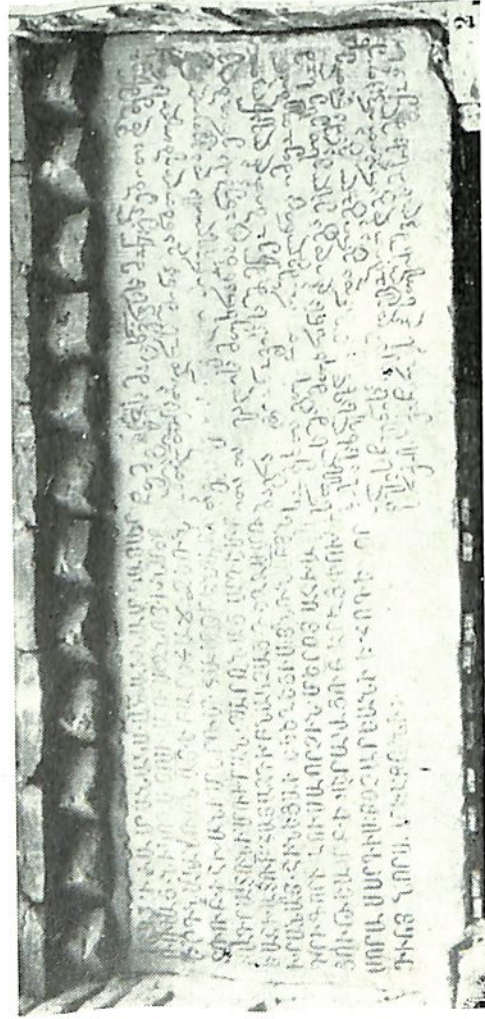

Таблица II

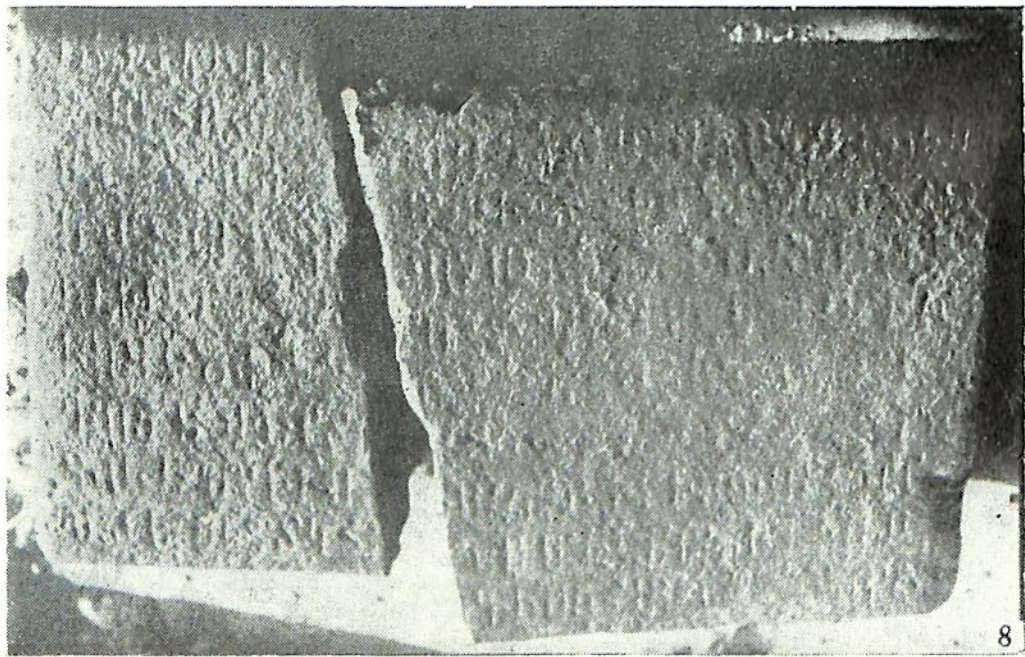

Таблица III

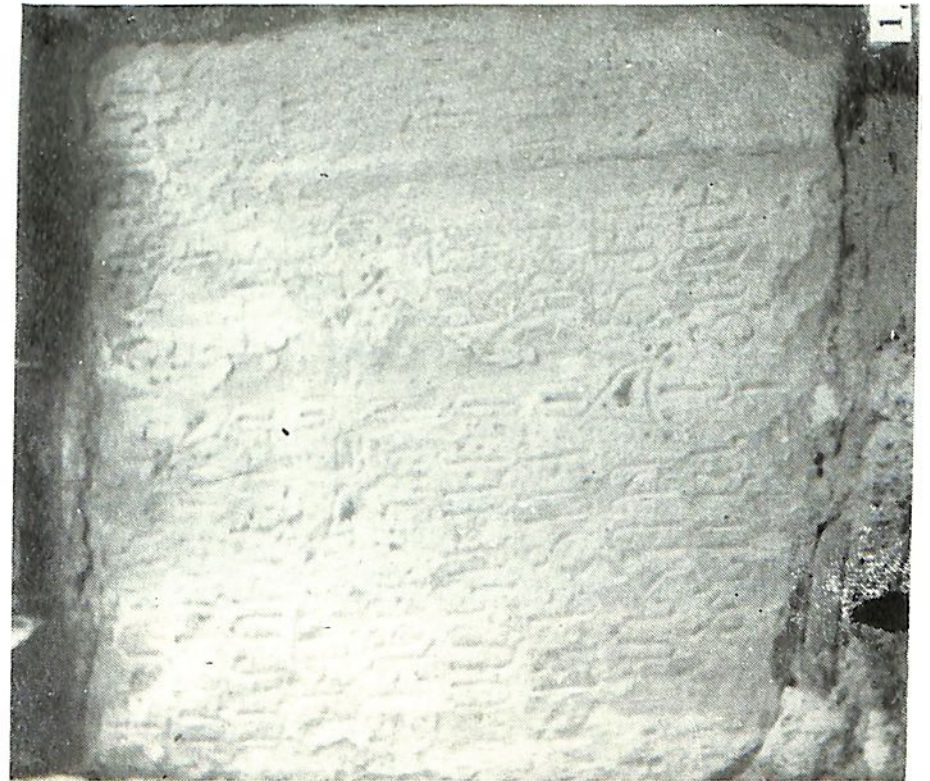
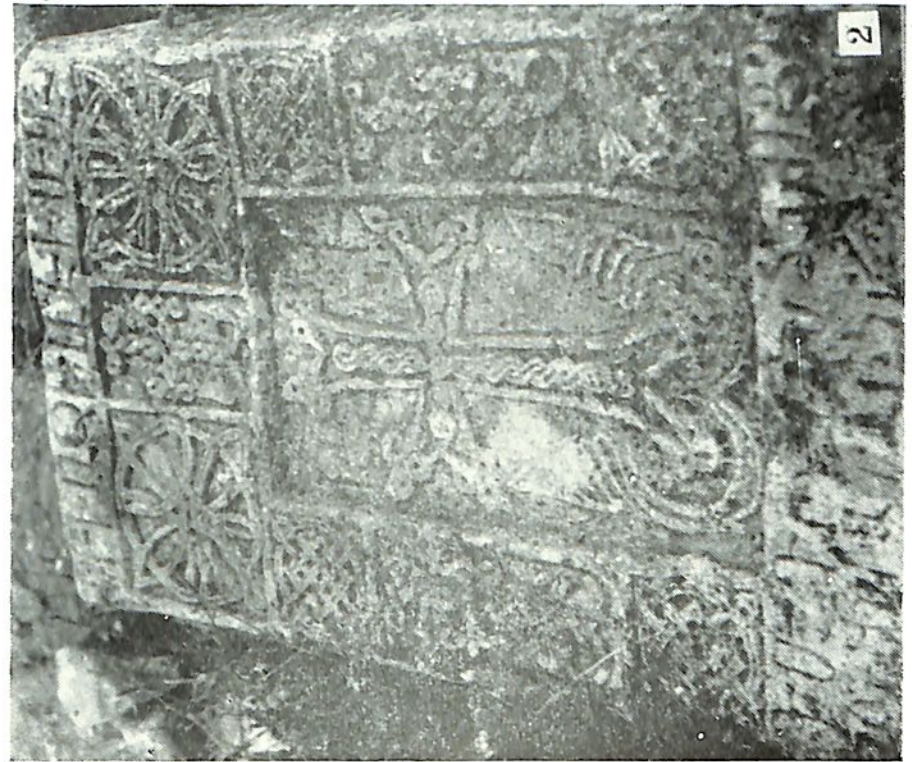

Таблица III

Таблица IV

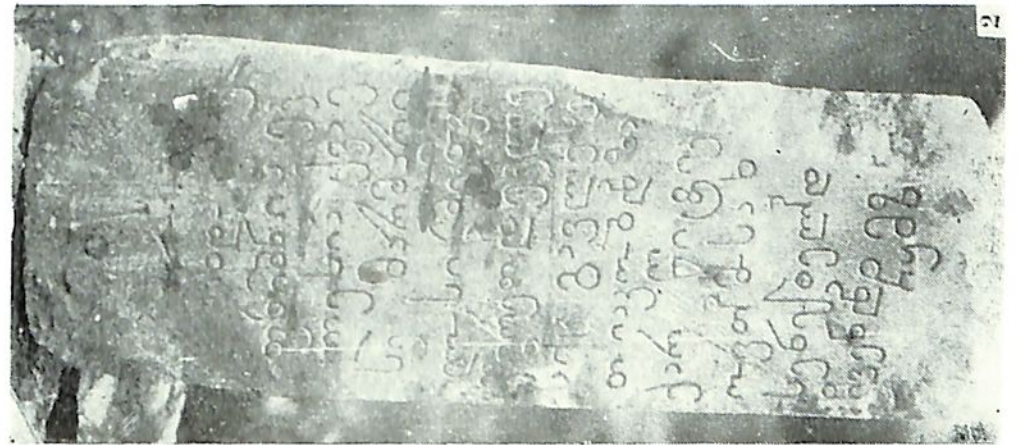

Таблица IV

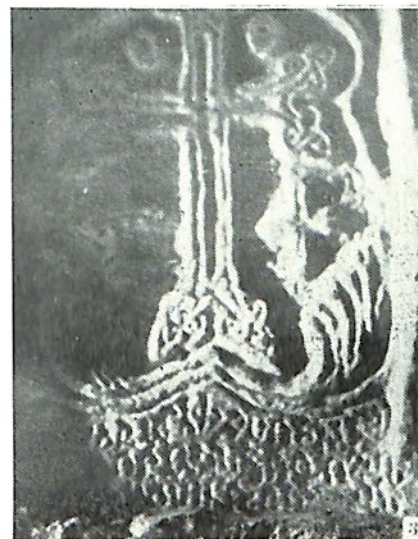
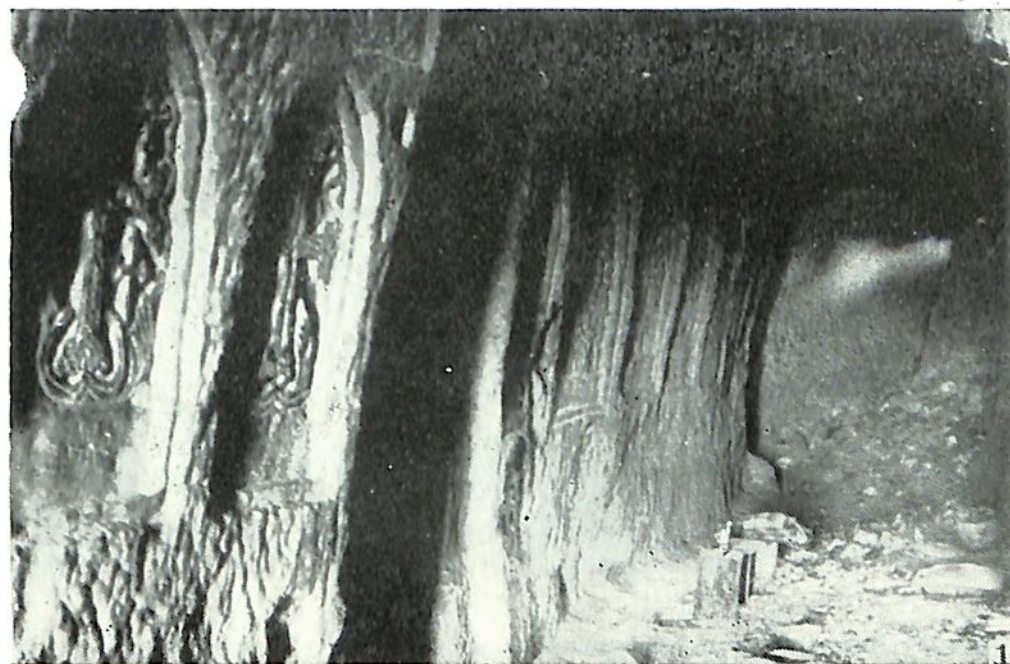
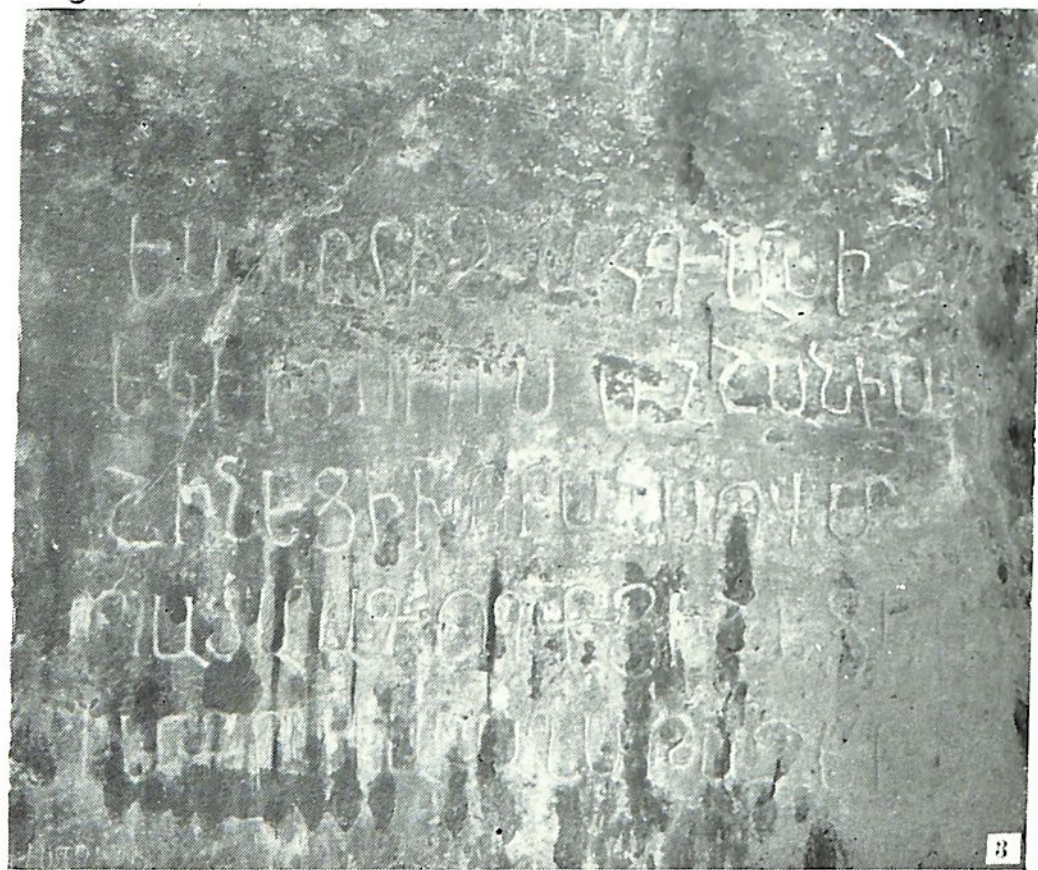

Таблица V

Таблица VI

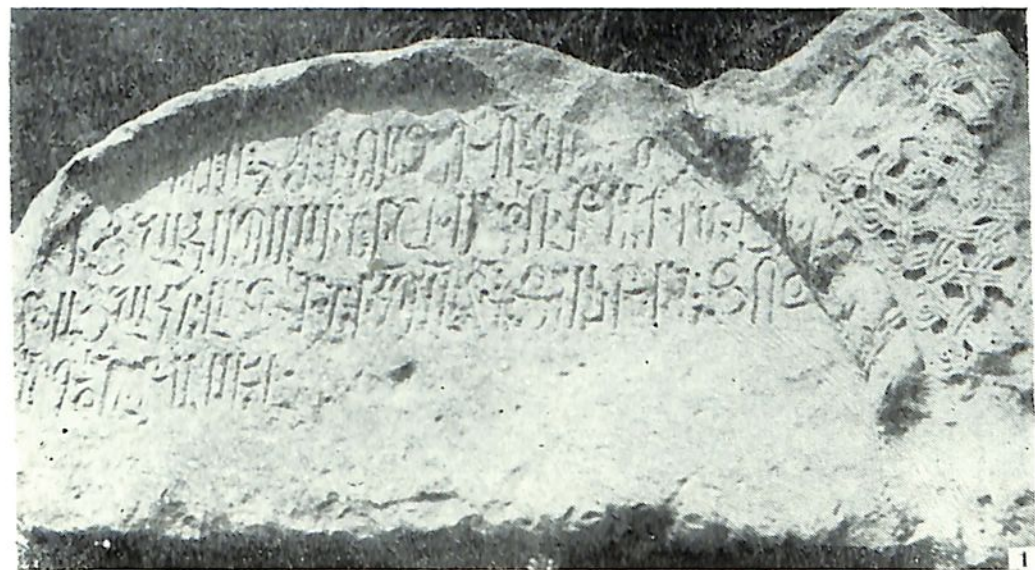

Таблица VII

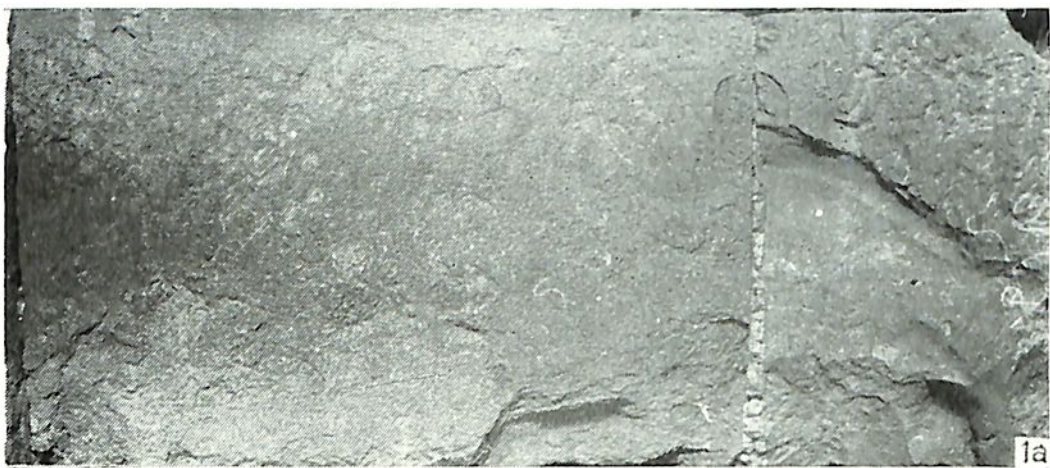

Таблица VII

Таблица VII

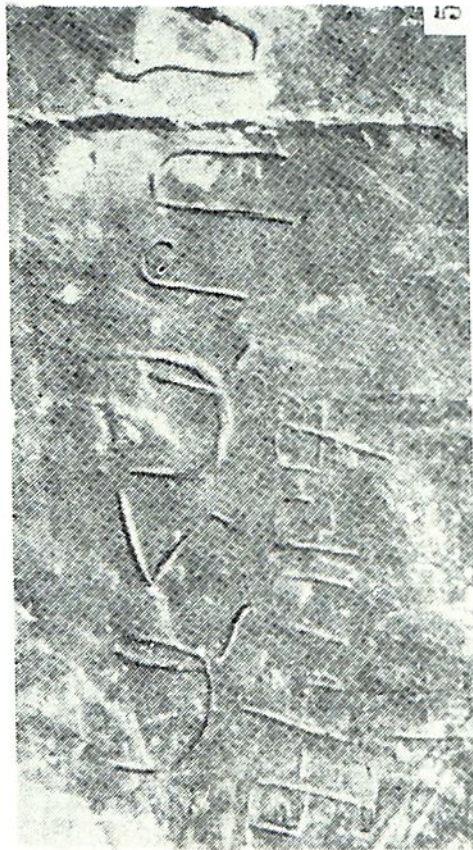

Таблица VII

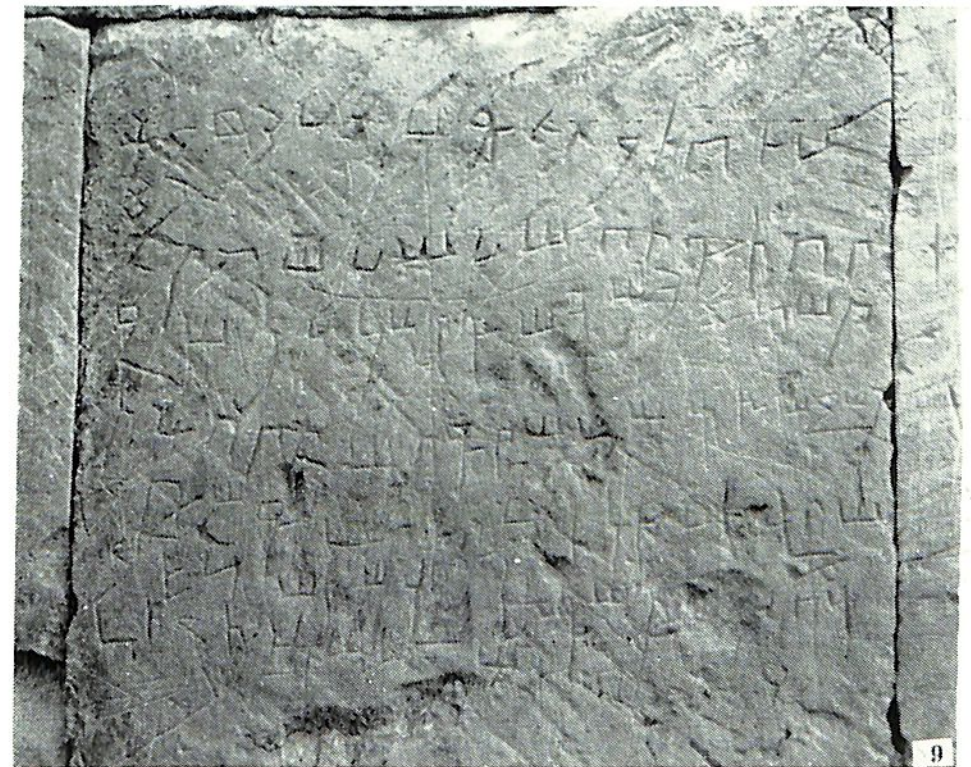

Таблица VII

Таблица VIII

Таблица VIII

2

3

Таблица VIII

4

Таблица IX

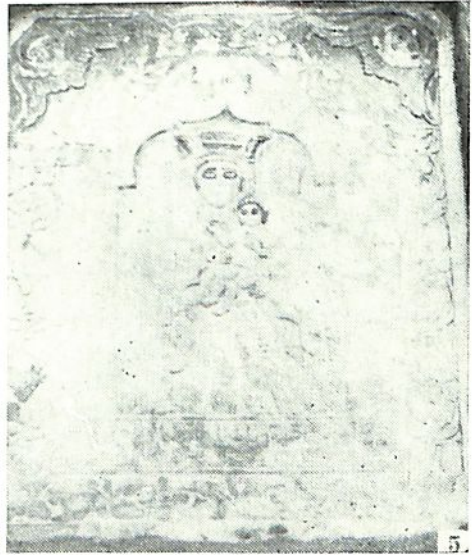
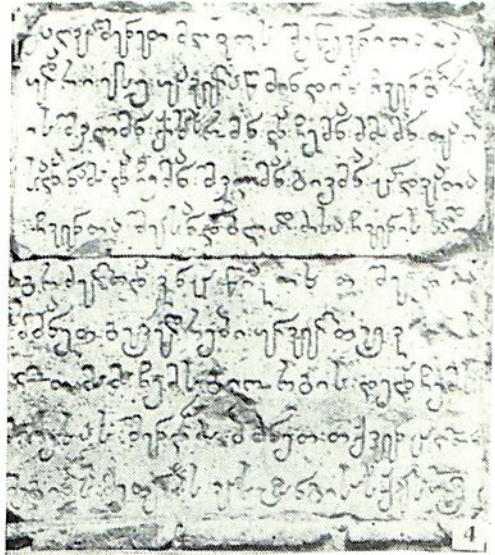

Таблица X

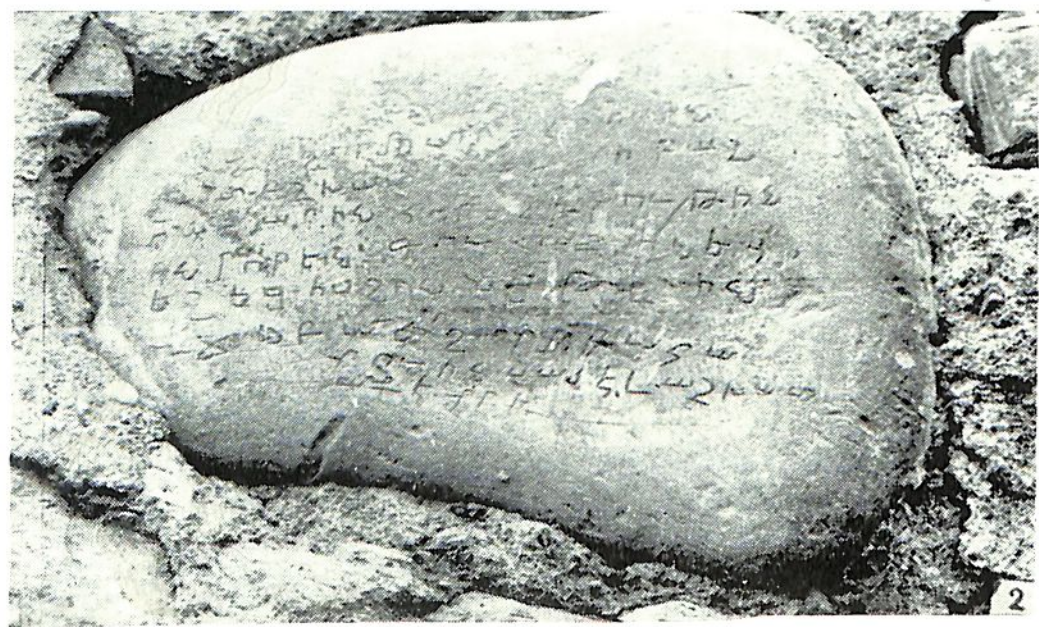

Таблица X

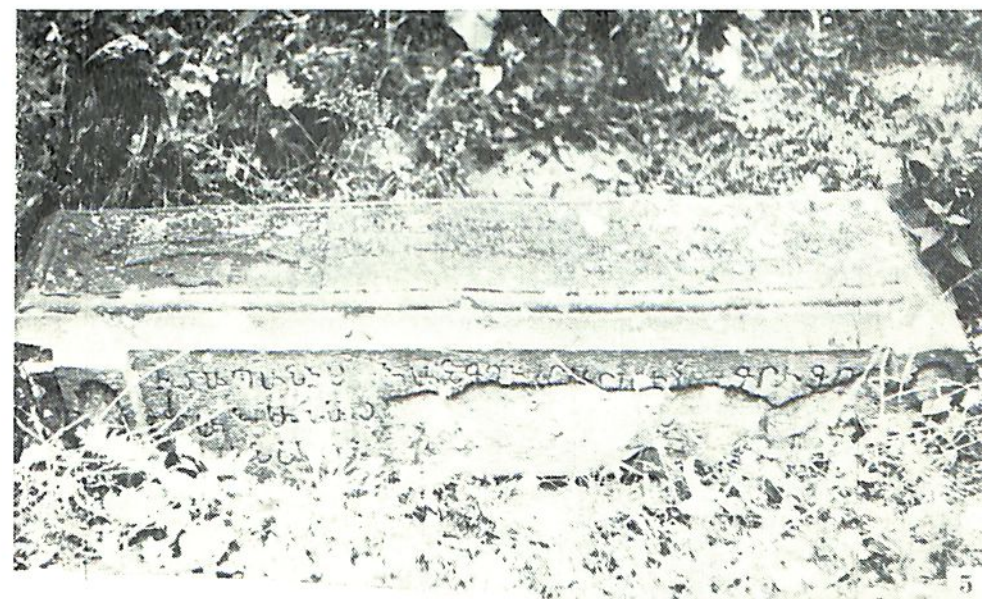

Таблица XI

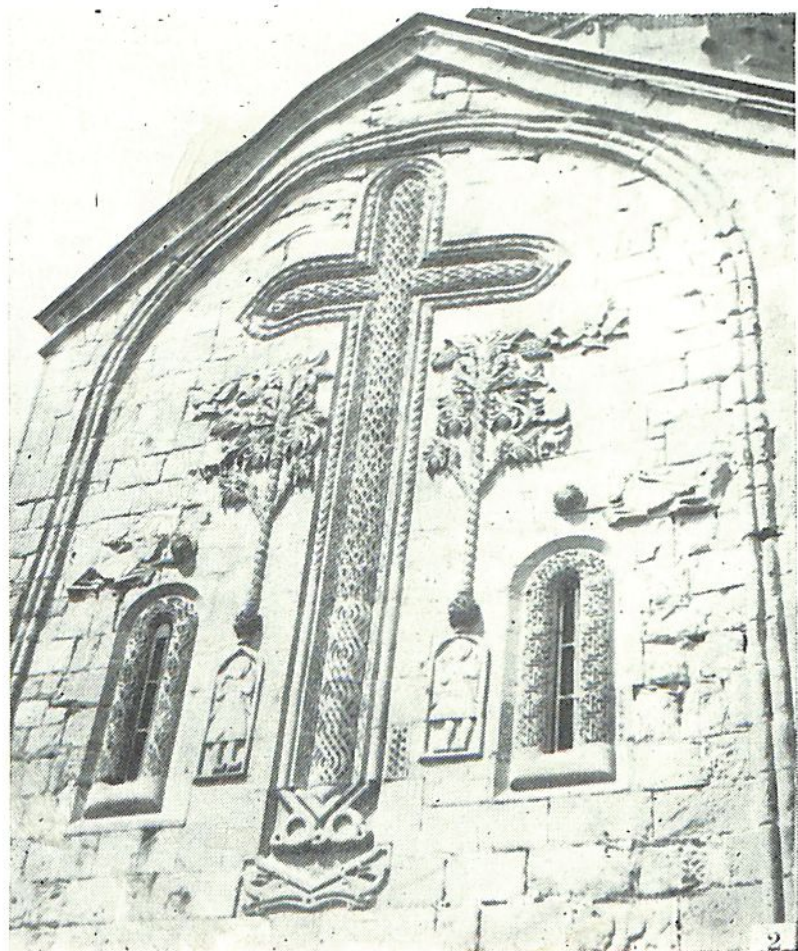
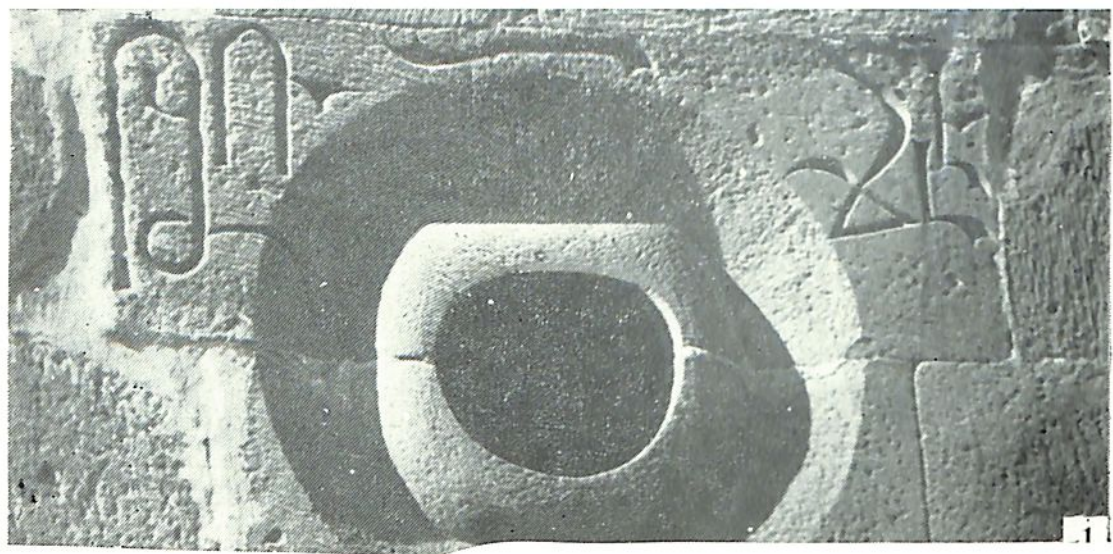

Таблица XI

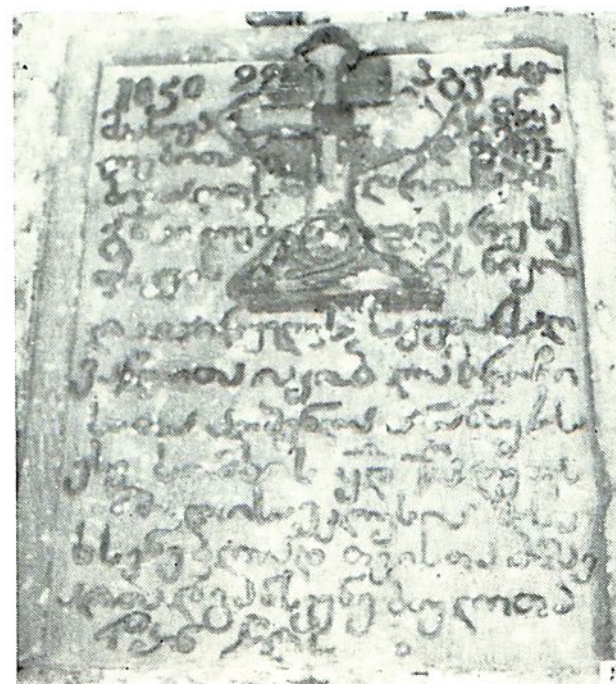

Таблица XI

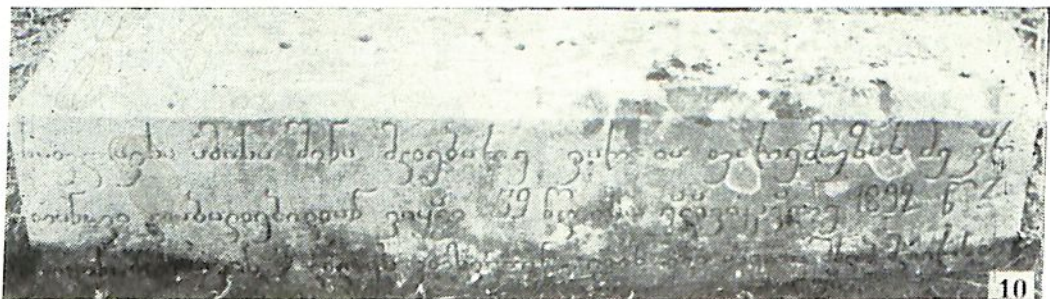
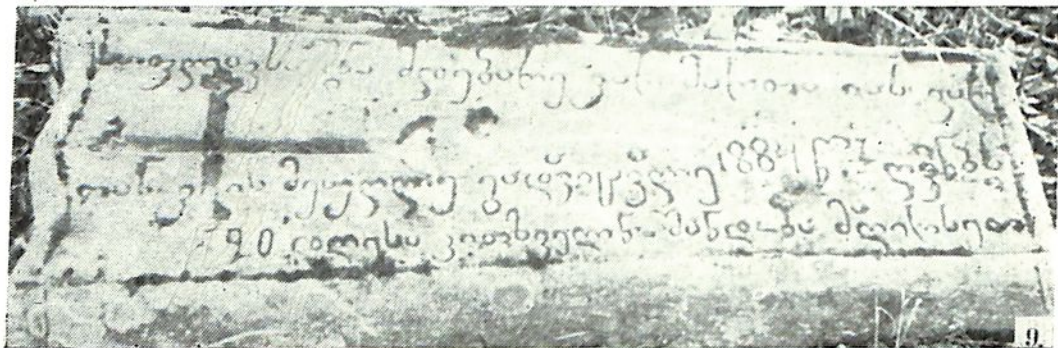

Таблица XII

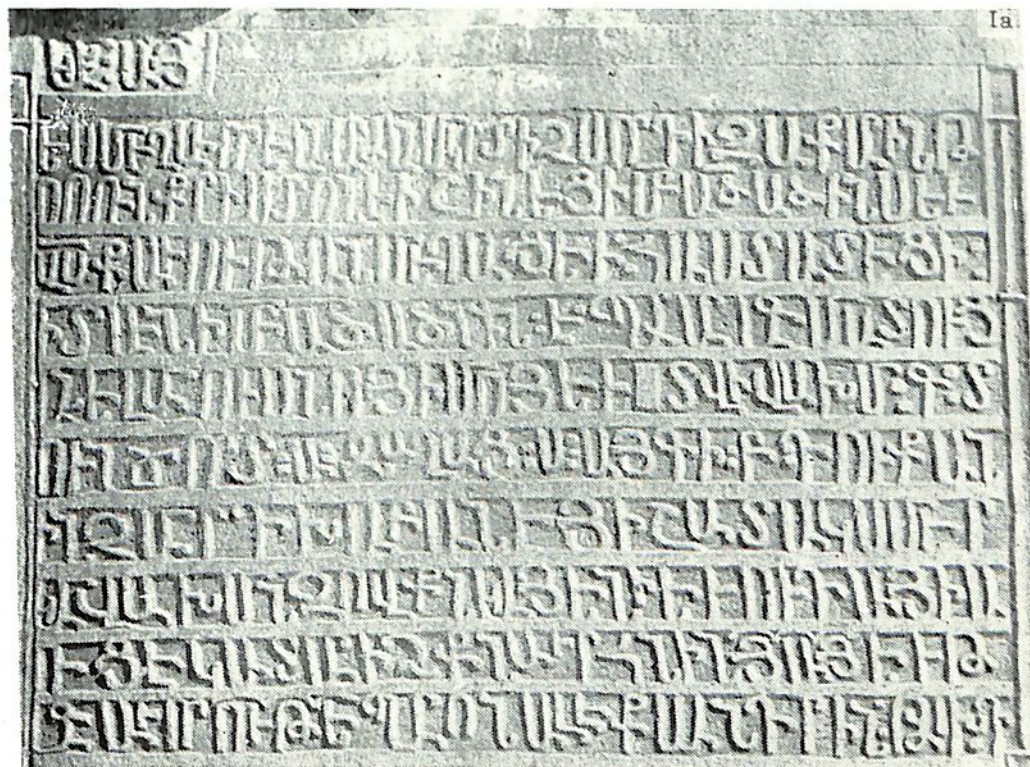

Таблица XII

Таблица XII

Таблица XII

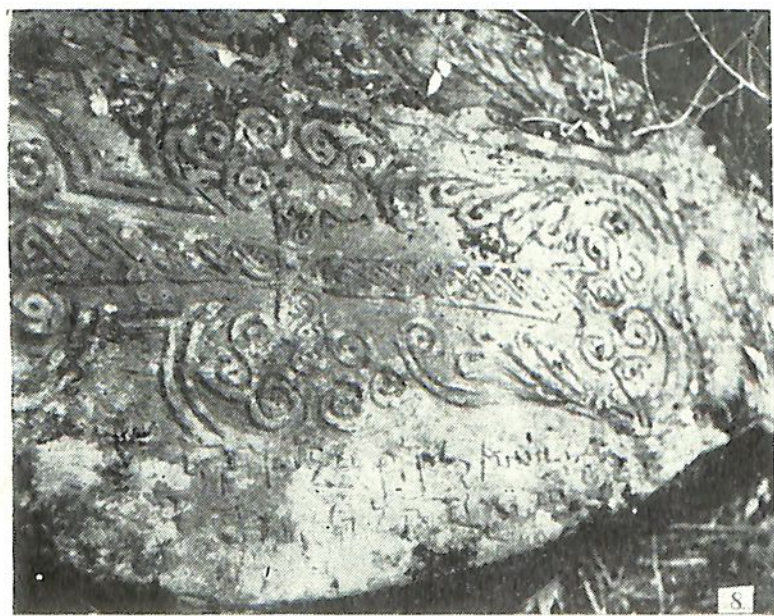

Таблица XII

Таблица XII

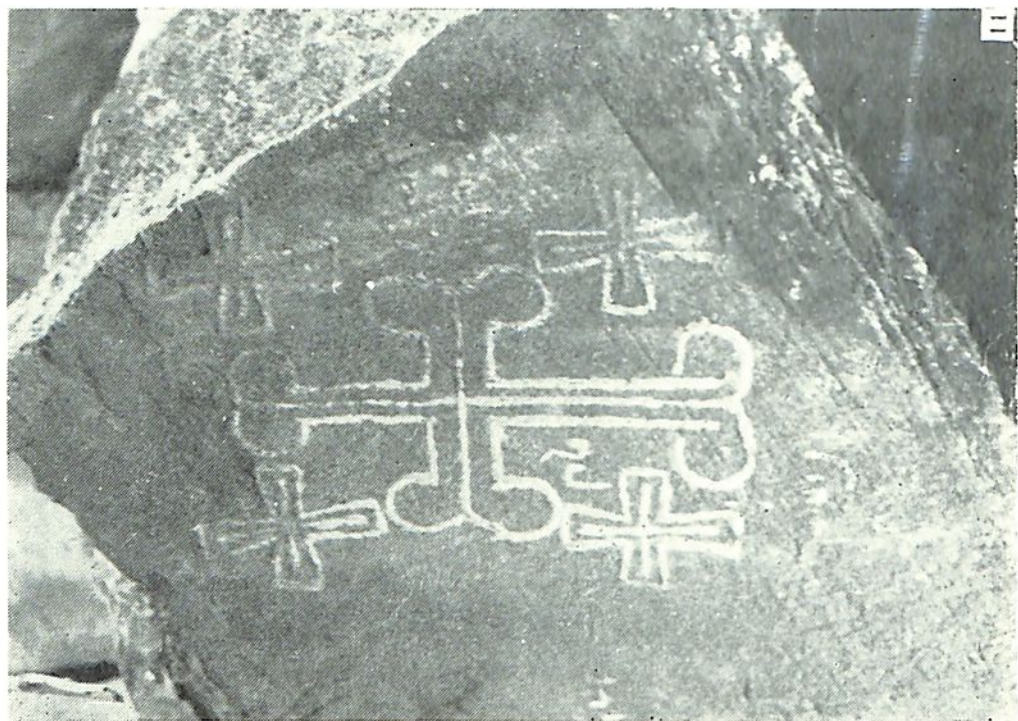

Таблица XII

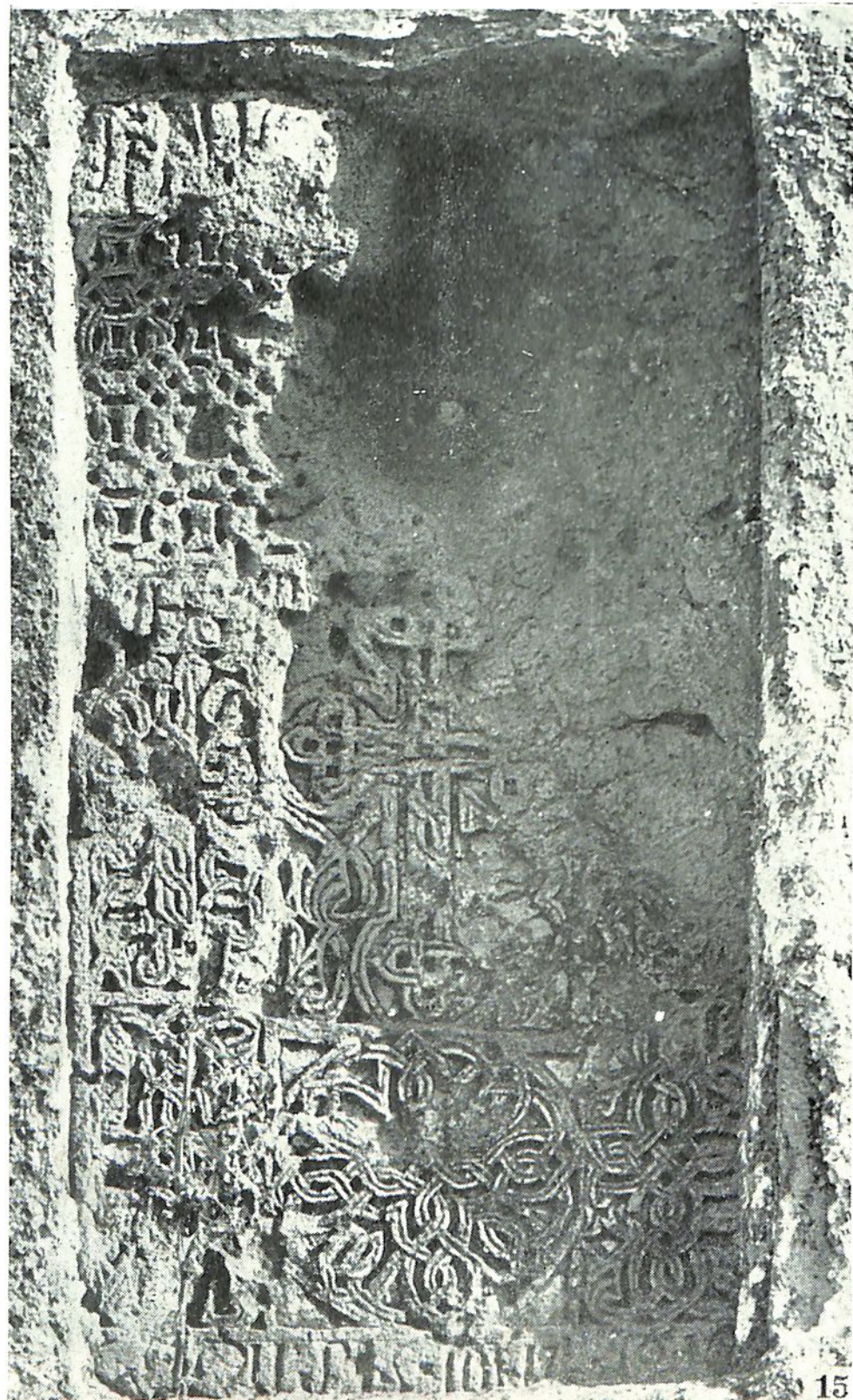

Таблица XII

Таблица XII

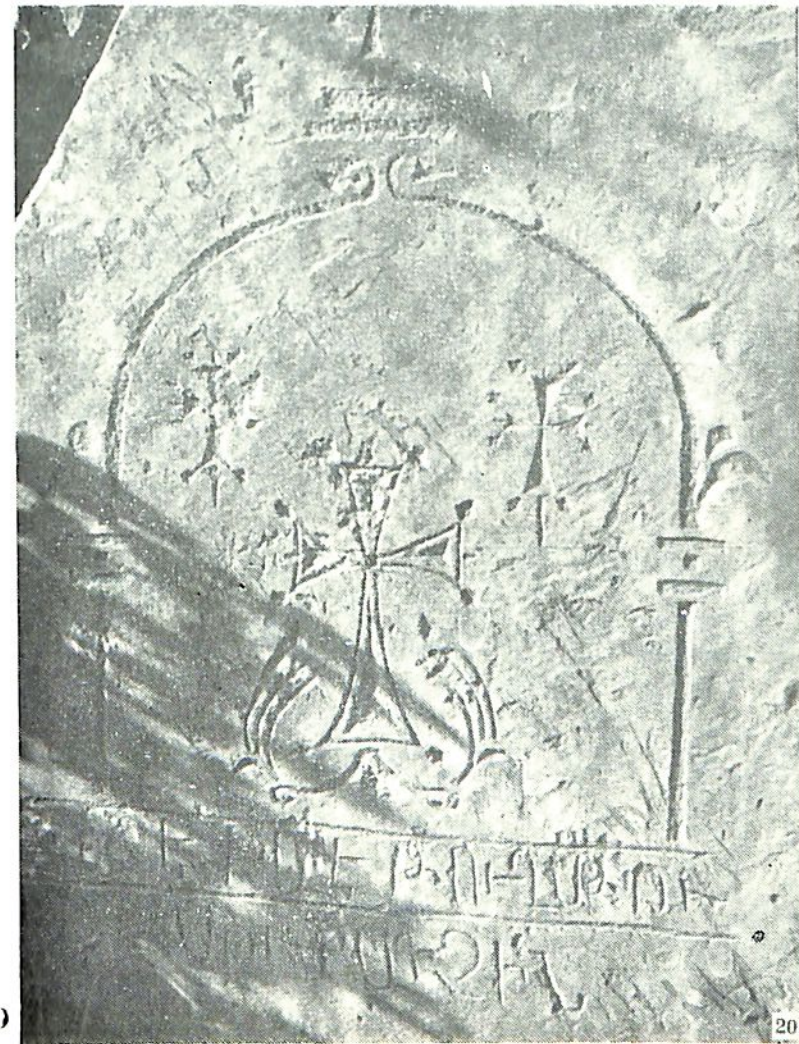

Таблица XIII

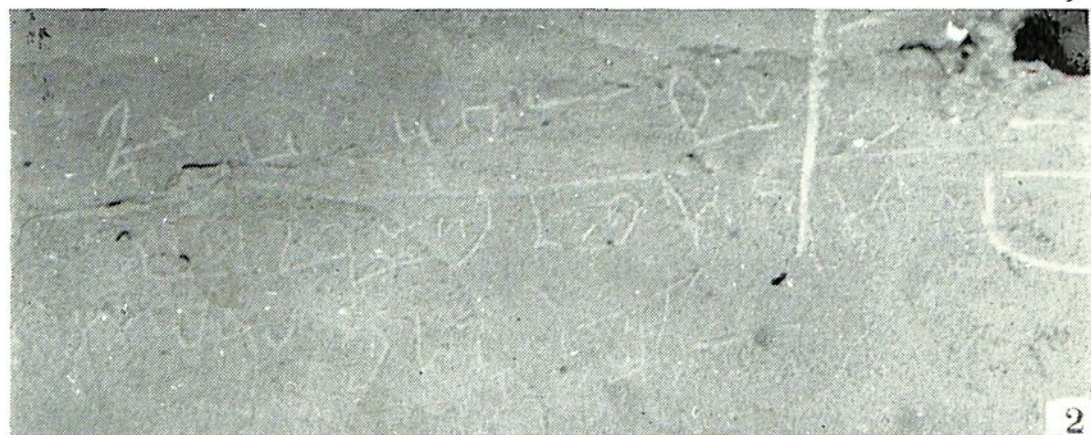
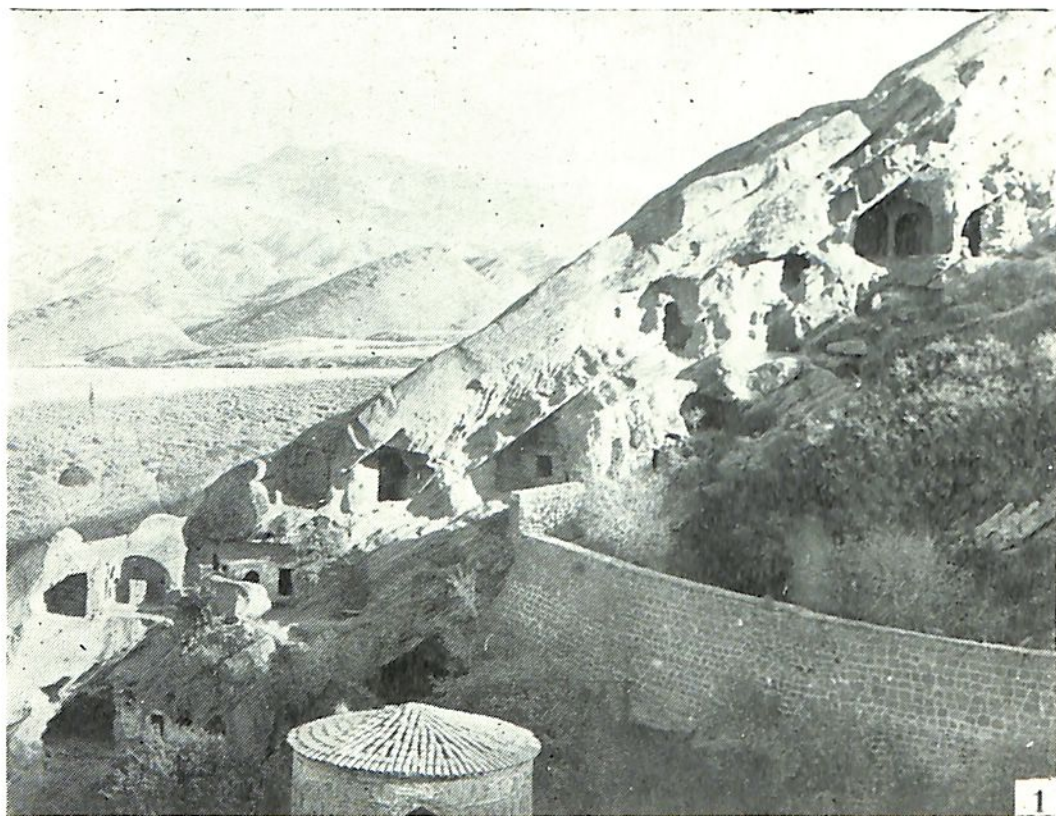

Таблица XIII

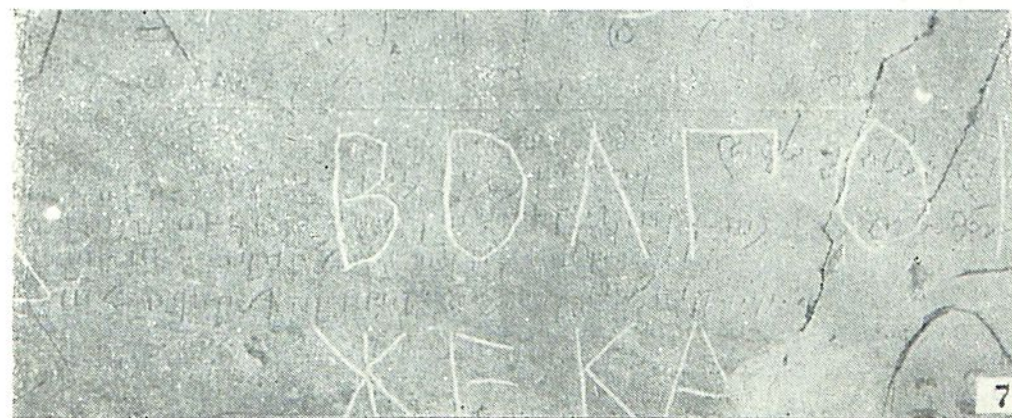
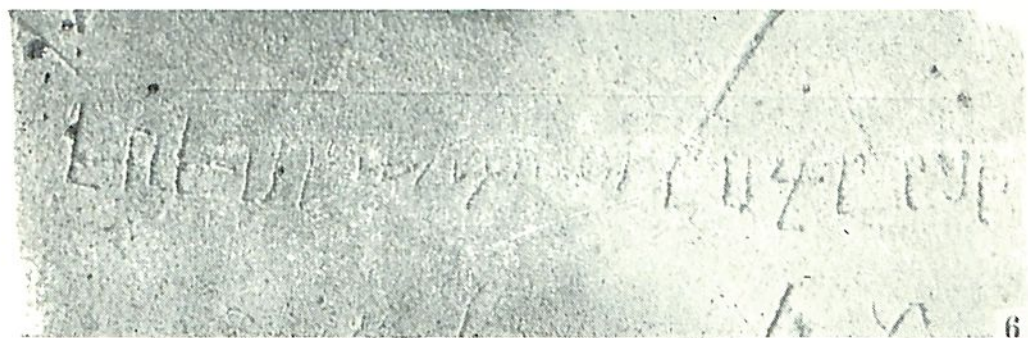
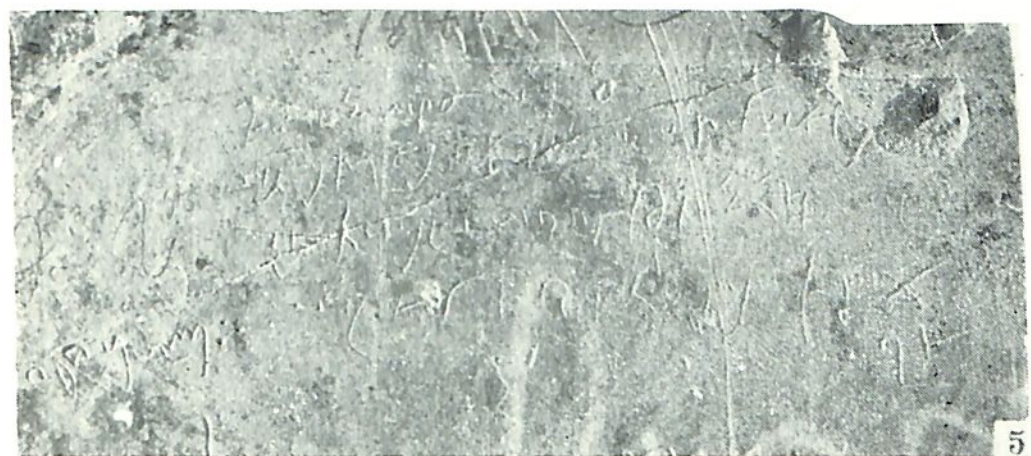
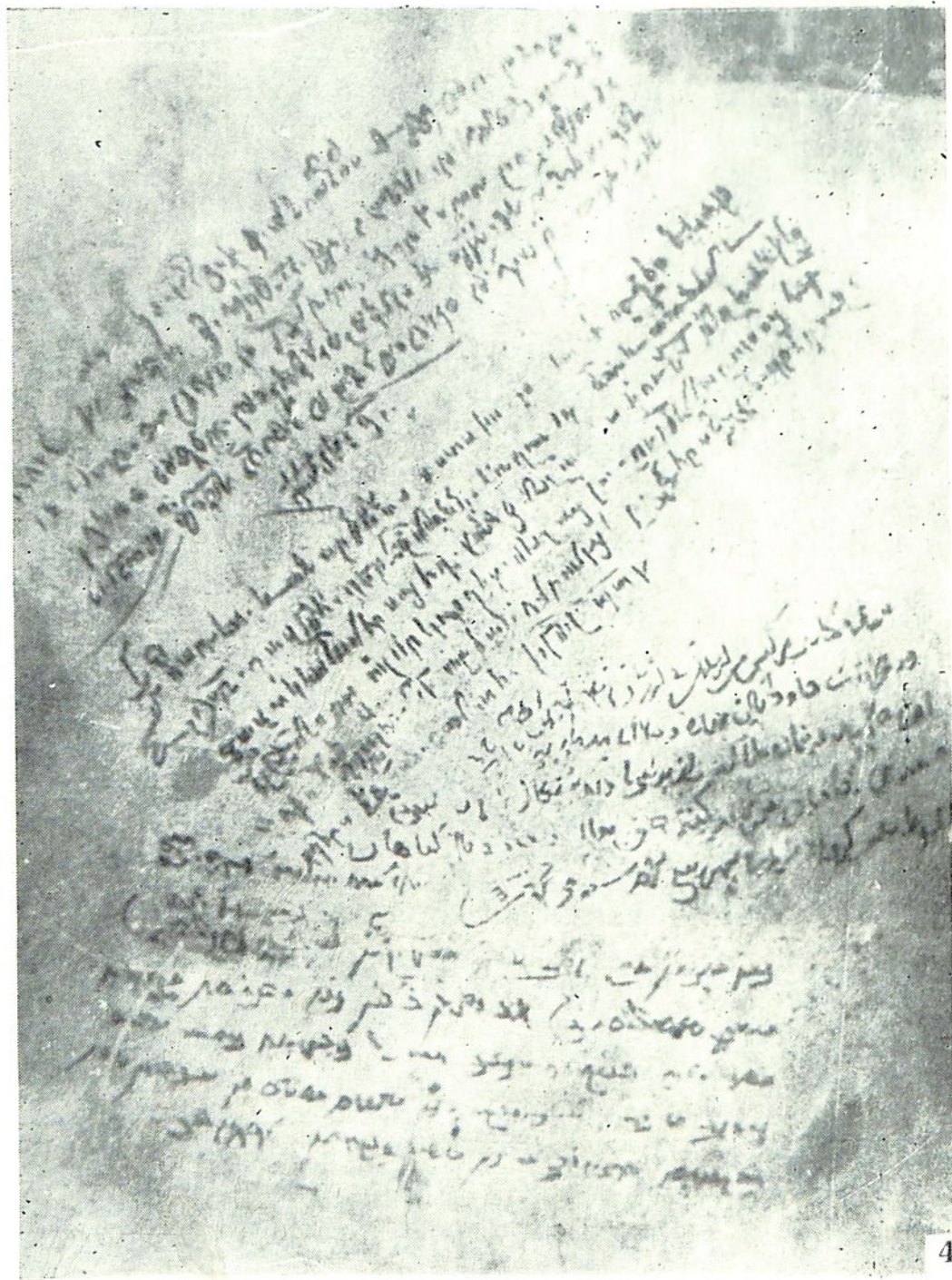

Таблица XIII

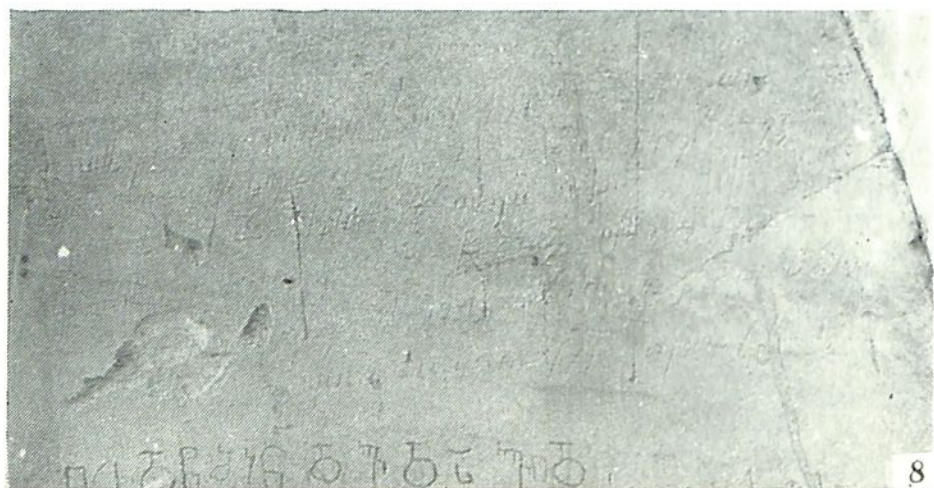
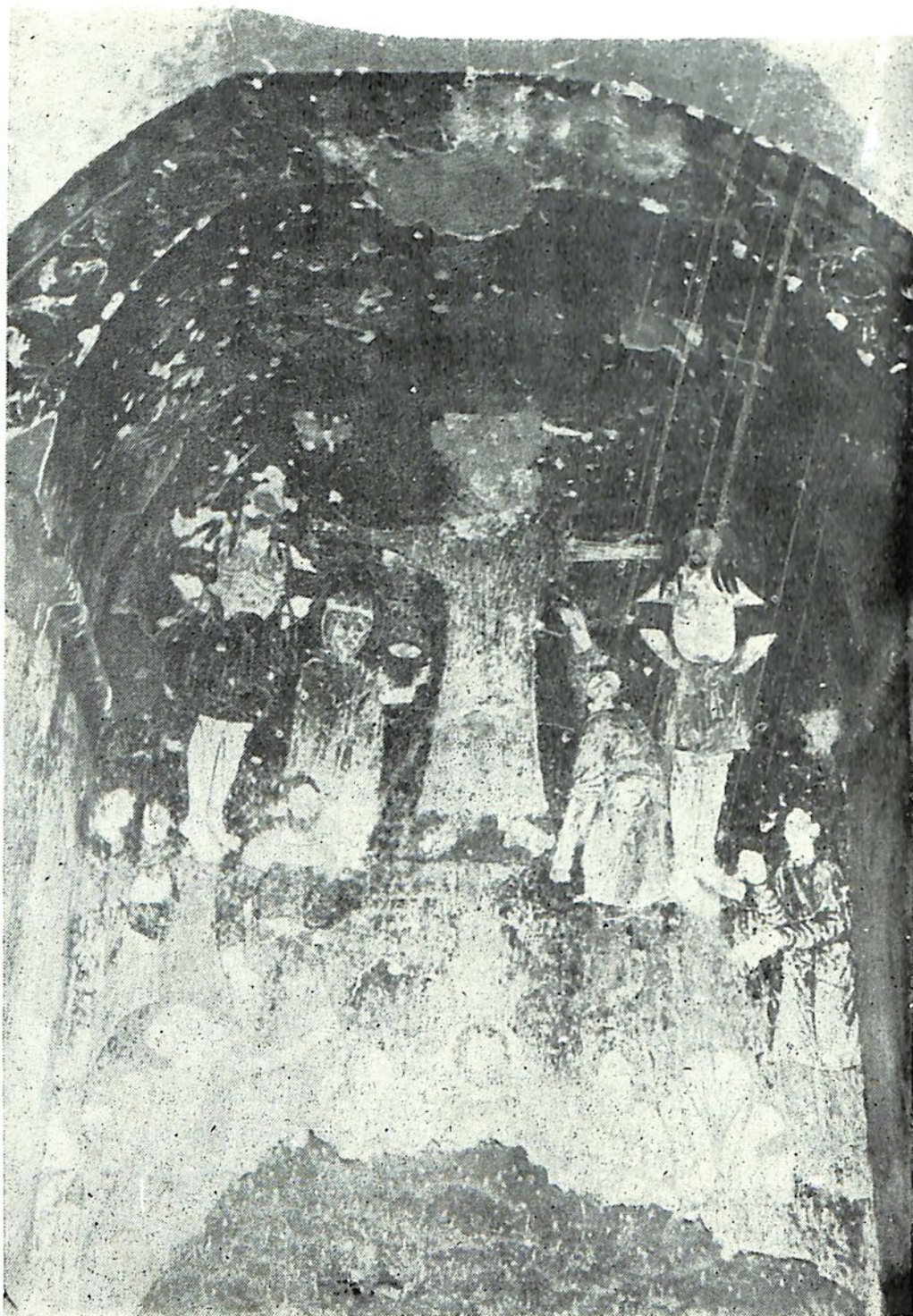

Таблица XIII

Таблица XIV

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Мцхета</i>	14
<i>Мухрани</i>	43
<i>Қанда</i>	50
<i>Кавтисхеви</i>	56
<i>Уплисцихе</i>	63
<i>Квахурели</i>	71
<i>Гори</i>	79
<i>Гориджвари</i>	91
<i>Атени</i>	93
<i>Вака</i>	113
<i>Набахтеви</i>	119
<i>Али</i>	122
<i>Дирби</i>	127
<i>Цхинвали</i>	132
<i>Ахалгори</i>	136
<i>Ананури</i>	144
<i>Греми</i>	153
<i>Гареджа</i>	171
<i>Библиография</i>	199
<i>Указатели</i>	215
<i>Таблицы</i>	228

МУРАДЯН ПАРУИР МАМБРЕЕВИЧ
 АРМЯНСКАЯ ЭПИГРАФИКА ГРУЗИИ
 КАРТЛИ И КАХЕТИ

Редактор издательства И. Г. АПКАРЯН
 Художник Л. А. САДОЯН
 Худ. редактор Г. Н. ГОРЦАКАЛЯН
 Тех. редактор Л. К. АРУТЮНЯН
 Корректор Л. С. АЗАТЯН

ИБ № 880

Сдано в набор 10.05.1984 г. Подписано к печати 13.12.1984 г.
 ВФ 09720. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага № 1. Шрифт «лат.», высок. печать.
 Печ. л. 14,25+3,25 вкл. Усл.-печ. л. 21,15. Учетно-изд. л. 21,75.
 Тираж 1500. Зак. № 400. Изд. № 6159. Цена 3 р. 85 коп.
 Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24 г.
 Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
21	13 св.	в память рода".	в память душам рода".
28	15 сн.	ᄁրաւ	ᄁրաւ
40	2 сн.	սեղսէ սիոնսւե	սեղսէ բւշ. սիոնսւե
41	12 св.	სამხობა	სამხანობა
43	4 св.	"Обращения Карти"	"Обращения Картли"
48	15 св.		Табл. II,4
	25 св.		Табл. II,5
55	20 сн.	"всадники хондкора"	"всадники хондкара"
	9 сн.	епархальных	епархиальных
66	4 св.	Меликседек	Мелкиседек
68	11 св.	წაბიკოვთა მოსახსენებლად	წაბიკოვთა მოსახსენებლად
71	4 сн.	II4	I4
127	13 сн.	(=I456)...	(=I446)...
141	15 сн.	скрапторий	скрипторий
180	3 сн.	IVION	IAION
181	12 сн.	завесв	завес в
183	22 св.	Рэдэон	Гэдэон
185	18 св.	сын Аслана	Саргис, сын Аслана
	19 св.	Абу-Саид	Амир-Саид
189	13 сн.	գլխաւի	գլխաւի
193	10 св.	(№6)	(№ 3,7)
204	15 св.	Арутюнян В.Н.	Арутюнян Н.В.
207	19 сн.	„Սիրն“, 1936, նո. 8, էջ 300—304	„Սիրն“, 1936, նո. 10, էջ 300—304
		Таблица IV, 3, 4	Таблица III, 3, 4
		Таблица XIII, 16	Таблица XII, 16
		Таблица XII, 3—3	Таблица XIII, 3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
66	4 св.	Меликседек	Мелкиседек
180	3 сн.	IVION	IAION
181	12 сн.	завесв	завес в
207	19 сн.	«Սիրն», 1936, № 8, էջ 300—304	«Սիրն», 1936, № 10, էջ 300—304.
		Таблица IV, 3, 4	Таблица III, 3, 4
		Таблица XIII, 16	Таблица XII, 16
		Таблица XII, 3—3	Таблица XIII, 3

П. М. Мурадян, Армянская эпиграфика Грузии, Ереван, 1985.